

К 89 884

ХРОНИКА

ВОСКРЕСНЫХЪ ШКОЛЪ.

Составлена М. И. Салтыковой.

подъ редакцией

Х. Д. Алчевск'ой.

[Изъ журнала „РУССКАЯ ШКОЛА“ за 1897 и 1898 гг.].

36/4

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Валовая улица, свой домъ.
Москва.—1900 г.

ХРОНИКА ВОСКРЕСНЫХЪ ШКОЛЬ.

Составлена М. Н. Салтыковой.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Х. Д. Алчевской.

(Изъ журнала „Русская Школа“ за 1897 и 1898 гг.).

Типографія Товарищества И. Д. Сытина, Валовая ул., свой д.
МОСКВА.—1900.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1896 году во время 2-го Съѣзда дѣятелей по техническому и профессиональному образованію въ Москвѣ участники воскресныхъ школъ имѣли возможность сообща обсудить нѣкоторые неотложные вопросы, касающіеся школъ для взрослыхъ. При этомъ, между прочимъ, былъ возбужденъ вопросъ о необходимости изданія журнала, посвященнаго разработкѣ вопросовъ, касающихся воскресной школы, или, по крайней мѣрѣ, ежегодника, предназначеннаго для той же цѣли. И то, и другое предложеніе вызвали общее сочувствіе, хотя мы лично, — участники харьковской частной женской воскресной школы, остались отчасти при отдѣльномъ мнѣніи. Намъ казалось, что дѣло воскресныхъ школъ еще слишкомъ молодо и недостаточно созрѣло и развилось, чтобы имѣть свой самостоятельный органъ печати. Для ежегодника же оно слишкомъ подвижно, слишкомъ жизненно, если можно такъ выразиться, чтобы свѣдѣнія о немъ могли оставаться въ портфель и появляться на свѣтъ Божій одинъ разъ въ годъ. Въ виду всего этого мы остановились на „Хроникѣ воскресныхъ школъ“, печатающейся каждый мѣсяцъ. Такая форма казалась намъ тѣмъ болѣе удобна, что харьковская частная женская воскресная школа ведетъ издавна обширную переписку какъ съ возникающими вновь школами, такъ и со многими изъ существующихъ, которыя привыкли дѣлиться съ нею своими радостями и печалями, своими успѣхами и неудачами. Въ намѣреніи осуществить нашъ планъ мы не встрѣтили затрудненій, такъ какъ уважаемый редакторъ журнала „Русская Школа“ Я. Г. Гуревичъ съ большимъ сочувствіемъ откликнулся на наше предложеніе и съ полной готовностью отвелъ для „Хроники воскресныхъ школъ“ мѣсто на страницахъ своего журнала.

Однако, мы находимъ, что публикація данныхъ, касающихся воскресныхъ школъ, въ ежемѣсячномъ изданіи еще не вполне удовлетворяетъ цѣли, какую мы имѣли въ виду, приступая къ составленію „Хроники“. Собирающійся въ теченіе года матеріалъ, помимо своего временнаго, текущаго интереса, имѣетъ и болѣе постоянное значеніе, давая возможность судить о ростѣ дѣла воскресныхъ школъ за извѣстный періодъ времени. Вотъ почему намъ казалось небезполезнымъ выпустить собранные въ хроникѣ матеріалы и въ видѣ отдѣльной книги, въ которой можно было-бы съ удобствомъ находить свѣдѣнія о жизни воскресныхъ школъ, безъ необходимости просмотра ряда книжекъ журнала.

Книга эта, если хотите, представляетъ собою не болѣе, какъ сырой матеріалъ. Въ ней нѣтъ ни широкихъ обобщеній, ни строгаго подведенія итоговъ, она подвижна, какъ самая жизнь. Но если вы

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 марта 1899 года.

интересуетесь вопросами народного образования и хотите ознакомиться съ ними не по теоретическимъ кабинетнымъ изслѣдованіямъ, а непосредственно по школьнымъ дневникамъ и записямъ работающих въ школахъ, вы найдете въ „Хроникѣ воскресныхъ школъ“ годичные отчеты не съ одними сухими цифрами, а съ яркими картинками внутренней жизни школы; вы заглянете въ закулисную жизнь мрачной тюрьмы, освѣщенную и согрѣтую христіанской любовью; вы перенесетесь мысленно на незатѣйливую сцену доморощенного театра, созданную самими учениками, и прослѣдите за впечатлѣніями взрослыхъ ученицъ, вынесенными изъ театра большого города, при видѣ великихъ твореній нашихъ лучшихъ драматурговъ въ исполненіи талантливыхъ артистовъ; вы заглянете въ забытый Богомъ и людьми уголокъ отдаленной деревушки, согрѣтый идейнымъ человѣкомъ и его страстнымъ желаніемъ подѣлиться съ ближнимъ своими знаніями; вы почувствуете, сколько труда положено на составленіе программъ, приспособленныхъ къ пониманію и развитію малограмотнаго простолюдина; вы прослѣдите, какъ тщательно вырабатывались приемы статистики для воскресныхъ школъ, и, наконецъ, вы можете наблюдать, какъ шагъ за шагомъ развивалось и крѣпло дѣло воскресныхъ школъ, исподоволь завоевывая довѣріе и симпатіи общества. Въ книгѣ этой нѣтъ громкихъ именъ, но зато здѣсь читатель встрѣтитъ имена людей, которые дороги тѣмъ, кто встрѣчаетъ ихъ на своемъ жизненномъ пути, дороги той срекѣ, въ которую они вносятъ лучи свѣта.

Какова же именно эта среда и каковы отношенія ея къ школѣ?

Учащіеся воскресныхъ школъ, въ большинствѣ случаевъ принадлежатъ къ рабочему населенію, взрослому и малолѣтнему, сообщаютъ школѣ серьезный характеръ: въ воскресной школѣ васъ охватываетъ атмосфера серьезнаго труда; работа здѣсь идетъ напряженно и сосредоточенно; вы чувствуете, что здѣсь дорога каждая минута: вѣдь въ воскресной школѣ люди сходятся одинъ разъ въ недѣлю всего лишь на нѣсколько часовъ, и часы эти оторваны отъ отдыха, столь необходимаго послѣ тяжелой трудовой недѣли; какъ же нужно дорожить ими, какъ важно не потерять ни минуты изъ этого драгоценнаго времени! И вы видите въ воскресной школѣ неослабѣвающее, напряженное вниманіе въ занятіяхъ, не отвлекаемое ни шумомъ сосѣднихъ учащихся, ни духотой и тѣснотой помѣщенія. Да, это школа серьезная, и каждый, вступающій въ нее, будь то ученикъ или преподающій, проникается этимъ сознаніемъ, входитъ въ строй, подчиняясь, а не нарушая его. Тотъ же, кто зайдетъ сюда по ошибкѣ, кто не сумѣетъ отозваться на требованія такой школы, кто окажется ниже ея, тотъ скоро отпадаетъ отъ нея, такъ какъ никакія постороннія соображенія не держатъ его здѣсь.

Но сильно ошибся бы тотъ, кто подумалъ бы, что воскресная школа, въ силу своей серьезности, носитъ на себѣ отпечатокъ суровости: едва ли найдется другая школа, гдѣ было бы столько теплоты и сердечности между учащимися и учителями, столько близости и простоты, гдѣ бы такъ умалчалась та преграда, которая стоитъ между разными классами общества. Иначе, думается, и не могло бы быть: вѣдь въ воскресную школу приносятся съ обѣихъ сторонъ лучшія человѣческія побужденія; все эгоистическое, узко практическое,

злое остается позади, и по поволѣ создается чистая атмосфера добра и простоты, въ которой легко и свободно дышится всякому, способному понять и оцѣнить ее.

Въ заключеніе мы не можемъ отказать себѣ въ желаніи привести выдержку изъ дневника одного изъ скромныхъ участниковъ воскресныхъ школъ, съ которой мы вполне солидарны:

„Въ отношеніи развитія дѣла воскресныхъ школъ мы переживаемъ переходный моментъ, когда идею учрежденій такого характера приходится осуществлять въ жизни съ нѣкоторымъ усиленіемъ, беречь эту идею и пропагандировать ее. Всякая воскресная школа пока является пионеромъ въ своей области и во многомъ должна носить, такъ сказать, демонстративный характеръ; она должна постоянно шевелить общественное вниманіе, пробуждая сочувствіе къ себѣ. Между воскресными школами и образованнымъ обществомъ должна существовать самая тѣсная связь; лишь въ этомъ гарантія полной успѣшности ихъ.“

Отнынѣ развитіе и распространеніе воскресныхъ школъ будетъ зависѣть въ значительной степени отъ энергіи тѣхъ лицъ, которые работаютъ въ нихъ. Отсюда—обязанности воскресныхъ школъ. Если мы, работники воскресныхъ школъ, не сумѣемъ сообщить правильнаго направленія своему дѣлу и не успѣемъ привлечь симпатій населенія, то открытіе школъ въ другихъ пунктахъ затормозится, и цѣлесообразность самаго дѣла подвергнется сомнѣнію.

Общественное значеніе воскресныхъ школъ не исчерпывается той пользой, которую онѣ приносятъ дѣлу народного образованія. Воскресная школа представляетъ арену для безкорыстной дѣятельности образованныхъ классовъ и служитъ средствомъ къ возбужденію въ обществѣ болѣе человѣческихъ чувствъ. Она даетъ толчокъ хоть какому-нибудь движенію въ нашей сонливой общественной жизни, хотя какой-нибудь поводъ для интеллигентнаго единенія, то-есть такъ или иначе способствуетъ возвышенію моральнаго облика культурнаго общества. Далѣе, воскресная школа даетъ преподавательскому персоналу толчокъ къ самообразованію и вызываетъ интересъ къ педагогической наукѣ. Для общества не безразлично, какая сумма педагогическихъ понятій обращается въ немъ, потому что почти всякому приходится встрѣчаться съ вопросами воспитанія въ семейной сферѣ. Родители, учащіе въ воскресныхъ школахъ, навѣрное, поведутъ разумнѣе воспитаніе собственныхъ дѣтей.

Человѣкъ не можетъ жить и удовлетворяться однимъ изсушающимъ трудомъ или работой на основѣ одного отвлеченнаго долга. Ему нужно какое-нибудь живое удовлетвореніе, поддерживающее энергію и смягчающее жизненные невзгоды“.

Мы будемъ счастливы, если и наша „Хроника“ окажетъ хотя бы самое скромное содѣйствіе достиженію той постановки воскресныхъ школъ и установленію того значенія этого народно-просвѣтительнаго учрежденія, о которыхъ говоритъ авторъ цитированнаго отрывка.

Х. Алчевская.

Женская воскресная школа въ Троицкосавскѣ (Забайкальской области) ¹⁾.

Отсутствіе въ Троицкосавскѣ какой-либо начальной школы для дѣвочекъ навело на мысль устроить тамъ частными силами и средствами женскую воскресную школу, чтобы хотя отчасти пополнить этотъ пробѣлъ. Женская школа для Троицкосавска была насущной потребностью, такъ какъ разница въ численномъ отношеніи между мужскими и женскими начальными школами тамъ очень велика. Для мальчиковъ имѣются два городскихъ приходскихъ училища, ремесленное училище и городское. Въ этихъ четырехъ училищахъ мѣстные жители имѣютъ полную возможность обучать своихъ сыновей, въ большинствѣ случаевъ, бесплатно. Что же имѣется для ихъ дочерей, для сестеръ и будущихъ подругъ этихъ мальчиковъ? Одинъ Николаевскій сиротскій пріютъ, который, какъ и гласитъ само названіе, предназначенъ преимущественно для сиротъ и куда, вслѣдствіе небольшого числа вакансій, попасть очень трудно. О женской гимназій упоминать не приходится, какъ о среднемъ учебномъ заведеніи, отвѣчающемъ требованіямъ средняго сословія, болѣе зажиточнаго. Правда, необходимость и желаніе научить грамотѣ своихъ дочерей заставляетъ часто и недостаточныхъ людей помѣщать своихъ дѣвочекъ въ низшіе классы гимназій, въ которыхъ поэтому замѣчается наибольшій наплывъ учащихся.

Еще въ февралѣ 1895 года въ Троицкосавскѣ собралось нѣсколько человѣкъ, желавшихъ притти на помощь своимъ трудомъ воскресной школѣ, если таковая откроется. Это были люди, занятые всю недѣлю уроками въ мѣстной женской гимназій и реальномъ училищѣ. Въ виду приближавшихся каникулъ, хлопоты о школѣ были отложены до осени, и только черезъ 8—9 мѣсяцевъ, въ первой половинѣ октября 1895 года, А. М. Якуцевичъ, женой товарища прокурора, было подано прошеніе въ городскую управу съ предложеніемъ самой управѣ ходатайствовать объ открытіи въ городѣ женской воскресной школы; но городская управа отказалась

¹⁾ Составлено по матеріаламъ, доставленнымъ завѣдующею школой А. М. Якуцевичъ.

хлопотать о школѣ, выразивъ однако сочувствіе новому дѣлу и предоставивъ для него помѣщеніе приходского училища. Тогда прошеніе объ открытіи воскресной школы было послано тѣмъ же лицомъ въ Читѣ, директору народныхъ училищъ; кромѣ подательницы прошенія, подъ нимъ подписались учитель и законоучитель того приходского училища, при которомъ должна была открыться школа. При прошеніи было приложено заявленіе лицъ, готовыхъ заниматься въ школѣ. 11-го ноября пришло разрѣшеніе открыть желанную школу. Въ тотъ же день радостная вѣсть облетѣла всѣхъ участниковъ: и въ этомъ далекомъ уголкѣ Россіи есть люди, относящіеся съ любовью и живымъ интересомъ къ вопросамъ народного образованія. Первыми откликнулись на дѣло воскресной школы начальница и учительница женской гимназіи, занятая ежедневной работой и все-же готовая отдавать часы своего отдыха воскресной школѣ. „Я рада, — говорила одна изъ первыхъ участницъ школы, — что и здѣсь будетъ воскресная школа. Я такъ привыкла каждое воскресенье бывать въ школѣ, что безъ нея мнѣ просто чего-то недоставало“. Это слова человѣка, безъ устали проработавшаго слишкомъ 15 лѣтъ на педагогическомъ поприщѣ и до сихъ поръ занятая всю недѣлю прежнимъ трудомъ!

Работа закипѣла: участники стали собираться для чтенія матеріаловъ по воскреснымъ школамъ, чтобы ознакомиться съ организаціей ихъ, собирали пожертвованія, привлекали къ новому дѣлу лицъ, болѣе обеспеченныхъ и временемъ, и средствами, какъ напр., дочерей троицкосавскаго и кяхтинскаго купечества, изъ которыхъ многія отозвались сочувственно и приняли участіе въ школѣ; выписали изъ Иркутска самыя необходимыя книги и учебныя пособія. Приходилось выписывать даже бумагу, грифельныя доски — все до мелочи, такъ какъ книжнаго и писчебумажнаго магазина въ Троицкосавскѣ нѣтъ, если не считать маленькой лавочки, которая устроена специально для нуждъ мѣстныхъ училищъ и въ которой поэтому часто не бываетъ даже лишннихъ тетрадей и самыхъ необходимыхъ вещей.

Еще до расклейки по городу печатныхъ объявленій о школѣ, въ первые же десять дней по разрѣшеніи ея записалось 35 ученицъ, узнавшихъ о школѣ по слухамъ; въ слѣдующую недѣлю къ нимъ прибавилось еще 65. 80% всѣхъ записавшихся были безграмотны. Думая, что, пока мѣстное населеніе не привыкнетъ къ школѣ, взрослыхъ ученицъ будетъ мало, участники рѣшили принимать малолѣтнихъ даже съ семилѣтняго возраста. Сначала стали записываться малолѣтнія, — онѣ-то и разнесли по городу вѣсть о томъ, что въ школу можно идти и дѣвушкамъ и замужнимъ. Непривычка

начинать ученіе въ такіе годы сначала сильно конфузила взрослыхъ, и онѣ съ робостью шли записываться въ неслыханную школу. Приходилось объяснять имъ, что взрослыхъ отдѣляютъ отъ малолѣтнихъ, и что гораздо стыднѣе — не идти учиться и быть всю жизнь въ зависимости отъ грамотнаго человѣка. Нѣкоторыхъ ученицъ удерживали отъ поступленія въ школу тѣ нелѣпыя слухи, которые стали ходить по городу о школѣ; они беспокоили родителей и уже записавшихся ученицъ. Приходить, напр., одна старушка на квартиру къ завѣдующей школой и спрашиваетъ, боясь за участь своей 15-лѣтней внучки: правда ли, что здѣсь набираютъ въ сестры милосердія для войны и будутъ отправлять въ Иркутскъ въ ученіе? Ихъ дѣвочка полоскала на рѣчкѣ и слышала, что бабы объ этомъ толкуютъ. Или: приводить мужикъ свою четырехлѣтнюю племянницу, круглую сироту, и говорить: „А я слышала, здѣсь принимаютъ на полное иждивеніе маленькихъ дѣтей!“ Служанка, нанятая для школы, мѣстная жительница, передавала мѣстные, ходившее среди мѣщанъ и приказчиковъ: „Какъ это учиться будутъ въ праздникъ; даромъ все выдавать для ученія... Однако, все это напрасно — ничего изъ этого не выйдетъ!“ Мѣстное интеллигентное общество также, въ большинствѣ случаевъ, относилось къ школѣ несочувственно, пропихивая на всѣ лады, предрекая, что ученицы скоро всѣ разбѣгутся, такъ какъ пришли изъ пустого любопытства, и т. п.

31-го декабря 1895 года, въ 12 часовъ дня было назначено открытіе воскресной школы въ старомъ зданіи приходского училища, существующаго здѣсь около 40 лѣтъ. Пестрая почти двухсотенная толпа оживила тѣсныя и мрачныя комнаты училища: дѣти, дѣвушки и женщины, съ ихъ оживленными, полными любопытства и ожиданія лицами, представляли яркую картину. Многія малолѣтнія ученицы явились съ своими родителями, а нѣкоторыя изъ нихъ, очевидно, замѣняя дома нянекъ и не имѣя, на кого оставить своихъ крошечныхъ сестеръ, привели сюда за руку 3—4-лѣтнихъ дѣтей. Пришли такія малютки, что странно было видѣть, какую лѣстницу представляла вся эта толпа. Казалось, въ этихъ полулѣтнихъ стѣнахъ зарождалась новая жизнь для тѣхъ обездоленныхъ и лишенныхъ права на образованіе, которые молчаливо переносили свою участь десятки лѣтъ. На открытіи присутствовали всѣ завѣдующіе учебными заведеніями въ городѣ, затѣмъ городской голова, старшины кяхтинскаго купечества, мѣщанскій староста, участники школы и люди, сочувствующіе этому дѣлу. Послѣ молебна законоучитель открываемой школы сказалъ рѣчь о развитіи народныхъ школъ въ Россіи и, кратко очертивъ разницу воскресной школы отъ ежедневной, пожелалъ успѣха новому дѣлу. Послѣ этого были прочитаны отзывы

епископа забайкальского и нерчинского и военного губернатора Забайкальской области, въ которыхъ они благодарили участниковъ двухъ воскресныхъ школъ, впервые возникшихъ въ Забайкальѣ (другая въ г. Читѣ), и желали имъ успѣха; а завѣдующая школою искренно поблагодарила всѣхъ, кто откликнулся своими силами и средствами на новое дѣло.

Ко дню открытія въ школѣ было 175 ученицъ. Цифра эта для города съ населеніемъ въ 4.020 человекъ не малая, она краснорѣчиво показала, что школа шла навстрѣчу нуждамъ и запросамъ мѣстнаго населенія. За недостаткомъ помѣщенія и педагогическихъ силъ, пришлось отказать всѣмъ въ возрастѣ отъ 7 до 10 лѣтъ, въ количествѣ 55 человекъ¹⁾.

Тяжело было до крайности отказывать имъ въ томъ, за чѣмъ онѣ пришли сюда, видѣть ихъ недоумѣвающихъ, опечаленныхъ лица; многихъ приходилось успокаивать обѣщаніемъ принять ихъ съ будущаго года. Это была правдивая картина, выхваченная изъ самой жизни, безъ прикрасъ, свидѣтельствующая о томъ, какъ назрѣлъ вопросъ народнаго образованія. Это были поистинѣ алчущія и жаждущія свѣта, который онѣ надѣялись увидѣть въ воскресной школѣ. Въ первое же учебное воскресенье въ школу пришла одна дѣвочка, лѣтъ 8—9-ти, изъ тѣхъ, которымъ было отказано въ день открытія; она перемѣнила свою фамилію, прибавила года и ни за что не хотѣла уходить изъ школы, — такъ велико было ея желаніе учиться. Въ общемъ число желающихъ поступить въ школу было гораздо болѣе 175: каждую недѣлю или приходили на квартиру завѣдующей, или по воскресеньямъ въ школу безграмотныя дѣвочки съ просьбой принять ихъ, но недостатокъ преподающихъ постоянно заставлялъ отказывать въ приѣмѣ всѣмъ ученицамъ моложе 15 лѣтъ. „Спустя 3—4 воскресенья послѣ открытія школы, — рассказываетъ завѣдующая, — приходитъ ко мнѣ на квартиру дѣвочка лѣтъ 15-ти и усиленно проситъ принять ее въ школу. Видя у нея въ рукахъ корзину съ вѣсами и колбасой, я спросила ее, чѣмъ она занимается и гдѣ живетъ. „Мы живемъ на подорогѣ къ Кяхтѣ, на мельницѣ, — отвѣтила дѣвочка. — Отецъ дѣлаетъ колбасу, а я хожу по городу и продаю; ну, а какъ буду учиться въ школѣ, то ужъ въ воскресенье некому будетъ ходить, такъ я буду стараться за это побольше продать за недѣлю. Отецъ позволилъ; онъ меня и подучилъ мало-мало (сибирское выраженіе) грамотѣ, — самъ-то онъ росейскій, гра-

¹⁾ Оставшіяся 120 ученицъ по возрасту раздѣлялись такъ: 10 и 11 лѣтъ 42 ученицы, 12, 13 и 14 лѣтъ—35, отъ 15 до 32 лѣтъ—43; по занятію: 58 занимающихся домашнимъ хозяйствомъ, 19 ремесленницъ, 16 служанокъ, 3 чернорабочихъ, 24 малолѣтнихъ безъ занятій.

мотный“. Конечно, пришлось принять ее въ группу безграмотныхъ подростковъ и переучивать, такъ какъ ученіе отца оказалось очень стариннымъ. Теперь она одна изъ самыхъ успѣвающихъ ученицъ. Взрослымъ казалось вообще невозможнымъ отказывать; втеченіе 13 воскресеній въ мою группу взрослыхъ безграмотныхъ поступило 10 взрослыхъ ученицъ, но за два воскресенья до окончанія занятій пришлось принять и одну 12-лѣтнюю дѣвочку, вслѣдствіе ея крайняго желанія учиться. Она долго бѣжала за мною, когда я разъ шла въ школу, и, остановивъ меня на базарѣ, начала проситься въ школу. „Я умѣю читать, — говорила она: — учительша у себя на квартирѣ учила, да больше платить стало нечѣмъ, и дома надо было нянчить сестру“. За 6 воскресеній до окончанія занятій была принята некрещеная замужняя бурятка 23-хъ лѣтъ; она кое-какъ умѣла читать по буквослагательному способу, а писать совѣмъ не умѣла; къ концу года она писала подъ диктовку двухсложныя слова, знала всѣ строчныя и заглавныя буквы. Послѣ этой бурятки была еще принята взрослая дѣвушка, которая за 5 воскресеній въ школѣ сдѣлала большіе успѣхи. Въ виду постоянного пріема въ группу взрослыхъ безграмотныхъ устроены были для этой группы добавочныя занятія по четвергамъ, при чемъ сильно желавшимъ научиться я предлагала еще заниматься у себя на дому“.

Первое время занятія затруднялись недостаточнымъ количествомъ выписанныхъ букварей, разнѣзныхъ азбукъ, первоначальныхъ книгъ для чтенія и т. д.; никто не ожидалъ такого числа ученицъ, явившихся сразу на призывъ школы. Вообще, вначалѣ приходилось мириться и съ другими неудобствами, напримѣръ, некуда было сложить имущество школы, такъ какъ не имѣлось собственнаго шкапа. Нѣсколько воскресеній подрядъ завѣдующая возила въ городское училище „всю свою школу“ въ узлѣ и увозила ее обратно домой. „Хорошая картина, — говорили шутники: — ѣдетъ барыня, везетъ съ собою всю школу и служанку, а мужъ остается дома нянчить дѣтей!“ Такія ироническія замѣчанія не разъ приходилось слышать участникамъ школы, впрочемъ, въ первое только время. Наплывъ ученицъ въ школу скоро заставлялъ замолчать многихъ нерасположенныхъ къ ней. Изъ отрадныхъ фактовъ слѣдуетъ отмѣтить сочувствіе къ школѣ одного кяхтинскаго купца, который еще до открытія школы пожертвовалъ на нее 100 руб., а затѣмъ согласился быть ея попечителемъ съ ежегоднымъ пожертвованіемъ на ея нужды 200 руб.; 50 руб. ежегодно было обѣщано еще одной мѣстной благотворительницей, и, такимъ образомъ, школа была частью обезпечена. Недостающія средства могутъ пополняться если не устройствомъ концертовъ, спектаклей или лекцій, то прямо сборомъ у мѣстнаго кяхтинскаго

кушечества, которое вообще очень отзывчиво на полезное и доброе дело. Въ этомъ убѣдило устройство школьнаго праздника на Пасхѣ, привлечшее достаточное количество пожертвованій въ различныхъ видахъ; нѣкоторые лица специально прѣхали изъ Кяхты, чтобы помочь устройству праздника. Программа праздника состояла, главнымъ образомъ, изъ чтенія съ волшебнымъ фонаремъ; прочитаны были: „Пѣсня про купца Калашникова“ и стихотворенія Некрасова: „Генералъ Топтыгинъ“, „Власъ“, „Дядюшка Яковъ“, „Мужичокъ съ погонокъ“, „Мазай и зайцы“; два изъ этихъ стихотвореній были прочитаны ученицами воскресной школы. Въ антрактѣ ученицы угостили чаемъ и роздали конфеты, завязанные въ большіе ситцевые платки на память о первомъ школьномъ праздникѣ. „Праздникъ достигъ цѣли, — пишетъ завѣдующая школою: — лица всѣхъ ученицъ, начиная отъ 10-лѣтней дѣвочки и кончая 30-лѣтней женщиной, были оживлены; радостное настроеніе не покидало ученицъ втеченіе всего праздника; уходя, всѣ онѣ съ одинаковой искренностью благодарили учительницъ“.

„Школа въ 1895—1896 году просуществовала только 16 воскресеній, — говоритъ завѣдующая въ заключеніе своего отчета. — Странно было бы говорить о томъ, что она привилась, окрѣпла, заслужила расположеніе учащихся, — все это покажетъ будущее; хорошо и то, что нѣтъ отрицательнаго отношенія къ школѣ; напротивъ, многія ученицы заявили своимъ учительницамъ, что послѣ каникулъ онѣ придутъ продолжать ученіе. Многихъ малолѣтнихъ возьметъ у насъ ежедневная женская школа, открывающаяся на средства попечителя нашей школы. Но тѣмъ большій доступъ будетъ открытъ въ воскресную школу для взрослыхъ и всѣхъ занятыхъ работой втеченіе недѣли. Дай Богъ только, чтобы среди насъ, учительницъ, поддерживались энергія и сознаніе той пользы, которую мы приносимъ своимъ трудомъ; дай Богъ, чтобы мы работали попрежнему, не отступая передъ нѣкоторыми трудностями; дай Богъ, чтобы новыя силы пришли намъ на помощь своимъ трудомъ и влили свѣжую струю въ жизнь нашей юной школы!“

Въ 1896—1897 году троїцкосавская женская воскресная школа, насчитывая попрежнему болѣе 100 ученицъ, значительно развила свою дѣятельность. Что касается педагогической стороны дѣла, то на нее было обращено усиленное вниманіе учительницъ: для каждой группы была разработана подробная программа преподаванія, и каждый преподающій даетъ по полугодіямъ отчетъ о томъ, какъ проходила программа его группы. Между программами, въ общемъ соответствующими обычному характеру преподаванія въ воскресныхъ школахъ, обращаетъ на себя вниманіе программа чтеній-

бесѣдъ для безграмотныхъ малолѣтнихъ ученицъ. Обыкновенно, въ неграмотныхъ группахъ воскресныхъ школъ, кромѣ одного часа арифметики, все остальное время отдается на обученіе чтенію и письму на томъ основаніи, чтобы возможно скорѣе научить учащихся грамотѣ, такъ какъ многія изъ нихъ, вслѣдствіе тяжелыхъ жизненныхъ условій, остаются въ школѣ лишь самое незначительное время. Такіе учащіяся унесутъ, по крайней мѣрѣ, изъ школы грамотность — орудіе къ дальнѣйшему развитію и приобрѣтенію рязнаго рода свѣдѣній самостоятельнымъ путемъ; тогда какъ, если съ первыхъ же поръ часть времени будетъ удѣляться на бесѣды, то можетъ случиться, что инымъ учащимся придется уйти изъ школы, не научась грамотѣ, а получивъ лишь нѣкоторые свѣдѣнія, которыя, по условіямъ воскресной школы, при краткомъ пребываніи въ ней, неминуемо будутъ отрывочны и незначительны. Тѣмъ не менѣе, попытка съ первыхъ же шаговъ вносить въ преподаваніе развивающій элементъ въ видѣ бесѣдъ съ учащимися, конечно, должна быть признана весьма симпатичной, почему мы и позволяемъ себѣ нѣсколько остановиться на программѣ, выработанной троїцкосавской школой для такихъ занятій совмѣстно въ трехъ группахъ неграмотныхъ ученицъ въ возрастѣ отъ 10 до 13 лѣтъ.

Первые уроки программа эта посвящаетъ знакомству учащихся съ классными и учебными предметами и ихъ назначеніемъ, съ названіями дней недѣли, мѣсяцевъ, временъ года; затѣмъ даетъ одну бесѣду о домашнихъ и дикихъ животныхъ и пользѣ отъ нихъ и одну бесѣду о жизни растений; далѣе три урока отводятся знакомству съ тѣмъ, что такое земля, отчего бываетъ день и ночь, что такое солнце, луна и звѣзды; затѣмъ, втеченіе 6 воскресеній ведутся бесѣды о водѣ и воздухѣ и о такихъ явленіяхъ природы, какъ вѣтеръ, облака, роса, дождь, иней, снѣгъ; послѣдніе три урока посвящены устройству человеческого тѣла. Къ каждому изъ уроковъ подобраны легкія статьи изъ классныхъ книгъ Толстого, Баранова, Паульсона, „Дѣтскаго Міра“ Ушинскаго и книги Рубакина „О великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы“. Уроки ведутся слѣдующимъ порядкомъ: учительница прочитываетъ ту или другую статью и затѣмъ, въ дополненіе къ ней, ведетъ бесѣду по возможности въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, послѣ чего ученицы съ помощью учительницы пересказываютъ сообщенное имъ. Учительница, ведшая эти занятія, отмѣчаетъ въ своемъ отчетѣ, что ученицы относились къ нимъ съ интересомъ; наиболѣе внимательными и заинтересованными слушательницами были дѣвочки 12 и 13 лѣтъ; изъ самыхъ же маленькихъ выдѣлялись по любознательности наиболѣе способныя, что, конечно, и вполне естественно. Ученицы эти,

пересказывая прочитанное, не разъ высказывали и свое мнѣніе, платаясь разсуждать по-своему.

Въ 1896—1897 году троїцкосавская школа расширила кругъ своихъ занятій, введя хоровое пѣніе, которое такъ любятъ ученицы, и уроки кройки, шитья и такихъ рукодѣльныхъ работъ, какъ вышиваніе, вязанье, штопанье. Еще при открытіи школы многія ученицы, по преимуществу грамотныя, при записываніи въ школу, прямо заявляли, что хотѣли бы учиться мастерству. Тогда же участницы школы и задумали ввести рукодѣльныя занятія, надѣясь, что они, быть-можетъ, скорѣе привлекутъ въ школу взрослыхъ. Видя занятія другихъ, а сами пользуясь книгами изъ школьной библіотеки, — однимъ словомъ, такъ или иначе находились подъ вліяніемъ школы, ученицы эти сами въ концѣ концовъ примкнули къ ней. Въ виду такихъ соображеній, занятія рукодѣліемъ и были устроены по воскресеньямъ, отъ 3 до 5 часовъ, послѣ всѣхъ другихъ уроковъ. Время это, конечно, нельзя назвать удобнымъ, и намъ вполнѣ понятны жалобы учительницы, ведшей эти занятія, на то, что ученицы приходятъ на рукодѣліе слишкомъ утомленныя, а нѣкоторыя, живущія далеко и неимѣющія возможности ходить домой обѣдать на большой перемѣнѣ между уроками, какъ дѣлаютъ это другія, должны работать и усталыя и голодныя. Поэтому гораздо правильнѣе поступаютъ тѣ воскресныя школы, которыя, если уже вводятъ рукодѣльныя занятія, то устраиваютъ ихъ не въ воскресенье, а разъ или два раза въ недѣлю, по буднямъ, въ послѣобѣденное время.

Въ высшей степени симпатичной стороной въ дѣятельности троїцкосавской воскресной школы является веденіе при школѣ народныхъ чтеній съ туманными картинами. Признавъ желательнымъ устройство такихъ чтеній, преподающіе въ началѣ мая мѣсяца 1896 г. обратились за разрѣшеніемъ ихъ черезъ законоучителя школы къ епископу забайкальскому и нерчинскому, который уже черезъ 12 дней послѣ подачи прошенія далъ разрѣшеніе на устройство чтеній. Гораздо больше времени пошло на присканіе помѣщенія для нихъ, и только послѣ долгихъ хлопотъ, уже осенью, для народныхъ чтеній былъ предоставленъ залъ реального училища. Чтенія начаты 17 октября 1896 года и ведутся, кромѣ праздниковъ, каждое воскресенье; входъ на нихъ бесплатный; среднее число слушателей 220 человѣкъ, но бываетъ и до 300. Неудобствомъ является только неимѣніе собственнаго фонаря и картинъ; ихъ предоставляетъ городская управа, но выборъ картикъ невеликъ и не вполнѣ удовлетворителенъ; впрочемъ, школа начала уже сама выписывать картины. Новое дѣло привлекло къ школѣ и новыхъ участниковъ, составившихъ, между прочимъ, изъ себя хоръ; иные пріѣзжаютъ

для устройства и веденія чтеній изъ Кяхты, за 8 верстъ, и даже изъ Усть-Кяхты, за 25 верстъ.

Сказанное, намъ кажется, достаточно говорить о томъ, что эта юная школа, возникшая въ такомъ далекомъ уголкѣ Россіи, скоро прочно стала на ноги и смѣло повела свою дѣятельность по пути развитія и совершенствованія. Не смущаясь своею заброшенностью въ далекомъ захолустѣ, она при самомъ же своемъ возникновеніи признала необходимымъ завести сношенія какъ съ сибирскими воскресными школами, такъ и съ нѣкоторыми школами Европейской Россіи и стала обмѣниваться съ ними своими матеріалами и свѣдѣніями. А нужно ли говорить о томъ, какое большое значеніе имѣетъ всякій обмѣнъ мнѣній и мыслей между участниками одного и того же дѣла? И надо съ особеннымъ сочувствіемъ отнестись къ попыткамъ въ этомъ направленіи молодой и далекой школы, превзошедшей въ этомъ отношеніи многія воскресныя школы, стоящія въ гораздо болѣе выгодныхъ условіяхъ.

Женская воскресная школа въ г. Новочеркасскѣ.

Новочеркасская воскресная школа существуетъ пятый годъ; открыта она была 15 ноября 1892 г. при Обществѣ содѣйствія народному образованію въ области Войска Донского. Первый же годъ существованія школы показалъ, насколько она отвѣчаетъ потребностямъ населенія: уже на молебень явилось 50 ученицъ, хотя объ открытіи школы населеніе города было оповѣщено только наканунѣ. „Въ слѣдующее воскресенье, — читаемъ мы въ отчетѣ школы за первый годъ ея существованія, — явилось въ школу, къ общему удивленію, еще 70 ученицъ, и пріемъ былъ законченъ, такъ какъ школа пока не располагала ни надлежащимъ количествомъ учебныхъ пособій, ни достаточнымъ числомъ учащихся. Но въ каждое послѣдующее воскресенье въ коридорѣ толпились десятки дѣвушекъ, желавшихъ поступить въ школу, и надо было видѣть эти умоляющіе взоры, слезы и земные поклоны, чтобы понять, какъ тяжело отказывать въ пріемѣ. Иныя такъ трогательно просили выучить ихъ писать хоть только „цыфирь“ (т.-е. цифры), другія — научить хоть только читать, что принято было разновременно еще 20 ученицъ, при чемъ давалось предпочтеніе взрослымъ неграмотнымъ“. Въ послѣдующіе годы число ученицъ въ школѣ все росло: во второмъ году вмѣсто 140 ученицъ перваго года мы видимъ уже 247 ученицъ, въ третьемъ — 308, въ четвертомъ — 334. И все-таки принимались далеко не всѣ желавшія поступить въ школу; въ каждомъ годо-

вомъ отчетѣ мы находимъ тѣ или другія тягостныя подробности, сопряженныя съ отказомъ ученицамъ въ пріемѣ. „Какъ трудно иногда бываетъ отказать въ пріемѣ, можно судить по слѣдующему случаю, — читаемъ мы въ отчетѣ за 1893—1894 г. — Одна дѣвочка послѣ усиленной просьбы принять ее въ школу получила отказъ; такъ какъ она была неграмотна, а въ комнатѣ, гдѣ помѣщается группа неграмотныхъ, даже не было мѣста, не говоря уже о томъ, что съ 38 ученицами заниматься одной учительницѣ, и только по воскресеньямъ, невозможно съ успѣхомъ. Тогда дѣвочка, посовѣтовавшись съ подругой, вошла самовольно въ комнату неграмотныхъ и усѣлась въ уголѣ, потѣсивъ другихъ. Учительница группы черезъ часъ заявила распорядительницѣ, что она не можетъ принять вновь поступившую дѣвочку; но когда дѣло выяснилось, то учительница была тронута такимъ упорнымъ желаніемъ учиться и уступила ей свое мѣсто, т.-е. каюдру“. Отчетъ за 1895—1896 г. заканчивается словами: „Къ сожалѣнію, въ воскресной школѣ часто приходится видѣть слезы неподдѣльнаго горя тѣхъ дѣвочекъ и дѣвущекъ, которымъ приходится отказывать въ пріемѣ въ школу. Желаніе научиться грамотѣ бываетъ у нѣкоторыхъ такъ сильно, что онѣ по нѣскольку разъ приходятъ въ школу съ просьбой принять ихъ. Получивъ отказъ, онѣ простаиваютъ иногда часа по 3—4 въ коридорѣ и каждый разъ, когда я (т.-е. распорядительница школы) прохожу мимо, пристають ко мнѣ съ просьбой принять ихъ въ школу. Когда я говорю, что негдѣ сидѣть, мнѣ отвѣчаютъ: „Этого ничего — мы постоимъ“. Я разъясняю, что писать, напримѣръ, стоя нельзя, и получаю въ отвѣтъ: „Какая бѣда! если бы я знала, что не на чемъ сидѣть, я принесла бы свой стулъ“. На заявленіе, что нѣтъ учительницъ, которыя могли бы съ ними заниматься, получается обыкновенно одинъ отвѣтъ: „Съ другими же занимаются, и намъ кто-нибудь покажетъ; примите, пожалуйста!“ Но, не взирая на горячія просьбы и слезы, приходится съ болью въ сердцѣ отказывать и отказывать каждое воскресенье нѣсколькимъ желающимъ учиться, такъ какъ часто некому заниматься даже съ тѣми ученицами, которыя уже приняты въ школу“.

Да, главнымъ препятствіемъ для еще большаго расширенія школы является недостатокъ преподающихъ. Воскресная школа требуетъ для успѣшнаго хода дѣла многихъ учащихся, и 15 преподающихъ новочеркасской школы, конечно, мало для ея 300 слишкомъ ученицъ. Да и эти преподающіе не всѣ могутъ удѣлять школѣ 4 часа занятій, такъ какъ большинство учительницъ имѣетъ довольно утомительныя занятія втеченіе всей недѣли, или состоя преподающими народныхъ школъ или занимаясь частными уроками. Отчего же не идутъ въ

воскресную школу лица свободныя? Вѣдь Новочеркасскъ — городъ сравнительно большой, и въ немъ, конечно, немало дѣвущекъ обезпеченныхъ, совершенно свободныхъ? „Не хочется думать, чтобы образованныя и обезпеченныя женщины и дѣвушки, — говоритъ распорядительница новочеркасской школы, — не пришли на помощь тоже дѣвушкамъ, только несчастнымъ, обездоленнымъ сиротамъ, угнетеннымъ жизненными обстоятельствами, но жаждущимъ свѣта и знанія!“ Да, не хочется вѣрить этому, а приходится, — приходится потому, что во всѣхъ воскресныхъ школахъ, провинціальныхъ ли, или столичныхъ, вслдѣ преобладаютъ между преподающими люди труда: учитель или учительница народной школы, служащая на желѣзной дорогѣ или въ какой-нибудь конторѣ, дѣвушка, всю недѣлю занимающаяся съ утра до вечера частными уроками, часто содержащая своимъ трудомъ семью. А наряду съ этими тружениками, отзывчивыми на доброе дѣло, вы имѣете широкій кругъ людей обезпеченныхъ, сытыхъ, довольныхъ, ничего недѣлающихъ круглую недѣлю и недумających даже о возможности отдать воскресной школѣ нѣсколько часовъ своего празднаго времени. Процентъ обезпеченныхъ людей особенно малъ между преподающими столичныхъ воскресныхъ школъ, меньше даже, чѣмъ въ школахъ захолустныхъ городковъ; а между тѣмъ именно въ столицахъ особенно велико общество образованныхъ и обезпеченныхъ людей. По статистическимъ таблицамъ, составленнымъ комиссіей воскресныхъ школъ при бывшемъ Московскомъ Комитетѣ грамотности, преподающіе московскихъ женскихъ воскресныхъ школъ даютъ всего лишь 35,6% лицъ обезпеченныхъ и 64,4% лицъ, живущихъ своимъ трудомъ, тогда какъ въ провинціальныхъ женскихъ школахъ процентъ первыхъ доходитъ до 55, а вторыхъ — до 45. Новочеркасскъ въ данномъ отношеніи нисколько не выдѣляется изъ общаго положенія вещей, что и создаетъ то прискорбное положеніе воскресной школы, неимѣющей возможности удовлетворять всѣ предъявляемыя къ ней требованія, — положеніе, которое мы пытались обрисовать выше.

Между учащимися Новочеркасской воскресной школы сильно преобладаютъ малолѣтнія; такъ, на 334 ученицы въ 1895—1896 г. приходится 115 въ возрастѣ отъ 9 до 11 лѣтъ, 166 — въ возрастѣ отъ 12 до 14 и только 53 выше 14 лѣтъ; по занятіямъ же 70 ученицъ безъ опредѣленныхъ занятій (это, конечно, самыя маленькія); 206 занимающихся домашнимъ хозяйствомъ и только 58 рабочихъ (швей, прислугъ, торговекъ, прачекъ). Распределеніе учащихся по возрасту и занятіямъ и въ предыдущіе три года было примѣрно такое же. Такой составъ учащихся показываетъ, что Новочеркасскую воскресную школу посѣщаетъ немалое число дѣво-

чекъ, которыя могли бы учиться въ ежедневной школѣ; но ежедневныхъ женскихъ школъ въ Новочеркасскѣ, какъ и въ большинствѣ нашихъ городовъ, слишкомъ мало, и воскресной школѣ приходится замѣнять ежедневную, — положеніе, конечно, до крайности ненормальное, при которомъ легко можетъ случиться, что доступа въ воскресную школу лишаются нѣкоторые изъ тѣхъ, для которыхъ она создается прежде всего, т.-е. всѣ взрослые, а изъ малолѣтнихъ — работники.

Составъ учащихся въ воскресныхъ школахъ настолько разнообразенъ и по возрасту, и особенно по познаніямъ, что даже при большомъ числѣ группъ правильное распредѣленіе учащихся достигается съ трудомъ; сравнительно легко отдѣлить въ группы неграмотныхъ, хотя и между ними попадаются учащіеся съ нѣкоторыми познаніями, лишь по скромности называющіе себя вполне неграмотными; страшно мѣшаетъ въ этихъ группахъ и различіе способностей и нельзя не привѣтствовать попытокъ распредѣлять неграмотныхъ учащихся по способностямъ, для чего первыя 3—4 воскресенья занятія ведутся большимъ классомъ, который затѣмъ разбивается на группы по способностямъ; втеченіе этихъ нѣсколькихъ дней общихъ занятій преподающему нетрудно бываетъ уяснить себѣ степень восприимчивости къ грамотности того или другого учащагося. Легко выдѣлить въ группы учащихся, окончившихъ курсъ въ ежедневной школѣ, а также прошедшихъ одинъ или два класса ея; но затѣмъ остается много учащихся съ домашней подготовкой, учившихся у отца, брата, какого-нибудь знакомаго, побывавшихъ въ частной школѣ, въ которой часто обученіе ведется самымъ безпорядочнымъ образомъ; наконецъ, попадаются и самоучки. И вотъ распредѣлить эту разнородную толпу по группамъ бываетъ очень нелегко; производимый обыкновенно бѣглый опросъ знаній даетъ возможность распредѣлить учащихся лишь примѣрно, почти наугадъ. А легко себѣ представить, какія огромныя неудобства для успѣшности преподаванія представляетъ разнородность познаній въ группѣ; если это является тормазомъ при ежедневномъ обученіи, то въ воскресной школѣ при 4, рѣдко 5 часахъ занятій въ недѣлю, тормазъ этотъ особенно ощутителенъ. А тутъ еще впереди ожидаетъ въ той или другой мѣрѣ неаккуратное посѣщеніе школы учащимися, которымъ жизненные условія мѣшаютъ посѣщать исправно школу. Правда, практикуются въ воскресныхъ школахъ переводы изъ группы въ группу въ случаяхъ значительной отсталости или успѣшности учащагося, но такіе переводы имѣютъ за собой большія неудобства, отрывая учащагося отъ преподавателя, съ которымъ онъ освоился, котораго часто полюбилъ и удаленіе отъ котораго иногда равносильно уходу изъ

школы. Поэтому ясно, до какой степени важно возможно равномерное распредѣленіе принимаемыхъ учащихся по группамъ. Въ силу этого мы и полагаемъ полезнымъ привести здѣсь форму вопросовъ листовъ, употребляемыхъ въ новочеркасской воскресной школѣ при приѣмѣ ученицъ. Каждая поступающая грамотная ученица, послѣ занесенія статистическихъ свѣдѣній о ней, тщательно экзаменуется, и результаты заносятся въ видѣ отвѣтовъ въ заранее разграфленные листы по слѣдующимъ пунктамъ: 1) по русскому языку: Читаетъ быстро, медленно или плохо? Понимаетъ ли прочитанное? Въ состояніи ли разсказать прочитанное связно, или только по вопросамъ? Умѣетъ ли писать? Представить письменную работу ученицы. 2) По арифметикѣ: въ предѣлахъ какихъ чиселъ умѣетъ считать, писать, вычислять? Знаетъ ли таблицу умноженія? Какія знаетъ арифметическія дѣйствія, и хорошо ли? Быстро ли соображаетъ?

Кружокъ преподающихъ новочеркасской воскресной школы, состоя, главнымъ образомъ, изъ педагоговъ по профессіи, слѣдовательно, болѣе или менѣе опытныхъ въ дѣлѣ обученія, все же прекрасно понимаетъ, что условія воскресной школы настолько своеобразны, что въ ней непримѣнимы обычные методы и приемы преподаванія, принятые въ ежедневной школѣ; и уже въ 1-мъ году существованія новочеркасской воскресной школы въ собраніи преподающихъ обсуждался вопросъ о необходимости выработать подробныя программы обученія по предметамъ; втеченіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ были разработаны: программа по Закону Божію для 1-го года обученія, программа курса арифметики для 1-го года обученія взрослыхъ, конспектъ занятій по русскому языку для 1-го года обученія, уроки письма для 2-го года обученія и программа объяснительнаго чтенія для взрослыхъ по книгѣ „Наше Родное“ Баранова (2-й годъ обученія). Всѣ эти программы напечатаны при отчетѣ школы за 1894—1895 г.

Весьма серіозное и добросовѣстное отношеніе къ дѣлу преподающихъ сказалось и въ разработанныхъ ими правилахъ относительно обязанностей лицъ, желающихъ заниматься обученіемъ въ школѣ. Правила эти заключаютъ въ себѣ 21 пунктъ и касаются, между прочимъ, такихъ интересныхъ вопросовъ, какъ выдача книгъ учащимся изъ школьной библіотеки, составленіе полугодовыхъ отчетовъ по группамъ, при чемъ указывается 28 вопросовъ, которые отчеты эти должны затронуть, и т. д. Правила напечатаны также при отчетѣ школы за 1894—1895 г.

Благодаря такому серіозному отношенію къ дѣлу преподающихъ, обученіе не можетъ не идти успѣшно, тѣмъ болѣе, что громаднымъ подспорьемъ къ тому является страстное желаніе ученицъ поскорѣе

научиться грамотѣ, побольше расширить свои познанія. Вполнѣ сознательное отношеніе къ ученію наблюдается не только у взрослыхъ, но и у малолѣтнихъ; одинъ изъ отчетовъ рассказываетъ слѣдующій трогательный фактъ: „Какъ-то одинъ учитель послѣ перемѣны немножко замѣшкался, и въ то время, какъ другіе пошли уже на урокъ, онъ еще оставался у книжнаго шкапа. Въ это время подбѣжала къ нему дѣвочка и, дергая его за рукавъ, съ серьезнымъ и озабоченнымъ видомъ произнесла: „Дяденька, дяденька, пойдемте скорѣе учиться, а то во второй группѣ уже все познали звуки, а мы еще не все!“

Отношенія ученицъ къ школѣ и учительницамъ, какъ чуть ли не во всѣхъ воскресныхъ школахъ, превосходныя, самыя теплыя и сердечныя, и такой фактъ, какъ нижеслѣдующій, не является какимъ-либо исключительнымъ, а рисуетъ обычное настроеніе ученицъ въ школѣ. „Учительница П—ва,—читаемъ мы въ отчетѣ,—обыкновенно аккуратно посѣщающая школу, однажды прислала извѣстить, что не будетъ на урокахъ по болѣзни. Объ этомъ сказали ей ученицамъ. Вдругъ все заволновалось, понявъ, что она совсѣмъ не будетъ съ ними заниматься. Но когда имъ объяснили, что учительница не будетъ только въ данное воскресенье, то одна изъ ученицъ, набожно крестясь, проговорила: „Ну, слава Богу, а я-то подумала, что онѣ совсѣмъ не будутъ насъ занимать!“ И все успокоились“.

Такое отношеніе учащихся, несомнѣнно, много способствуетъ и усилѣнію, собственно, обученія и, что весьма важно, вліянію школы на учащихся. Интересно, напр., насколько новочеркасская воскресная школа измѣнила отношеніе своихъ ученицъ къ врачебной помощи. Въ одномъ изъ отчетовъ школы мы читаемъ по этому поводу слѣдующее: „Сначала ученицы очень неохотно обращались къ доктору: нныя настолько боялись его, что упорно отрицали свою болѣзнь, хотя она иногда была очевидна. Такъ, на примѣръ, одну 12-лѣтнюю дѣвочку, у которой руки были покрыты какой-то сыпью, никакъ нельзя было уговорить пойти къ доктору, и она предпочла даже оставить школу. Тѣ же ученицы, которыя возвращались отъ доктора, дѣлались предметомъ общаго любопытства. Подруги окружали ихъ и о чемъ-то таинственно спрашивали; на нихъ приходили посмотреть и поговорить съ ними даже ученицы другихъ группъ.“

„Между прочимъ, былъ такой случай. 14-лѣтняя дѣвочка З—ва больна уже около года, какъ она говоритъ. Дѣйствительно, З—ва была такъ блѣдна и худа, что смотрѣла почти умирающей. Я спросила ее, лѣчится ли она, и получила такой отвѣтъ: „Меня ужъ лѣчили-лѣчили да и бросили; сколько этихъ бабокъ у насъ перебывало! Мнѣ и переполохъ выливали; ногти и волосы обрѣзывали

и закатывали ихъ въ воскъ, и воду наговаривали, и чего только не дѣлали, ничего не помогаетъ!“ Проговоривъ это, З—ва сѣла на скамью; на лбу у нея выступили крупныя капли пота; она была очень жалка. Я сказала З—вой, что нашъ докторъ непременно ее вызѣчитъ, и отвела ее къ доктору. У З—вой оказалась лихорадка; ей прописали хины, и такъ какъ она была блѣдна, то велѣли за лѣкарствомъ прійти въ бесплатную женскую больницу. З—ва, повидимому, слухала, хоть смотрѣла на все тупымъ, безнадежнымъ взглядомъ. Когда я въ слѣдующее воскресенье освѣдомилась объ ея здоровьѣ, то услышала въ отвѣтъ: „Нѣтъ, несколько не помогло. А я же все время эту записку носила!“ И она вытащила изъ-за лифа рецентъ доктора и смотрѣла на него съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Видяжка З—ва вообразила, что на бумажкѣ написано какое-нибудь „заклинаніе“ или „заговоръ“, отъ котораго должна пройти ея болѣзнь, если она будетъ носить постоянно эту бумажку съ собою. Пришлось вновь толковать ей все раньше сказанное“.

„Былъ и такой случай. Дѣвочка заявила учительницѣ, что лѣкарство ей не помогаетъ. Послѣ разспросовъ оказалось, что она обмѣнялась рецентомъ со своею подругой, и каждая изъ нихъ употребляла лѣкарство, прописанное другой.“

„Въ настоящее же время почти не замѣчается такихъ курьезовъ, и появленіе доктора въ школѣ не вызываетъ уже больше волненія и страха среди ученицъ, а, напротивъ, многія сами просятъ „полѣчить“ ихъ“.

При школѣ съ самаго ея основанія функціонируетъ библіотека. Книги изъ нея выдаютъ учительницы ученицамъ своей группы на перемѣнахъ, разспрашивая предварительно на урокахъ чтенія о содержаніи прочитанныхъ книгъ, а лицо, заведующее библіотекой, записываетъ нумера выдаваемыхъ книгъ въ особый журналъ. „Школьною библіотекой очень охотно пользуются все грамотныя ученицы,—читаемъ мы въ отчетѣ за 1895—1896 г.,—при этомъ все просятъ дать книгу „потолще“, опредѣляя достоинство книги по ея толщинѣ и еще по какимъ-то неуловимымъ для учительницъ признакамъ. Бываетъ часто такъ, что учительница добросовѣстно выберетъ книгу по возрасту и развитію ученицы, но ученица, осмотрѣвъ книгу, дѣлается грустна и разочарованно поглядываетъ на книгу. „Вы, можетъ-быть, читали эту книгу?“ спрашиваетъ учительница.—„Нѣтъ, не читала; только дайте мнѣ вотъ эту, толстую“. Иная же ученица замѣтитъ, что заглавіе книги ей не нравится, или что въ книгѣ нѣтъ картинокъ, или: „я брала въ прошлый разъ книжку, похожую на эту, такъ она мнѣ не понравилась“.

„По этому поводу необходимо, конечно, бесѣдовать съ ученицами, и надо сказать, что въ послѣднее время ученицы сознательно относятся къ книгѣ и предъявляютъ болѣе опредѣленные требованія. Одна проситъ, наприм., сказки Пушкина, другая — „Кавказскаго плѣнника“, третья — „Басни“ Крылова, которыя особенно часто спрашиваютъ, и т. д. Иная ученица проситъ книгу со стихами; иная заявляетъ, что любитъ читать книги грустныя или веселыя, и т. д.

„Больше спрашиваютъ все книги беллетристическаго содержанія, затѣмъ книги историческаго и духовно-нравственнаго содержанія, — „божественныя“, какъ онѣ выражаются; послѣднія берутъ иногда не для себя, а для родителей или родственниковъ. Остальные же отдѣлы библиотеки остаются почти нетронутыми. Съ этимъ необходимо бороться и приучить ученицъ видѣть въ книгѣ не только пріятное развлеченіе, но и источникъ знанія“. И мѣру такой борьбы указываетъ намъ предыдущій годовой отчетъ школы, въ которомъ мы читаемъ: „Менѣ всего ученицы читаютъ по естественно-научному отдѣлу и гигиенѣ, что объясняется неподготовленностью читающихъ. О такихъ книгахъ говорятъ: „Трудная, непонятная книга“. Но если ту же самую книгу прочтетъ учительница въ какой-нибудь группѣ съ должными объясненіями, то ее обязательно пожелаютъ прочитать дома всѣ ученицы, слушавшія чтеніе“. И наибольшая пригодность такого именно способа заинтересовать учащихся чтеніемъ серьезнаго содержанія подтверждается опытомъ и другихъ воскресныхъ школъ. То обстоятельство, что ученицы читаютъ, главнымъ образомъ, книги беллетристическія, ничуть не говоритъ объ отсутствіи въ нихъ любознательности, какъ думаютъ иные. Можемъ ли мы требовать, чтобы ученицы интересовались тѣмъ, что имъ совершенно неизвѣстно, о чемъ онѣ не имѣютъ ни малѣйшаго представленія? Къ тому же, хорошихъ популярно-научныхъ книжекъ для лицъ, лишенныхъ всякой подготовки, у насъ почти нѣтъ, и если учащійся какъ-нибудь и возьметъ книжку посерьознѣе, то онъ легко можетъ напастъ на такую, которая будетъ для него совершенно непонятна и ужъ, конечно, только оттолкнетъ его отъ дальнѣйшихъ попытокъ въ этомъ направленіи. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что тутъ важнѣе всего широкая помощь преподающихъ въ видѣ популярныхъ бесѣдъ и чтеній по разнымъ отраслямъ знанія.

Новочеркасская школа доставляла, по мѣрѣ силъ, своимъ ученицамъ и удовольствія; первое мѣсто между ними занимаетъ устройство елки; вотъ какъ описываетъ ее одинъ изъ отчетовъ: „6-го января 1894 года была устроена для ученицъ елка, и труды по устройству ея были вполне вознаграждены тою радостью, какую выказывали ученицы. При взглядѣ на елку у всѣхъ невольно вы-

рвалось громкое „ахъ“, и многія ученицы въ продолженіе всего вечера не имѣли силъ отвести отъ нея глазъ, несмотря на то, что, помимо елки, были въ этотъ вечеръ и еще нѣкоторыя удовольствія: любители и любительницы пѣли и играли на роялѣ, нѣкоторыя ученицы говорили стихи и басни, а хоръ изъ ученицъ спѣлъ нѣсколько пѣсень. Подарки, благодаря пожертвованіямъ, были довольно хороши. Раздача ихъ производилась по билетамъ. Многія ученицы въ слѣдующее воскресенье только и говорили о елкѣ: она была для нихъ, какъ лучъ свѣта во тьмѣ. Одна дѣвочка на вопросъ: „Понравилась ли тебѣ елка?“ отвѣчала такъ: „Ужъ что и говорить! Я сегодня проснулась, да и думаю: не то мнѣ снилось про елку, не то я вправду видѣла, да тогда только повѣрила, что видѣла, когда достала изъ-подъ подушки свои подарки“ — и благодарностямъ ея не было конца. Даже теперь, вспоминая эту толпу съ счастливыми и сияющими радостью глазами, невольно чувствуешь личное удовольствіе... Къ числу школьныхъ праздниковъ можно причислить и чтенія съ туманными картинами, которыя ученицы очень любятъ. Трудно вѣрить, какъ долго сохраняются впечатлѣнія въ дѣтской душѣ отъ подобныхъ удовольствій. Вотъ примѣръ: недавно въ одной группѣ читали статью, въ которой упоминалось о Казанскомъ соборѣ, и на вопросъ учительницы: „Видѣлъ ли кто-нибудь этотъ соборъ хоть на картинкѣ?“ — одна ученица отвѣтила: „Я видѣла, когда намъ показывали картины въ окружномъ училищѣ“. Съ тѣхъ поръ прошло уже два года, а, судя по блеснувшимъ глазкамъ и по живости, съ какою отвѣчала дѣвочка, можно съ увѣренностью сказать, что это впечатлѣніе останется въ ея душѣ на многіе годы“.

Намъ остается сказать еще объ одной сторонѣ новочеркасской воскресной школы, именно — объ урокахъ руководѣля при ней. Есть мнѣніе, что руководѣле не должно преподаваться въ воскресной школѣ, прямая цѣль которой — давать грамоту, научныя знанія, расширять развитіе учащихся; что воскресная школа и такъ имѣетъ слишкомъ мало времени въ своемъ распоряженіи; что ученицы ея и безъ того рабочій людъ — модистки, швеи, которыхъ нечего учить мастерству. Намъ лично кажется, что все зависитъ отъ мѣстныхъ условій той или иной школы и отъ самой постановки дѣла. Веденіе руководѣля въ новочеркасской воскресной школѣ, мы увѣрены, можетъ вызвать только симпатіи, что и докажетъ намъ нижеслѣдующая замѣтка объ этихъ занятіяхъ распорядительницы школы:

„Еще съ самаго основанія школы ученицы неоднократно спрашивали, будутъ ли ихъ учить шитью; съ этимъ же вопросомъ ко мнѣ безпрестанно обращались и родители учащихся. Далѣе пришлось увидѣть, что воскресную школу посѣщаетъ много сиротъ, дѣтей

нищихъ, а также дѣвочки, матери которыхъ находятся въ услуженіи, оставивъ своихъ дѣтей на попеченіе родственниковъ или даже на квартирѣ у чужихъ людей. Такихъ дѣвочекъ не только некому научить шить, но онѣ даже не имѣютъ необходимаго присмотра: являются въ училище въ порванныхъ платьяхъ, а зимою почти раздѣтыя. Эти обстоятельства и побудили учредить въ 1895—1896 учебномъ году при воскресной школѣ бесплатные уроки шитья и кройки, при чемъ имѣлось въ виду оказывать помощь готовымъ платьемъ и бѣльемъ нуждающимся ученицамъ воскресной школы.

„Когда въ первый разъ объявлено было ученицамъ, что ихъ бесплатно будутъ обучать кройкѣ и шитью, то пожелали учиться буквально всѣ 300 ученицъ, даже тѣ, которыя находятся въ мастерскихъ, потому что кройкѣ ихъ тамъ не обучаютъ. Но такъ какъ учительницъ, предложившихъ свои услуги учить шитью, оказалось всего 5, то рѣшено было на первый разъ ограничиться пріемомъ 30 ученицъ не моложе 12-лѣтняго возраста. По усиленнымъ же просьбамъ пришлось принять ихъ 50. (Въ настоящее время обучается шитью 120 ученицъ, которыя распределены на 6 группъ). Изъ 50 принятыхъ ученицъ 12 оказались совершенно неумѣющими шить. Имъ пришлось показывать, какъ надо держать иголку, надѣвать наперстокъ и проч. Это обстоятельство крайне удивило учительницъ, такъ какъ всѣмъ извѣстенъ фактъ, что дѣти болѣе или менѣе зажиточныхъ родителей очень рано начинаютъ шить. И только разспросивъ подробно и вникнувъ въ предшествующую жизнь этихъ бѣдныхъ дѣвочекъ, можно было вполне объяснить это странное и грустное обстоятельство. Изъ всѣхъ принятыхъ вначалѣ ученицъ образовались три группы, изъ которыхъ первая, состоящая изъ взрослыхъ 15 ученицъ, обучалась кройкѣ, шитью и вышиванью вгладь, а въ остальныхъ группахъ шло послѣдовательное обученіе шитью, при чемъ имѣлось въ виду научить дѣвочекъ главнымъ образомъ шитью, пригодному въ ихъ жизни, т.-е. чтобы каждая изъ нихъ могла сшить себѣ и своей семьѣ бѣлье и простое платье.

„Занятія рукодѣльемъ бываютъ по буднямъ два раза въ недѣлю, зимою отъ 4 до 6 часовъ, а осенью и весною отъ 5 до 8 часовъ. Рукодѣльные уроки посѣщаются ученицами весьма аккуратно, и каждый разъ, уходя, онѣ считаютъ своимъ долгомъ благодарить за занятія. Въ эти же дни собираются иногда ученицы воскресной школы, отстающія по чтенію или письму.

„Къ учрежденію уроковъ рукодѣлія при воскресной школѣ многіе отнеслись очень сочувственно, и для приобрѣтенія необходимыхъ принадлежностей для шитья и кройки поступили пожертвованія, какъ деньгами, такъ и матеріалами. Изъ пожертвованныхъ коленкора и

ситца были сшиты самими же ученицами, подъ руководствомъ, конечно, учительницъ, нѣсколько платьевъ, кофтъ и фартуковъ и отданы бѣднѣйшимъ ученицамъ воскресной школы. Нѣкоторыя изъ нихъ такъ бѣдны, что являются зимою въ одномъ большомъ платкѣ и калошахъ на босую ногу, а ихъ оборванные платьишки, блѣдныя, истомленные лица, не по-дѣтски грустные взгляды заставляютъ больно сжиматься сердце и у человѣка съ крѣпкими нервами. Вѣроятно, для всѣхъ учительницъ воскресныхъ школъ извѣстенъ фактъ, что ученицы часто перестаютъ ходить въ школу потому, что не имѣютъ самыхъ необходимыхъ вещей, какъ-то: платка, платья, ботинокъ и пр. Кто же долженъ прійти на помощь этимъ несчастнымъ, какъ не школа? И весьма естественно, что учительницы говорили своимъ знакомымъ о крайней нуждѣ нѣкоторыхъ ученицъ, и вотъ отъ многихъ лицъ поступили пожертвованія готовымъ или поддержаннымъ платьемъ и бѣльемъ. Вещи эти розданы 25 бѣднѣйшимъ ученицамъ, при чемъ каждая ученица получила то, въ чемъ она въ данное время наиболѣе нуждалась, такъ какъ учительницы лично знаютъ бѣднѣйшихъ ученицъ своей группы и отмѣчаютъ, въ чемъ онѣ нуждаются. За правильнымъ распределеніемъ пожертвованій, кромѣ того, зорко слѣдятъ сами же ученицы, на что указываетъ слѣдующій случай. Однажды дѣвочкѣ Е—вой примѣряли ситцевую кофточку, которую ей шила другая ученица изъ пожертвованнаго ситца, какъ вдругъ подбѣгаетъ къ распорядительницѣ школы ученица А—ва, плохо одѣтая, съ блѣднымъ личикомъ, но живыми, веселыми глазками, и проситъ, чтобы и ей сшили кофточку. Тотчасъ же раздалось нѣсколько голосовъ взрослыхъ ученицъ: „Это зачѣмъ?“ — „Тоже бѣднѣйшая!“ — „Твой отецъ вѣдь 10 р. жалованья получаетъ, да мать беретъ бѣлье стирать! Что у васъ семья большая, что ли—всего 5 человѣкъ!“ И А—ва, сконфуженная, не дождавшись моего отвѣта, отправилась на свое мѣсто. Но бываетъ, что тѣ же взрослые ученицы являются усердными ходатаями за своихъ подругъ, указываютъ на ихъ вопіющія нужды, просятъ принять ту или другую дѣвочку въ школу, приводя часто неотразимые доводы, а также помогаютъ въ занятіяхъ отстающимъ, менѣе способнымъ ученицамъ. Трогательно видѣть, какъ симпатичная дѣвушка О—ва усердно разъясняетъ пройденное тихой, скромной, но малоспособной Ѳ—вой, которой никакъ не дается искусство начертить лифъ, хотя Ѳ—ва приходитъ первая, уходитъ изъ школы послѣдняя и все время чертитъ и чертитъ, не подымая головы. Учительница совершенно основательно жалуется на Ѳ—ву, что она задерживаетъ всю группу, и ученицы стараются помочь Ѳ—вой, чѣмъ кто можетъ, такъ какъ она сирота, занимается шитьемъ, и ей очень важно изучить методу кройки.

„Какъ Ѳ—ва поражаетъ своимъ прилежаніемъ, такъ многія ученицы поражаютъ быстротой пониманія. Такъ, напр., недавно подходитъ къ группѣ учительницъ маленькая, худенькая 13-лѣтняя П—ва и серьезно и важно спрашиваетъ, хорошо ли на ней сшита кофта. Учительницы, посмотрѣвъ кофту, одобрили ее. У П—вой заискрились глазки, и она съ счастливою улыбкой заявила: „Вѣдь кофту я сама шила, сама и кроила, только мѣрку снимала съ меня подруга (тоже ученица воскресной школы); даже ситецъ купила сама, право!.. а то мамка больная лежитъ“. Послѣднія слова П—ва проговорила уже безъ дѣтской милой улыбки, тономъ серьезнаго взрослого человека. П—ва очень способная дѣвочка, у нея изящный вкусъ и необыкновенная любовь къ ручному труду. Если учительница ея группы опоздаетъ, то она пристраивается къ сосѣдней группѣ и учится шить гладью; по канвѣ же она научилась выпивать самоучкой. Ей очень хочется дѣлать искусственные цвѣты, и она то-немкинымъ умоляющимъ голосомъ говоритъ: „Хоть посмотрѣть бы, какъ ихъ дѣлаютъ!“ Придется ли удовлетворить ея желанію—неизвѣстно, такъ какъ въ программу нашу не входятъ изящныя рукодѣлія. Но желаніе другой, взрослой и очень способной ученицы, удовлетворить необходимо. Она хочетъ изучить кройку и шитье настолько основательно, чтобы открыть мастерскую, такъ какъ отца у нея нѣтъ (онъ бросилъ семью уже много лѣтъ тому назадъ), а братъ, который своимъ скуднымъ фельдшерскимъ жалованьемъ содержалъ мать и двухъ сестеръ, недавно умеръ отъ чахотки. Кормилицей семьи должна быть эта 17-лѣтняя дѣвушка. И надо видѣть, какъ жадно она ловитъ каждое слово учительницы, какъ усердно и основательно исполняетъ заданную работу. Ей сказали, что на будущій годъ ее хотятъ свезти въ Ростовъ—держать экзаменъ по кройкѣ и шитью при тамошней ремесленной управѣ. Она сильно покраснѣла и, перекрестившись, дрогнувшимъ голосомъ произнесла: „Если бы Господь далъ мнѣ это счастье!.. Я въ школѣ научилась читать и писать, да, можетъ, научусь и зарабатывать кусокъ хлѣба. Спасибо вамъ!“ Это „спасибо“, сказано было такъ искренно и горячо, что, дѣйствительно, могло служить наградою за трудъ. Но не менѣе трогательно бываетъ благодарность и безъ словъ. Такъ, напр., ко мнѣ разъ подвели дѣвочку, чтобы показать, какъ сшили ей ученицы платье изъ пожертвованнаго ситца. Несмотря на свои 13 лѣтъ, Ш—ва смотритъ 10-лѣтнимъ заморышемъ. Она подходила ко мнѣ медленно, держа совершенно неподвижно голову, руки и туловище; на губахъ ея застыла блаженная улыбка. Чтобы вывести ее изъ этого оцѣпенѣнія, я сказала ей: „Что же, тебѣ нравится платье?“ Вдругъ Ш—ва, неожиданно для всѣхъ, упала на колѣни и покло-

нилась головою до полу. Я бросилась поднять ее и взглянула ей въ лицо: та же счастливая улыбка расплывалась по лицу, а ея темные большіе глаза были полны слезъ; по лицу тоже обильно струились слезы; она силилась что-то сказать и не могла. Ш—ва сирота: у нея нѣтъ ни отца, ни матери; живетъ она у старой и больной тетки. И что только не приходится дѣлать этой маленькой дѣвочкѣ! Она ходитъ на базаръ, топить печь, варить обѣдъ, стираетъ бѣлье, во всякую погоду носить воду, закутанная кое-какъ въ теткинны лохмотья. Понятно, что новое, хорошо сшитое платье и теплое ватное пальто, которое ей дали, вызвали слезы благодарности и невыразимую радость“.

Веденіе школы требовало извѣстныхъ денежныхъ средствъ, привлеченіе которыхъ лежало всецѣло на распорядительницѣ школы; ею постоянно и привлекался рядъ пожертвованій на школу или непосредственныхъ, или черезъ устройство нѣкоторыхъ общественныхъ развлеченій; многія лица привлекались въ члены Общества, при которомъ состоитъ школа, съ тѣмъ, что ихъ взносы шли на нужды школы; отъ Общества школа получала лишь нѣкоторое количество учебныхъ пособій.

Какъ видите, школа шла превосходно, не только окончательно упрочившись, но и постоянно развивая свою дѣятельность. Кто же больше всего способствовалъ этому? Отдавая должное кружку преподающихъ, мы не можемъ не сказать, что первенствующее значеніе для школы, несомнѣнно, имѣла распорядительница ея, М. И. Золотарева, создавшая школу. М. И. была душою школы; вокругъ нея группировался кружокъ участниковъ школы, энергично привлекаемыхъ ею; отъ нея исходили и ею проводились въ жизнь многія усовершенствованія въ дѣлѣ; на ней всецѣло лежала матеріальная сторона его; на ней же, наконецъ, больше всего сказывались непріятности, грозившія школѣ; она больше всѣхъ любила школу и больше всѣхъ страдала за школу. Чтобы точнѣе охарактеризовать ея личность, мы приведемъ нѣсколько словъ изъ дневника Х. Д. Алчевской. Вотъ что пишетъ она:

„Когда близкаго намъ человека постигнетъ вдали какое-либо несчастье, его нравственный обликъ встаетъ передъ нами съ особенной яркостью. Такъ было и сегодня, когда я получила извѣстіе, что М. И. Золотарева, послужившая такъ долго вѣрою и правдою воскресной школѣ, осталась не у дѣлъ, вслѣдствіе какихъ-то непостижимыхъ для меня хитросплетеній со стороны лицъ, отъ которыхъ меньше всего надо было бы ожидать недоброжелательнаго отношенія и лично къ ней, и къ ея правому дѣлу. Мнѣ припомнилась моя первая встрѣча съ этой симпатичной, умной и энергичной женщи-

ной. Ей было тогда 14—15 лѣтъ. Молоденькая гимназистка случайно зашла къ намъ въ школу съ одною изъ нашихъ уважаемыхъ учительницъ. Она съ дѣтскимъ любопытствомъ смотрѣла удивленно на все: ее поразили и эти внимательныя дѣти, боящіеся проронить слово любимой учительницы, и взрослые пожилыя женщины, нестыдящіяся изучать азбуку на старости лѣтъ, и множество молодыхъ учительницъ, приносящихъ добровольно свой трудъ, и множество наглядныхъ пособій, оживляющихъ преподаваніе. Все это произвело на молоденькую дѣвушку такое сильное впечатлѣніе, что она втихомолку дала самой собѣ слово устроить то же самое, когда окончитъ курсъ гимназій и станетъ взрослой. Но благіе порывы часто остаются только благими порывами. Не то было, однако, съ М. И. Золотаревой: впечатлѣніе ея не было поверхностнымъ, оно глубоко запало въ юную душу. Ставши женщиной и поселившись, по служебному положенію своего мужа, въ г. Новочеркасскѣ, она прежде всего взялась за педагогическій трудъ и сдѣлалась преподавательницей, а затѣмъ исподволь, шагъ за шагомъ, привела въ исполненіе взлѣтѣвшую годами мечту о воскресной школѣ. Сколько любви, энергій, предпримчивости проявила она въ этомъ трудномъ на первыхъ порахъ дѣлѣ; съ какимъ тактомъ и осторожностью сумѣла преодолѣть разнаго рода препятствія!“

Казалось бы, что новочеркасская воскресная школа должна была вызывать только всеобщія симпатіи и содѣйствіе; на дѣлѣ же было не такъ. Школа, повидимому, не заслужила расположенія директора народныхъ училищъ, состоящаго въ то же время предсѣдателемъ Общества для содѣйствія народному образованію въ Донской области, которому, слѣдовательно, школа должна была бы быть вдвойнѣ близкой. Между тѣмъ, школѣ не разъ приходилось чувствовать его давленіе: то онъ не хотѣлъ разрѣшить добавочныхъ вечернихъ занятій при школѣ, хотя такія занятія допускаются законоположеніемъ о начальныхъ народныхъ училищахъ; то его, какъ это ни странно, беспокоило большое число ученицъ въ школѣ, и онъ не разъ выражалъ распорядительницѣ желаніе, чтобы ученицъ было не больше 150; то онъ запрещалъ преподавать Законъ Божій ученикамъ выпускнаго класса духовной семинаріи, которымъ разрѣшилъ это архіерей и которые занимались въ школѣ уже два года; по полугоду не утверждались лица, желавшія заниматься въ школѣ, въ то время, какъ школа страшно нуждалась въ преподающихъ, и т. д., и т. д. Терпѣла школа и отъ смотрительницы училища, въ которомъ происходили занятія, и распорядительницѣ часто приходилось выслушивать упреки, что ученицы воскресной школы портятъ помещеніе, и даже угрозы жаловаться по начальству за безпорядки, яко бы про-

изводимые воскресной школой. Приходилось сталкиваться и съ недоброжелательнымъ отношеніемъ иныхъ членовъ Общества: одному, напр., не правилось, что въ воскресной школѣ устраивается для ученицъ елка; другой падалъ на уроки руководѣнія. Но все это переносилось бодро, терпѣливо, и школа неуклонно шла въ своемъ развитіи впередъ. Къ сожалѣнію, въ послѣднее время непріятности возрасли до такихъ размѣровъ, которые грозятъ благополучію школы, а быть-можетъ, поведутъ и къ ея гибели. Среди членовъ Общества для содѣйствія образованію сшлосился кружокъ лицъ, враждебныхъ школѣ, непостѣснявшихся вынести свою вражду въ общія собранія Общества: вражда эта сказалась и въ требованіи перебаллотировать М. И. Золотареву въ распорядительницы школы, чего прежде не было въ обыкновеніи, и въ заявленіи одного изъ членовъ, что распорядительница не имѣла права устраивать при воскресной школѣ руководѣльныхъ уроковъ, тогда какъ они были открыты съ разрѣшенія предсѣдателя правленія, и больше всего въ заявленіи, что членами правленія рѣшено учредить комиссію для завѣдыванія воскресными школами Общества. Предложеніе это было принято общимъ собраніемъ, и выбрана комиссія для завѣдыванія новочеркасской воскресной школой, такъ какъ другихъ воскресныхъ школъ у Общества нѣтъ. Членами комиссіи оказались лица, неимѣющія никакого отношенія къ педагогикѣ: два помощника присяжныхъ повѣренныхъ, докторъ, какой-то чиновникъ и т. д. Предложеніе М. И. Золотаревой, чтобы въ составъ комиссіи вошли всѣ преподающіе воскресной школы, до тѣхъ поръ коллективно завѣдывавшіе школой, не было принято, и были избраны въ комиссію только распорядительница школы и еще двѣ учительницы. Въ первомъ же своемъ собраніи комиссія выработала для себя инструкцію, представляющую нѣчто совершенно невозможное; въ кругъ своихъ занятій комиссія вводитъ выработку учебныхъ программъ, разсмотрѣніе и утвержденіе бюджетовъ, представляемыхъ завѣдующими школами, обсужденіе и рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, касающихся финансовой и хозяйственной стороны дѣла, рекомендацію общему собранію кандидатовъ въ завѣдующіе школами, разсмотрѣніе представляемыхъ въ комиссію завѣдующими школами годовыхъ отчетовъ по учебной и хозяйственной части, представленіе своихъ соображеній общему собранію о продолжительности учебнаго курса въ различныхъ школахъ, о распредѣленіи учебнаго матеріала по годамъ обученія и группамъ. Какъ видите, захватывается вся учебная сторона дѣла, которую, будто бы, могутъ съ успѣхомъ вести лица, незанимающіяся въ школѣ и даже незнакомыя съ ней, и которая во всѣхъ воскресныхъ школахъ самымъ учебнымъ начальствомъ предоставляется въ вѣдѣніе кружка преподающихъ школы.

Не менѣе удивительно и желаніе комиссіи завѣдывать денежной и хозяйственной стороною, т.-е. распределять средства на нужды, неизвѣстных комиссіи, притомъ средства, собираемыя самими участниками школы. Впрочемъ, нѣкоторые пункты этой инструкціи не были приняты общимъ собраніемъ. Конечно, устройство подобной комиссіи до такой очевидности неумѣстно, что о ней излишне распространяться; излишне было бы и упоминать, если бы комиссія эта не грозила существованію школы; а она грозитъ и очень сильно, такъ какъ М. И. Золотарева отказалась быть распорядительницей школы; весьма возможно, что и нѣкоторые другіе участники не будутъ въ состояніи работать при новыхъ условіяхъ. Такимъ образомъ, благосостояніе школы нарушено, оскорбленъ человекъ, создавшій школу, и все это изъ мелкой зависти и вражды!

Неприятности, которымъ подверглась новочеркасская воскресная школа, были описаны Я. В. Абрамовымъ въ газетѣ „Русь“, № 79, въ статьѣ, озаглавленной „Обычная исторія“. Недовольные этимъ девять членовъ Общества содѣйствія народному образованію въ Донской области напечатали въ „Приазовскомъ Краѣ“ письмо, въ которомъ упрекаютъ Я. В. Абрамова въ „извращеніи фактовъ“ и въ „полномъ незнакомствѣ съ положеніемъ дѣлъ названнаго Общества“. Такой беззастѣнчивый приемъ борьбы, въ видѣ явнаго уклоненія отъ правды, съ своей стороны, вызвалъ протестъ 14 членовъ того же Общества, удостовѣрившихъ въ газетѣ „Донская Рѣчь“, что Я. В. Абрамовъ вполнѣ точно изложилъ грустную исторію гоненія на новочеркасскую воскресную школу.

Нельзя не удивляться тому, что въ Обществѣ содѣйствія народному образованію въ Донской области не нашлось лицъ, которые бы вступились за правое дѣло и сумѣли бы противодействовать членамъ, враждебно относящимся къ школѣ и губящимъ ее.

Въ заключеніе мы не можемъ не помѣстить слѣдующей замѣтки, появившейся въ газетѣ „Донская Рѣчь“, № 97:

„27 апрѣля настоящаго года состоялся молебенъ въ новочеркасской воскресной школѣ. Присутствовало такъ много ученицъ, что большая комната едва ихъ вмѣщала. Послѣ молебна распорядительница школы М. И. Золотарева взволнованнымъ голосомъ сказала нѣсколько словъ ученицамъ. Она объявила имъ, что учебный годъ законченъ и просила ихъ въ августѣ мѣсяцѣ, послѣ Успенія, вновь приходить въ школу, добавивъ, что чѣмъ раньше онѣ запишутся въ школу и чѣмъ аккуратнѣе и дольше будутъ посѣщать ее, тѣмъ лучше. Затѣмъ М. И. Золотарева сказала, что оставляетъ школу и что на будущій годъ у нихъ будетъ другая распорядительница. Какъ только произнесены были эти слова, въ комнатѣ раздался

громкій плачъ. Плакали какъ дѣти, такъ и взрослые дѣвушки. М. И. Золотарева съ усиленіемъ и медленно продолжала говорить. Она поблагодарила ученицъ за любовь, добавивъ, что и сама любила ученицъ и учительницъ, какъ близкихъ и дорогихъ ей людей; выразила также надежду, что ученицы будутъ любить и другую распорядительницу; что школа будетъ существовать много-много лѣтъ и что въ ней всегда будетъ такъ же много учащихся, какъ въ настоящее время. Затѣмъ распорядительница предложила ученицамъ поблагодарить о. Платона Захарова и учительницъ за труды, которые онѣ несутъ въ воскресной школѣ.

„Учительница воскресной школы К. отъ лица всѣхъ учительницъ поблагодарила М. И. Золотареву за ея четырехлѣтнюю плодотворную дѣятельность, а учительница руководѣльныхъ классовъ при воскресной школѣ П. поднесла букетъ, выразивъ сожалѣніе по поводу ухода распорядительницы изъ школы. Затѣмъ приступили къ раздачѣ ученицамъ книгъ. Роздано было болѣе 300 книгъ. Во время раздачи ученический хоръ исполнилъ очень недурно нѣсколько пѣсенъ. Послѣ раздачи книгъ и пѣнія народнаго гимна, распорядительница, пожелавъ ученицамъ всего хорошаго, просила ихъ расходиться по домамъ. Въ комнатѣ вновь раздался громкій плачъ. Ученицы не трогались съ мѣста. М. И. Золотарева просила ихъ успокоиться и поцѣловала въ голову одну изъ дѣвочекъ, которая особенно громко плакала. Моментально ученицы окружили распорядительницу и съ плачемъ цѣловали ея руки, голову, лицо. Зрѣлище было трогательное до слезъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поучительное. Такую любовь надо заслужить, такая любовь даромъ не дается! Здѣсь чувствовалась сильная нравственная связь между учащими и учащимися. А при существованіи такого условія школа должна была оказывать громадное воспитательное вліяніе.

„Не однѣ ученицы выразили такое глубокое неподдѣльное сочувствіе, но также и учительницы со слезами на глазахъ прощались съ распорядительницей, высказывая ей свое сочувствіе въ теплыхъ, задушевныхъ словахъ; нѣкоторыя даже плакали“.

Съ осени М. И. Золотарева открыла новую женскую воскресную школу, обратясь на этотъ разъ уже въ духовное вѣдомство. Вотъ что пишетъ она по этому поводу:

„Сочувственные статьи въ нѣкоторыхъ журналахъ и газетахъ смягчили горечь происшедшаго со мною во время завѣдыванія воскресною школою Общества содѣйствія народному образованію, и я, сдавъ инспектору народныхъ училищъ по описи имущество прежней школы, рѣшилась хлопотать объ открытіи второй воскресной школы въ Новочеркасскѣ, зная изъ опыта, какъ нуждается населеніе въ

такой школѣ. Правда, рѣшеніе свое я медлила приводить въ исполненіе: боязнѣ повторенія пережитаго останавливала меня; апатія стала овладѣвать мною, но, благодаря настояніямъ близкихъ мнѣ людей, благодаря сочувствію многихъ учительницъ прежней воскресной школы, я ободрилась и 9 іюня подала слѣдующее прошеніе:

„Его высокопреосвященству, высокопреосвященнѣйшему Аонасію, архіепископу донскому и новочеркасскому

жены статскаго совѣтника Маріи Ивановны Золотаревой, жительствующей въ г. Новочеркасскѣ, по Арсенальной ул., въ д. № 20,

Прошеніе.

„Желая устроить и содержать на свои средства и на пожертвованія, какія могутъ поступить, въ г. Новочеркасскѣ женскую воскресную школу по плану и программамъ двухклассной церковно-приходской школы для лицъ, неимѣющихъ возможности посѣщать ежедневныя школы, я, на основаніи правилъ о церковно-приходскихъ школахъ, предоставляющихъ вашему высокопреосвященству разрѣшать къ открытію воскресныхъ школы, имѣю честь покорнѣйше просить разрѣшенія и благословенія вашего высокопреосвященства на открытіе такой школы въ зданіи Михайловской двухклассной церковно-приходской школы. При этомъ имѣю честь присовокупить, что отвѣтственность за православное направленіе школы, кромѣ меня, изъявилъ желаніе взять на себя еще священникъ Троицкой церкви о. Іоаннѣ Вуколовъ. 6 іюня 1897 г.

М. Золотарева.

„Разрѣшеніе на открытіе воскресной школы, съ благодарностью должна сказать, я получила очень скоро, а именно 4 іюля, при чемъ архіепископъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы новочеркасское отдѣленіе епархіальнаго совѣта оказало мнѣ полное содѣйствіе по открытію и устройству школы. 24 августа настоящаго года состоялся пріемъ ученицъ въ новую частную женскую воскресную школу. Несмотря на то, что объявленія объ открытіи школы появились почти наканунѣ дня, объявленнаго для пріема, тѣмъ не менѣе въ первое же воскресенье было принято 65 ученицъ, во второе—85 и въ третье—50, всего—200. Больше принимать не рѣшаемся, такъ какъ средства пока малы, а расходы вначалѣ велики, да и мебели классной мало, хотя въ нашемъ распоряженіи и имѣется 6 комнатъ. При школѣ для желающихъ будутъ уроки шитья и кройки два раза въ недѣлю, въ вечерніе часы. Въ виду наплыва малолѣтнихъ, которыхъ

нѣтъ возможности принять на воскресенье, рѣшаемъ устроить для нихъ занятія по буднямъ, отъ 3 до 5 часовъ“.

7 сентября состоялся въ школѣ молебенъ. Описаніе его беремъ изъ газеты „Донская Рѣчь“: „Въ воскресенье, 7 сентября, школу удостоилъ своимъ посѣщеніемъ высокопреосвященный архіепископъ Аонасій и преподалъ свое благословеніе учащимъ и учащимся. Въ 11 часовъ утра было совершено молебствіе передъ началомъ учебныхъ занятій. На молебнѣ присутствовали многія почетныя лица города.

„Передъ молебномъ высокопреосвященный Аонасій произнесъ почувствованное слово о долгѣ нравственнаго и умственнаго совершенствованія во всѣхъ возрасты жизни.

„По совершеніи молебствія епархіальный наблюдатель Н. Я. Крупскій, обращаясь къ собравшимся почетнымъ гостямъ и учащимъ, сказалъ прекрасную рѣчь, въ которой выяснилъ положеніе и значеніе воскресныхъ школъ, особенно женскихъ, въ ряду другихъ образовательныхъ учреждений, указалъ на важность распространенія грамотности среди женскаго населенія и объявилъ, что открываемая школа, какъ и большинство существующихъ воскресныхъ школъ, обязана своимъ происхожденіемъ частной инициативѣ, а именно опытной дѣятельницѣ по воскресно-школьному образованію М. И. Золотаревой и кружку мѣстныхъ учительницъ и учителей. Въ заключеніе Н. Я. Крупскій, пожелавъ вновь открытой школѣ успѣха и процвѣтанія, прочиталъ полученную въ этотъ день слѣдующую телеграмму отъ Х. Д. Алчевской: „Общество учительницъ харьковской частной женской воскресной школы въ первомъ своемъ собраніи, 6 сентября, постановило выразить вамъ живѣйшее чувство радости по случаю открытія новой воскресной школы, руководительницей которой являетесь вы, глубокоуважаемая Марія Ивановна“.

„Послѣ молебна было пожертвовано лицами, сочувствующими открытію новой школы, 55 рублей; да раньше любителями драматическаго искусства былъ устроенъ спектакль въ пользу школы, который далъ чистаго сбора съ пожертвованіями 111 рублей. Многіе выражаютъ удовольствіе по поводу открытія новой воскресной школы и дѣлаютъ пожертвованія какъ деньгами, такъ книгами и учебными пособиями“.

„Всѣ мы, работающіе въ школѣ,—пишетъ М. И. Золотарева,—дружно принялись за ея устройство. Работа, что называется, кипитъ. Хочется поскорѣе обзавестись всѣмъ необходимымъ. Легко ли начинать все сначала! Хорошо еще, что приходится работать въ кругу почти тѣхъ же лицъ, такъ какъ изъ 20 учительницъ 14 перешли со мною изъ прежней школы“.

Пожелаемъ же успѣха новой школѣ; пожелаемъ ей силы и бодрости, которая ей такъ нужна, такъ какъ прежніе враги слятся причинить ей новыя непріятности; будемъ надѣяться, что на этотъ разъ они не будутъ имѣть успѣха.

Изъ жизни одной воскресной школы ¹⁾

Въ концѣ 80-хъ годовъ въ одномъ изъ южныхъ губернскихъ городовъ процвѣтали народныя чтенія, которыя велись въ нѣсколькихъ городскихъ училищахъ съ туманными картинами и пѣніемъ. Народъ всегда такъ стремился на эти чтенія, что многимъ приходилось отказывать; нѣкоторые забирались задолго до начала чтенія, чтобы только занять мѣста. Видя такое желаніе народа слушать чтеніе, кружокъ учителей и учительницъ задался мыслью открыть въ городѣ школы для взрослыхъ неграмотныхъ. Инициаторы, знакомые съ типомъ такихъ школъ, случайно натолкнулись на статью въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ о харьковской частной женской воскресной школѣ. По прочтеніи ея кружокъ учителей и учительницъ рѣшилъ обратиться къ учредительницѣ этой школы, Х. Д. Алчевской. Скоро отъ нея были получены подробныя указанія для открытія воскресныхъ школъ. Присланные матеріалы оказали большую услугу учителямъ и учительницамъ, неопытнымъ въ предпринимаемомъ дѣлѣ. Матеріалы эти были переданы для ознакомленія инспектору народныхъ училищъ, который, однако, послѣ долгаго молчанія отклонилъ ходатайство кружка. Вскорѣ былъ назначенъ новый инспекторъ. Кружокъ инициаторовъ, потерявшій надежды получить разрѣшеніе, повторилъ свое ходатайство, но и на этотъ разъ безуспѣшно. Новый инспекторъ, какъ и прежній, отнесся несочувственно къ открытію воскресной школы. Тогда кружокъ рѣшилъ обратиться въ городскую думу черезъ одного интеллигентнаго гласнаго съ предложеніемъ бесплатно обучать въ воскресной школѣ при условіи ея открытія по ходатайству думы. Въ то же время кружокъ обратился къ содѣйствію жены губернатора, личности очень симпатичной. Она съ интересомъ отнеслась къ вопросу о воскресныхъ школахъ и общала просить городского голову объ открытіи такой школы въ городѣ. Быть попечительницей школы она съ сожалѣніемъ отказалась, такъ какъ должна была скоро оставить городъ. Вмѣсто себя, она предложила нѣсколькихъ лицъ изъ мѣстнаго аристократическаго общества, но всѣ они отказались принять какое бы то ни было участіе

¹⁾ Составлено по доставленнымъ намъ замѣткамъ и дневникамъ двухъ бывшихъ участницъ описываемой школы.

въ этомъ дѣлѣ. Тѣмъ временемъ въ мѣстныхъ газетахъ помѣщались статьи о харьковской воскресной школѣ, при чемъ выяснялась настоящая потребность въ такихъ школахъ и для мѣстныхъ обывателей: изъ отчетовъ статистическаго комитета видно было, что значительное количество городского населенія было неграмотно.

Заручась общаніемъ городского головы открыть школу, кружокъ учителей и учительницъ, воспользовавшись наступившими каникулами, сталъ дѣлательно готовиться къ занятіямъ въ воскресной школѣ: читали методички, подыскивали трехъ взрослыхъ неграмотныхъ ученицъ и стали ихъ обучать; каждая учительница, подготовившись, вела урокъ, а другіе слушали ея, записывали свои замѣчанія, а потомъ сообща разбирали урокъ. Съ наступленіемъ осени пріѣхалъ новый губернаторъ. Такъ какъ дума не подвигала вопроса о воскресной школѣ, то организаторы обратились къ женѣ губернатора за содѣйствіемъ, которое она и общала. Вскорѣ инспекторъ народныхъ училищъ пригласилъ учителей и учительницъ къ себѣ и предложилъ имъ письменно заявить думѣ о желаніи бесплатно обучать въ открывающейся воскресной школѣ. Не откладывая дѣла, кружокъ подалъ свое заявленіе въ думу. На ближайшемъ засѣданіи думы рѣшено было единогласно открыть тотчасъ же женскую школу, ассигновавъ на это 100 рублей и предоставивъ въ распоряженіе инспектора городскую школу. Распорядительницей школы инспекторъ, по непремѣнному своему желанію, назначилъ одну изъ приходскихъ учительницъ, а другимъ приходскимъ учительницамъ предложилъ непремѣнно обучать въ воскресной школѣ. Такія вынужденныя участницы не могли быть полезны дѣлу; напротивъ, онѣ враждебно относились и къ школѣ, и къ остальнымъ учительницамъ; такимъ образомъ, уже съ самаго открытія школы начались ея злословія. На второе же воскресенье распорядительница, назначенная инспекторомъ, отказалась отъ возложенной на нее обязанности; распорядительницу, избранную большинствомъ учительницъ, инспекторъ не утвердилъ, высказавъ недовѣріе къ ея личности, а предложилъ распорядительство одной изъ классныхъ надзирательницъ женской гимназіи, бывшей тоже преподавательницей воскресной школы, говоря: „Вы служите въ казенномъ учрежденіи, поэтому я могу вамъ доверить школу“. За отказомъ и классной надзирательницы, инспекторъ предложилъ распорядительство одной частной учительницъ, лично ему знакомой, на что она и согласилась. Все это произошло въ первый двѣ недѣли существованія школы, вслѣдствіе, чего порядокъ не могъ конечно, установиться съ самаго начала занятій. Во второе воскресенье школу посѣтила жена губернатора, отнеслась ко всему съ интересомъ и, замѣтивъ тѣсноту помѣщенія, общала хлопотать

о переходѣ школы въ другое, болѣе обширное, помѣщеніе. Въ самомъ дѣлѣ, на третье воскресенье занятія происходили уже въ зданіи четырехкласснаго училища, гдѣ воскресная школа могла располагать пятью комнатами и нѣкоторыми учебными пособиями. Но и это помѣщеніе скоро было переполнено. Ученицъ было принято болѣе 150. Въ школѣ было такъ тѣсно, что даже на переменахъ ученицамъ приходилось сидѣть на мѣстахъ; воздухъ сильно портился; подымалась пыль; форточки помогали мало. Нѣкоторыя ученицы жаловались, что устаютъ сидѣть на одномъ мѣстѣ три часа кряду; нѣкоторыя даже выходили изъ школы по этой причинѣ, хотя всегда говорили, что школой и учительницами довольны. Пріемъ малолѣтнихъ былъ прекращенъ, да и взрослымъ приходилось отказывать. Часто распорядительница школы подходила смущенная къ учительницамъ и говорила: „Какъ же быть, господа, право, надо принять эту дѣвушку; слушайте, что она мнѣ говоритъ“. И тутъ часто слышались такія трогательныя просьбы, такое желаніе учиться, что единогласно рѣшалось: „Принимайте, принимайте!“ Одна дѣвчурка, напримѣръ, на отказъ распорядительницы принять ее, обернувшись къ пришедшей съ нею матери и сказала: „Вотъ не берутъ, а я всю дорогу „Богородицу“ читала“. Какъ тутъ было отказать! Случались же и заявленія такого рода: „Не принимаете, ну я къ губернаторшѣ пойду; вѣдь это она школу-то содержитъ!“ Хотя и это свидѣтельствоvalo о сильномъ желаніи учиться и энергіи, но такое грозное заявленіе не смягчало сердце учительницъ. Въ то же время на собраніяхъ учительницы обсуждали, какъ помочь горю, т.-е. какъ избѣжать отказа въ пріемѣ ученицамъ. Однако, за недостаткомъ учительскаго персонала и мѣста, придумать ничего не могли. Привлечь новыхъ участниковъ было нелегко: слишкомъ слабо было знакомство съ идеей воскресныхъ школъ даже среди лицъ педагогическаго поприща; кромѣ того, въ обществѣ циркулировали недоброжелательныя слухи, вредившіе школѣ.

Между тѣмъ, симпатія и сближеніе между учительницами и ученицами развивались; ученицы понимали и цѣнили старанія и труды своихъ учительницъ и съ первыхъ же шаговъ благодарно относились къ школѣ. Непривыкшія видѣть въ „господахъ“ простое, теплое обращеніе, онѣ ломали голову надъ вопросами: кто придумалъ школу? на чьи средства? для чего? До учительницъ дошли отголоски этихъ толковъ въ видѣ вопроса одной изъ неграмотныхъ ученицъ, обращеннаго къ учительницѣ: „А что, правда, что воскресную школу устроила губернаторша, чтобы научить простыхъ женщинъ грамотѣ и послѣ брать ихъ въ сестры милосердія?“

Въ 18—20 воскресній неграмотныя научились читать и писать.

И надо было видѣть ихъ довольныя, сіяющія лица, когда учительница одобряла ихъ за прочтенную или написанную фразу. Благодарностямъ ихъ не было конца. Одна ученица все просила у учительницы мѣрку съ пальца, говоря: „У меня братъ золотыхъ дѣлъ мастеръ; когда узналъ, что я читать научилась, говорить: „Принеси мѣрочку, я твоей учительницѣ колечко сдѣлаю“. Еще взрослая ученица изъ группы неграмотныхъ, познакомясь съ алфавитомъ, принесла учительницѣ въ подарокъ пирожное и фунтъ кофе; когда же та ей стала объяснять, что этого дѣлать не нужно и что пусть она лучше отнесетъ это своимъ дѣтишкамъ, то она огорчилась и сказала: „Не обижайте меня, вѣдь я васъ полюбила, какъ свое дитя, и такъ вамъ благодарна, что теперь могу сама и книжечку прочесть и бѣлье записать“ (она служила кастеляншей въ богадѣльнѣ). Были въ школѣ и двѣ старушки, лѣтъ по 60, съ очками на носу, читавшія съ наслажденіемъ по-славянски и учившіяся писать.

Вскорѣ послѣ перехода школы въ новое помѣщеніе учительницы городскихъ училищъ выбыли изъ школы, и, казалось, въ школѣ долженъ былъ водвориться миръ. Но непріятности грозили уже съ другой стороны; инспекторъ посѣщалъ школу почти каждое воскресенье, выслушивалъ уроки, а особенно внимательно прислушивался къ занятіямъ въ группѣ грамотныхъ ученицъ. Здѣсь чтеніе велось по второй книгѣ Ермина и Волотовскаго („Новая книга для класснаго и домашняго чтенія“). При чтеніи такихъ статей, какъ „Кормилица Волга“, „Матушка Россія“ необходимо было прибѣгать къ стѣнной географической картѣ. При учебникѣ была карта Россіи, но очень маленькая, такъ что всему классу невозможно было показывать по ней. Казалось бы, ничего противозаконнаго нѣтъ въ томъ, если учитель показываетъ въ школѣ на стѣнной картѣ Москву, Петербургъ, Волгу, Каспійское море и т. д.; между тѣмъ, инспекторъ былъ крайне недоволенъ этимъ; однако, открыто высказаться не рѣшился, но послѣ этого каждый разъ говорилъ и учительницамъ, и вѣдъ школы, что обучать грамотныхъ ученицъ въ воскресной школѣ лишнее, что, если дѣвушка знаетъ бе-а—ба, то этого съ нея довольно; вообще выражалъ неудовольствіе противъ группы грамотныхъ. Между тѣмъ, группу эту нельзя было даже назвать грамотной: ученицы и читали-то еще плохо, а диктовку писали совсѣмъ слабо; не умѣли даже дѣлать слова на слоги при переносѣ, а многія еще и буквы писали плохо; объ орфографическихъ ошибкахъ и говорить нечего, обученіе письму пришлось начать съ самыхъ первоначальныхъ правилъ по руководству Пуцыковича. Конечно, инспекторъ всегда могъ удостовериться въ безграмотности группы грамотныхъ, но онъ этого избѣгалъ и продолжалъ высказываться противъ занятій въ этой группѣ.

Разъ какъ-то учительница не вытерпѣла и попробовала объяснитьсь съ инспекторомъ; онъ ей отвѣтилъ: „Положимъ, ученицы неграмотно пишутъ, а на что дѣвущкѣ грамотное письмо?“ А между тѣмъ, многія изъ этихъ дѣвущекъ жаждали учиться; инныя выражали желаніе подготовиться для поступленія въ мѣстную повивальную школу, говорили и о курсахъ Общества Краснаго креста, которые еще только предполагалось открыть въ городѣ. Въ самомъ дѣлѣ, весною того же года двѣ способныя ученицы изъ группы грамотныхъ выдержали экзаменъ по русскому языку и арифметикѣ въ повивальной школѣ. Сколько радости было, когда ихъ приняли! Тотчасъ же всѣ ученицы узнали это и оживленно бесѣдовали объ этомъ и съ учительницами, и между собою.

Въ первомъ же году существованія школы были устроены два праздника для ученицъ. На первомъ праздникѣ ученицамъ были показаны опыты съ магнитомъ, при чемъ элементарно объяснялись явленія съ магнитной стрѣлкой, рассказывалось о компасѣ; пробова-ли силу электрическаго тока, составивъ кольцо изъ ученицъ, и всѣ съ большимъ интересомъ поочередно подходили и составляли цѣпь; объяснялся на приборѣ электрическій звонокъ; смотрѣли въ двояко-выпуклыя зеркала и стереоскопъ (другихъ приборовъ не было подъ руками). Всѣ были очень довольны опытами; чтобы проверить, насколько ученицы понимали объясненіе, учительница по отдѣльнымъ вопросамъ переспрашивала ученицъ. Съ ученицами явились и ихъ родители, такъ что было тѣсно; многіе стояли, и все-таки порядкомъ при опытахъ былъ образцовый: всѣ сидѣли или стояли спокойно и съ напряженнымъ вниманіемъ слушали объясненія учительницы, слѣдя съ любопытствомъ за опытами. Послѣ опытовъ нѣкоторыя ученицы прочли наизусть стихотворенія Некрасова: „Школьникъ“, „Нищія“, „Мужичокъ“; учительница прочла рассказъ Вучетича „Красный фонарь“. Съ какимъ напряженіемъ слушала вся толпа это чтеніе! Видимо, рассказъ очень понравился и ученицамъ, и ихъ родственникамъ. Затѣмъ ученицы хоромъ пѣли народныя пѣсни. Въ антрактѣ имъ были розданы лакомства, купленные учительницами въ складчину. Учащіяся держались весело и непринужденно, чувствуя простое и доброе отношеніе къ себѣ со стороны учительницъ. На этомъ же праздникѣ всѣ ученицы получили въ подарокъ по экземпляру Евангелія. Послѣ всего показывались туманныя картины разнообразнаго содержанія.

Второй школьный праздникъ былъ на Пасхѣ. Учительницы устроили дѣтскій спектакль съ „настоящей“ сценой, декорациями. Пьеса „Сиротка“, доступная по сюжету и интересная какъ для дѣтей, такъ и для взрослыхъ, была очень хорошо исполнена малыми ар-

тистами. Залъ былъ полонъ учащихся; на лѣстницѣ толпились родные ученицъ, прося и имъ позволить посмотрѣть на спектакль, но впускать уже больше некуда было. Веселое настроеніе всѣхъ собравшихся, удачно исполненная пьеса, чистый дѣтскій смѣхъ, непрерывно раздававшійся то тамъ, то тутъ, — все вмѣстѣ доставило столько удовольствія ученицамъ, что онѣ долго по окончаніи спектакля благодарили учительницъ. Когда послѣ праздниковъ началось ученіе, многія ученицы съ удовольствіемъ вспоминали всѣ подробности спектакля. Были и такія, которыя въ первый разъ видѣли сцену и представленіе; онѣ долго говорили о театрѣ, до мельчайшихъ подробностей рассказывали домашнимъ все, что видѣли.

Въ концѣ учебнаго года въ воскресной школѣ были устроены проверочныя испытанія съ цѣлью поднять въ обществѣ мнѣніе о воскресной школѣ; на экзаменѣ присутствовали инспекторъ и знакомый учитель-ассистентъ изъ семинаріи; оба они вынесли хорошее впечатлѣніе. Общее мнѣніе было, что ученицы воскресной школы, бывшія неграмотными, успѣли въ 27 уроковъ научиться грамотѣ; малограмотныя же стали довольно порядочно читать и связно передавать содержаніе прочитаннаго. Ученицъ было такъ много, что проэкзаменовать ихъ по письму не было возможности.

Многія учительницы были противъ введенія въ воскресной школѣ экзаменовъ. Конечно, можно обойтись и безъ официальныхъ испытаній; можно добросовѣстно и подробно составлять каждой учительницѣ отчеты о своей группѣ; по этимъ отчетамъ можно судить о годовичныхъ успѣхахъ и прилежаніи учащихся. Для повѣрки же пройденнаго каждая учительница должна была бы въ срединѣ учебнаго года повторять правила правописанія, переспрашивать о свѣдѣніяхъ, полученныхъ при объяснительномъ чтеніи за нѣсколько уроковъ, безъ вмѣшательства прочихъ учительницъ; правда, инымъ учительницамъ интересно было бы лично знать, какъ пишутъ и читаютъ ученицы въ другихъ группахъ, долго ли учились, прежде чѣмъ достигли извѣстныхъ успѣховъ; конечно, возможно допустить репетированіе въ группѣ въ присутствіи другихъ учительницъ, если отношенія преподающихъ хорошия и откровенныя.

Лѣтомъ въ городѣ была эпидемія холеры, вызвавшая народные безпорядки. До учительницъ стали доходить слухи, что отношеніе властей къ школѣ измѣнилось; на сочувствіе жены губернатора нельзя уже было рассчитывать. Втеченіе августа и сентября учительницы нѣсколько разъ ходили къ инспектору осведомляться, когда можно будетъ начать пріемъ въ воскресную школу. Въ прочихъ школахъ уже происходило ученіе. Инспекторъ говорилъ, что еще рано. Учительницы все же не теряли надежды на возобновленіе занятій

и энергично устраивали частныя собранія для обсужденія дальнѣйшаго веденія дѣла; тутъ же читались методики съ новыми неопытными учительницами и давались пробныя уроки. Между разсмотрѣнными на собраніяхъ вопросами, которыхъ было болѣе тридцати, интереснѣе другихъ слѣдующіе:

Рѣшено было отдавать предпочтеніе ученицамъ, учившимся раньше, передъ вновь поступающими, такъ какъ учительницы придавали большое значеніе продолжительному общенію ученицъ со школою.

Предположено было составить систематическія программы по правописанію и арифметикѣ и систематическій перечень статей и рассказовъ для объяснительнаго чтенія по книгамъ Вологовскаго и Л. Н. Толстого.

Рѣшено было непременно вести школьныя дневники, записывая въ нихъ все касающееся ученицъ, а также каждый урокъ подробно, особенно по объяснительному чтенію, отмѣчая: поняли ли ученицы статью, какъ отнеслись къ идеѣ ея, насколько хорошо были пересказъ ученицъ, кто не владѣетъ рѣчью, много ли такихъ ученицъ въ группѣ, кто хорошо умѣетъ рассказывать, рассказываютъ ли по плану систематически или отрывочно. Самой учительницѣ необходимо составлять наканунѣ урока въ дневникѣ планъ пересказа и по немъ помогать ученицамъ составлять его въ классѣ. Хорошо также записывать этотъ планъ на класной доскѣ (въ группахъ грамотныхъ). Впослѣдствіи одна изъ ученицъ будетъ писать планъ подъ диктовку прочихъ ученицъ; учительницѣ же останется только кое-гдѣ направлять ученицъ.

Относительно библіотеки рѣшено было озаботиться ея пополненіемъ, при чемъ обратить вниманіе на отдѣлы по естественнымъ наукамъ и прикладной гигиенѣ; желательно было бы также имѣть книги, которыя удовлетворяли бы учащихся, какъ ремесленниковъ, знакомили бы ихъ съ усовершенствованіями въ ремеслахъ, дѣлая тѣмъ ихъ трудъ болѣе успѣшнымъ и прибыльнымъ. Установленъ былъ также слѣдующій порядокъ выдачи книгъ: библіотекаръ, выдавая книгу, лишь кратко отмѣчаетъ въ журналѣ, понравилась ли прочитанная книга, или нѣтъ. Подробно же разспрашивать о прочитанномъ должна каждая учительница въ своей группѣ, заноси отвѣты ученицъ въ свой школьный дневникъ. При составленіи отчета по библіотекѣ, на основаніи этихъ замѣтокъ, должны быть составлены списки книгъ, наиболѣе интересныхъ для ученицъ.

Въ тѣ праздники, когда въ воскресной школѣ не бываетъ занятій, проектировалось читать ученицамъ лучшія изъ произведеній родной литературы, выбирая изъ нихъ такія, которыя оказывали бы нравственно-воспитательное вліяніе на ученицъ. Этими чтеніями на-

дѣялись, кромѣ того, воспитать въ ученицахъ эстетическое чувство, любовь къ изящному и научить ихъ выразительно читать. Для той же цѣли впослѣдствіи можно было бы организовать систематическія чтенія и музыкальные вечера, въ которыхъ принимали бы участіе сами ученицы, выхлопотать для нихъ удешевленные билеты въ городскомъ театрѣ. Одновременно съ веденіемъ литературныхъ чтеній, предполагалось удѣлять мѣсто и чтенію дѣловыхъ статей, выдавая въ связи съ нимъ ученицамъ книги на домъ, познакомить ученицъ съ главнѣйшими физическими явленіями, производя рядъ опытовъ, а также подробно изучить съ ученицами мѣстный музей.

Въ виду того, что многія ученицы съ любопытствомъ спрашивали у своихъ учительницъ относительно открытія и организаціи воскресной школы, признано было желательнымъ въ срединѣ учебнаго года, послѣ нѣкотораго ознакомленія съ ученицами, устроить по этому поводу бесѣду, въ которой рассказать и о другихъ воскресныхъ школахъ.

Предполагалось составить альбомъ стихотвореній Пушкина, Лермонтова и другихъ поэтовъ по заранее разработанному плану отдѣльно для взрослыхъ и для малолѣтнихъ ученицъ.

Рѣшено было обмѣниваться ежегодно отчетами со всѣми прочими воскресными школами.

Въ половинѣ октября учительницы добились, наконецъ, отъ инспектора разрѣшенія возобновить занятія въ школѣ. Послѣ молебна одинъ изъ молодыхъ священниковъ сказалъ ученицамъ прочувствованную рѣчь, такъ что всѣ ученицы плакали. Послѣ послѣднихъ словъ священника: „И дай Богъ вамъ выйти изъ школы просвѣщенными нравственно; будьте дочерьми свѣта и дня, а не тьмы и ночи“, ученицы хоромъ поблагодарили священника и въ одинъ голосъ сказали съ нимъ: „Ученье — свѣтъ, а неученье — тьма“, какъ нѣчто для нихъ знакомое и утвержденное въ сознаніи.

Первое воскресенье прошло благополучно. Ученицы радостно разсѣлись по мѣстамъ и привѣтливо кланялись знакомымъ учительницамъ. Прошлагодныхъ ученицъ было очень много; въ группѣ грамотныхъ сидѣли всѣ прежнія ученицы. На второе воскресенье явился инспекторъ и сталъ, не предупредивъ учительницъ, выводить изъ школы ученицъ, которыя уже умѣли читать. Ученицы долго просили оставить ихъ, но онъ приказывалъ удалиться. Между другими инспекторъ узналъ двухъ ученицъ, когда-то учившихся въ приходской школѣ, и велѣлъ имъ также уходить, но онѣ смѣло заявили, что не хотятъ: плохо пишутъ. Инспекторъ на пробу сталъ диктовать имъ; онѣ писали съ грубыми ошибками; онѣ ихъ оставилъ. Когда онъ ушелъ, ученицы, смѣясь, сказали, что „нарочно писали съ

ошибками, чтобы их инспекторъ не погналъ". Учительницы были сильно смущены и сконфужены этой сценой и просили инспектора заранее опредѣлить, кого принимать въ школу и кого нѣтъ. И безъ того весь первый годъ преимущество отдавалось неграмотнымъ: въ группѣ грамотныхъ было всего 16 ученицъ. На третье воскресенье учительницы, шедшія утромъ въ школу, были удивлены, видя ученицъ, возвращавшихся изъ школы. Оказалось, что сторожа никого не пускали. Въ школѣ стоялъ шумъ и стукъ; рабочіе вставляли двойныя рамы, гѣли пѣсни. Такое отношеніе инспектора, который не считалъ даже нужнымъ предупредить учительницъ о закрытіи школы, очень обидѣло всѣхъ. На занятія пришелъ и священникъ-законоучитель; онъ сильно обидѣлся, когда узналъ, что безъ предупрежденія закрыли школу, хотѣлъ непремѣнно дать урокъ, но стукъ рабочихъ, беспорядокъ во всѣхъ классахъ не дали ему заняться, и онъ ушелъ. Сторожа какъ будто понимали „новое вѣяніе“, грубо гнали съ лѣстницы ученицъ, не позволяя имъ подняться въ залъ и поговорить съ учительницами. Погода была осенняя; на улицахъ стояла слякоть и грязь; ученицы пришли изъ дальнихъ окраинъ; имъ не давали передохнуть, гнали обратно на улицу. Учительницы рѣшили ждать инспектора до 2 часовъ: онъ каждое воскресенье приходилъ въ школу, но въ этотъ день не явился. Ученицы постепенно расходились по домамъ. На ихъ вопросы: гдѣ будетъ школа? когда начнутся занятія? разъ сто пришлось отвѣчать: „Ничего не знаемъ; надѣмся, скоро школа откроется въ новомъ помѣщеніи“.

Черезъ нѣсколько дней учительницы отправились къ инспектору. Онъ принялъ ихъ очень сухо, говорилъ, что въ воскресную школу принимали всѣхъ дѣвушекъ безъ разбора, что въ холерныхъ безпорядкахъ женщины отличались, вѣрно, были между ними и ученицы воскресной школы, наконецъ, сказалъ, что упорное желаніе учительницъ непремѣнно имѣть воскресную школу ему крайне не нравится.

Официально закрытіе школы было объяснено опасностью занесенія заразы въ училище, гдѣ по буднямъ учились дѣти. Между тѣмъ, по воскресеньямъ въ томъ же училищѣ велись вечернія народныя чтенія, и инспекторъ ничего не имѣлъ противъ этого; а на чтеніе собирались рабочіе изъ бѣдныхъ классовъ населенія, которые дома свои не дезинфицируютъ, отъ болѣзней часто не лѣчатся. Почему-то инспекторъ не боялся народными чтеніями занести заразу въ училище. Еще до открытія воскресной школы, на первомъ же засѣданіи, инспекторъ осмѣялъ предложеніе учительницъ имѣть при школѣ своего врача, назвавъ его даже неприличнымъ для женской школы. Тогда учительницы предложили имѣть женщину-врача, но инспекторъ нашелъ это излишнимъ. Тутъ же онъ считалъ необходимымъ озабо-

титься здоровьемъ учениковъ училища и гарантировать ихъ отъ заразы высыланіемъ именно воскресной школы.

Все же было сдѣлано еще нѣсколько попытокъ возобновить занятія; просили, напримѣръ, инспектора позволить брать изъ бывшаго помѣщенія воскресной школы мебель, обѣщая каждый разъ послѣ уроковъ дезинфицировать ее, и начать обученіе въ зданіи, которое соединялось общимъ коридоромъ съ прежней школой и стояло пустое, но инспекторъ отклонилъ эту просьбу учительницъ, такъ же, какъ и всѣ дальнѣйшія ихъ попытки. И такъ школа погибла.

Прошло три года. Несмотря на всѣ невзгоды, искра надежды все еще тлѣла въ сердцахъ участниковъ воскресной школы. Нѣкоторыя учительницы, участвовавшія въ закрытой воскресной школѣ, побывали на Нижегородской выставкѣ въ павильонѣ воскресныхъ школъ и вернулись оттуда съ новымъ запасомъ энергіи, съ новымъ стремленіемъ употребить всѣ усилія, чтобы довести ее до благополучнаго конца. Мечтанія о воскресеніи школы вступили на почву дѣйствительности. Но нуженъ былъ еще длинный рядъ хлопотъ, просьбъ, переговоровъ, пока, наконецъ, открылась новая воскресная школа, и уже въ духовномъ вѣдомствѣ.

Воспоминанія о тифлисской воскресной школѣ ¹⁾.

Весною этого года мнѣ пришлось быть проездомъ въ Тифлисъ, и я воспользовалась этою счастливою случайностью, чтобы побывать въ воскресной школѣ, учрежденной О. В. Кайдановой.

Каждая изъ насъ знаетъ эту школу и ея учредительницу изъ превосходнаго отчета за 11 лѣтъ существованія школы. Помимо отчета, я много слышала объ О. В. Кайдановой отъ лицъ, знающихъ ее довольно близко, почему школа имѣла для меня двойной интересъ. Къ моему великому огорченію, передъ отъѣздомъ изъ Харькова, я узнала, что Ольга Владимировна недавно уѣхала за границу. Несмотря на это, я все же рѣшила остановиться въ Тифлисѣ и если не познакомиться съ О. В., то хотя побывать въ созданной ею школѣ.

Приѣхали мы въ Тифлисъ въ субботу очень поздно — около часа ночи. Утомленная впечатлѣніями отъ Военно-Грузинской дороги, я долго не могла уснуть, думая о предстоявшемъ на другой день посѣщеніи тифлисской школы. Но, несмотря на усталость, уже рано утромъ въ воскресенье я была на ногахъ и отправилась разыскивать

¹⁾ Читано въ собраніи учительницъ харьковской частной женской воскресной школы.

воскресную школу. Послѣ долгихъ поисковъ я увидѣла, наконецъ, скромную черную вывѣску: „Женская воскресная школа“. Передо мной было большое бѣлое зданіе женской гимназіи. Ворота были открыты. Ни во дворѣ, ни въ домѣ не замѣчалось обычнаго движенія. „Вѣроятно, уже начались занятія“, подумала я.

Въ коридорѣ, недалеко отъ входа, видѣлись двѣ женскія фигуры. Это были двѣ молодыя, очень нарядныя дѣвушки, къ которымъ я и обратилась съ просьбой указать, какъ я могу попасть въ школу. Одна изъ нихъ отвѣтила, что школа помѣщается здѣсь, но что занятія еще не начинались. Понемногу мы разговорились, и я узнала, что школой, за отъѣздомъ О. В. Кайдановой, завѣдуетъ Е. Е. В.

— Она теперь читаетъ ученицамъ, — говорила мнѣ одна изъ моихъ собесѣдницъ. — Теперь уже скоро кончатъ.

Въ это время въ концѣ коридора открылась дверь, и изъ нея съ шумомъ высыпала толпа ученицъ всевозможныхъ возрастовъ. Всѣ онѣ тѣснымъ кольцомъ окружали учительницу, которая съ трудомъ подвигалась впередъ. Мнѣ сказали, что это Е. Е. В., и я пошла къ ней навстрѣчу. Увидѣвъ меня, она, съ трудомъ пробираясь между ученицами, подошла и протянула руку.

— Желаете заниматься въ школѣ? — очень просто и ласково обратилась она ко мнѣ.

Я объяснила ей причину моего прихода и назвала себя. Мнѣ трудно было говорить, такъ какъ вокругъ насъ стоялъ невообразимый шумъ, среди котораго можно было разобрать:

„— Дайте мнѣ почитать!..“ „Мнѣ на домъ дайте!..“ „И мнѣ...“ „И мнѣ...“ — раздавались голоса.

— Что онѣ у васъ просятъ? — невольно заинтересовалась я, видя какое громадное впечатлѣніе произвела только что прочитанная книжка.

— Мы читали „Бѣжинъ лугъ“ Тургенева. И видите, какое впечатлѣніе!

Дѣйствительно, оживленные лица ученицъ, окружавшихъ насъ, говорили сами за себя. Наконецъ, мы, съ трудомъ выбравшись изъ толпы, вошли въ небольшую комнату, служащую и библіотекой, и мѣстомъ собранія учительницъ во время перемѣнъ.

Входя въ Тифлисскую школу, я боялась быть въ роли посторонней посѣтительницы; я помнила, что у насъ нинѣ высказывались противъ присутствія на урокахъ постороннихъ лицъ: однѣ учительницы стѣснялись вести при нихъ бесѣду съ ученицами; другія находили, что посѣтителѣ мѣшаютъ, задавая вопросы во время занятій. А теперь я попадала въ незнакомую школу именно такой нежелательной посторонней посѣтительницей. Такъ думала я, и невольно

чувство робости и смущенія не покидало меня, когда я пожимала привѣтливо протянутыя мнѣ руки моихъ новыхъ знакомыхъ. Но общее дѣло, какъ видно, сближаетъ людей: я была для нихъ учительницею Харьковской школы, и онѣ такъ радушно отнеслись ко мнѣ, что не прошло и четверти часа, какъ я чувствовала себя среди нихъ совершенно легко и свободно, какъ „своей“ человѣкъ.

Между тѣмъ звонокъ призывалъ къ занятіямъ. Е. Е. предложила мнѣ посмотреть школу. Въ это помѣщеніе Тифлисская школа перешла сравнительно недавно, послѣ долгихъ мытарствъ по разнымъ мѣстамъ. Теперь школа помѣщается въ трехъ большихъ классахъ нижняго этажа женской гимназіи.

Въ первой комнатѣ занимаются подростки. Когда мы вошли въ нее, занятія уже начались. Въ общемъ, видъ былъ почти тотъ же, что и у насъ: тѣ же внимательныя лица ученицъ, жадно ловящихъ каждое слово учительницы, и тѣ же увлекающіяся учительницы, незамѣчающія ничего, кромѣ своихъ ученицъ, неслышающія окружающаго шума. А шумъ былъ ужасный! Даже мнѣ, привычному человѣку, казалось, что въ такой обстановкѣ нелегко заниматься. Группъ въ классѣ было очень много, такъ какъ группы всѣ очень небольшія. Часто на одной и той же длинной скамьѣ помѣщаются двѣ группы. Учительницы сидятъ среди ученицъ, нѣкоторыя стоятъ.

Меня больше интересовали взрослые ученицы, но боясь, что я отрываю Е. Е. отъ дѣла, заставила меня настаивать, чтобы она шла къ своей группѣ.

— Мнѣ придется заниматься въ двухъ группахъ, — сказала она, — одной учительницы не будетъ.

„Вотъ и прекрасно, — мелькнула у меня мысль, — буду заниматься, чтобъ не стѣснять никого“.

И я предложила Е. Е. располагать мною, какъ педагогическимъ матеріаломъ, на что она охотно согласилась. Мы перешли въ комнату, гдѣ занимаются взрослые. Эта комната была меньше предыдущей, и ученицъ въ ней было не такъ много.

Е. Е. подвела меня къ небольшому столу, поставленному въ углу за классной доской. Здѣсь сидѣли 5 взрослыхъ ученицъ. Онѣ были очень усердно заняты письмомъ арифметическихъ формулъ. Учительницы у нихъ не было, почему Е. Е. и предложила, чтобы онѣ позанимались со мной. Ученицы раздвинулись, давая мнѣ мѣсто у стола. Двѣ изъ нихъ были въ шляпкахъ и мантилькахъ, остальные въ свѣтлыхъ косыночкахъ, которыхъ онѣ такъ и не снимали въ классѣ. Мое вниманіе привлекло типичное лицо армянки; она сидѣла слѣва отъ меня и усердно выводила цифры. Я невольно пробѣжала глазами по остальнымъ четыремъ лицамъ, но они не представляли

ничего типично-восточнаго: одна совсѣмъ блѣлая дѣвушка, другая, съ темнорусыми волосами, скорѣе напоминали малорусскія лица, а двѣ остальные принадлежали къ тому типу, который, ничѣмъ не отличался, трудно запоминается и быстро сглаживается изъ памяти.

Можно было ожидать, что ученицы встрѣтятъ меня недружелюбно, какъ новую, не „свою“ учительницу. Мнѣ приходилось наблюдать, что ученицы нашей школы относятся именно такъ ко всякой новой учительницѣ. Но ученицы довольно добродушно отнеслись къ моему появленію за ихъ столомъ и безъ всякой робости и стѣсненія протянули мнѣ свои тетради съ домашними работами. Просматривая эти работы, я обратила вниманіе на то, что у каждой изъ нихъ были совершенно различныя задачи: у одной, напримѣръ, на сложене въ предѣлѣ десятка, у другой — на всѣ четыре дѣйствія надъ многозначными числами; однимъ словомъ, познанія были совершенно разныя. На домъ имъ было задано по нѣскольку численныхъ примѣровъ изъ задачника Евтушевскаго. Работы были исполнены очень тщательно. „Вы переписывали въ школѣ эти примѣры?“ — спросила я. — „Нѣтъ, у меня есть задачникъ. — И у меня. — А я заходила къ подругѣ и списала. — Я переписала на перемигъ и сейчасъ же и рѣшила“, — говорили мнѣ ученицы. Я нашла всѣ работы хорошо выполненными и похвалила ихъ.

Меня смущало, что я не знаю фамиліи ни одной изъ ученицъ, почему я и спросила, есть ли у ихъ учительницы записная тетрадь. Оказалось, что отчетныхъ тетрадей въ Тифлисской школѣ нѣтъ. Какъ я послѣ узнала, всѣ статистическія записи ведетъ одна учительница (къ сожалѣнію, въ то воскресенье ея не было въ школѣ). Она не только отмѣчаетъ, кто былъ и кто не былъ на занятіяхъ; она записываетъ, чѣмъ занимались въ каждой группѣ, какія происходили бесѣды, какія письменныя работы исполнялись; однимъ словомъ, вся отчетность лежитъ на ней. На мой взглядъ, такой способъ веденія записей — дѣло очень сложное и нелегкое. Мнѣ думается, что способъ, практикуемый въ нашей школѣ, т.-е. отдѣльная отчетная тетрадь каждой группы, гораздо скорѣе достигаетъ цѣли, давая болѣе подробныя и точныя свѣдѣнія. Каждой учительницѣ очень нетрудно записать въ свою тетрадь, что дѣлали ученицы ея группы, но одному лицу слѣдить за двадцатью и больше группами и записывать все, что дѣлается въ каждой изъ нихъ, трудъ очень большой. Мнѣ говорили, что завѣдующая этими записями исполняетъ свою работу въ совершенствѣ. Ну, а если она пропускаетъ учебное воскресенье, какъ и случилось именно въ этотъ день? Въ отчетности не будетъ никакихъ свѣдѣній, а слѣдовательно, нельзя будетъ и

знать, что происходило въ школѣ въ это воскресенье. А вѣдь легко можетъ случиться, что за годъ такихъ воскресеній наберется не одно!

Но вернусь къ своимъ случайнымъ ученицамъ. Занятія наши арифметикой шли очень оживленно, хотя мнѣ приходилось объяснять почти каждой изъ нихъ отдѣльно. Всѣ онѣ слушали очень внимательно, усердно писали, и если не понимали, то перебивали меня словами: „Учительница, я не понимаю этого“, или: „Какъ же записать это, учительница?“ Мнѣ ужасно нравилось такое обращеніе ко мнѣ. Для насъ оно звучитъ странно; въ нашей школѣ ученицы привыкли называть преподавательницъ по именамъ, но именно это слово „учительница“ въ устахъ ученицы воскресной школы звучитъ особенно просто и хорошо. Я первый разъ занималась съ этими ученицами, случайно попала въ эту школу, но я не была для нихъ чужою, я была „учительница“, и этого было совершенно достаточно, чтобы расположить ихъ въ мою пользу и установить между нами простыя и хорошія отношенія.

Часть пролетѣлъ незамѣтно. Прозвонилъ звонокъ. „Вы будете съ нами заниматься?“ — спросила меня очень живая и бойкая блѣлая дѣвушка. „Нѣтъ“, — отвѣтила я, невольно сожальясь, что должна уступить мѣсто постоянной учительницѣ, которая занималась диктовкой и чтеніемъ. „А слѣдующее воскресенье опять занимайтесь съ нами арифметикой!“ — замѣтила другая. Я объяснила, что пришла къ нимъ въ школу только посмотреть и послушать, какъ въ ней занимаются; сказала, что я учу тоже въ воскресной школѣ, но въ другомъ городѣ. Мнѣ невольно вспомнились мои ученицы. „Какъ-то онѣ теперь занимаются?“ — съ грустью подумала я, и, подъ впечатлѣніемъ навѣянныхъ воспоминаній, стала рассказывать о томъ, какая у меня была группа въ нашей школѣ, какъ шли наши занятія. Видно, мой рассказъ очень заинтересовалъ ученицъ. „Такъ вы въ другой школѣ занимаетесь!“ — „Что же, эта школа такая же, какъ и наша?“ — „Намъ говорили, что и въ другихъ городахъ есть воскресныя школы“, — говорили мои слушательницы. — „А когда вы вернетесь, расскажете своимъ ученицамъ, какъ съ нами занимались?“ Я обѣщала, что расскажу о нихъ и о ихъ школѣ. Но тутъ нашу бесѣду прервала Е. Е., пришедшая за мною. Она шла собрать всѣхъ ученицъ, чтобы сдѣлать имъ какое-то заявленіе.

Ученицы въ это время были всѣ во дворѣ; погода была чудесная. Только что Е. Е. показалась на верхней ступенькѣ широкой лѣстницы, ведущей во дворъ, какъ со всѣхъ сторонъ ее окружили ученицы. На лѣстницѣ толпились больше маленькія, и тѣснота здѣсь была ужасная. Многія стояли во дворѣ. Долго Е. Е. не могла го-

ворить: за шумомъ и говоромъ ея голоса не было слышно; наконецъ, тишина была водворена. Я стояла въ сторонѣ, но мнѣ хорошо были видны лица ученицъ: на нихъ было напряженное вниманіе и нетерпѣніе узнать, о чемъ будетъ рѣчь. Каждое слово Е. Е. ясно слышалось какъ толпѣ, помѣстившейся на лѣстницѣ, такъ и оставшимся во дворѣ. Она говорила о прогулкѣ на второй день Пасхи; предполагалось отправиться въ Мцхетъ.

Мцхетъ — небольшое селеніе въ 20 верстахъ отъ Тифлиса. Нѣкогда это былъ цвѣтущій, богатый городъ, резиденція грузинскихъ правителей; теперь это — ничтожное селеніе при слияніи Куры съ Арагвой. Памятникомъ прошлаго служить только старинный величественный соборъ, о которомъ существуютъ въ народѣ интересные преданія. Окрестности Мцхета необыкновенно грандіозны и красивы.

По мѣрѣ того, какъ Е. Е. говорила, выраженіе лицъ ученицъ измѣнялось: изъ напряженно-внимательнаго оно становилось такое радостное, веселое, что пріятно было глядѣть на эти улыбающіяся, оживленные лица. Нѣкоторые изъ младшихъ, не дождавшись конца рѣчи, пускались въ припрыжку по двору. Очень забавно было видѣть эту прыгавшую отъ восторга дѣтвору. Подростки и взрослые поддерживали порядокъ въ толпѣ и успокаивали расхажившихся малышей. Какъ любить и какъ цѣнить ученицы такіа прогулки! Полная свобода и сердечное отношеніе къ нимъ учительницъ даютъ возможность этимъ дѣвушкамъ, съ утра до вечера занятымъ работой, забыть свой нелегкій трудъ, свою часто тяжелую домашнюю обстановку. Эти прогулки — вмѣстѣ и отдыхъ, и интересные бесѣды съ учительницами. Все, что встрѣчается имъ новаго, непонятнаго, все получаетъ объясненіе; то, что обыкновенно проходитъ незамѣтнымъ, получаетъ въ ихъ глазахъ значеніе, смыслъ. Все это передумала я, глядя на радостныя лица этихъ дѣвушекъ и дѣтей, жадно ловившихъ каждое слово Е. Е. Надо было слышать, какимъ дружнымъ хоромъ отвѣтили онѣ ей на вопросы: могутъ ли онѣ ѣхать, придутъ ли къ назначенному часу на вокзалъ. „Да, да! Приду! Поѣду!“

Послѣ перерыва Е. Е. показала мнѣ еще третій классъ. Эта комната, тоже очень большая, была наполнена звуковыми ученицами младшаго возраста. Группы были очень небольшія, всего въ 5—6 человекъ. Здѣсь Е. Е. познакомила меня съ двумя молоденькими учительницами: одной было лѣтъ 17, другая была немного постарше. Интересно то, что это были ученицы той же воскресной школы; теперь онѣ занимались съ небольшою группой звуковиковъ. Занятія шли очень оживленно и, какъ видно, успѣшно: маленькія ученицы прекрасно сливали звуки. Эти двѣ дѣвушки произвели на меня чрез-

вычайно хорошее впечатлѣніе и, вообще, со всей своей группой оставили во мнѣ самое пріятное воспоминаніе. Не только эти двѣ ученицы Тифлисской школы, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, стали учительницами, но и еще есть нѣсколько такихъ же учащихся ученицъ. Я ихъ называю такъ, потому что онѣ, все-таки, продолжаютъ слушать интересующія ихъ бесѣды, т.-е., не переставая быть ученицами, успѣваютъ въ то же время быть и учительницами.

Остальные группы представляли очень интересную картину: онѣ, не обращая вниманіе на окружающее, протяжно, нарастающе повторяютъ за учительницей слова, постигая искусство сливать звуки въ слово; другія уже бойко читаютъ многосложныя слова, при чемъ одна миниатюрная, очень живая дѣвочка съ большими темными глазами, вся уткнувшись въ букварь, старается какъ можно скорѣе прочесть длинное слово и помилосердно выдумываетъ, читая „ворона“ вмѣсто „воротникъ“; тамъ видны наклонившіяся надъ тетрадями темноволосыя и свѣтлыя головки дѣтвторы, усердно выводившей крупными буквами слова. Присутствіе посторонней ихъ нисколько не смущаетъ. Нѣкоторые такъ заняты своимъ дѣломъ, что не замѣчаютъ меня, другія съ любопытствомъ оглядываютъ новое лицо и опять принимаются за работу.

Мои наблюденія были прерваны приходомъ Е. Е., которая спросила меня, интересуюсь ли я письменными работами по картинамъ. Меня такіа работы очень интересовали и особенно у Е. Е.: имя ея упоминается въ отчетѣ, какъ одной изъ учительницъ, прекрасно ведущихъ самостоятельныя письменныя работы по картинамъ. Она предложила мнѣ присутствовать на ея урокѣ. Проходя по коридору, мы увидѣли быстро шедшую намъ навстрѣчу молоденькую дѣвушку. Форменное коричневое платье и черный фартучекъ сидѣли на ней очень ловко, но свдвинувшаяся назадъ шляпа и надѣтая на бокъ пелеринка говорили, что она куда-то очень спѣшила; то же подтверждало и ея разгорѣвшееся миловидное личико.

— А, очень рада васъ видѣть! — обратилась къ ней Е. Е. — Ваши ученицы прошлый разъ плакали безъ васъ.

— Да, я была больна; у насъ дома всѣ переболѣли жабой. Сегодня вотъ запоздала. Теперь уже экзамены близко, времени не хватаетъ.

Все это говорилось быстро, а послѣднія слова она оканчивала палоту, торопливо входя въ классъ. И въ то же время оттуда донеслось до насъ дружное выраженіе радости по случаю ея прихода. Ея ученицы, видно, ждали своей учительницы и при ея появленіи не могли удержаться отъ шумнаго проявленія радости.

Группа Е. Е. находится въ той же комнатѣ, гдѣ первый часъ занималась я ариеметикой. Е. Е. пошла взять нужную ей картину, а я

воспользовалась временемъ, чтобы ближе познакомиться съ ученицами. Я уже не боялась, что онѣ будутъ меня дичиться, потому что и онѣ тоже видѣли во мнѣ „учительницу“. Группа Е. Е. не очень велика; въ это воскресенье было всего человѣкъ шесть. Это были молодыя дѣвушки, отъ 16 до 20 лѣтъ, не старше. Когда я подошла, у нихъ шла оживленная бесѣда. Я сѣла на первой скамьѣ возлѣ одной изъ нихъ. Это была дѣвушка лѣтъ 19—20, не русскаго типа, необыкновенно франтовато одѣтая, въ шляпкѣ и модной пелеринѣ. Она непринужденно вступила со мною въ бесѣду, охотно и пространно отвѣчая на вопросы. Какъ только мы заговорили, собесѣдка ея, сидѣвшая къ намъ спиною, быстро обернулась и оглядѣла меня съ дѣтскимъ любопытствомъ. Ей было не больше 16 лѣтъ. Небольшой, немного вздернутый носъ придавалъ ея лицу вызывающее выраженіе, но глаза, большіе, сѣрые, смѣющіеся, смягчали это выраженіе, а улыбка, когда она заговорила со мною, окончательно расположила меня въ ея пользу. Я только успѣла сказать съ ними нѣсколько словъ, какъ пришла Е. Е., и вниманіе ученицъ сосредоточилось на принесенной ею картинѣ, сюжетомъ которой была тяжелая семейная драма между мужемъ и женой. Причиной разлада была „разлучница“, какъ и названа самая картина. Ученицы вѣрнѣ схватывали мысль картины, положеніе изображенныхъ лицъ, ихъ душевное состояніе въ данный моментъ и дѣлали очень вѣрные замѣчанія. Всѣ три фигуры, изображенные на картинѣ, получили въ устахъ ученицъ настолько живые образы, что каждому изъ нихъ было дано имя. „Ему и стыдно передъ женой, и самому на себя досадно, что поддался такому малодушію“, — говорила одна. „Не такъ ему, какъ Лушкѣ (т.-е. разлучницѣ), должно-быть, стыдно, что Марья черезъ нее страдаетъ.“ — „А какъ Марья-то, бѣдной, тяжело было входить къ Лушкѣ!“ — продолжали другія. И вотъ ученицы принялись писать. Е. Е. ушла къ другой группѣ, а я осталась и съ интересомъ слѣдила за ходомъ работы. Я не замѣтила, чтобы кто-нибудь изъ ученицъ затруднялась или долго обдумывала; работа шла плавно и довольно быстро. Нѣкоторыя изъ прочитанныхъ мною работъ написаны были очень недурно. Мало того, что онѣ были написаны грамотно (конечно, встрѣчались ошибки, но сравнительно мало, въ большинствѣ случаевъ, вслѣдствіе неправильной рѣчи), но, кромѣ того, онѣ были изложены литературно, что особенно должно цѣниться въ такихъ работахъ. Свои работы ученицы показывали охотно, только у первыхъ двухъ я спросила позволенія прочитать изложенія, остальные сами предлагали мнѣ просмотрѣть тетради. Показывали даже свои прежнія работы, изъ которыхъ мнѣ особенно понравилось изложеніе біографіи Лермонтова.

Послѣ окончанія занятій ученицы не расходились, ожидая чтенія съ туманными картинами, къ которому шли дѣятельныя приготовленія въ одномъ изъ классовъ. Прежде всего, конечно, надо было завѣсить окна, а такъ какъ раньше для этого ничего не приготовили, то пришлось употребить въ дѣло большіе платки, пелеринки, верхнія кофточки. Ученицы охотно несли свои вещи и усердно помогали въ приготовленіяхъ. При помощи булавокъ, собранныхъ тутъ же между присутствующими, удалось сдѣлать импровизованныя занавѣски, которыя хотя и не дѣлали комнату совершенно темной, но все же ослабляли свѣтъ настолько, что можно было показывать картины. Экранъ замѣнила простыня, развѣшенная на стѣнѣ. Столъ, помѣщенный на каедрѣ, придвинули къ этой стѣнѣ и на немъ установили фонарь, скамьи сдвинули въ сторону, и вокругъ стола густой стѣной столпились ученицы. Наконецъ, дверь закрыли; водворилась тишина. На стѣнкѣ отразился небольшой кружокъ слабого свѣта. Фонарь освѣщался керосиновой лампой, немилосердно коптившей. Свѣтъ же отъ этой лампы былъ такъ слабъ, что съ трудомъ можно было различать картину. Показывались картины къ баснямъ Крылова, при чемъ басни говорились ученицами и повторялись нѣсколько разъ. Желавшихъ говорить было такъ много, что не хватило бы времени переслушать всѣхъ, да еще при такой обстановкѣ: духота въ комнатѣ была ужасная; воздухъ былъ переполненъ копотью, густымъ слоемъ покрывавшей столъ и фонарь. Я больше 15 минутъ не могла оставаться въ этой комнатѣ и осторожно вышла; за мною вышли и нѣкоторыя учительницы, но Е. Е. не оставляла своего поста и, несмотря на духоту и на копоть, продолжала показывать картины. Наконецъ, дверь съ шумомъ распахнулась, и въ коридоръ высыпала толпа ученицъ. Я стояла въ дверяхъ и внимательно слѣдила за выраженіемъ лицъ. Я не сомнѣвалась, что наши ученицы, кстати сказать, довольно требовательныя къ чтеніямъ, остались бы очень недовольны такими картинами. Но, къ моему удивленію, я не видѣла ни одного недовольнаго лица: всѣ оживленно дѣлились впечатлѣніями, слышался звонкій смѣхъ при воспоминаніи смѣшной картины къ баснѣ „Квартетъ“.

Ко мнѣ подошли ученицы группы Е. Е. „Вы къ намъ больше не придете, учительница?“ — обратилась ко мнѣ, какъ къ давно знакомой, симпатичная дѣвушка съ сѣрыми смѣющимися глазами, которая мнѣ сразу такъ понравилась, и на мой отрицательный отвѣтъ добавила: — „жаль! ну, прощайте!“ — „А если еще пріѣдете въ Тифлисъ, приходите непременно къ намъ, мы тогда лучше будемъ писать!“ — прибавила другая, протягивая мнѣ руку. — „Да приходите непременно, вы намъ очень понравились“, — наивно, по-дѣтски, за-

мѣтила дѣвушка съ темными задумчивыми глазами, которая раньше говорила со мной мало и неохотно. Меня невольно смутили эти слова, сказанныя такъ чистосердечно и просто. „Да и вы мнѣ очень понравились!“ — отвѣтила я, сердечно пожимая протянутыя мнѣ руки. И мои слова были вполне искренни, — эти дѣвушки, дѣйствительно, оставили во мнѣ самое хорошее впечатлѣніе.

Я пошла проститься съ Е. Е. и застала ее за уборкой фонаря и картинъ. Ея лицо, платье, руки были покрыты копотью, но видъ у нея былъ такой бодрый, какъ будто она не работала съ утра до четырехъ часовъ безъ отдыха. Распрощавшись съ нею и еще съ тремя оставшимися учительницами, я вышла изъ школы подъ такимъ хорошимъ впечатлѣніемъ, что трудно передать. „Снесите отъ насъ привѣтъ вашей школѣ и вашимъ сотоварищамъ!“ — сказали мнѣ на прощанье. И вотъ, почти полгода спустя, я могу передать издали отъ людей, хотя и незнакомыхъ намъ, но близкихъ по общему дѣлу, этотъ дружественный привѣтъ моимъ сотоварищамъ и нашей дорогой школѣ.

О. Аристархова.

Симбирская женская воскресная школа *).

Симбирская женская воскресная школа открыта въ воскресенье, 28 сентября 1897 года, въ часъ дня. За двѣ недѣли до ея открытія по городу были расклеены о томъ объявленія, и за этотъ срокъ у устроительницъ школы записалось 27 желающихъ учиться, преимущественно взрослыхъ дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ, между ними двѣ 35 лѣтъ; подростки было мало. Одну женщину привела къ учительницѣ ея дочь, ученица ежедневной школы: „Запишите, — говоритъ, — ужъ и ее, пускай тоже поучится“. Племянница привела свою тетку: „Въ школу къ вамъ, — говорила тетка, — я ее опредѣляла, а теперь ужъ вотъ и она для меня потрудились, тоже къ вамъ привела“.

Всѣ записавшіяся выражали большое удовольствіе по поводу открытія воскресной школы: „Очень это вы хорошо придумали, — говорили нѣкоторыя, — чтобы въ праздникъ да еще даромъ учить. Не привелъ Богъ до сихъ поръ, такъ, можетъ-быть, теперь выучимся“. Но всѣ онѣ никакъ не могли освоиться и помириться съ мыслью,

*) Сообщено учредительницей школы А. А. Знаменской, видной общественной дѣятельницей г. Симбирска: состоитъ попечительницей нѣсколькихъ ежедневныхъ школъ, председательницей Общества вспоможенія учащимъ и учившимъ въ училищахъ Симбирской губерніи, учредила бесплатную народную бібліотеку-читальню имени Гончарова.

что устроительницы школы берутъ на себя этотъ трудъ совершенно безвозмездно, что ни отъ кого ничего онѣ за это не получаютъ. „Ужъ быть того не можетъ! Ужъ медали какія ни на есть, а дадутъ вамъ за это!“ — говорили онѣ.

Открытіе школы началось молебномъ, который служили три священника. Одинъ изъ нихъ пользуется большою любовью среди населенія Симбирска. Многія ученицы хотѣли получить его благословеніе, увѣренныя, что оно будетъ особенно дѣйствительно въ принимаемомъ ими трудномъ для нихъ дѣлѣ. На открытіи школы присутствовали: директоръ классической гимназіи, инспекторъ народныхъ училищъ, члены училищной комиссіи, городской голова, нѣкоторые гласные думы, учительницы и учителя городскихъ училищъ, а также много постороннихъ лицъ. Послѣ молебна всѣхъ ученицъ посадили въ классъ, и учительницы стали знакомиться съ ихъ познаніями, чтобы раздѣлять ихъ по группамъ. Какъ разъ въ это время была получена сердечная привѣтственная телеграмма Х. Д. Алчевской, произведшая на всѣхъ участниковъ школы хорошее, бодрящее впечатлѣніе.

Новизна обстановки и множество незнакомыхъ лицъ смущали ученицъ; видимо, онѣ чувствовали себя очень стѣсненно; нѣкоторыя отъ смущенія не сразу отзывались на свою фамилію, громко произнесенную учительницей. Когда же посторонняя публика удалась, и ученицы остались съ глазу на глазъ съ учительницами, у нихъ отлегло отъ сердца; онѣ почувствовали себя свободнѣе и стали смѣлѣе отвѣчать на предлагаемые вопросы. Въ первое воскресенье всѣхъ ученицъ раздѣлили на пять группъ: неграмотныхъ, полуграмотныхъ, малограмотныхъ, грамотныхъ и хорошо грамотныхъ. Неграмотныхъ, нигдѣ раньше неучившихся, оказалось 11, всѣ остальные учились раньше или у кого-нибудь изъ своихъ домашнихъ, или въ первомъ классѣ начальныхъ школъ.

И учительницы, и ученицы горячо, рьяно принялись за дѣло. Учительницы прилагали всѣ старанія, чтобы на первыхъ же порахъ заинтересовать и пріохотить къ ученью своихъ новыхъ слушательницъ, а тѣ, въ свою очередь, изъ всѣхъ силъ старались понять и усвоить то, что имъ говорить, и не проронить ни одного слова. Отъ непривычнаго умственного напряженія у нѣкоторыхъ ученицъ выступилъ даже потъ на лбу. Для начала занимались недолго и въ три часа разошлись по домамъ.

Воскресная школа пріютилась въ громадномъ, сравнительно съ размѣрами остальныхъ симбирскихъ домовъ, городскомъ домѣ. Когда-то онъ принадлежалъ извѣстному симбирскому богачу и устроенъ на барскій ладъ: чугунныя лѣстницы, лѣпные потолки, мраморные

подоконники, но въ настоящее время лѣстницы загрязнены, мраморъ на подоконникахъ исцарапанъ и закапанъ чернилами, лѣпныя украшенія потрескались и посѣрѣли отъ множества накопившейся пыли. Теперь домъ этотъ сверху до низу наполненъ школами;верху и внизу мужскія училища, въ среднемъ этажѣ женскія. Какъ только кончаются занятія въ школахъ, съ четырехъ часовъ въ среднемъ этажѣ въ рекреационномъ залѣ женскихъ школъ начинается своя работа тутъ же помѣщенная безплатная народная библіотека-читальня имени И. А. Гончарова; ставятъ нѣсколько скамей, два длинныхъ простыхъ стола, покрываютъ ихъ чернымъ сукномъ, и начинается выдача книгъ. По праздникамъ читальня открывается съ 1 часу, и устроительницы воскресной школы, задумавшія пристроить свое дѣтище въ этомъ же домѣ, въ помѣщеніи женскихъ школъ, боялись, что школа и читальня будутъ мѣшать другъ другу. Но вышло — „въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ“; вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ существуетъ школа, и до сихъ поръ никто изъ посѣтителей читальни, а ихъ очень много, не выразилъ ни малѣйшей претензіи на то, что чтеніе ихъ прерывается доносящимся изъ сосѣднихъ комнатъ однообразнымъ громкимъ чтеніемъ статьи: „О человѣкѣ“ по „Дѣтскому міру“ Ушинскаго, или вдругъ оттуда же раздастся звукъ скрипки и хоръ, голосовъ въ 40, запоетъ: „Спаси, Господи, люди твоя“...

Число ученицъ до сихъ поръ увеличивалось съ каждымъ воскресеньемъ. Въ воскресенье 23 ноября ихъ было 90, изъ нихъ 35 подростокъ отъ 12 до 13 лѣтъ; всѣ остальные старше; 4 женщины отъ 32 до 35 лѣтъ. По занятію ученицы весьма разнообразны: есть между ними горничныя, швеи, дочери и жены разныхъ торговцевъ, писарей, приказчиковъ; одна ученица дѣлаетъ изъ фольги ризы на иконы; наконецъ, есть ученицы, опредѣленныхъ занятій неимѣющія, а занимающіяся домашнимъ хозяйствомъ; 3 ученицы приходятъ только на уроки рукодѣлія: это матери семействъ, желающія научиться кроить, чтобы самимъ шить на себя и своихъ дѣтей; читать и писать онѣ умѣютъ. Были ужъ случаи невозвращенія ученицъ въ школу: одна горничная перемѣнила мѣсто, и ее не стали пускать въ школу; другая уѣхала съ родителями въ деревню.

Пособія, нужныя для занятій въ воскресной школѣ, берутся изъ 5-го женскаго училища, въ помѣщеніи котораго школа устроена. Занятія начинаются съ 12-ти часовъ и продолжаются до 5-ти. До 3-хъ часовъ занимаются чтеніемъ, письмомъ, ариметикой и церковнымъ пѣніемъ, а потомъ рукодѣліемъ. Каждое воскресенье священникъ ведетъ съ ученицами бесѣду, при чемъ ученицы по степени подготовки раздѣлены на 2 группы. Ученицы очень дорожатъ бесѣ-

дами священника и съ напряженнымъ вниманіемъ слушаютъ его. Когда въ первый разъ въ группѣ неграмотныхъ сказали, что пришелъ священникъ и хочетъ побесѣдовать съ ними, онѣ очень смущались и нѣкоторые стали говорить, что „мы еще ничего не знаемъ, мы ничего не сумѣемъ ему сказать, ужъ лучше пусть онъ придетъ потомъ, когда мы подучимся немного“. Ихъ успокоили, сказавъ, что священникъ ничего спрашивать не будетъ, а только самъ будетъ говорить. Священникъ говорилъ о томъ, какъ и кому молиться надо, о крестномъ знаменіи, объ ангелѣ-хранителѣ каждаго человѣка, и такъ просто и увлекательно, что всѣ его заслушались, и, когда прошелъ часъ и надо было кончать бесѣду, ни онъ самъ, ни ученицы не хотѣли вѣрить, что такъ скоро пролетѣло время.

Въ настоящее время всѣ ученицы раздѣлены на пять группъ: изъ нихъ 1-я и 2-я подраздѣляются на малолѣтнихъ и взрослыхъ. Взрослыя неграмотныя просили не заниматься ариметикой, а учить ихъ только читать и писать: ужъ очень имъ хочется какъ можно скорѣе освоиться съ грамотой. Первые слова, прочитанныя ими самостоятельно по книгѣ, вызвали у всѣхъ ихъ нескрываемый восторгъ. Боясь, что 5-тичасовое напряженіе очень утомитъ ихъ, учительницы предлагаютъ имъ устраивать перерывъ между занятіями, но онѣ отказываются отъ него и думаютъ, что это учительницы сами хотятъ отдохнуть: „Ну, вы идите отдохните, а мы пока и безъ васъ попишемъ, или почитаемъ“, — говорятъ онѣ. Малолѣтнія охотнѣе пользуются отдыхомъ и съ удовольствіемъ болтаютъ между собою, бродя по коридору школы, и съ аппетитомъ жуютъ захваченные изъ дома пироги и калачи. Первое время онѣ стѣснялись, не рѣшались брать съ собой ѣду, и къ концу занятій ихъ одолевалъ голодъ. Теперь онѣ освоились со школой и учительницами и застракаютъ, не смущаясь.

Всѣ участники воскресной школы уговорились собираться разъ въ недѣлю для обсужденія школьныхъ дѣлъ. На первомъ же собраніи рѣшено было завести книгу протоколовъ и вносить въ нее постановленія собранія, читать на собраніяхъ конспекты предполагаемыхъ уроковъ. На слѣдующихъ засѣданіяхъ рѣшено было: задавать на домъ уроки, но не дѣлать ихъ обязательными, чтобы ученицы, невыполнившія ихъ, не боялись приходить въ школу; читать въ старшихъ группахъ не только статьи, сообщающія полезныя свѣдѣнія, но и литературные образцы, и не только прозаическіе, но и стихотворенія; выдавать ученицамъ на домъ учебники, евангелія и книги Ильминскаго по исторіи ветхаго завѣта; просить директора народныхъ училищъ разрѣшить для воскресницъ чтенія съ фонаремъ въ праздники, помимо воскресеній. Но предварительно рѣшили по-

говорить съ ученицами, спросивъ ихъ, согласны ли онѣ заниматься въ эти дни, какіе праздники онѣ празднуютъ и какіе нѣтъ, не сочтутъ ли онѣ грѣхомъ заниматься въ большіе праздники и будутъ ли ихъ отпускать. Всѣ ученицы выразили полнѣйшую готовность заниматься во всѣ праздники; нѣкоторые говорили, что онѣ даже сами хотѣли просить объ этомъ, потому что имъ жаль, что много праздниковъ пропадаетъ даромъ.

Для чтенія на домъ ученицамъ воскресной школы даютъ книги изъ Гончаровской читальни. Выборомъ книгъ руководятъ учительницы, ведущія чтенія въ группахъ, какъ болѣе знакомыя съ развитіемъ ученицъ и съ ихъ умѣньемъ читать, и могуція, поэтому, вѣрнѣе выбрать подходящія имъ книги. По окончаніи занятій, учительницы идутъ съ ученицами въ читальню и тамъ выбираютъ книги. Но, вообще, выборъ книгъ, подходящихъ ученицамъ воскресной школы, дѣло очень мудреное. Гончаровская читальня существуетъ благодаря случайнымъ жертвамъ; поэтому, подборъ книгъ въ ней далеко не систематиченъ. Кромѣ того, взрослые воскресницы, плохо владѣющія механизмомъ чтенія, съ трудомъ справляются съ мелкой печатью, а дѣтскія книги, напечатанныя крупнымъ шрифтомъ, неинтересны имъ по содержанію. Въ данномъ случаѣ больше другихъ подходятъ книги „Читальни Народной Школы“. А читать ученицы воскресной школы большія охотницы. Одна изъ нихъ, горничная изъ епархіальнаго женскаго училища, только для того и посѣщаетъ школу, чтобы со временемъ самостоятельно прочесть „Вѣдную Лизу“ Карамзина. Подруга прочла ей вслухъ эту повѣсть, и она пришла отъ нея въ такое умиленіе, что рѣшилась научиться читать, чтобы самой быть въ состояніи читать „Вѣдную Лизу“ и „другія такія же интересныя исторіи“. „Совсѣмъ не то — что самой прочесть, что только прослушаешь“. Одна женщина 23 лѣтъ, жена лавочника, все проситъ дать ей „романчикъ, да попечальнѣе“. Одна ученица 35 лѣтъ читала „Преступленіе и наказаніе“ Достоевскаго, и очень осталась довольна. 15-лѣтняя дѣвочка отказалась отъ дѣтскаго журнала и просила дать ей книгу посерьознѣе. А нѣкоторые ученицы говорятъ, что имъ дома не позволяютъ читать ничего, кромѣ житій святыхъ. Одна взрослая ученица совсѣмъ отказалась отъ книгъ съ мелкимъ шрифтомъ, предпочла имъ азбуку Толстого, и съ удовольствіемъ отъ доски до доски прочла ее. Многія воскресницы прилагаютъ большое стараніе къ изученію славянскаго чтенія — хотя съ скорѣе съ нимъ освоиться, чтобы свободнѣе читать книги духовнаго содержанія. Очевидно, литературные вкусы воскресницъ очень разнообразны. Рѣшено спрашивать у ученицъ о прочитанныхъ книгахъ, чтобы знать, какъ онѣ ихъ понимаютъ, и ближе познакомиться съ ихъ вкусами.

Всѣ воскресницы просили давать имъ на домъ письменныя упражненія, чтобы скорѣе выучиться писать. Возникъ вопросъ, выдавать ли имъ для этихъ упражненій тетрадки изъ школы. Такъ какъ число ученицъ увеличивается съ каждымъ воскресеньемъ, то это было бы слишкомъ тяжелымъ расходомъ для школы, тѣмъ болѣе, что между ученицами есть сравнительно состоятельныя — дочери и жены лавочниковъ, приказчиковъ и т. п., могуція сами себѣ покупать пособія, нужныя для ученія. Поэтому рѣшили выдавать тетради только бѣднымъ, неимѣющимъ возможности удѣлить изъ своихъ достатковъ и нѣсколькихъ копеекъ на покупку тетради, напримѣръ, дочерямъ торговцевъ, сторожей, поденщицъ и т. п.

Итакъ, машина заведена и пущена въ ходъ. Всѣ участники школы очень добросовѣстно относятся къ дѣлу и ревниво охраняютъ свое дѣтище отъ всякихъ могущихъ грозить ему опасностей. Можно надѣяться, что школа будетъ процвѣтать безъ всякихъ особенныхъ приключеній, на благо бѣдному женскому населенію Симбирска.

А. Знаменская.

Полугодовой отчетъ о занятіяхъ въ Сувальской женской воскресной школѣ.

Сентябрь — декабрь 1897 г.).

Полгода школьной жизни — срокъ очень небольшой, конечно, особенно если принять въ расчетъ условія собственно воскресной школы съ ея однимъ урокомъ въ недѣлю. Казалось бы, что эти 16 уроковъ въ полугодіе — цифра учебныхъ дней отъ сентября до января — есть такая минимальная учебная величина, по отношенію къ которой невозможны какія бы то ни было ожиданія результатовъ занятій: вѣдь это только половина одного нормальнаго учебнаго мѣсяца или $\frac{1}{16}$ часть нормальнаго учебнаго года. Многому ли научаются дѣти ежедневной школы въ теченіе полумѣсяца, и чему можемъ научить нашихъ ученицъ въ такое время мы, когда, притомъ, наши занятія раздѣляются еще цѣлой недѣлей неучебныхъ дней, втеченіе которыхъ такъ легко забыть показанное и пройденное? Эти соображенія и расчеты поневолѣ приходятъ въ голову людямъ, наблюдающимъ воскресную школу издали, незнающимъ ея своеобразныхъ условій, и только въ силу логики, какъ имъ кажется, невѣряющимъ въ возможность для нея чего-либо добиться. Однако, эти соображенія и расчеты оказываются далеко неосновательными, и воскресная школа, стоящая, повидимому, въ такихъ исключительно неблагоприятныхъ

условіяхъ, имѣть возможность достигать хорошихъ результатовъ. Къ тому есть много причинъ. Прежде всего, въ воскресную школу *не отдають* учащихся — они приходятъ въ нее сами. Я не говорю уже о взрослыхъ, чье прилежаніе, усердіе, иногда положительная жажда ученія болѣе понятны, потому что вытекаютъ изъ сознанія пользы и необходимости грамоты. Многъ вспоминаются иныя изъ нашихъ ученицъ-служанокъ, которыя прибѣгаютъ въ школу „хоть на часокъ“, которыя отдають школѣ немногіе часы своего праздничнаго отдыха; вспоминаются другія, которыя приходятъ изъ деревни за 4—5 верстъ; вспоминается, какъ рѣдко, и лишь по уважительнымъ причинамъ, пропускаютъ онѣ уроки, какъ онѣ умудряются и итченіе недѣли, среди дѣлъ и заботъ, что-то писать въ своихъ тетрадяхъ, какъ онѣ на свои трудовые гроши покупають себѣ книги... А дѣти? По условіямъ нашей школы, тѣсной и необладающей достаточнымъ количествомъ учительскаго персонала, намъ не разъ приходилось отказывать въ приѣмѣ 9—10-лѣтнимъ дѣвочкамъ, по отношенію къ которымъ у насъ былъ законный предлогъ — ихъ малолѣтство, и 12—13-лѣтнимъ, для которыхъ не оказывалось ни мѣстъ, ни учительницъ. Разочарованіе этихъ непринятыхъ, ихъ умоляющій взоръ, иногда слезы производили тягостное впечатлѣніе. Раздавались робкія заявленія: „очень хочется учиться“; выражалось согласіе „постоять, если негдѣ сидѣть“... Три изъ числа тѣхъ, кому было отказано, оказались особенно упорными. Одна приходила подъ рядъ 4 воскресенья на урокъ ксендза, и по окончаніи его долго и упорно смотрѣла на меня негодующимъ взглядомъ: неужели я опять не оставлю ея?!.. Дѣвочки весело и шумно разбирали свои книги и тетради; въ классѣ стоялъ уже гамъ голосовъ, а она медленно на дѣвала свое пальто, повязывалась платочкомъ и, все не спуская съ меня глазъ, неохотно и грустно направлялась къ двери. Но что было дѣлать: такихъ желающихъ было нѣсколько, а мы уже и такъ перешли всѣ возможные предѣлы приѣма. Другая, веселая, краснощекая, съ лукавымъ личикомъ, такъ просто не обратила никакого вниманія на мой отказъ и осталась въ школѣ. Съестъ ей было негдѣ, и она стояла въ углу у печки. „Она не хочетъ уходить“, — говорили дѣвочки, и въ тонѣ ихъ голоса была просьба за протестантку. Третья нѣсколько воскресеній подъ рядъ приходила справляться, не примутъ ли ее теперь. И когда у насъ освободилось нѣсколько мѣстъ, эти три дѣвочки были приняты первыми. Надо было видѣть, какъ преобразились ихъ лица, и съ какой радостью побѣжали онѣ въ классъ. Вотъ это обстоятельство — добровольное поступленіе въ школу, какъ выраженіе искренняго желанія учиться, — и есть одно изъ первыхъ условій успѣшности занятій.

Вліяетъ на эту успѣшность и нѣкоторая особенность преподаванія, вырабатываемая воскресной школой. Методика занятій въ воскресной школѣ теоретически почти не разработана; новымъ учительницамъ приходится, въ большинствѣ случаевъ, работать первое время оцупью, по главнымъ основаніямъ преподаванія какъ-то сами собою намѣчаются уже въ первые же уроки: на первый планъ выдвигается все самое существенное въ данномъ предметѣ, а все второстепенное опускается; отъ многихъ требованій, возможныхъ въ ежедневной школѣ, приходится отказаться, какъ отъ неисполнимыхъ; иное изъ этихъ требованій, какъ, на примѣръ, каллиграфія, должно признаваться роскошью; умѣнью излагать мысли отдается предпочтеніе передъ правильностью орфографіи; грамматика сводится на небольшое количество главныхъ орфографическихъ правилъ; въ арифметикѣ приходится отдавать предпочтеніе тѣмъ приемамъ и навыкамъ, которые пригодятся на практикѣ; въ чтеніи наибольшее вниманіе обращается на сознательность, на возможность сообщить новыя свѣдѣнія, на умѣнье читать и добиваться до смысла прочитаннаго; большое значеніе въ воскресной школѣ приобрѣтають бесѣды учительницы или по поводу прочитанной статьи, или по поводу демонстрируемаго предмета (железо, соль, уголь, хлопокъ), или о явленіяхъ природы; хорошимъ развивающимъ средствомъ служить чтеніе учительницей заранее выбранныхъ статей по беллетристикѣ, исторіи, географіи. Таковы въ общихъ чертахъ тѣ основанія, на которыхъ зиждется преподаваніе въ воскресныхъ школахъ, и несомнѣнно, что въ этихъ основаніяхъ много жизненности и что они способствуютъ успѣшности достигаемыхъ результатовъ.

Я думаю, что въ числѣ причинъ этой успѣшности есть и такія, которыя обуславливаются самимъ учительскимъ персоналомъ. Въ воскресную школу учительницы нерѣдко идутъ по призванію къ педагогическому труду, изъ-за искренней вѣры въ значеніе грамотности и знанія, изъ-за симпатіи къ этой формѣ общественной работы, а это не можетъ не отражаться на характерѣ преподаванія: оно является интенсивнымъ, живымъ, производительнымъ. Бываютъ, конечно, случаи, когда и другія причины приводятъ учительницу въ школу: иной нечѣмъ убить время, другая идетъ изъ подражанія, третья — изъ моды, но нерѣдко и съ этими учительницами происходитъ настоящій переворотъ: ихъ затягиваетъ это интересное дѣло, ихъ подкупаетъ настроеніе класса, и изъ людей равнодушныхъ къ школѣ, онѣ обращаются въ ея друзей. Настроеніе класса, эти пытливые глаза, устремленные на васъ, это искреннее желаніе учиться, тѣ усилія, иногда даже жертвы, какія приносятся ученицами ради школы, въ самомъ дѣлѣ, дѣйствуютъ какъ-то особенно бодрящимъ образомъ, и

все мы, навѣрно, испытали это. Я не ошибусь, мнѣ кажется, если скажу, что мы хорошо прожили наше школьное полугодіе, вынесли изъ занятій съ ученицами не мало отрадныхъ впечатлѣній, пережили не мало хорошихъ минутъ, и наши симпатіи къ этому дѣлу стали сознательнѣе, крѣпче и прочнѣе. Попробуемъ же теперь подвести итоги этому пережитому полугодію; отрѣшившись на время отъ тѣхъ частныхъ впечатлѣній, которыми поневолѣ ограничивалась каждая изъ насъ, отдаваясь занятіямъ только со своей группой, и окинемъ взоромъ всю школу. Мы имѣемъ возможность сдѣлать это, благодаря групповымъ отчетамъ, значеніе которыхъ, уже хотя бы въ виду этой ихъ цѣли, не подлежитъ сомнѣнію. Не подлежитъ сомнѣнію, какъ мнѣ кажется, и значеніе полугодического отчета всей школы: частныя впечатлѣнія отъ занятій съ одной группой поневолѣ узки и односторонни, и необходимо время отъ времени обобщать все эти частныя впечатлѣнія и наблюденія — это расширяетъ кругозоръ, это даетъ единство коллективной работѣ, объединяетъ участниковъ, указываетъ ошибки свои и чужія, освѣщаетъ положительныя и отрицательныя стороны дѣла, двигаетъ его впередъ. Отдѣльныя наблюденія, сгруппированныя вмѣстѣ, даютъ намъ болѣе или менѣе полную картину школы, а въ этой картинѣ много смысла, много значенія и она заставитъ задуматься надъ многимъ.

Наша школа открылась 14 сентября, при 21 ученицѣ. Мнѣ невольно вспоминаются дни, предшествовавшіе открытію школы, нашъ страхъ, что ученицъ не будетъ, увѣреніе „компетентныхъ“ людей, что русскихъ тутъ нѣтъ, а польки не пойдутъ учиться, и авторитетное заявленіе многихъ, что въ школѣ здѣсь нѣтъ необходимости. Но вотъ уже въ первое воскресенье явилась 21 ученица, и съ этихъ поръ до половины ноября, когда мы уже прекратили пріемъ за недостаткомъ мѣстъ, число ученицъ постоянно увеличивалось. Намъ пришлось съ четвертаго же воскресенья перейти въ другое, болѣе просторное классное помѣщеніе, потому что въ томъ, гдѣ мы начали занятія, мѣстъ не хватало. Самозванные пророки оказались неправыми: польки шли къ намъ очень охотно; онѣ составляли у насъ большинство. Въ программу нашихъ школьныхъ занятій не вошелъ польскій языкъ именно изъ-за предсказаній, что въ школу не пойдутъ польки, и школа предполагалась для русскихъ и евреекъ. Однако, польки пришли, и когда мы, на общемъ основаніи мѣстныхъ учебныхъ заведеній, начали заниматься съ ученицами и польскимъ языкомъ, то оказалось, что мы занимаемся предметомъ, неразрѣшеннымъ въ программѣ. Пришлось посылать запросъ въ округъ и, въ ожиданіи отвѣта, временно прекратить занятія польскимъ языкомъ, что отразилось на школѣ невыгодно: нѣкоторыя ученицы, для кото-

рыхъ, въ виду ихъ полной безграмотности, особенно важнымъ являлось изученіе родного языка, ушли изъ школы; другія, неушедшія, все же недоумѣвали, почему преподаваніе польскаго языка началось было и опять прекратилось; иные сообщали другъ другу таинственное предположеніе, не хотятъ ли ихъ „обратить въ православіе“.

Втеченіе полугодія черезъ школу прошло, т.-е. было записано въ ней 110 ученицъ; къ концу полугодія въ школѣ осталось 80 ученицъ, а остальные тридцать прекратили свои посѣщенія. Причины выбытія ученицъ въ большинствѣ случаевъ были извѣстны намъ: перестали ходить 4 дѣвушки-служанки, потому что у нихъ прибавилось дѣла; уѣхали изъ города двѣ; перестали посѣщать школу 4 дѣвушки, поступившія на мѣста; вышла изъ школы, по нашей просьбѣ, одна дѣвочка, больная трахомой; не могла ходить одна дѣвочка, потому что въ семьѣ родился ребенокъ, и ей пришлось его нянчить; ушли изъ школы 5 ученицъ, о которыхъ уже было сказано выше, что онѣ желали учиться польскому языку, занятія которымъ прекратились; „съ меня Богъ не взыщетъ, если я русской грамоты знать не буду“, — говорила одна; а другая обстоятельно и толково объясняла, что русскій разговорный языкъ она знаетъ, и ей этого достаточно, а польскій ей необходимъ, и она хотѣла бы учиться читать и писать по-польски, потому что „у плиты (она кухарка) гдѣ уже мнѣ русскія книги читать, а молитвенникъ-то мнѣ всегда нуженъ“. Все это было вполне резонно, но надъ нами тяготѣло временное зипрещеніе, и симпатичная ученица, разочарованная, ушла изъ школы. 10 евреекъ посѣтили занятія всего одинъ разъ, и причины ихъ ухода, равно какъ и еще 4—5 ученицъ, намъ неизвѣстны.

Отказано въ пріемъ было болѣе чѣмъ въ 50 случаяхъ. Причина отказа — тѣснота помѣщенія въ первое время, недостатокъ въ учительскомъ персоналѣ, малолѣтство ученицъ, посѣщеніе ими ежедневной школы.

80 оставшихся въ школѣ ученицъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

По вѣроисповѣданію: католичекъ (полекъ) — 72, православныхъ (русскихъ) — 5, евреекъ — 2 и лютеранка 1. По возрасту: дѣтей (отъ 9 до 13 л.) — 30, подростковъ (отъ 14 до 16 л.) — 14, взрослыхъ (отъ 17 до 36 л.) — 36. По семейному положенію: изъ числа взрослыхъ только 5 замужнихъ, остальные дѣвушки. По занятію: большинство дѣтей живетъ дома при родителяхъ, помогая по хозяйству, нянча младшихъ дѣтей, иногда, въ рѣдкихъ случаяхъ, занимаясь какимъ-нибудь подсобнымъ кустарнымъ промысломъ (клеятъ коробки, дѣлаютъ цвѣты, дѣлаютъ корзинки изъ лучинокъ); изъ числа подростковъ 12 ходятъ къ портникамъ учиться шитью; изъ

взрослых 16 служат на мѣстахъ прислугой, 10 — поденщицы, остальные занимаются хозяйствомъ дома. По подготовкѣ: большинство ученицъ знаетъ польскую грамоту; инныя совершенно свободно читаютъ и пишутъ; инныя читаютъ только печатное, нѣкоторыя только по книжкѣ молитвенника; очень немногія (человѣкъ 6), совершенно не знаютъ польской грамоты. Русскую грамоту знали только 25 ученицъ, при чемъ нѣкоторыя (10) прошли курсъ начальной школы; инныя пробыли въ школѣ 1 или 2 года (6), а остальные кое-что знали по-русски самоучками. Небольшой процентъ лицъ, прошедшихъ школу, объясняется, съ одной стороны, недостаткомъ школъ въ городѣ, всегда переполненныхъ и ежегодно отказывающихся въ пріемъ очень большому числу лицъ; съ другой стороны, это можно объяснить и тѣмъ обстоятельствомъ, что русское преподаваніе въ школахъ не привлекало въ нихъ тѣхъ изъ дѣтей, которыя въ семьяхъ слышали только польскій языкъ, не имѣли надобности въ русской грамотѣ. Польскій же языкъ въ школахъ введенъ только недавно. Всѣ взрослые, чьи школьные годы совпали съ исключеніемъ изъ школъ польскаго языка, русской грамоты не знаютъ; дѣти же 12—14-лѣтняго возраста, заставшія уже польскій языкъ въ школахъ, очевидно, и шли въ нихъ охотнѣе, какъ идутъ и до сихъ поръ, о чемъ свидѣлствуютъ ежегодные отказы за переполненіемъ школъ. За отсутствіемъ польскихъ школъ, взрослое населеніе прибѣгало къ домашнему обученію, широко распространенному въ краѣ; оно-то и давало имъ ту грамотность, которая имъ была необходима, хотя почти исключительно для религіозныхъ цѣлей. По общимъ правиламъ мѣстныхъ начальныхъ школъ, и наша школа въ преподаваніи грамоты должна начинать съ русскаго языка и переходить къ польскому уже по окончаніи русской грамоты. Это обстоятельство, какъ уже было сказано выше, послужило причиною ухода изъ школы тѣхъ пяти полекъ, которыя, будучи совершенно безграмотны, никакъ не хотѣли понять, зачѣмъ имъ надо начинать не съ родного языка. Остальныя же ученицы очень охотно подчинялись необходимости начать съ русской грамоты и тогда уже перейти къ польской (собственно къ письму, потому что большинство читало по-польски). Въ методическомъ отношеніи это представляетъ, впрочемъ, нѣкоторое преимущество: русскій языкъ легче польскаго (стоитъ сравнить ихъ алфавиты), а русскіе буквары оставляютъ далеко позади себя польскія школьныя книжки, составленныя по старинному буквослагательному методу, и напоминающія тѣ отдаленныя времена, когда учили сперва всю азбуку, потомъ всѣ возможные и невозможныя слоговыя комбинаціи, на которыхъ легко можно было сломать языкъ, и только потомъ доходили до связнаго чтенія.

Группъ въ школѣ образовалось 10; первое время, когда учительскій персоналъ состоялъ изъ 10 лицъ, а количество ученицъ еще не превышало 60 чел., всѣ группы имѣли особыхъ учительницъ; затѣмъ учительскій персоналъ уменьшился, а число ученицъ возросло до 80, и пришлось образовать новыя группы. Группы выбывшихъ учительницъ были прикинуты къ уже существующимъ группамъ, отчего нарушилась однородность группъ и сильно затруднилось преподаваніе. Нѣкоторыя группы временно совсѣмъ не имѣли учительницъ; иногда я занималась съ ними, иногда давала имъ какую-нибудь самостоятельную работу, а иногда назначала къ нимъ въ учителя нашего мальчика-слугу, состоящаго при школѣ, и онъ очень важно диктовалъ имъ, отбивая тактъ рукой, и потомъ докладывалъ мнѣ о своихъ занятіяхъ что-нибудь въ родѣ: „господинъ учитель, П. все мажетъ тетрадь, а С. съ сосѣдки списываетъ“. Такое положеніе, конечно, совершенно ненормально, тѣмъ болѣе, что способныя, любознательныя и живыя дѣвочки эти могли бы быстро двигаться впередъ, если бы имѣли постоянную учительницу. Ненормальна также и та группа, гдѣ читающія уже дѣвочки проходятъ алфавитъ со звуковиками, когда давно могли бы читать статьи изъ классной книги. Впрочемъ разнообразіе въ составѣ группъ — явленіе обычное въ воскресной школѣ, и съ нимъ приходится мириться. Обыкновенно, для достиженія однородности группъ практикуются нѣкоторыя средства: во-первыхъ, отставшихъ ученицъ можно позвать на домъ и дома въ 2—3 урока сравнять ихъ съ болѣе успѣвшими; во-вторыхъ, можно временно задержать болѣе сильныхъ, давая имъ повтореніе пройденнаго, и заниматься съ отставшими; въ-третьихъ, можно отставшимъ давать работу на домъ.

Полученные мною отчеты учительницъ до извѣстной степени даютъ понятіе о томъ, что было пройдено группами за полугодіе. Группъ, начавшихъ съ обученія алфавита, было 5: двѣ образовались съ самаго открытія школы; третья — на четвертое воскресенье, при чемъ пополнялась постепенно; четвертая составила на шестое воскресенье; пятая еще позже. Двѣ раньше другихъ образовавшіяся группы имѣли, такимъ образомъ, 15 воскресныхъ уроковъ, третья — 12, четвертая — 10 и пятая, вѣроятно, 7 — 8. Три позже образовавшіяся группы букваря еще не прошли. Причиной этому служить не столько кратковременность занятій, потому что букварь въ иныхъ воскресныхъ школахъ проходятъ въ 10 воскресеній, сколько нѣкоторая особенность этихъ группъ: въ одной группѣ вновь присоединенныя ученицы мѣшали правильнымъ занятіямъ, въ другой — нѣкоторыя изъ ученицъ плохо понимали русскій языкъ, въ третьей — учительница пропустила нѣсколько уроковъ, и ученицы почти ничего не

дѣлали, потому что некому было заниматься съ ними. Гораздо больших результатов достигли двѣ старшія безграмотныя группы. Въ этихъ группахъ алфавитъ уже пройденъ, и ученицы, иныя бѣгло, иныя медленно, могутъ прочесть уже отдѣльные рассказы и передать ихъ содержаніе; пишутъ подѣ диктовку почти безъ звуковыхъ ошибокъ и слова, и короткія предложенія; списываютъ съ книги, соблюдая знаки препинанія и ставя, гдѣ надо, прописныя буквы; подписываютъ названія подѣ картинками букваря, пишутъ свое имя и фамилію. Въ этихъ, равно какъ и въ позже образовавшихся группахъ, иногда учительницей читались вслухъ небольшіе рассказы, которые хорошо понимались ученицами. Такое чтеніе вслухъ, вообще, очень важно въ педагогическомъ отношеніи: сами ученицы еще не могутъ прочесть длиннаго рассказа, а изъ чтенія учительницы выносятъ рядъ впечатлѣній отъ книги, которая ихъ то трогаетъ, то смѣшитъ, то даетъ имъ новыя свѣдѣнія, будитъ мысль и, такимъ образомъ, завоевываетъ ихъ симпатіи и дѣлаетъ сознательнѣе ихъ стремленіе къ грамотѣ; но такое чтеніе имѣетъ значеніе и въ другомъ смыслѣ: оно лучшее средство научить языку не русскихъ ученицъ. Въ выразительномъ чтеніи учительницы иногда понимается и незнакомое слово, смыслъ читаемаго угадывается, подсказывается самъ собой, и образуется естественный навыкъ понимать русскую книгу. Конечно, приходится останавливаться на болѣе трудныхъ словахъ, переводить ихъ на польскій языкъ или просить этого перевода у болѣе владѣющихъ русскимъ языкомъ ученицъ; но пониманіе статьи все же идетъ быстро. Въ такихъ группахъ, изучавшихъ русскій алфавитъ, были прочтены, между прочимъ, статьи изъ книги Толстого: „Камень“, „Дѣдушка и внучекъ“, „Архіерей и разбойникъ“, „Царь и рубашка“, „Равное наслѣдство“, „Богъ правду видитъ“, а также сказки: „Красная шапочка“, „Мѣна“, „Золотая рыбка“ и другія. Ученицы очень любили такія чтенія учительницы, охотно отвѣчали на предлагаемые вопросы и охотно передавали прочитанное, какъ умѣли. Въ общемъ, результаты, достигнутые всѣми группами, проходившими алфавитъ, нельзя не признать удовлетворительными. Недочеты въ занятіяхъ обуславливались причинами чисто мѣстнаго свойства, которыхъ нѣтъ въ русскихъ школахъ. Такъ, подобранныя по одному общему признаку — незнанію русской грамоты — ученицы, составлявшія группу, вносили большое разнообразіе своимъ знаніемъ польской грамоты: кто читалъ бѣгло по-польски, тѣ быстро осваивались съ русскимъ чтеніемъ; кто читалъ по-польски по складамъ, тѣ переносили это неудобство своего умѣнья и въ русское чтеніе, и переходъ къ звуковому методу давался имъ съ трудомъ; наконецъ, тѣ, которые не знали и польской грамоты, явля-

лись опять совершенно иными и, конечно, отставали отъ другихъ. Очень простой способъ избѣжать этого неудобства выдѣленіемъ ученицъ, знающихъ польскій языкъ, въ особыя группы не былъ примѣняемъ тоже по очень простой причинѣ: не было учительницъ, которымъ можно было бы передать ихъ. Разнообразіе въ группу вносилось еще и знаніемъ или незнаніемъ русскаго разговорнаго языка. Иныя ученицы и плохо понимали по-русски, и особенно плохо говорили. Чтеніе только звуковъ безъ пониманія выражаемыхъ ими словъ, какъ неосмысленное, конечно, являлось нежелательнымъ, и вотъ учительницѣ представлялась новая трудность — если не объяснять каждое слово, то хотя переводить его на польскій языкъ. Большимъ подспорьемъ являлся въ этомъ случаѣ употребляемый въ нашей школѣ букварь Вахтерова, гдѣ много рисунковъ, и эти рисунки избавляли насъ отъ длинныхъ объясненій. Иногда помощницами являлись, впрочемъ, и сами ученицы: болѣе знающія переводили менѣе знающимъ (учительницы не все могли переводить по-польски); но иногда при чтеніи отдѣльныхъ словъ букваря приходилось жертвовать сознательностью и отдавать предпочтеніе механическому чтенію, потому что на объясненіе, переводъ или разыскиваніе картинки уходило бы слишкомъ много времени; да, кромѣ того, такой переводъ подѣ рядѣ цѣлыхъ столбцовъ словъ не имѣлъ бы никакого значенія, потому что память не въ состояніи воспріять съ одного раза 3—4 десятка новыхъ словъ. Объясненіе словъ имѣетъ важное значеніе тогда, когда читается цѣлое предложеніе, — наконецъ, цѣлый связный рассказъ, а при прохожденіи букваря такія объясненія словъ умѣстны только въ исключительныхъ случаяхъ. Указанное выше затрудненіе при занятіяхъ съ группами, проходившими русскій алфавитъ, должно увеличивать цѣну достигнутыхъ результатовъ. Первая, самая трудная ступень, пройдена — впереди уже болѣе интересныя и плодотворныя занятія. По прохожденіи букваря, звуковымъ группамъ придется теперь удѣлить часть времени на польскую грамоту. Разрѣшеніе на преподаваніе польскаго языка уже получено, и со 2-го полугодія эти уроки должны быть правильно организованы: каждая группа должна имѣть часъ занятій роднымъ языкомъ. Для ученицъ, бѣгло читающихъ по-польски, центръ тяжести занятій польскимъ языкомъ долженъ падать, мнѣ кажется, на письмо. Такъ какъ занятія въ школѣ по официальному требованію закона, должны вестись на русскомъ языкѣ, то сообщеніе свѣдѣній, объяснительное чтеніе могутъ даваться русскими учительницами на урокахъ русскаго языка. Прочесть польскую книгу и понять ее хорошо читающая ученица, очевидно, можетъ, а свѣдѣнія о природѣ, сообщенныя ей на урокѣ русскаго языка, будутъ имѣть для нея одинаково развивающее зна-

ченіе. Не то съ письмомъ: русское письмо, конечно, можетъ пригодиться, но въ гораздо большей степени ей необходимо письмо на польскомъ языкѣ, а потому мнѣ и казалось бы, что въ урокахъ русскаго языка группѣ, кончившихъ алфавитъ, первое мѣсто должно занимать чтеніе и сообщеніе свѣдѣній и второе — письмо, тогда какъ на урокахъ польскаго языка первое мѣсто должно отводиться письму. При обученіи польскому письму слѣдуетъ, мнѣ кажется, помнить, что воскресная школа, съ ея минимальнымъ количествомъ времени, не можетъ задаваться ни цѣлями блестящей каллиграфіи, ни цѣлями безукоризненной орфографіи. Важно, чтобы ученица могла пользоваться своимъ умѣньемъ письма самостоятельно, а потому цѣненъ не красивый почеркъ, не знаніе тысячи грамматическихъ правилъ, а навыкъ самостоятельнаго письма. Списываніе съ книги и даже диктовка имѣютъ меньше цѣны, нежели самостоятельное писаніе словъ, потомъ предложеній, потомъ короткихъ записокъ, писемъ, изложеній и проч. Пусть тутъ будутъ даже и ошибки, лишь бы было умѣнье выразить мысль, и пріучать къ этому ученицъ слѣдуетъ какъ можно раньше.

Относительно ученицъ, которыя не знаютъ польской грамоты и съ которыми придется начать ее сначала, большимъ преимуществомъ явится то обстоятельство, что онѣ предварительно уже познакомятся съ русскимъ чтеніемъ. Придется только указать имъ на буквы, различающіяся отъ русскихъ, на соединеніе буквъ, составляющихъ слогъ, и, опустивъ склады польскихъ учебниковъ, прямо перейти съ ними на чтеніе связное. Послѣ русскаго чтенія это будетъ уже легче, и, такимъ образомъ, устранятся неудобства польскихъ азбукъ, въ которыхъ приходится сначала учить весь алфавитъ, а потомъ читать склады. На урокахъ польскаго языка имѣло бы большое значеніе чтеніе учительницами вслухъ стихотвореній. Надо слышать, какъ ужасно заучиваютъ ученицы красивые польскіе стихи и какъ въ ихъ передачѣ исчезаетъ не только красота, ритмъ, художественность, но и всякій смыслъ, благодаря невѣрнымъ остановкамъ. Выразительное чтеніе учительницей стиховъ и разучиваніе ихъ съ ученицами дало бы имъ нѣсколько эстетическихъ впечатлѣній и показало бы имъ, что значить читать стихи. Вообще, на выразительность чтенія слѣдуетъ обратить вниманіе на урокахъ польскаго языка. Дома ученицы, вѣроятно, читаютъ или могутъ читать своимъ домашнимъ имѣющимся у нихъ польскія книжки, и навыкъ къ выразительному, осмысленному чтенію разовьется въ нихъ охоту читать, а въ ихъ домашнихъ слушателяхъ — охоту слушать. Я совершенно незнакома съ польской народной литературой, но, вѣроятно, существуетъ же она, и въ грамотныхъ польскихъ семьяхъ есть же, вѣроятно, какія-нибудь книги.

Среднія группы — слабограмотныя; въ нихъ были ученицы, не знавшія еще всѣхъ буквъ и плохо читавшія, и другія, умѣвшія медленно читать. Съ первыми были пройдены всѣ буквы, и онѣ начали писать подъ диктовку. Читаютъ онѣ легкія статьи и передаютъ содержаніе прочитаннаго. Механизмъ чтенія у нихъ недостаточно развитъ; читаютъ онѣ медленно, и нѣкоторые, плохо знающія русскій языкъ, многихъ словъ не понимаютъ. Думаю, что въ этой группѣ особенно важно общее чтеніе съ объясненіями всѣмъ сразу, а также чтеніе вслухъ учительницей; вообще, больше разговора, обмѣна мыслей, бесѣдъ, что развиваетъ языкъ тѣмъ, кто теперь стѣсняется говорить по-русски, а такихъ нѣсколько. Бесѣды съ такими ученицами были бы воистинѣ умѣстны, тѣмъ болѣе, что онѣ довольно развиты.

Самая старшая по грамотности группа прошла нѣсколько орфографическихъ правилъ, усвоенныхъ путемъ диктовокъ; писала пересказы статей и самостоятельное изложеніе о школѣ. Прочитано было нѣсколько рассказовъ изъ разныхъ классныхъ книгъ (изъ четырехъ книгъ Толстого, изъ „Краснаго Солнышка“, книги Баранова) о животныхъ, о деревьяхъ, цвѣтахъ. Вслухъ ученицамъ были прочитаны: „Кавказскій плѣнникъ“ и „Мальчикъ у Христа на сѣкѣ“. Такъ какъ ученицы этой группы всѣ хорошо грамотныя, а нѣкоторыя даже кончившія курсъ народной школы, то онѣ хорошо понимали прочитанное, передавали своими словами и любили чтеніе вслухъ.

Что касается ариметики, то за это первое полугодіе, когда намъ такъ много пришлось работать надъ грамотой и рѣчью ученицъ, ариметикѣ удѣлялось мало времени. Изъ группъ, начавшихъ русскую грамоту, ариметика проходила только въ двухъ старшихъ. Собственно говоря, ариметика, обыкновенно, откладывается въ группахъ, проходящихъ алфавитъ, до окончанія его, именно для того, чтобы скорѣе справиться съ процессомъ чтенія и письма. Въ нѣкоторыхъ группахъ такъ и было сдѣлано, и правильныя занятія ариметикой начались уже передъ концомъ полугодія; но съ самаго начала учительницы удѣляли все же минутъ 15—20 на устный счетъ и устные задачи. Въ занятіяхъ ариметикой слѣдуетъ обращать особое вниманіе на тѣ навыки, которые пригодятся ученицамъ въ практической жизни, а потому на первый планъ выдвигается устный счетъ и обращеніе со счетами. Затрудненіе, съ которымъ мы встречаемся, благодаря мѣстному счету на злоты, гроши, скоро устраняется, и ученицы легко переходятъ на обыкновенную систему счета, что для нихъ и необходимо, потому что въ магазинахъ и лавкахъ принять, преимущественно, русскій счетъ.

Общихъ бесѣдъ и общихъ чтеній вслухъ въ школѣ не велось. Впрочемъ, за 4 манкировки ксендза я прочла ученицамъ вслухъ 4

разказа: „Богъ правду любитъ“ Толстого, „Жизнь Даміана Верстера“, посвятившаго себя уходу за прокаженными, Буренчиха — небольшие рассказы изъ народной жизни, и еще нѣсколько короткихъ статей изъ книгъ Толстого. Ученицы слушали меня съ большимъ вниманіемъ, обступали меня плотной толпой, слѣдили за рассказомъ и моими объясненіями (иногда я, прочтя нѣсколько страницъ, передавала ихъ болѣе простыми словами), отвѣчали на вопросы, переводили по-польски непонятныя слова для менѣе знающихъ и высказывали свои замѣчанія. Особенно растрогалъ всѣхъ рассказъ о безвинно пострадавшемъ Аксеновѣ, простившемъ оклеветавшаго его человека, и о героической личности Даміана, всю жизнь прожившаго среди прокаженныхъ. У взрослыхъ ученицъ были слезы на глазахъ, слышались вздохи и восклицанія. Рассказъ Буренчиха, довольно драматическій по фабулѣ, о томъ, какъ крестьянка, убѣжденная въ смерти своего мужа-солдата, находившагося въ отсутствіи уже 8 лѣтъ, по уговору родныхъ вышла замужъ за другого. Перваго мужа она очень любила, горевала о немъ, но и ко второму, тихому и любящему, начала тоже привязываться. Возвращеніе перваго мужа, слухъ о смерти котораго оказался ложнымъ, создаетъ драматическое положеніе, взволновавшее моихъ слушательницъ. Кто-то вспоминалъ аналогичный случай, одна горестно недоумѣвала, какъ же быть теперь, а сидѣвшая противъ меня еврейка П., съ живымъ интересомъ слѣдившая за рассказомъ и, очевидно, глубоко растроганная судьбою всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, одинаково страдающихъ въ этой жизненной драмѣ, вытирала слезы, стоявшія въ ея огромныхъ черныхъ глазахъ. Когда устраненный второй мужъ умеръ, многія сказали: „теперь хоть не мучается“. Вообще, несмотря на то, что среди слушательницъ было не мало такихъ, которыя почти не говорятъ по-русски, чтеніе вслухъ всегда удавалось, и ученицы понимали меня. Конечно, тутъ помогала и передача своими словами болѣе трудныхъ мѣстъ разказа, и вопросы и разъясненія, и, наконецъ, переводъ нѣкоторыхъ словъ.

Отношенія ученицъ къ школѣ слѣдуетъ признать серьезными. Посѣщеніе ими школы крайне аккуратное: ученицы пропускали уроки лишь по уважительнымъ причинамъ, особенно часто прислуга, которую иногда просто не отпускали или отпускали на короткое время; чаще всего пропускали по болѣзни. Есть группы, въ которыхъ почти не было манкировокъ. Въ школѣ бывало среднимъ числомъ 61 ученица на воскресенье, причѣмъ максимумъ — 76, минимумъ — 41 (однажды разъ въ началѣ, до поступленія полного состава). Не манкировали и ученицы, приходившія за 4—5 верстъ изъ деревни (такихъ 4); не пропускала и дѣвочка на костылѣ, приходившая изъ казармъ, и

маленькая Маша С. — нянька четверыхъ своихъ братьевъ-погодковъ и помощница матери. О стремленіи поступить въ школу я уже говорила выше: въ послѣднее воскресенье я приняла 15-лѣтнюю дѣвочку, которая до праздниковъ нѣсколько разъ приходила напоминать мнѣ, что непременно поступить къ новому году и что она давно уже хочетъ учиться. Всѣ эти факты на насъ, учительницъ, должны производить ободряющее впечатлѣніе. Очевидно, что въ школѣ есть потребность, что она необходима, а значитъ, наши занятія — не пустая трата времени, а дѣйствительное удовлетвореніе существующей нужды. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что будь наша школа вдвое просторнѣе, будь нашъ учительскій персоналъ вдвое больше, у насъ было бы не 80, не 100, а 200 ученицъ, и все-таки пришлось бы отказываться въ приемъ.

Я думаю, что мы должны быть довольны отношеніемъ ученицъ не только къ школѣ, но и къ намъ, учительницамъ. О симпатичности этого отношенія упоминается почти въ каждомъ отчетѣ. Сдержанность, застѣнчивость, дикость, которыя были вначалѣ, исчезали безслѣдно. Вездѣ живыя, веселыя, добродушныя лица, привѣтливыя улыбки, начинающіеся разговоры. Когда я въ первое время приходила въ школу до урока ксендза, мнѣ было какъ-то одиноко среди этихъ уже собравшихся ученицъ, которыя не бѣжали мнѣ навстрѣчу, а церемонно кланялись мнѣ издали и чинно стояли далеко отъ меня. Теперь не то: когда я прихожу, меня сейчасъ же обступаетъ веселая толпа; мнѣ только приходится останавливать ихъ, чтобы онѣ не опрокинули столъ, на которомъ я пишу, не раздавили шкафа, откуда я беру книги; онѣ уже разговариваютъ со мною, и даже застѣнчивая прежде Анеля К. всегда вертится возлѣ: то она хочетъ сказать мнѣ русскіе или польскіе стихи, то предлагаетъ мнѣ отгадать загадку, которую я не умѣю отгадать, что ее очень смѣшитъ, и она, поощренная моею тупостью, говоритъ мнѣ весь свой запасъ польскихъ загадокъ... Непринужденность и простоту отношеній нашихъ ученицъ мы могли наблюдать и на елкѣ, гдѣ онѣ такъ весело отплясывали, не стѣсняясь ничѣмъ присутствіемъ, такъ заразительно смѣялись, хлопали въ ладоши, восхищались картинами. Очевидно, симпатіи уже завязаны, отношенія установились, и каждая новая ученица, входящая въ эту атмосферу непринужденности и простоты, разомъ становится ближе и проще. Цѣлованіе рукъ — польская манера — почти вывелось, и нѣкоторыя ученицы уже объясняютъ новымъ, что здѣсь такъ не здороваются.

Большое значеніе въ дѣлѣ сближенія имѣютъ школьные праздники. Исключительность обстановки, непринужденное общеніе съ учительницами не на почвѣ урока и, наконецъ, сознание ученицъ, что

учительницы о нихъ подумали, захотѣли ихъ повеселить, — значитъ, относятся къ нимъ съ лаской, несомнѣнно, производятъ хорошее впечатлѣніе. Въ описаніи елки старшей группы мы встрѣчаемъ именно подтвержденіе этой мысли: о томъ, что было весело: „такъ весело, что не хотѣлось уходить“, — пишутъ почти всѣ. Но нынѣ отмѣтили и эту заботу учительницъ о нихъ: „наши учительницы очень хороши“, — пишетъ одна; „хорошо сдѣлали учительницы, что намъ такую хорошую елку устроили“, — пишетъ другая; „наши учительницы очень хороши, какихъ и на свѣтѣ мало“, — пишетъ третья. И эти отзывы, и наши личные впечатлѣнія отъ этого веселаго праздника, конечно, вполне вознаграждаютъ насъ за тѣ небольшіе хлопоты и расходы, какихъ стоила намъ эта елка.

Подвожу итогъ всему сказанному. За 15 учебныхъ воскресеній, при неблагоприятныхъ условіяхъ въ воскресной школѣ вообще, при неблагоприятныхъ условіяхъ чисто мѣстнаго характера, — какъ не русское происхожденіе ученицъ, которое нѣсколько препятствуетъ изученію ими русскаго языка, — учительницами все же сдѣлано много. Совершенно неграмотныя, однѣ уже научились читать и писать, хотя еще и слабо, конечно; другія приближаются къ концу алфавита; болѣе грамотныя сдѣлали успѣхъ въ чтеніи и письмѣ, начали самостоятельно излагать свои мысли, а всѣ вмѣстѣ сдѣлали успѣхъ въ пониманіи литературнаго и разговорнаго языка, полюбили книгу, полюбили школу, привязались къ учительницамъ и научились видѣть въ нихъ людей, искренно къ нимъ расположенныхъ. Это результатъ, во всякомъ случаѣ, не ничтожный; съ такими данными можно уже смѣло продолжать начатое дѣло, не вѣря скептикамъ, отрицающимъ значеніе воскресной школы, не боясь тѣхъ, которые готовы заподозрить всякое дѣло общественнаго характера, и не слушая „свѣдущихъ людей“, увѣряющихъ, что школа ненужна. Что она нужна — это мы видимъ совершенно ясно; что жажда знанія въ нашихъ ученицахъ — фактъ не выдуманный, убѣждаетъ насъ то обстоятельство, что онѣ идутъ учиться даже въ русскую школу, разъ нѣтъ другой, учатся не своему родному языку, который имъ, естественно, дороже и ближе, преодолеваютъ трудности этого изученія не родного языка, преодолеваютъ препятствія своей личной жизни, лишь бы научиться чему-нибудь, инстинктивно чувствуя, можетъ-быть, что знаніе, это — нѣчто общее, независимое отъ того или другого языка и, на какомъ бы языкѣ ни преподавалось имъ, одинаково необходимое для нихъ въ ихъ темной жизни.

Э. Вазтерева.

Попелянская воскресная школа ¹⁾.

10-го ноября начался уже второй годъ существованія этой школы. Физиономія ея уже достаточно определилась, выяснилось отношеніе къ ней населенія, явились результаты работы. Поэтому, не ограничиваясь мертвыми цифрами, изъ-за которыхъ глядятъ полныя интереса и мысли личности взрослыхъ учащихся, остановимся на характеристикахъ людей трудящагося класса, которые явились сюда съ установившимися взглядами и предъявили опредѣленные запросы къ школѣ. Правда, мудро и рельефно отразить всѣ характерныя черты и особенности такой школы, гдѣ учатся рядомъ: полякъ, русскій, жмудинъ, латышъ и нѣмецъ самыхъ разнообразныхъ возрастовъ (отъ 11 до 52 лѣтъ), различныхъ профессій и т. д. Каждый изъ нихъ вноситъ въ школу индивидуальныя черты, представляетъ запросы, сообразно которымъ измѣняется и характеръ школы. Тутъ что ни ученикъ, то типъ, и школу можно изобразить, только нарисовать эти типы.

За все время занятій, которыя не прекращались и лѣтомъ (пропущенъ былъ только июль мѣсяцъ), до 1 января 1898 года въ воскресномъ классѣ перебивало 150 человекъ, считая въ томъ числѣ и выбывшихъ въ прошломъ году по разнымъ причинамъ 29 человекъ, изъ которыхъ одни переѣхали въ городъ, другіе, выучившись грамотѣ, оставили школу за недосугомъ. Съ октября мѣсяца нынѣшняго года наплывъ желающихъ учиться въ воскресномъ классѣ такъ великъ, что единственная комната училища не вмѣщаетъ всѣхъ желающихъ. Въ классѣ, въ страшной тѣсотѣ, помѣщается каждое воскресенье 100 и болѣе человекъ. Къ 1 января 1898 года въ воскресной школѣ насчитывалось 121 учащійся. Вновь поступившихъ съ 1 сентября 1897 года 28 человекъ.

По вѣроспоубданіямъ учащіеся раздѣляются: на православныхъ — 22 чел., католиковъ 76 чел., лютеранъ 3 чел., иудеевъ 20 чел. Изъ 121 учащихся 62 мужскаго, 59 женскаго пола. Дѣтей школьнаго возраста до 15 лѣтъ 23, учащихся отъ 15-ти до 20-ти лѣтъ — 58, отъ 20-ти до 52-хъ лѣтъ 40 человекъ. По мѣсту жительства учащіеся раздѣляются на живущихъ въ Попелянахъ и на приходящихъ изъ окрестностей, живущихъ перѣдко очень далеко отъ мѣстечка (за 9 и за 10 верстъ): такихъ особенно много поступило въ послѣднее время. По подготовкѣ учащіеся раздѣляются на 4 группы: 1) не-

¹⁾ Заимствовано, съ нѣкоторыми добавленіями, изъ статьи г-жи Енаторны Урсынвичъ, помѣщенной въ «Прибавленіяхъ къ Ковенскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ».

грамотныхъ въ нынѣшнемъ учебномъ году поступило 20 чел.; 2) въ группѣ слабограмотныхъ, говорящихъ по-русски, учится 32 чел.; 3) умѣющихъ читать и писать, но не понимающихъ русскаго языка 31 чел.; 4) хорошо читающихъ и повторяющихъ курсъ начального училища въ воскресной школѣ считается 38 чел. По сословію учащіеся раздѣляются на дворянъ—33 чел., мѣщанъ 22 чел. и крестьянъ 66 чел. По занятіямъ они принадлежатъ къ различнымъ профессіямъ: въ воскресной школѣ учатся батраки, столяры, саножники, пастухи, прислуга, поденщицы, прачки, портники, шерстобойщики, желѣзнодорожные рабочіе, нищіе, домохозяева, торговцы и землевладѣльцы. Аккуратность учащихся въ посѣщеніи воскреснаго класса не оставляетъ желать лучшаго; малкированія и пропуска уроковъ почти не замѣчается; не посѣщаютъ школу только въ томъ случаѣ, если уѣзжаютъ изъ дома. Можно было думать, что съ наступленіемъ весны и вскрытіемъ рѣкъ уменьшится количество учащихся, но, по-видимому, стихіи не вліяютъ на ихъ стремленіе къ школѣ: когда снесло мостъ, ученики пріѣхали изъ сосѣдней деревни на лодкахъ, выпачканные въ грязи, усталые, но довольные.

Въ настоящемъ очеркѣ, какъ и въ дѣйствительной жизни школы, преобладающее мѣсто займутъ взрослые учащіеся, для которыхъ преимущественно предназначается школа: для нихъ она является толчкомъ, направляющимъ ихъ въ самостоятельныхъ работахъ, возбуждающимъ и поддерживающимъ ихъ самостоятельность. Тотъ фактъ, что они, поборовъ предрасудокъ: „стыдно учиться большому“, пришли въ непривычную школьную обстановку, слѣдовательно, хотятъ, ищутъ чего-то, выдѣляетъ ихъ изъ общей косной среды, даетъ имъ право на вниманіе, какъ выдающимся личностямъ изъ народа. Вотъ, напр., желѣзнодорожный рабочій 52-лѣтній литовецъ Ш., высокій, плотный брюнетъ съ сѣдьющей бородой, поступившій весною въ воскресную школу неграмотнымъ и переведенный теперь въ группу умѣющихъ читать и писать. Помню, онъ не сразу отважился прійти въ классъ, а прислалъ свою жену Викторію Ш., 45-лѣтнюю женщину, на развѣдки. Она явилась съ 26-лѣтнею дѣвушкою, жившею гдѣ-то въ услуженіи.

— Ученицу вамъ привела, — говоритъ женщина, а сама не уходитъ.

— Можетъ-быть, и вы хотите учиться?—спрашиваютъ ее.

— Нѣтъ, что вы? Старуха-то?! И люди засмѣютъ, — восклицаетъ она, а въ тонѣ слышится желаніе, чтобъ ее переубѣдили и оставили въ классѣ. Но нѣтъ времени возражать ей: набралось много взрослыхъ неграмотныхъ, и они съ интересомъ слѣдятъ за комбинаціей нѣсколькихъ указанныхъ имъ буквъ разнѣной азбуки. А пожилая

женщина, стоя возлѣ парты, шепчетъ вслѣдъ за другими: уа, ау, сор, рое... На предложеніе садиться она ужъ не возразила ни слова, охотно взяла букварь, доску и грифель и стала заниматься со всѣми. На слѣдующее воскресенье она прішла въ качествѣ ученицы. Къ кону заятій вошелъ ея мужъ и застѣнчиво заявилъ, что хочетъ посмотреть, какова наша школа.

— Неправда, неправда! — вдругъ весело, на весь классъ, сообщаетъ его жена, — онъ тоже, какъ и я, учиться пришелъ, только сказать стыдится. Иди, садись, чего тамъ, я ужъ читать начала, гляди-ка!

Выданный головой, Францъ Ш. поневолѣ поступаетъ подъ команду своей супруги, уже вполне освоившейся въ воскресномъ классѣ. Въ первый же день онъ сталъ убѣдительно просить выучить его подписывать имя и фамилію и очень огорчился, когда ему сказали, что сразу это сдѣлать трудно.

— Да вы мнѣ только напишите, а я какъ-нибудь срисую, — настойчиво умолялъ онъ.

Спустя два мѣсяца, онъ уже знаетъ всѣ буквы и съ гордостью заявляетъ въ классѣ: „Я ужъ нѣсколько разъ въ волости подписался!“ Недавно онъ составилъ фразу: „За неграмотнаго, по его личной просьбѣ, подписался“ и сталъ просить меня провѣрить ее. „Зачѣмъ вамъ?“ — спрашиваю. „До сихъ поръ все за меня подписывались, а теперь и я другимъ услужу: мало ли у насъ неграмотныхъ!“ Воскресенье у него единственный свободный день въ непрерывной вереницѣ тяжелыхъ дней, когда онъ терпѣливо несетъ тяжелый трудъ изъ-за куска хлѣба. И этотъ праздникъ онъ всегда проводитъ въ воскресной школѣ, высказывая сожалѣніе, что нельзя ему учиться и въ будни. „Эхъ, кабы мѣсяць одинъ на готовыхъ хлѣбахъ заниматься — пошелъ бы по книжкѣ такъ бойко читать, какъ горохъ сыпать! А теперь только и займешься, что поздней ночью, да и то усталый: какое ужъ тутъ чтеніе“, говоритъ этотъ желѣзнодорожный рабочій, котораго часто встрѣчаешь то починающимъ въ артели шпалы „на полотиѣ“, то занятаго косой на участкахъ желѣзнодорожныхъ начальниковъ, то работающимъ надъ насыпью „на линіи“. Свою жену, которая теперь недурно пишетъ диктантъ и хорошо читаетъ, онъ прозвалъ „бабушкой“, и это прозвище, совсѣмъ неподходящее къ сильной и бодрой фигурѣ Викторіи Ш., необыкновенно скоро привилось къ ней.

— Ну-ка, бабушка, достань мою табличку (грифельную доску), — говоритъ ей Францъ Ш. и, добродушно улыбаясь, объясняетъ сосѣдямъ на партѣ. — Она у меня съ табличками и съ букваремъ въ костелъ ходить, схоронить ихъ подъ шалью, никто и не догадается, что мы съ ней учениками на старости лѣтъ стали.

Самым выдающимся учеником в нашей школе является Э., местный почтальон, которого привлекло в училище стремление к умственному труду, жажда развития, потребность в книжке. Ему 25 лет, по происхождению он немец-крестьянин. Певысокий, плотный, с вдумчивым серьезным взглядом, он аккуратно каждый праздник с часу дня является в школу. В день открытия воскресного класса он долго нерешительно ходил взад и вперед по улицам, прежде чем отважился войти в училище. Его пугало не опасение смешать там свой чиновничий мундир с самодельными крестьянскими пиджаками, останавливала не гордость, а скромность, боязнь привлечь на себя внимание, потому что самолюбия в нем вовсе не было и, сидя с батраками, он обращался к ним всегда со словом „товарищ“, был деликатен и вжлив со всеми и пользовался всеобщим уважением: и христиан, и евреев. Первое время он очень интересовался, для чего открыли мы воскресную школу, какая нам от этого польза. „Жалованье вы будете получать, или вам за это какая награда будет?“ спрашивал он меня при встрече на вокзале. Отрицательный ответ удивил его, но он понял и был, видимо, приятно поражен, когда ему сказали: „Мы учились и кое-что знаем, а кругом много взрослых, не умеющих ни читать, ни писать, и таких, которым надо еще научиться, чтобы понять книжку, а объяснить им некому. Вот, чтобы наши знания не пропадали даром, мы и учим этих неграмотных“. — „Сколько я ни буду здесь жить, школы этой не покину!“ — сказал он с таким глубоким сочувствием к высказанным мыслям, какого не встретишь и среди интеллигенции захолустья. Чем больше приходилось всматриваться в этого скромного, сдержанного человека, тем яснее становилась его отзывчивость на все хорошее, идеальное отношение к книге и знанию, потребность все понять, до всего додуматься и изумительное трудолюбие, выработанное жизнью, полной лишений. „Люблю очень читать, но не все мне ясно в книгах. Да и достать их трудно. Хотелось бы усовершенствоваться в грамоте“, объяснял он нам свое появление в классе. Почтальон родился в бедности, как сам рассказывает в своем сочинении „Моя жизнь“. К ученью с малолетства имел большую охоту, поступил в сельское училище, а по окончании курса должен был взяться за заработок куса хлеба тяжелым трудом каменщика. Так, без книг, но с застенчивым и неудовлетворенным стремлением к ним, когда жизнь давала ему буквально камень, вместо духовного хлеба, провел он отрочество и юность. Потом судьба ему улыбнулась: в местечко, где жил Э., приехал народный учитель, сошелся, подру-

жился с молодым каменщиком, стал давать ему книги и помогать в изучении русского языка. В эту пору открылось на почте место помощника почтальона. Э. занял эту вакансию, а потом был переведен почтальоном в Попеляны. Он получает 12 руб. жалованья, живет за перегородочкой в самой же почтовой конторе и работает, — так работает, что его появление в воскресной школе есть своего рода геронзм: он ведет всю канцелярскую часть почтового дела, потом утром, в четыре часа, а вечером в семь отвозит почту на вокзал и берет полученную, а в конторе разбирает и раздает письма. Следовательно, в будни занят силен весь день, обязанный вставать в 4 часа утра. Свободно у него с часу дня до 6 вечера одно воскресенье, и он эти единственные в неделю 5 часов отдыха проводит в воскресной школе. Этот усердный безупречный ученик писал много самостоятельных работ и часто не только на данные темы, но по своему желанию поминать в тетрадь пересказ заинтересовавшего его рассказа, описание природы и пр. Его отношение к школе характеризуется письменной работой на тему: „Письмо к товарищу о Попелянской воскресной школе“. „Я, как поступил в эту школу уже десять месяцев, чувствую, что для меня это очень полезно. Много, благодаря школе, научился я врибе писать и стал больше понимать прочитанное. Самые любимые занятия мои, когда я послѣ трудов в длинные вечера сяду свои полученные от учительницы книги перечитывать. В них очень много интересного, так что, читая их и спать не хочется (это говорит человек, который к 4 часам утра должен быть уже на ногах). Могу писать тебе, что по усердию моему желанию учиться, больше знать и понимать все в книгах, судьба Божия так и занесла меня в это местечко, чем я очень доволен. Сначала, как только я начал ходить в воскресную школу, получил книги: „Дѣтскій міръ“, грамматику и несколько маленьких книг — рассказов для чтения. Прочитал их, и они для меня были очень интересны. Через несколько времени получил я книгу, описание одного юноши; но это описание не особенно меня интересовало, хотя и читал его, но без охоты. И попросил свою учительницу, чтобы дала мне „Священную историю“, и получил. Эту книгу я читал с большим любопытством. Прочитав, получил „Русскую историю“, — тоже одно из того, что мне очень интересно было знать. Теперь у меня есть книги: „Жизнь европейских народов“ Водовозовой. „Рассказы про старое время на Руси“ Петрушевскаго, задачник Гольденберга, грамматика Пуцковича и „Книга для чтения“ Одицова и Богоявленскаго. Все эти книги читаю очень охотно, люблю

рѣшать задачи, и все мнѣ понятно. Только самое трудное для меня грамматика, въ которой я самъ ничего не понимаю. Но со временемъ надѣюсь, съ помощью воскресной школы, достигнуть и этого". — „Хотѣлось бы мнѣ подольше остаться въ Попелянахъ ради воскресной школы", пишетъ онъ въ другой тетради, говоря о своемъ стремленіи къ книжкѣ и знанію.

Меня поражалъ своимъ отношеніемъ къ дѣлу 38-лѣтній ученикъ — жмудинъ Н., дворянинъ по происхожденію, какъ очень многіе изъ пролетаріевъ-литовцевъ, шерстобитъ по профессіи, широкоплечій, невысокій, съ бритымъ, задумчивымъ, немного наивнымъ лицомъ. Книжки и тетради, выданныя ему въ школѣ, онъ бережно складывалъ за поношеннымъ пиджакомъ у себя на груди и осторожно, точно съ хрупкой вещью, обращался съ ними. Онъ съ особенной добросовѣстностью готовилъ заданные на домъ уроки и всегда слово въ слово выучивалъ русскія стихотворенія, разобранныя въ классѣ. Не желая увеличивать смущенія взрослыхъ, и безъ того сильно конфузящихся своей ролью учениковъ, мы совсѣмъ упразднили принятый въ училищахъ обычай вставать при отвѣтахъ. Поэтому Н. передавалъ прочитанное или декламировалъ стихи сидя, тѣмъ не менѣе обращалъ на себя всеобщее вниманіе чрезвычайно оригинальной манерой держаться при этомъ. Онъ откидывался къ спинкѣ тѣсной дѣтской парты, гдѣ неудобно было его ширококостной фигурѣ, и задумчиво глядя передъ собою, съ выраженіемъ челоуѣка молящагося, начиналъ довольно сильнымъ басомъ съ большимъ чувствомъ говорить стихи. Глядя на него, думалось, будто онъ забылъ, что сидитъ въ классѣ съ толпой мужчинъ, дѣтей и женщинъ, а унесся въ какой-то свой особый міръ. Точно онъ переживалъ то, что говорилъ, и, глядя впередъ самоуглубленнымъ взглядомъ, произносилъ стихотвореніе не по просьбѣ учительницы, а для самого себя, какъ въ костелѣ, когда онъ поетъ по книжкѣ молитвы для одного себя, хотя вмѣстѣ съ другими. Такое торжественно-мечтательное выраженіе вызывало всякій разъ въ сосѣдяхъ по партѣ насмѣшливыя улыбки, кивки и подталкиванье локтемъ, но въ душѣ учительницы оно подымало волну благодарнаго чувства къ этому ученику за его хорошее отношеніе къ школѣ. Онъ уже второй годъ посѣщаетъ воскресный классъ. Поступивъ въ группу слабо-грамотныхъ, говорящихъ по-русски, дѣльный Н., страстно желавшій выучиться, съ удовольствіемъ читавшій книги географическаго и естественно-историческаго содержанія (ему особенно нравились „Грозныя явленія и чудеса природы" Рубакина), псппсывавшій дома одну тетрадь за другой, скоро былъ переведенъ въ старшую группу и отставалъ отъ нея только по арифметикѣ, туго имъ усваиваемой. Н. побывалъ въ военной службѣ,

откуда вынесъ знаніе русскаго языка, по солдатская выправка или не привилась къ нему, или затерлась потомъ деревней; по его скорѣе мѣшковатой, чѣмъ бравой вѣшности нельзя угадать въ немъ бывшаго солдата. Его выдавало развѣ солдатское „такъ точно", „не могу знать", да „ваше благородіе", съ которымъ онъ неизмѣнно обращался ко мнѣ.

Большинство учащихся евреевъ при поступленіи заявляли, что „знаютъ все: и имя существительное, и географію, и именованныя числа, и все, и все". Но первый диктантъ неотразимо убѣждалъ въ совершенной бессистемности этихъ смутныхъ познаній. Однимъ изъ типичныхъ учениковъ-евреевъ, знавшихъ при поступленіи „и глаголь, и имя прилагательное, и все, и все", былъ высокій брюнетъ Самуилъ З. Онъ, дѣйствительно, зналъ „все" и однажды поразилъ нашу школьную аудиторію никому неизвѣстнымъ словомъ „дѣепричастіе". Кажется, и ему самому значеніе этого слова было темно и неясно; по крайней мѣрѣ, оно неожиданно вырвалось у З. при разборѣ по частямъ простого и притомъ краткаго предложенія, куда дѣепричастіе не могло входить даже, какъ часть рѣчи. Но такихъ терминовъ, безъ представленія ихъ значенія, былъ въ его головѣ непочатый уголъ. Первое время они очень тормозили дѣло. Съ какой стати будетъ онъ выписывать изъ статьи въ тетрадь названія предметовъ, которые мы видимъ въ полѣ, на улицѣ, въ лѣсу, когда онъ знаетъ даже „нарѣчіе"? По въ результатѣ его работа оказывалась менѣе другихъ удовлетворительной и полной ошибокъ. Тогда онъ смирялся духомъ, внимательно слушалъ объясненія и, отрѣшившись отъ убѣжденія въ своемъ всевѣдѣніи, дѣйствительно, на лету схватывалъ всякую мысль. Меня особенно поражала его способность къ рѣшенію задачъ, къ устному счету, вообще, къ арифметикѣ. Впрочемъ, это было характернымъ свойствомъ всѣхъ евреевъ, учившихся въ воскресной школѣ. Прекрасной чертой въ немъ является проснувшееся стремленіе къ знанію. „Когда я былъ еще мальчикомъ, — пишетъ онъ въ своемъ сочиненіи „Моя жизнь", — и мелемедъ сказалъ мнѣ, чтобъ шелъ учиться, я говорилъ: „На что это учеье? Никакой отъ него пользы!" и думалъ только о томъ, чтобы играть съ мальчишками на улицѣ. Потомъ я долго учился въ хедерахъ. Теперь я чувствую полезность школы; когда напались хорошіе люди и открыли воскресное училище, и я ходилъ въ это училище и многому выучился. Я хочу дальше ходить въ него и читать книги и слушать учительницу, но не позволяетъ отецъ, говорить: „Гешефтомъ занимайся!" Вотъ когда мнѣ стало плохо! И нѣтъ мнѣ времени учиться, и жалко мнѣ, и принужденъ стоять въ лавкѣ изъ-за гешефта". Школа ведетъ споръ съ „гешефтомъ" и приобретаетъ пре-

обладающее значеніе въ сердцѣ еврейскаго юноши. Не знаю ужъ, какъ поведетъ онъ дѣло съ отцомъ, кого поставилъ вмѣсто себя за прилавкомъ, но изъ воскресній онъ не пропустилъ ни одного и по буднямъ часто навѣдывается въ мою квартиру, „кишечку переменить“, такъ какъ взятую въ школѣ онъ прочитываетъ на другой день по полученіи.

Въ группѣ умѣющихъ читать, но слабо пишущихъ, останавливаетъ на себѣ вниманіе А., 38-лѣтняя русская женщина съ ласковой улыбкой на увядшемъ, но дѣтски наивномъ лицѣ, скромная, простодушная, разговорчивая, съ сильной склонностью къ лиризму. Она никогда не поздоровадается молча, при входѣ въ классъ, а постоянно, учащенно кивая головой и радостно улыбаясь, непременно съ чѣмъ-нибудь поздравить васъ. „Здравствуйте, съ Великимъ постомъ васъ, съ души спасеньемъ!“ неожиданно говоритъ она учительницѣ. Читая, она попутно рассказываетъ о своихъ домашнихъ обстоятельствахъ. „Вотъ бы мнѣ какъ слѣдуетъ выучиться: письмо бы сестрицѣ написала про ея дочку, что у насъ живетъ. Веселая дѣвочка, игрунья, каждый разъ со мной въ школу просится...“ „Пишите вотъ такъ“, съ сожалѣніемъ, въ силу необходимости, прерываетъ учительница это „лирическое отступленіе“. „А! Хорошо! Благодарю, благодарю! — встрепенется А. — Бѣда вотъ только — руки отъ стирки какія-то опухшія стали, грифель все не тѣми пальцами беру... Стирки, знаете, много; безперечъ каждый день мою бѣльи“, довѣрчиво продолжаетъ она, убѣжденная, что я съ интересомъ слѣжу за всѣми перипетіями ея жизни. Какъ страстно А. жаждала выучиться, какъ отчаянно боролась съ собственной неспособностью, съ природнымъ недостаткомъ языка, вслѣдствіе чего она долгое время путала нѣкоторыя буквы. А. положительно съ бою завоевала себѣ грамоту. Теперь она ужъ прошла букварь и въ состояніи одолѣть всякую напечатанную строчку. Съ письмомъ дѣло идетъ еще туго. Но несомнѣнно, что ея исключительное прилежаніе побѣдитъ и неодолимые буквы. Несмотря на изобиліе домашней работы и ежедневную стирку, А. по вечерамъ въ будни урываетъ часокъ, чтобы забѣжать въ мою квартиру и попытаться счастья въ трудной борьбѣ съ большими буквами. Она упорно цѣплялась за букварь, разсѣянно и безучастно слушая налюстрируемые картинами сообщенія всему классу свѣдѣній изъ царства животныхъ или изъ быта народовъ. Она охотнѣе всего упражнялась въ механизмѣ чтенія и письма и, видимо, считала потерей времени эти бесѣды. И мнѣ казалось, что она права, когда ея взглядъ, разсѣянно скользнувъ по картинѣ, падалъ на доску и азбучку, рука тянулась къ наливованнымъ строчкамъ, и А., уступая желанію писать, не принимала участія въ нашихъ экскурсіяхъ въ область при-

роды и не слушала рассказовъ о томъ, какъ живутъ турки, какіе еще народы и страны есть на бѣломъ свѣтѣ: каждая лишняя написанная ею строчка, каждое прочтенное слово вѣрно вели ее къ цѣли: стать на собственные ноги, овладѣть грамотой и книгой, изъ которой она уже самостоятельно почерпнетъ гораздо болѣе интересныхъ свѣдѣній, чѣмъ даю ихъ я въ эти краткія бесѣды съ классомъ. Но возможно, что виною ея безучастія къ сообщаемымъ знаніямъ была и невоспримчивость ея натуры, потому что такой разсѣянности, кромѣ нея, я не замѣчала ни въ одномъ изъ взрослыхъ звуковиковъ, товарищей по ея группѣ. Напротивъ, наиболѣе характерныя замѣчанія давались именно имъ, и въ этихъ замѣчаніяхъ свѣтилась работавшая мысль, а подчасъ вырывалась и юмористическая выходка, освѣжающая школьную серьезную атмосферу взрывомъ искренняго общаго смѣха, благодаря которому еще оживленнѣе шли наши занятія.

Помнится мнѣ бесѣда о томъ, какъ живутъ китайцы. Она прошла съ исключительнымъ интересомъ, охватившимъ весь классъ говорящихъ по-русски. Въ этотъ разъ передъ началомъ рассказа я дала неграмотнымъ письменную работу, но о ней забыли всѣ и слушали напряженно, кромѣ опять-таки А., которая усердно писала, что „каша крута“ и „Луша ушла“. Удивленіе предъ особенностями китайскаго быта смѣнялось смѣхомъ надъ ними — такимъ заразительно веселымъ, что приходилось прерывать рассказъ. Сообщение, что въ китайской грамотѣ не 36 буквъ, какъ у насъ, а столько же, сколько словъ, т.-е. нѣсколько тысячъ, на століяра Е., безуспѣшно старавшагося не путать русскія буквы, произвело такое впечатлѣніе, что онъ вскрикнулъ отъ удивленія и привскочилъ съ мѣста. „А мы и съ 36-ю-то не сладимъ“, замѣтилъ, добродушно смѣясь, нашъ сѣдующій брюнетъ. Взрывъ хохота. Столяръ почему-то принялъ это на свой счетъ, сконфузился и обидѣлся „Что они смѣются? — пожаловался онъ. — Ни слушать не даютъ, ни заниматься“. По размолвка скоро забылась подъ влияніемъ дальнѣйшихъ сообщеній о своеобразной жизни своеобразнаго народа.

Этотъ 43-лѣтній литвинъ, столляръ Е., одно изъ интересныхъ лицъ въ классѣ. Онъ приходитъ въ училище всегда прифранченный, такъ что и не узнаешь въ немъ перепачканнаго красками мастерового, какимъ встрѣчаешь его въ будни на улицѣ. При поступленіи Е. въ воскресную школу волостной старшина говорилъ о немъ: „Не будетъ изъ него толку! Когда мы съ нимъ еще мальчишками были, учили насъ читать по-жмудски. Его каждый день пороли-пороли, да такъ и бросили: ничему не выучился... Классъ Е. посѣщаетъ съ большими перерывами. Жизнь постоянно отбиваетъ его отъ школы: сто-

ляра берутъ на работы въ уѣздѣ на цѣлые мѣсяцы. Но, исчезнувъ надолго, онъ вдругъ вновь вынырнетъ съ своимъ букваремъ, доской и грифелемъ, вдѣланнымъ въ собственноручно смастеренный футлярчикъ. Благодаря частымъ отлучкамъ, онъ все еще находится въ младшей группѣ, хотя его товарищи давно ужъ переведены въ старшую, а вновь поступившіе, начавъ вмѣстѣ съ нимъ, уходятъ отъ него далеко впередъ. Передъ каждымъ словомъ онъ неизмѣнно повторитъ нѣсколько разъ букву П, потому ли, что ему всюду мерещится эта излюбленная буква, или онъ просто пытитъ отъ усилия называть звуки въ указанномъ словѣ. Несомнѣнно одно, что Е. тратитъ очень много силъ, напрягая слабую память и неповинующийся языкъ и при чтеніи отъ непривычной умственной работы скоро утомляется. Онъ всегда радъ прислушаться къ общей классной бесѣдѣ о прочитанной статейкѣ, съ удовольствіемъ остается смотреть картины волшебнаго фонаря, показываемыя послѣ уроковъ, любитъ слушать чтеніе беллетристическихъ вещей и вставляетъ оригинальныя замѣчанія. „Кула баба сунется, тамъ добра не будетъ“, убѣжденно заявляетъ онъ по прочтеніи сказки „О рыбацѣ и рыбкѣ“. Онъ вѣритъ въ значеніе и силу образованія, и странности въ жизни и бытѣ другихъ народовъ объясняетъ, иногда вовсе не кстати, только „необразованностью“. На вопросъ „почему жители холоднаго сѣвера, эскимосы, такъ любятъ все жирное, что съ удовольствіемъ ѣдятъ даже салныя свѣчи“, Е. энергично замѣчаетъ: „Извѣстно, отъ необразованія: какой дуракъ станетъ салныя свѣчки ѣсть!“ У Е. много малолѣтокъ дѣтей, изъ которыхъ старшаго онъ недавно привелъ къ намъ въ воскресную школу. „Пускай попытается — поучится: необразованному плохо“, — заявилъ онъ намъ, усадилъ рядомъ съ собой парнишку и съ удовольствіемъ ободрялъ робкаго мальчика. Е. любитъ школу, гдѣ его радостно встрѣчаютъ послѣ долгихъ отлучекъ группа старичковъ: „А! наконецъ то! Слава Богу! Что давно не были?“ — говорятъ ему пожилые сосѣди по партѣ, тѣсясь и давая подлѣ себя мѣстечко.

Какъ контрастъ столяру, который одинъ изъ всей группы не кончилъ къ концу года азбуки, вспоминается мнѣ способная русская ученица 40-лѣтняя П., съ поразительной настойчивостью и энергіей, благодаря которымъ она, несмотря на множество домашнихъ работъ, скоро достигла благаго чтенія и умѣнья писать диктантъ. Ее привело въ школу трогательное желаніе матери выучиться самой писать письма сыну и дочкѣ, которые учатся въ городѣ. Она явилась къ намъ съ небольшимъ запасомъ знаній, которые мы всѣми силами старались искоренить, но такъ и не успѣли въ этомъ. П. знала ерѣ, есь, емъ, служившіе намъ камнемъ преткновенія при сліяніи зву-

ковъ. Но несмотря на тормозившіе дѣло ненавистныя намъ ерѣ, есь и емъ, она скорѣе другихъ взрослыхъ неграмотныхъ (подростки, однако, опередили ее) прошла азбуку. Книжкѣ она принесла въ жертву даже свое здоровье. „Все по вечерамъ при ночникѣ читаю, глазыньки разболѣлись, а не могу оторваться: хочется скорѣе читать выучиться“. П. являлась въ классъ изъ первыхъ, уходила послѣдней и всегда оставалась на чтенія, какъ бы поздно они не назначались. „Ахъ, батюшки, — говорила она, — скотина-то у меня не поена; домой пора, а послушать чтенія съ картинами страхъ хочется: послѣ онѣ мнѣ все дома представляются“. Она не пропускаетъ ни одного праздника и теперь, когда ужъ достигла своей опредѣленной цѣли — выучилась читать и писать и охотно читаетъ тѣкнуги изъ школьной библиотеки.

При мысли о дѣтяхъ, посѣщающихъ нашу воскресную школу, мнѣ вспоминаются ихъ веселыя, здоровыя лица, любовь ребятишекъ къ книжкамъ, тетрадямъ, грифелямъ и доскамъ — только какъ къ вещамъ, безъ ихъ значенія учебныхъ пособій. Малолѣтки — вообще нежелательный элементъ въ воскресной школѣ, которая принимаетъ ихъ потому, что они остались за порогомъ переполненнаго сельскаго училища. Нѣкоторые изъ шалуновъ посѣщали классъ исключительно ради новыхъ грифелей, по полученіи которыхъ подходили ко мнѣ съ откровеннымъ заявленіемъ: „Я хочу домой. Ты мнѣ позволишь?“ Былъ даже одинъ прискорбный случай на этой почвѣ присвоенія учебныхъ пособій. 12-лѣтній мальчуганъ, сынъ нищенки, продалъ въ корчмѣ за пятачекъ грифельную доску воскресной школы. Негодованіе цѣлаго класса на такой поступокъ, повидимому, образумило ребенка. Онъ послѣ этого печальнаго случая не посѣщалъ училища мѣсяца два, а явившись снова, сталъ возвращать мнѣ послѣ занятій даже обломки исписанныхъ грифелей. Около часа живая группа дѣтей обыкновенно тихо и усердно пишетъ названія картинокъ, потомъ въ ней слышится шепотъ, наклоненныя головенки поднимаются отъ работы, и вскорѣ ватага надолго исчезаетъ въ холодномъ корридѣрѣ, откуда къ намъ въ классъ доносятся веселые возгласы и звонкій смѣхъ.

На этомъ фонѣ беззаботнаго, безпечнаго, жизнерадостнаго дѣтства рисуется мнѣ тихая, всегда молчаливая дѣвочка Г., съ выразительными горящими глазами. Эти печальные глубокіе глазки худенькой, блѣдной дѣвочки рассказываютъ о тяжеломъ дѣтствѣ, какое выпадаетъ на долю ребятишекъ въ бѣдныхъ семьяхъ, гдѣ малолѣтки несутъ на себѣ тотъ же трудъ взрослыхъ. Дѣтомъ я видѣла, какъ дѣвочка, за-одно со старшими, полола гряды, осенью конала картофель и таскала тяжелыя корзины; круглый годъ она нянчить ре-

бять, носить воду... Непосильная работа стерла съ ся лица беззаботность, свойственную дѣтямъ, и дѣвочка смотритъ припшибленной птичкой. Тѣмъ трогательнѣе въ ней ея отношеніе къ школѣ, гдѣ она занимается съ такимъ же усердіемъ, какъ и наши взрослые учащіяся, не отрываясь отъ доски и книжки, не признавая перемѣнъ, не принимая никогда участія въ шумной бѣготѣ ребятишекъ изъ класса въ корридоръ, въ ихъ рѣзвомъ смѣхѣ. Какъ ученица, она идеальна. Но почему же при взглядѣ на нее всегда такъ больно сжимается сердце? Не потому ли, что школа не въ силахъ измѣнить выраженіе этого дѣтскаго лица безъ улыбки?!

Я не стану вспоминать характерныхъ личностей остальныхъ взрослыхъ, наполнявшихъ школу по воскресеньямъ. Каждый изъ нихъ рѣзко отличается отъ другихъ, но всѣ они сливаются въ одномъ общемъ желаніи научиться поскорѣ грамотѣ, овладѣть книгой и, достигнувъ цѣли, одинаково считаютъ себя счастливыми. „Господи! ужъ какъ я рада, что и читать, и писать теперь умѣю! Точно мнѣ сто рублей подарили!“ — горячо и искренно говоритъ 23-лѣтняя М., живущая за два рубля въ услуженіи и бѣдная, какъ многострадаальный Іовъ.

Такихъ возгласовъ приходится слышать много: изъ 63 неграмотныхъ, поступившихъ въ продолженіе прошлаго года, не кончилъ азбуки одинъ столяръ Е.; а не выучилась исполнѣ писать только А. Каждый изъ взрослыхъ учащихся является со своимъ запросомъ къ школѣ: одному нужно поскорѣ выучиться читать; другой выражаетъ желаніе познакомиться съ цифрами; третій нуждается въ матеріалѣ для чтенія; четвертый ищетъ въ насъ людей, которые разъяснятъ ему все непонятное въ книгахъ, но во всѣхъ этихъ заявленіяхъ, несмотря на кажущееся разнообразіе, слышится одинъ общій мотивъ: въ школу этихъ взрослыхъ людей привело желаніе выучиться грамотѣ, потребность умственного развитія, инстинктивное стремленіе къ свѣту и знанію.

До начала нынѣшняго учебнаго года я занималась обученіемъ одна. Конечно, невольно возникаетъ недоумѣніе: какимъ образомъ справляюсь я одна съ переполненнымъ классомъ разнообразныхъ по познаніямъ учениковъ, но я укажу на примѣръ любого сельскаго учителя. Въ нашей мѣстности сто учениковъ на одного учителя — самая заурядная вещь. Вотъ въ этой-то довольно сложной роли народнаго учителя являюсь и я по воскресеньямъ: забираюсь я въ школу въ 9 часовъ, до 12 занимаюсь съ евреями, а съ 1 часу до 5 вечера — съ католиками, православными и лютеранами. Занимаюсь я безъ перемѣнъ, потому что иначе у меня не хватило бы времени на множество дѣла: 1) надо объяснить картинки группѣ грамотныхъ,

но не говорящихъ по-русски, т.-е. умѣющихъ читать и писать, не понимая смысла (это — особенность нашей школы, куда поступаютъ учиться говорить по-русски); потомъ дать имъ самостоятельную работу на тему: „кто, что и чѣмъ дѣлаетъ на картинкѣ?“ 2) Надо дать самостоятельную работу по арифметикѣ или пересказать прочитаннаго по плану — старшей группѣ. 3) Задать группѣ слабограмотныхъ, говорящихъ по-русски, рядъ вопросовъ, на которые они дали бы письменные отвѣты. 4) Заниматься лично чтеніемъ букваря съ неграмотными, которые, пока я даю самостоятельныя работы старшимъ группамъ, пишутъ пройденныя буквы и коротенькія слова, а то составляютъ ихъ изъ имѣющихся у каждаго разнѣзныхъ азбукъ. По окончаніи занятій я веду устную предметную бесѣду со всѣмъ классомъ, при чемъ ученики-литовцы старшей группы переводятъ своимъ, не говорящимъ по-русски, товарищамъ мои слова, а тѣ въ отдѣльности и хоромъ повторяютъ названія нарисованныхъ и показанныхъ имъ предметовъ. Затѣмъ группа не говорящихъ по-русски отпускается, и я читаю вслухъ учащимся то или другое стихотвореніе или статью, съ тѣмъ, чтобы, во-первыхъ, понимающіе русскую рѣчь могли слышать вѣрную и выразительную дикцію, а во-вторыхъ, чтобы прочтенная пѣсня, картинка или поэтический рассказъ заронили въ души слушателей хорошее, доброе чувство, внесли новые взгляды въ ихъ міросозерцаніе. Правда, занимаясь со всѣми группами, тратишь пропасть нервной силы и, въ общемъ, какъ это ни комично, напоминаешь солдата, который одинъ защищалъ батарею отъ натиска турокъ: онъ заряжалъ и выпаливалъ изъ одной пушки въ непріяеля, потомъ бросался къ другой, отъ нея къ третьей, вводя турокъ въ заблужденіе, что тамъ, за валомъ, не одинъ человекъ орудуетъ, а множество. Я сравнивала свое положеніе съ работой учителя сельской школы, но забыла сказать о своемъ преимуществѣ передъ нимъ: у него въ классѣ малыши, вниманіе которыхъ онъ долженъ постоянно возбуждать и поддерживать, а у меня солидная аудиторія — взрослые пожилые люди — олицетвореніе вниманія, усердія и прилежанія, люди, не признающіе перемѣнъ, не поднимающіе головы отъ книги, отдающіе школѣ свой единственный досугъ за всю недѣлю, люди тяжелаго труда и постоянной борьбы съ жизнью, видящіе въ книжкѣ и грамотѣ одно изъ могучихъ средствъ для борьбы съ житейскими невзгодами: иначе бы они не пришли сюда, поборовъ предрасудки, пожертвовавъ единственнымъ днемъ свободы въ непрерывной вереницѣ дней тяжелыхъ, когда они терпѣливо несутъ ярмо изъ-за куска насущнаго хлѣба. Это та аудиторія, которая можетъ вдохновить на трудъ для нея, даже еслибы онъ казался непосильнымъ. Недаромъ я не чувствую тяжести, хотя всегда слышу по возвращеніи изъ школы, что

я, „какъ съ креста снятая“, не чувствую тяжести этого „креста“, а тепло, легко и хорошо у меня на душѣ.

Съ сентября въ воскресной школѣ съ увлеченіемъ и умѣло занимается новый учить г. Можейко, который посвящаетъ дѣлу обученія взрослыхъ свой единственный свободный день въ недѣлю послѣ тяжелаго труда въ нормальномъ училищѣ, переполненномъ учащимися. Онъ ввелъ въ программу занятій рисованіе, очень заинтересовавшее учениковъ. При его посредствѣ въ воскресной школѣ преподается съ октября мѣсяца пѣніе; желающихъ обучаться откликнулось очень много: жмудяки любятъ русскую пѣсню. Мнѣ хочется сказать горячее, глубокое спасибо г. Можейку за дѣятельное, живое участіе въ работѣ на пользу Попелянской воскресной школы, за серьезное и усердное отношеніе къ дѣлу обученія народа.

Матеріальныя средства школы заключаются въ 42 р. 89 к., хранящихся въ ссудосберегательной кассѣ, и 25 рублѣхъ, присланныхъ отъ Шавельскаго общества попеченія о народной трезвости.

Гигіеническія условія въ школѣ невозможны; въ матеріальномъ отношеніи школа обставлена бѣдно; преподавателей только двое, а народъ, — и все взрослые, солидные люди, — все идетъ и идетъ въ воскресную школу. Деревнѣ, какъ хлѣбъ насущный, нужна воскресная школа, и народъ, побѣдивъ все препятствія, терпѣливо снесъ всевозможныя затрудненія и неудобства, добившись грамоты, будетъ любить и чтить свою воскресную школу и, какъ это видно по нашей школѣ, не оставитъ ее, даже выполнѣ достигнувъ первоначальной цѣли, то-есть, овладѣвъ грамотой. Мнѣ кажется, что воскресныя школы необходимо и выполнѣ возможно ввести по деревнямъ, не смущаясь недостаткомъ педагогическихъ силъ и скудостью матеріальныхъ средствъ. Крестьяне рвутся въ душную, тѣсную школу, увѣряя, что можно и стоя учиться, если негдѣ сѣсть. Воскресная школа, въ которой одинъ человѣкъ имѣетъ дѣло съ биткомъ-набитымъ классомъ, конечно, будетъ страдать многими недостатками, но книгу и грамоту она взрослому населенію деревни все-таки дастъ, а вѣдь въ этомъ главное.

Е. Урсыновичъ.

Годовой отчетъ Суджанской воскресной школы*).

I.

7-го сентября 1897 года Суджанская воскресная школа вступила во второй годъ своего существованія. Несмотря на большое количество учениковъ въ прошломъ году и сравнительно успѣшное обуче-

*Въ отчетъ этотъ внесено нѣсколько выдержекъ изъ прошлогодняго отчета имѣющихъ общій, не временный только интересъ.

ніе неграмотныхъ, педагогическій совѣтъ все еще боялся за успѣхъ школы вообще. Но съ перваго же дня школьной жизни въ этомъ году исчезли всякія сомнѣнія: количество учениковъ, поступающихъ въ воскресную школу, увеличивалось такъ быстро, что въ концѣ октября педагогическій совѣтъ сдѣлалъ постановленіе о прекращеніи приема учениковъ, съ единственнымъ, впрочемъ, исключеніемъ для исполнѣ неграмотныхъ, какъ наиболѣе нуждающихся въ школѣ. Если отказывать вообще трудно, то педагогическому совѣту, отъ котораго приемъ зависитъ исполнѣ, особенно тяжело. Случалось, что получившіе отказъ подростки становились на колѣни въ корридорѣ, ловили за платье проходившихъ учительницъ, заставляя ихъ своими просьбами принимать въ паличныя группы. Въ одномъ изъ отчетовъ сообщается, напримѣръ, такой фактъ: „Одинъ изъ моихъ учениковъ, научившійся читать, привелъ своего неграмотнаго товарища, и когда послѣдній получилъ отказъ, ученикъ заявилъ: „Пу, что жъ дѣлать, я уйду изъ школы; вѣдь я уже научился читать и могу подождать до слѣдующаго года, а его посадите на мое мѣсто“. Вновь поступившій неграмотный, конечно, замедлялъ успѣхи группы, и все-таки учитель оставилъ обоихъ, стараясь подогнать отставащаго. Такимъ образомъ, фактически, приемъ продолжался весь годъ, а цифра отказовъ, тѣмъ не менѣе, возросла къ концу года до 276 человѣкъ; въ женскую школу принимать было невозможно за недостаткомъ помѣщенія, въ мужскую — за недостаткомъ педагогическаго персонала.

За отчетное время въ Суджанскую воскресную школу поступило 309 человѣкъ, изъ нихъ: женщинъ 175

мужчинъ 134

Въ школу принимали не моложе 15 лѣтъ.

Въ теченіе отчетнаго времени выбыло женщинъ 36
мужчинъ 30.

Посѣщающихъ школу второй годъ въ женской школѣ — 79, въ мужской — 53 человѣка.

По возрасту ученицы распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

до 15 лѣтъ — 28
отъ 15 до 20 — 126
отъ 20 до 40 — 21

Въ мужской школѣ распредѣленіе по возрастамъ:

до 15 лѣтъ — 16
отъ 15 до 20 — 77
отъ 20 до 50 — 41

Общее количество вновь поступившихъ неграмотныхъ женщинъ 73, мужчинъ 20.

Максимумъ посѣщеній въ воскресный день 235 человекъ, минимумъ 111; послѣдняя цифра относится къ воскресенью 19 апрѣля; въ среднемъ, въ каждое воскресенье присутствовало 191 человекъ. Отсутствіе пропусковъ уроковъ рѣзко бросается въ глаза и отражается на групповыхъ отчетахъ. Почти нѣтъ слѣда тѣхъ жалобъ на пропуски, какими отличались отчеты прошлаго года. Напротивъ, сплошь и рядомъ учителя заявляютъ: „Въ моей группѣ, за исключеніемъ 2-хъ учениковъ (изъ 25 чел., 18 чел.), всѣ посѣщаютъ занятія аккуратно“.

Надо удивляться этой аккуратности тѣмъ больше, что школу посѣщаютъ ученицы изъ села Локни, въ 7 верстахъ отъ Суджи, и ученики изъ хуторовъ въ разстояніи отъ 3-хъ до 5 верстъ. Только съ приближеніемъ весны посѣщеніе школы, особенно мужской, становится менѣе аккуратнымъ. Начиная съ конца февраля, каждый учебный день былъ для насъ днемъ прощанія: наши ученики, обязавшись выѣхать на работы на третій день Пасхи, должны были оставить школу заранѣе, чтобы привести въ порядокъ домашнія дѣла и собраться въ дорогу; а съ 19-го апрѣля въ школѣ остаются одни мальчики.

Принятые въ этомъ году 309 человекъ составили слѣдующія группы: неграмотныхъ женскихъ группъ — 1,

мужскихъ группъ — 1,

малограмотныхъ женскихъ — 5,

малограмотныхъ мужскихъ — 2,

грамотныхъ женскихъ — 2,

— мужскихъ — 3.

Всего 19 группъ, то-есть на 2 меньше противъ прошлаго года.

Занятія въ школѣ ведутся отъ 11 до 3 часовъ дня въ женской школѣ и отъ 6 до 10 часовъ вечера въ мужской.

Неграмотныя группы.

Въ женской школѣ у 4 учительницъ въ теченіе года было по одной неграмотной группѣ, а у одной учительницы обучены 2 неграмотныхъ группы. Ученицы, поступившія къ послѣдней учительницѣ въ сентябрѣ, къ Рождеству читали такъ хорошо, что были присоединены къ малограмотной группѣ, посѣщающей школу второй годъ. Въ январѣ та же учительница набрала новыхъ неграмотныхъ, которыя въ мартѣ мѣсяцѣ начали брать книги изъ библіотеки для самостоятельнаго чтенія.

Нельзя даже себѣ представить, сколько труда, усердія и стараній употребляютъ взрослые, чтобы постичь грамоту. Въ дневникѣ одной

учительницы читаемъ: „Случается, что придешь въ школу усталой, измученной собственной злобой дня, и вяло принимаешься за скучную, въ сущности, работу—изученіе алфавита; но пройдетъ минутъ 5, много 10, какъ крупныя капли пота на лбу ученицъ, дрожащія отъ напряженія руки, а порой отчаянный возгласъ: „Ничего у меня не выходитъ!“ сперва трогаютъ, а потомъ такъ увлекаютъ, что забываешь и вялость, и свою неохоту. Иногда во время урока кто-нибудь выкрикиваетъ: „Дывись, Миша и Маша!“ И сколько трогательной радости на лицѣ и въ голосѣ прочитавшей, такъ много жажды еще и еще трудиться, что стараешься изо всѣхъ силъ помочь прочесть еще фразу, чтобы услышать и увидѣть такую же радость“.

Быстрота усвоенія алфавита во всѣхъ неграмотныхъ женскихъ группахъ одинакова. Изъ отчетовъ видно, что на седьмой урокъ ученицы начинаютъ чтеніе связныхъ статей. Сравнительно большій успѣхъ обученія грамотѣ въ этомъ году объясняется, во-первыхъ, опытомъ прошлаго года и, во-вторыхъ, любовнымъ отношеніемъ къ дѣлу обѣихъ сторонъ.

„Мнѣ кажется, — говоритъ учительница одной изъ неграмотныхъ группъ, — что въ этомъ году связь между школой и учащими выросла; годъ перваго знакомства не прошелъ безслѣдно: онъ уничтожилъ ту напряженность, которая чувствовалась въ занятіяхъ, но напряженность эта не смѣнилась равнодушіемъ или безразличнымъ отношеніемъ къ преподаванію. Опытъ помочь ориентироваться и приспособиться къ требованію учениковъ. Теперь уже не только тяжело, но и невозможно порвать связь со школой, потому что, бросивъ ее, почувствуется сразу такое одиночество, такая пустота, которую трудно будетъ заполнить или замѣнить чѣмъ другимъ“.

Обученіе письму въ неграмотныхъ группахъ ведется параллельно чтенію, но нужно сознаться, что успѣхи въ этомъ отношеніи не блестящи. Загрубѣлыя руки плохо слушаются, отсюда — неправильное положеніе пальцевъ, быстрое утомленіе руки и некрасивый почеркъ. Что касается ариметики, то неграмотные начинаютъ обучаться ей тогда, когда потребность умѣть читать удовлетворена. Торговые счета служатъ въ данномъ случаѣ главною цѣлью; кромѣ этого, въ неграмотныхъ группахъ научаются писать цифры и изображать числа до 100.

Мужская неграмотная группа изъ 20 человекъ не можетъ похвалиться столь же быстрымъ усвоеніемъ грамоты. Въ эту группу, въ теченіе всего года, принимали учениковъ съ самой разнообразной подготовкой, такъ что при чтеніи, какъ и при письмѣ и счетѣ, учительницѣ приходилось раздѣлять ученикомъ на нѣсколько категорій. Трудности преподаванія были такъ велики, какъ нигдѣ, тѣмъ болѣе,

что здѣсь сидятъ все люди почтеннаго возраста, съ серьезной жаждой научиться, съ умѣньемъ критиковать, со склонностью впадать въ уныніе, заражая своимъ настроеніемъ учительницу. Постепенно, однако, все вошло въ норму, и къ концу года всѣ ученики читаютъ, пишутъ, дѣлаютъ арифметическія дѣйствія надъ многозначными числами письменно, берутъ книги изъ бібліотеки, проявляя при этомъ желаніе захватить вмѣсто одной двѣ, а то и три книжки.

Заканчивая обзоръ неграмотныхъ группъ, невольно дѣлаешь слѣдующіе выводы: во-первыхъ, въ мѣстномъ населеніи пробудилась и проявляется страстная жажда грамоты и горячее желаніе овладѣть книгою, какъ источникомъ знанія, и, во-вторыхъ, населеніе прониклось увѣренностью, что воскресная школа должна удовлетворить его спросу на грамоту и книгу. Позволю себѣ, какъ иллюстрацію этихъ выводовъ, привести выдержки изъ 2-хъ отчетовъ о неграмотныхъ. „Послѣ постановленія совѣта о прекращеніи пріема, въ мою группу явилась дѣвушка съ просьбой принять ее; на мое возраженіе, что съ нею надо заниматься отдѣльно, она сказала: „А если я выучу буквы и научусь читать, вы меня примете?“ Чтобы отдѣлаться отъ нея, я дала ей букварь и обѣщала исполнить ея просьбу. Каково же было мое изумленіе, когда она явилась снова въ школу и просила меня спросить ее; оказалось, что она, произнося въ словахъ одну букву за другой вслухъ и не сливая ихъ, угадывала, и почти всегда вѣрно, значеніе словъ. Удивленная и обрадованная ея успѣхами, я показала ей, какъ надо сливать звуки, и еще нѣсколько буквъ. И вотъ черезъ недѣлю она пришла снова, зная уже много буквъ и довольно скоро разбирая небольшія слова. Трудно передать ея радость, когда я сказала, что теперь могу ее принять“.

Въ другомъ отчетѣ читаемъ: „Моя ученица рассказывала мнѣ, что мать часто спрашиваетъ у нея: „Да ты скоро ты, Катеринко, научишься грамоты? Отъ колы заживемъ, якъ ты начнешь чытать намъ и про угодныкивъ Божыхъ, и про царивъ, и про разныхъ людей!“

Малограмотныя группы.

Женскихъ малограмотныхъ группъ 4, изъ которыхъ одна дѣтская. Мужскихъ малограмотныхъ группъ 2, изъ которыхъ одна состоитъ изъ подростковъ.

Въ первое полугодіе въ мужскихъ группахъ читаютъ, главнымъ образомъ, статьи по естествознанію; въ женскихъ, за исключеніемъ одной, гдѣ занимались исключительно по зоологіи, пользовались въ одинаковой мѣрѣ матеріаломъ какъ по географіи, исторіи Россіи,

такъ и по естествознанію. Наблюденія надъ учащимися въ теченіе прошлаго года позволили педагогическому совѣту сдѣлать нѣкоторые выводы, результатомъ которыхъ явились двѣ программы по чтенію для малограмотныхъ, выработанныя совѣтомъ въ этомъ году. Первая для лицъ, научившихся читать въ этомъ году, вторая для малограмотныхъ, посѣщающихъ школу второй годъ. Первая служитъ лишь подготовкой для второй, заключающей свѣдѣнія по географіи и исторіи нашей родины. Приступивъ къ систематическому чтенію по программѣ, учителя рѣшили дѣлать свои замѣтки на каждый урокъ, чтобы, съ помощью послѣднихъ, улучшить программу во время каникулъ. Несмотря на многіе недостатки программы, нельзя не отмѣтить слѣдующаго факта: съ момента введенія программы по чтенію, въ бібліотечныхъ записяхъ учениковъ, кромѣ беллетристики и религіозно-нравственныхъ книгъ, появляются и такія книги, какъ „Родная Страна“, „Крестьянское хозяйство“, „Обработка поля“ и т. п.

Параллельно чтенію выработаны программы и по письму.

Главная отличительная черта послѣднихъ заключается въ очень небольшомъ количествѣ правилъ правописанія, которые замѣнены намѣченными темами для самостоятельныхъ работъ съ выработанными планами. Планы работъ, представляющіе широкій просторъ самостоятельности учащихся, признаны педагогическимъ совѣтомъ очень удачными. И дѣйствительно, отсутствіе грамматики, которую въ 35 воскресеній заучить невозможно, дѣйствуетъ на учениковъ ободряющимъ образомъ. Они смѣлѣе берутся за самостоятельныя письма къ отсутствующимъ роднымъ и, радуясь практическому приложенію письма, удѣляютъ ему больше усердія.

Вотъ предисловіе къ программѣ по письму:

Кромѣ диктантовъ, въ которыхъ сообщаются учащимся самыя доступныя ихъ пониманію правила орфографіи, они должны, по возможности, ознакомиться съ формой письменнаго изложенія своихъ мыслей. Переходъ отъ мелкихъ диктантовъ къ работамъ, вполне самостоятельнымъ, довольно труденъ, почему письменныя работы надо расположить такимъ образомъ, чтобы учащіеся не замѣтили этого перехода. Для достиженія этого предлагается такой способъ. Положимъ, на первый-разъ учащіеся должны написать сочиненіе „Осень“. Спрашиваютъ: „Какое у насъ теперь время?“ — Осень. — „Вотъ про осень мы сегодня и напишемъ“. На классной доскѣ пишутъ заглавіе „Осень“. Затѣмъ учащіеся, съ помощью учителя, составляютъ планъ сочиненія, который очень кратко записывается на доскѣ, приводится въ порядокъ и переписывается въ тетради. Учащимся предлагается рассказать про осень по плану, написанному на доскѣ, и затѣмъ диктуютъ, приблизительно, такъ, какъ рассказали учащіеся, а для

этого просить двухъ, трехъ человѣкъ, одного за другимъ, отвѣтить на первый вопросъ, спрашиваютъ, чей отвѣтъ болѣе понравился остальнымъ, и диктуютъ этотъ отвѣтъ; такимъ же образомъ получаютъ второй, третій отвѣтъ и т. д. Слѣдующее сочиненіе, по содержанию, должно походить на первое и пишется самостоятельно. На доскѣ пишется кратко планъ, составленный учащимися (избѣгать вопросовъ), по плану учащіеся рассказываютъ, что можно написать на данную тему, затѣмъ пишутъ сочиненіе въ классѣ, обращаясь иногда за разъясненіемъ къ учителю. Третье сочиненіе, вполне самостоятельное, по содержанию сходное съ первыми, пишется дома по плану, данному учителю.

По арифметикѣ въ этихъ группахъ проходятъ отъ одного до четырехъ дѣйствій надъ отвлеченными числами письменно.

Грамотныя группы.

Женскихъ грамотныхъ группъ двѣ:

1-я изъ дѣвочекъ не старше 15 лѣтъ.

2-я изъ подростковъ отъ 15 до 17 лѣтъ.

Обѣ группы посѣщаютъ школу 2-й годъ.

Ученицы первой группы, съ трудомъ разбиравшія печатное слово и совсѣмъ незнакомыя со счетомъ при своемъ поступленіи, поражаютъ теперь своимъ развитіемъ и даже знаніемъ.

На урокахъ чтенія дѣвочки изучаютъ географію и исторію Россіи, отдавая предпочтеніе послѣднему предмету. Онѣ же являются чуть ли не самыми аккуратными посѣтельницами школьной библіотеки, всегда умѣя отдать себѣ отчетъ въ прочитанной книжкѣ. Такъ, однажды, при разговорѣ съ бібліотекаремъ о книгѣ „Дикіе люди жаркой страны“, на вопросъ о разницѣ между дикими и нами, онѣ такъ отвѣтили: „а самое главное, дикіе они оттого, что мы вотъ про нихъ читаемъ, а они про насъ читать не могутъ“.

По арифметикѣ письменно пройдены три дѣйствія надъ многозначными числами и дѣленіе многозначныхъ на однозначное. Задачи по Гольденбергу рѣшаютъ хотя и медленно, но правильно. Таблицу умноженія знаютъ хорошо. Въ послѣднее время учились владѣть торговыми счетами.

Письмо: первое полугодіе писали переложенія, во второе — легкія сочиненія, и только въ случаѣ очень грубыхъ ошибокъ ученицамъ давали соответственный диктантъ.

Вторая женская группа поставила себѣ и педагогическому совѣту задачу подготовиться къ экзамену народныхъ учителей. Соответственно цѣли, здѣсь проходятъ систематически курсъ женской про-

гимназій. Трудность задачи не смущаетъ ни учащихся, ни учащихся. Обѣ стороны работаютъ бодро. Готовятъ дѣвушки свои уроки и дома, отрывая часы у сна. Досуга у нихъ нѣтъ, потому что всѣ живутъ шитьемъ. Недостаткомъ свободного времени объясняется небольшое количество книгъ, взятыхъ этой группой изъ библіотеки.

Пройдено въ отчетномъ году:

1) курсъ физической географіи 1-го класса, 2) законченъ курсъ русской исторіи 3-го класса, начатый въ этомъ году эпохой Петра Великаго.

По арифметикѣ: именованные числа, всѣ дѣйствія надъ ними и задачи.

По русскому языку: разборъ предложенія, главные части рѣчи и правила правописанія буквы ѣ.

Мужскихъ грамотныхъ группъ три. Одна — изъ учениковъ въ возрастѣ отъ 17 до 30 лѣтъ и двѣ группы — изъ окончившихъ курсъ въ народныхъ училищахъ, отъ 14 до 16 лѣтъ.

Первая группа предъявила вполне опредѣленно свои требованія: пройти хорошо арифметику, умѣть все нужное на практикѣ счетоводство дома сдѣлать письменно, научиться писать безъ грубыхъ ошибокъ и пройти русскую исторію. Сообразно желанію группы, кромѣ дѣйствій надъ отвлеченными числами, изучили важнѣйшія мѣры и рѣшали задачи и примѣры на три дѣйствія съ именованными числами. Пройдены главнѣйшіе случаи употребленія буквы ѣ, разборъ простого предложенія, знакомство съ знаками препинанія и сочиненія на разные темы. Русская исторія проходила лишь въ главнѣйшихъ моментахъ, и свѣдѣнія пополнялись чтеніемъ соответственныхъ книгъ изъ библіотеки.

Двѣ группы мальчиковъ, занимаясь арифметикой и письмомъ отдѣльно, слушали чтеніе по одной и той же программѣ. Послѣдняя начиналась статьей о полезныхъ и вредныхъ насѣкомыхъ, очень заинтересовавшей слушателей. Постепенно расширяя программу, учителя прочли со своими учениками о рыбахъ, птицахъ, однокотныхъ, многокотныхъ и т. д., закончивъ программу строеніемъ человѣческаго тѣла.

По письму одна группа изучала, главнымъ образомъ, грамматику, при чемъ преобладающимъ типомъ письменной работы являлся диктантъ. Къ изученію грамматики здѣсь относились строже, потому что мальчики только годъ назадъ окончили народную школу.

По арифметикѣ изучали всѣ дѣйствія съ именованными числами.

Другая группа по письму занималась самостоятельными сочиненіями, училась писать письма, росписки, приговоры и т. п.

По арифметикѣ эта группа изучила всѣ дѣйствія съ простыми дробями.

Для самостоятельныхъ письменныхъ работъ въ школѣ давали слѣдующія темы: „Рабочій день“, „Моя хата“, „Моя семья“, „Мое дѣтство“ и „Какъ я научился грамотѣ“, описаніе отдѣльныхъ дѣйствующихъ лицъ изъ „Онѣгина“, „Времена года“ и т. п.

Въ отчетномъ году вся грамотная школа начала обучаться церковно-славянскому чтенію, которое встрѣчено учащимися сочувственно.

Что касается преподаванія Закона Божія, то въ этомъ отношеніи въ женской воскресной школѣ порядокъ нѣсколько измѣненъ. Признано неудобнымъ дѣлить женскую школу на группы по возрасту, какъ это было въ прошломъ году, потому что при такомъ дѣленіи подготовка ученицъ въ расчетъ не принималась, и священникъ вынужденъ былъ предлагать одинаковый матеріалъ какъ неграмотнымъ, такъ и хорошо подготовленнымъ ученицамъ; при этомъ часто случалось, что матеріалъ, предлагаемый священникомъ, былъ труденъ для первыхъ или не удовлетворялъ вторыхъ. Въ виду этихъ неудобствъ, священники раздѣлили школу на двѣ слѣдующія группы: 1-я, младшая по подготовкѣ группа, состояла изъ ученицъ неграмотныхъ и слабограмотныхъ; 2-я, старшая, изъ хорошо читающихъ ученицъ. Такая группировка тотчасъ же выгодно отразилась какъ на посѣщаемости уроковъ и усвоеніи, такъ и на отчетности законоучителей. Изъ отчетовъ видимъ, что въ младшей группѣ законоучитель пользовался въ одинаковой мѣрѣ такими ветхозавѣтными фактами, изъ которыхъ ученицы легко выясняли себѣ, каковы должны быть нравственныя отношенія въ семьѣ и въ обществѣ; кромѣ того, ученицы читали воскресныя Евангелія, а во время поста законоучитель остановился на выясненіи таинствъ исповѣди и причастія, а также на значеніи праздника Свѣтлаго Христова Воскресенія. Въ отвѣтъ на эти объясненія раздался взволнованный голосъ одной изъ пожилыхъ женщинъ: „Батюшка, простите насъ! и мы не такъ поступали, какъ говорите вы... Не по-христіански“. Въ старшей группѣ, кромѣ чтенія по церковно-славянски Евангелія съ объясненіями и переводомъ, ясно и довольно подробно изложено православно-славное ученіе о вѣрѣ, то-есть, объяснялся Символъ Вѣры. „Всѣ ученицы, за немногими исключеніями, отчетливо и связно передавали ученіе отдѣльныхъ членовъ Символа Вѣры“, — говорится въ отчетѣ, при чемъ законоучитель прибавляетъ: — „занимаются такъ хорошо, что если бы ученицъ было только двѣ, и тогда стоило бы ходить и заниматься!“

Что касается обученія въ мужской школѣ то тамъ оно сопряжено съ большими трудностями. Законоучитель одинъ для 134 человѣкъ, съ

самой разнообразной подготовкой, тѣмъ не менѣе и здѣсь посѣщаютъ уроки усердно. Уроки велись въ формѣ бесѣдъ на воскресныя евангельскія чтенія, при чемъ старались выдѣлить ту нравственную мысль, которой слѣдуетъ пользоваться, какъ нравственнымъ правиломъ въ жизни. Кромѣ того, передъ праздникомъ Пасхи, недѣли за двѣ, ученикамъ уяснены смыслъ и значеніе праздника, а также обрядовъ и обычаевъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ празднику Христова Воскресенія.

II.

Въ отчетномъ году педагогическій совѣтъ состоялъ изъ 25 преподающихъ; 17 изъ нихъ состоятъ въ школѣ второй годъ, 8—первый годъ. Этотъ учительскій персоналъ былъ все же недостаточенъ: количество группъ превышало всегда число преподавателей, такъ что многіе изъ учителей занимались по три часа и въ женской, и въ мужской школахъ; но силы и энергія преподающихъ поддерживались превосходнымъ отношеніемъ учащихся къ школѣ; вотъ, напр., трогаящая душу слова одного 38-лѣтняго ученика, въ которыхъ онъ выразилъ сожалѣніе огорченному отказомъ въ приѣмѣ ученику: „Да! тутъ, братъ, ученіе замѣчательное! даже лучше, что ты съ осени занншнсья, не запоздай только“. — И затѣмъ, обратясь къ распорядительницѣ школы, онъ продолжалъ: „ученіе у васъ такое замѣчательное, что вамъ и дома этого будетъ мало: тутъ сотни собьются“. — Въ другой разъ, присутствуя при раздачѣ мною книгъ изъ бібліотеки, — говоритъ распорядительница, — тотъ же ученикъ, глядя на столпившихся вокругъ меня учениковъ, замѣтилъ: „Ишь, добрались до свѣта! — не разгонишь“.

Такіе факты служатъ большой отрадой тѣмъ, кто, уставъ отъ недѣльной работы, отдаетъ и воскресный отдыхъ труду, не дающему ни почестей, ни наградъ. Вотъ почему позволяю себѣ привести еще два аналогичныхъ факта: грамотный ученикъ такъ опредѣляетъ разницу между обычной и воскресной школами: „Въ воскресной школѣ хоть мало времени учатся, а много успѣваютъ; а почему? — потому что учительницы учатъ по своей доброй волѣ, ученики охотой идутъ. Никто никого не гонитъ“.

Другой ученикъ, покидая школу противъ своей воли, прощается съ нею въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Оставляю я свое ученіе не потому, чтобы не пожелалъ ходить въ воскресную школу, а чрезъ домашнія неурядицы, которыя были всему виною. При поступленіи моемъ въ школу, мнѣ никто не препятствовалъ ходить, быть ея посѣтителемъ. Теперь же эта неурядица могла прекратить всѣ мои

дѣла, которыя я постигалъ нѣсколько мѣсяцевъ. Остаюсь очень доволенъ тѣмъ, что я узналъ отъ васъ, но еще много осталось неизнаннаго мною, объ этомъ я очень сожалею. Сердечно благодарю всѣхъ тружениковъ школы, а также учредителей оной, и да даруетъ имъ Господь миръ и счастье на многія лѣта!“

Собранія педагогическаго совѣта въ этомъ году происходили еженедѣльно. Отмѣтимъ слѣдующія его постановленія:

- 1) Выработать программу для малограмотныхъ по чтенію и письму.
- 2) Проводя программу въ группахъ, дѣлать замѣтки о недостаткахъ каждаго урока и представить послѣднія въ концѣ года на обсужденіе совѣта.
- 3) Признать необходимымъ посѣщеніе учителями другихъ группъ для ознакомленія съ постановкой преподаванія въ школѣ и для обсужденія на педагогическомъ совѣтѣ промаховъ или особо удачныхъ пріемовъ.

4) Постановлено не отказывать въ пользованіи бібліотекой роднымъ и знакомымъ учениковъ воскресной школы, за ручательствомъ послѣднихъ.

5) Постановлено, чтобы выдача книгъ изъ бібліотеки производилась однимъ лицомъ, которое строго должно вести записи и проверять, насколько понята каждая возвращаемая книга.

Если къ этому прибавить, что всѣ эти постановленія примѣнены на дѣлѣ, т.-е., что программы выработаны и проводились въ II-е полугодіе въ школѣ, что взаимный контроль надъ занятіями установленъ, и достоинства занятій обсуждались не разъ на педагогическомъ совѣтѣ, что ежемѣсячные групповые отчеты доставлялись аккуратно, то позволительно будетъ сдѣлать слѣдующій выводъ: особенности веденія дѣла въ воскресной школѣ все болѣе уясняются для педагогическаго персонала, и коллективная работа на совѣтахъ признается ими необходимой.

III.

При выдачѣ книгъ изъ бібліотеки руководствовались слѣдующими постановленіями совѣта:

1) Постороннему, т.-е. не ученику воскресной школы, книга выдается за ручательствомъ воскресника.

2) При выдачѣ книгъ каждому вручаются правила пользованія бібліотекой, выработанныя совѣтомъ.

3) Книги даются лишь въ томъ случаѣ, если читающій не отказывается отвѣчать на проверочные вопросы бібліотекаря о прочитанномъ.

При выдачѣ книгъ все-таки происходили недоразумѣнія между бібліотекаремъ и читателемъ: первый старался дать, особенно для перваго раза, книжку удобопонятную и небольшую, такъ какъ это облегчаетъ тщательное ознакомленіе съ новымъ лицомъ и правильную выдачу въ будущемъ; второй поровитъ взять красивую по виду и толстую по объему книгу и, не соглашаясь съ мнѣніемъ бібліотекаря о своемъ развитіи, спорить, требуя неподходящихъ книгъ. Въ первый мѣсяцъ выдачи споры окончивались иногда уходомъ изъ бібліотеки; тогда пришлось сдѣлать уступку.

Педагогическому совѣту не разъ приходилось слышать обвиненія въ несоотвѣтственной выдачѣ книгъ: „малограмотный, а ему даютъ классиковъ!“ Дѣлалось это потому, что предпочтительнѣе дать малограмотному классика, нежели позволить уйти изъ бібліотеки и тѣмъ лишить его развитія въ будущемъ. Не понявъ книги, взятой по своему вкусу, такой читатель сдается послѣ перваго опыта, и дальше овладѣванію его довѣріемъ тѣмъ больше, чѣмъ удачнѣе выбираешь ему книги. Этому методу и придерживались весь годъ при выдачѣ книгъ. Съ учениками такихъ споровъ почти не бывало, хотя случалось, что ученикъ, высоко цѣнящій своего учителя, вырастаетъ въ собственномъ мнѣніи и параллельно становится требовательнѣе при выборѣ книгъ. „Помнится, — рассказываетъ бібліотекарь, — пришелъ ко мнѣ взрослый юноша изъ неграмотной группы съ просьбой дать „романъ, да чтобъ большой и интересный!“ — „А въ чей вы группѣ?“ — спросила я. — „У Вѣры Ивановны“, — съ гордостью отвѣчаетъ ученикъ. — „Группа Вѣры Ивановны такихъ книгъ брать не можетъ“, — отвѣчаю я. — „Какъ, ученику Вѣры Ивановны нельзя?“ И нужно было видѣть, сколько удивленія, смѣшаннаго съ негодованіемъ, слышалось въ этомъ вопросѣ.

Отвѣчать на проверочные вопросы читатели не только не отказывались, но сплошь и рядомъ они безъ вопросовъ выражали и свой восторгъ, и свое негодованіе. „Ахъ, дѣвушки, вотъ книжка, лучше этой не было!“ — говоритъ женщина, одна изъ нашихъ ученицъ. Затѣмъ обращается ко мнѣ и хлопочетъ, чтобы книга осталась въ группѣ, пока ее прочтутъ всѣ. „А что же вамъ понравилось въ этой книгѣ?“ — „Справедливо написано о простомъ народѣ, душевно!“ Рѣчь шла о „Наброскахъ карандашомъ“ Шабельской. Другая подаетъ „Домби и Сынъ“ со словами: „Чуть не плакала, такъ хорошо, все рассказать могу. Домби и... Сынъ — вотъ она гордость-то! вѣдь, любя, погубилъ!“ Окружающіе слушаютъ сочувственно, а удовлетворенная читательница обращается къ нимъ: „Берите, дѣвушки, хорошая книжка!“

Взрослая ученица возвращаетъ „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ Гоголя. „Говорили хорошо, вовсе пустяки“, — недовольнымъ

тономъ произносить она. „Что пустяки?“ — вѣбшивается ея подруга по группѣ. „Гоголь — пустяки? Даже всѣмъ это извѣстно, что Гоголь замѣчательный писатель. Не понимаю, какъ можно говорить подобное!“ Нѣсколько голосовъ поддерживаютъ защиту, и сконфуженная дѣвица исчезаетъ въ толпѣ товарищей.

Ученикъ мужской школы даетъ о произведеніяхъ Гоголя такой отзывъ: „Замѣчательно написано! Все время смѣшлся надъ чело-вѣческой глупостью, а Ревизоръ — всего смѣшнѣе.“ — „Ну, такого на свѣтѣ не бываетъ!“ — убѣждено отвѣчаетъ ученикъ на вопросъ учительницы, вымыселъ или дѣйствительность описана въ Ревизорѣ.

Тотъ же ученикъ о разсказахъ Короленка: „Хорошо пишетъ! Гоголя читаешь — все время смѣшно, а у этого, у Короленка, грустно читать и грустно послѣ чтенія“.

О Чеховѣ „Дѣтвора“: „Жалостно про Ваньку: прочитаешь, самъ будешь жалѣть Ванекъ, а остальное такъ, пустое!“

Другой ученикъ, прочитавъ біографію Стефенсона и разсказъ „Антекъ“, говоритъ: „Замѣчательно жизнь свою провелъ Стефенсонъ! Всю жизнь отдалъ за дѣло и добился своего.“ „А Антекъ?“ — спросила учительница. „Что жъ? Бѣдный! какъ бы учился, то, можетъ, и дошелъ бы до чего-нибудь, какъ Стефенсонъ, а такъ — вродѣ дурачокъ!..“

Молодой человѣкъ, лѣтъ 22, заявляетъ: „Прочелъ „Обыкновенную исторію“. — „Довольны вы книгой?“ — „Весьма!“ — получается отвѣтъ. — „А кто вамъ больше нравится: дядя или племянникъ?“ — „Да вотъ какъ, — раздумчиво отвѣчаетъ онъ, — пока читаю, Александръ лучше, а когда разсуждать, то у дяди учиться надо!“ Случайно объ этомъ читателѣ мнѣ пришлось услышать слѣдующее: прочтя о самоотверженной любви матери Александра въ этомъ же романѣ, молодой человѣкъ заставилъ свою мать прослушать это мѣсто и, окончивъ чтеніе, сказалъ: „Вотъ видите, маменька, какія матери-то бываютъ!“ А бѣдная маменька, видя въ этихъ словахъ упрекъ себѣ, горячо бранить человѣка, давшего такую книгу ея сыну.

Интересныхъ и поучительныхъ для бібліотекаря отзывовъ можно было бы собрать бездну: къ сожалѣнію, этой работы не удалось выполнить: дѣло въ томъ, что каждая выдача книгъ была такъ многочисленна, что продолжалась съ 10½ ч. утра до 9½ вечера, и хотя, казалось бы, этого времени очень достаточно, его все-таки не хватало одному лицу, чтобы, кромѣ выдачи и опроса, вести еще правильныя записи отзывовъ. Усталость къ концу бібліотечнаго дня бывала такъ велика, что и опрашивались не всѣ подрядъ, и въ будущемъ дѣло бібліотеки слѣдуетъ нѣсколько упорядочить.

Кто же были наши читатели?

Вначалѣ былъ большой наплывъ изъ мѣстной прогимназіи и уѣзднаго училища. Эти дѣвочки-подростки и юноши производили своей осмысленностью очень пріятное впечатлѣніе; къ сожалѣнію, скоро послѣдовало запрещеніе начальства пользоваться нашей бібліотеккой, и съ этого времени всѣ наши читатели — простой рабочій людъ.

Въ заключеніе скажемъ: успѣхъ книги зависитъ отъ ея перваго читателя: похвалить онъ, книга начинаетъ переходить изъ рукъ въ руки; осудить — тогда трудно сдѣлать ее популярной. Произведенія Григоровича, съ перваго вступленія въ нашъ міръ, потерпѣли крушеніе, и весь годъ не только никто не спрашивалъ этого писателя, но категорически отказывались брать, когда его предлагали. Такая же участь произведеній Лажечникова и разсказовъ Погоскаго, за исключеніемъ „Старики“ и „Майорская дочка“. Зато „Наброски карандашомъ“ Шабельской, „Черниговка“ Костомарова, „Параша Сибирячка“, расхваленные первымъ читателемъ, пользовались симпатіей наряду съ самыми популярными книгами, каковы „Князь Серебряный“ и „Хижина дяди Тома“.

Общее число читавшихъ книги въ воскресной бібліотекѣ — 546.

Взято всего книгъ — 4.973, въ среднемъ по 9½ книги на каждого. Изъ числа 546 собственно учениковъ школы — 246, которыми взято книгъ 2.896, то-есть, въ среднемъ, почти 12 книгъ на каждого.

Постороннихъ лицъ 300, которыми взято 2.087 книгъ, то-есть, въ среднемъ, почти 7 книгъ.

По отдѣламъ книги распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

беллетристики	3.478
религіозно-нравственныхъ	788
исторіи и географіи	526
другихъ научныхъ отдѣловъ	231

Денежный отчетъ.

Приходъ: Пожертвовано Н. В. Евреиновой 51 р. 20 к., отъ попечителя школы князя П. Д. Долгорукова на бібліотеку 352 р. 20 к., отъ Суджанскаго благотворительнаго общества 115 р., субсидія отъ Суджанскаго земства 100 р., всего 618 р. 40 к.

Расходъ: Библіотека 400 р. 40 к., наглядныя пособія 40 р. 20 к., учебныя пособія 99 р. 2 к., прочіе расходы 53 р. 58 к., всего 593 р. 20 к. Въ остаткѣ 25 р. 20 к.

Въ истекшемъ году педагогическій совѣтъ воскресной школы устраивалъ два школьных праздника. Зимній праздникъ, приуроченный къ празднику Рождества Христова, состоялся 26-го декабря. Праздникъ начался въ 6 часовъ вечера; ученики, въ количествѣ 300 чело-

вѣкъ, едва помѣщались въ земскомъ залѣ. Школьный хоръ пропѣлъ народный гимнъ; затѣмъ ученикамъ показаны были туманные картины; относящіяся къ празднику, послѣ чего зажжена елка. Красивое дерево вызвало шумныя одобренія, и только послѣ того, какъ первыя впечатлѣнія улеглись, маленькими ученицами и учениками было прочитано нѣсколько стихотвореній, послѣ которыхъ пѣніе и танцы продолжались до 11 часовъ вечера. Наконецъ, каждый изъ учениковъ получилъ свою долю лакомствъ, украшеній и книжку; горячо пожимая руки организаторовъ, ученики распростились съ нами.

Второй, весенній праздникъ, состоялся въ день окончанія занятій, 26-го апрѣля. Съ ранняго утра ученики и ученицы наполнили здание школы въ ожиданіи молебна. Группа дѣвушекъ хлопотала надъ украшеніемъ кіота въ актовомъ залѣ. Къ 12 часамъ собрались гости въ лицѣ мѣстной администраціи, членовъ благотворительнаго общества и частныхъ лицъ, и начался молебенъ, послѣ котораго былъ прочитанъ годовой отчетъ. Съ особеннымъ интересомъ ученики слушали отчетъ по библиотекѣ, въ которомъ они встрѣчались со своими товарищами. Знакомыя слова вызывали то сдержанный смѣхъ, то шопотъ замѣчаній. Въ заключеніе распорядительницей школы отъ лица членовъ педагогическаго совѣта выражена горячая благодарность, во-первыхъ, мѣстному земству, во вторыхъ, господину предводителю дворянства А. В. Евреинову за его заботливое отношеніе къ интересамъ школы и, наконецъ, попечителю школы князю Долгорукову, всегда съ одинаковой горячностью откликавшемуся на всѣ запросы школы. Послѣ чтенія отчета каждый ученикъ получилъ книгу и билетъ для посѣщенія концерта въ этотъ день вечеромъ.

Въ 8½ часовъ вечера ученики собрались въ земскій залъ на концертъ, устроенный мѣстными любителями хорового пѣнія. Не только ученики, но и учителя возбужденно ожидали концерта, не зная, какъ отнесутся слушатели къ новому для нихъ развлеченію; сумѣютъ ли оцѣнить удовольствіе, предложенное съ готовностью, сопряженное съ трудомъ. Глубокая тишина царила въ залѣ во время исполненія, и только блестящіе глаза и напряженные лица выражали настроеніе слушателей. Но едва оканчивалась пѣса, какъ громъ аплодисментовъ, букетики фіалокъ, летавшіе на подмошки, и крики „браво“ обнаружили наслажденіе нашихъ учениковъ. Особенно понравились русскія пѣсни. Въ концѣ концерта двѣ маленькія ученицы благодарили исполнителей отъ лица школы и поднесли корзинку цвѣтовъ.

И такъ, оба школьныхъ праздника прошли хорошо и оживленно для учениковъ и доставили членамъ совѣта нравственное удовлетвореніе. Если сравнить эти праздники съ прошлогодними, ясно видно,

до какой степени школа сблизилась со своими руководителями. Весело было и тогда, и теперь. Но въ прошломъ году приходилось помогать веселью; то тамъ, то здѣсь учитель или учительница старались втиснуть въ пляску и пѣніе многихъ, кто участвовалъ лишь въ качествѣ зрителя; въ этомъ же году инициатива принадлежала всецѣло ученикамъ. Сами выбирали танцы, сами назначали очередь, такъ какъ, за тѣснотой, вмѣстѣ всѣмъ танцевать было невозможно, сами обращались къ учителямъ, желая подѣлиться впечатлѣніями, и благодарили организаторовъ простымъ рукопожатіемъ.

Эти маленькія черты, почти неуловимыя для посторонняго зрителя, были хорошо замѣчены учителями и оживленно обсуждались. И неудивительно! Для воскресной школы близость учителей съ учениками гарантируетъ успѣхъ дѣла. Легче удовлетворить ученика, если онъ свободно и довѣрчиво высказывается передъ вами; легче работать, когда общество поддерживаетъ эту работу, а поддержку можно получить лишь тогда, когда дѣлается дѣло, для всѣхъ понятное. Идѣ же и когда наудобнѣе познакомить общество со школой, какъ не на этихъ праздникахъ, которые устроены съ помощью лицъ, сочувственно относящихся къ школѣ? И когда педагогическій совѣтъ созналъ, что начало близости между нимъ и школой уже есть, когда увидѣлъ, что и знакомству общества со школой положены прочныя основанія, онъ почувствовалъ себя и прочнѣе, и сильнѣе, и удовлетвореннѣе въ этомъ трудномъ дѣлѣ.

Распорядительница воскресной школы *Т. Яценко*.

Очеркъ воскресно-повторительныхъ занятій при М—ской земской школѣ *).

Вслѣдствіе постановленія губернскаго земства, всѣ учащіе въ народныхъ школахъ еще въ 1893 г. были приглашены открыть у себя воскресно-повторительныя занятія. Осенью того же года открылись такія занятія, между прочимъ, и въ селѣ Ч., гдѣ я въ то время служила. Занятія велись учительницей В. Ни поблизости, ни въ губернскомъ городѣ въ то время не было еще и помина о воскресныхъ школахъ, такъ что В. пришлось руководствоваться въ новомъ дѣлѣ единственно своимъ чутьемъ. Въ первое же воскресенье

*) Несмотря на то, что сельскія воскресныя школы существуютъ во многихъ и многихъ мѣстахъ, о нихъ доходитъ до насъ, къ сожалѣнію, очень мало свѣдѣній; между тѣмъ воскресная школа въ деревнѣ имѣетъ огромное значеніе, поэтому мы особенно дорожимъ сообщеніями такого рода и съ удовольствіемъ помѣщаемъ очеркъ одной изъ сельскихъ воскресныхъ школъ, присланный намъ учительницей, ведущей ее.

собралось человекъ 30, желавшихъ записаться въ число учениковъ воскресной школы. Какъ возрастъ, такъ и подготовка ихъ были до крайности различны. Тутъ были и подростки, только что окончившіе курсъ въ школѣ, и юноши, побывавшіе уже въ большихъ городахъ на промыслахъ, и семейные люди, пожелавшіе припомнить старое, чтобъ помогать въ ученіи своимъ дѣтямъ, когда они прибѣгутъ изъ школы; были и совершенно неграмотные, и проводившіе одинъ, два и три года въ народной школѣ. Судите же, что за безпорядокъ долженъ былъ происходить въ этомъ разношерстномъ классѣ съ одной нескѣдущей въ дѣлѣ воскресныхъ занятій учительницей! И дѣйствительно, только первое время, пока къ дѣлу чувствовался интересъ новизны, В. удавалось кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, занять собравшихся учениковъ. Занимались чтеніемъ по книгѣ Баранова „Наше Родное“, рѣшали задачи въ курсѣ третьяго отдѣленія народной школы, писали диктовку; въ заключеніе читали небольшія книжки изъ школьной бібліотеки. Ученикъ, плохо читавшій, не рѣшался читать; плохо писавшій или вовсе не писавшій скучалъ за диктовкой. Но наиболѣе безпорядочны были занятія арифметикой: большинство учениковъ не владело арифметическими дѣйствіями и желало научиться имъ наскоро, безъ всякой системы. Безпорядокъ въ классѣ былъ таковъ, что когда мнѣ пришлось замѣнить учительницу, у меня еле достало силы прозаниматься положенные 3 часа, послѣ чего я дала себѣ слово никогда не имѣть дѣла съ воскресной школой.

Воскресныя занятія въ селѣ Ч. просуществовали два года и закончили въ тотъ же мигъ, какъ учительница В., потративъ бездну энергіи и, не видя успѣха, упала духомъ и стала нѣсколько холоднѣе относиться къ дѣлу. Это была первая воскресная школа, съ которой случилось мнѣ близко познакомиться.

Въ 1894 году я была назначена учительницей въ село М. Въ началѣ слѣдующаго года пріѣзжаетъ въ село священникъ Л. и почти съ первыхъ же словъ предлагаетъ мнѣ открыть воскресную школу. Устрашенная судьбой Ч — ской школы, я наотрѣзъ отказалась привести его мысль въ исполненіе. Но время шло, а запросы народа то и дѣло наталкивали на мысль о воскресной школѣ: то 30-лѣтняя баба является и со слезами проситъ „украсить“ ее — обучить грамотѣ, то 20-лѣтняя молодуха проситъ „урвать времечко“ — поучить ее разбирать письма мужа; матери просятъ хоть по вечерамъ выучить ихъ дочекъ грамотѣ, коль ужъ некуда ихъ посадить въ классѣ; а мальчики, окончившіе курсъ въ прошломъ году, все просятъ разрѣшенія посѣщать школу, чтобъ не забыть старое; словомъ, со всѣхъ сторонъ слышится одно и то же ясно выраженное желаніе

учиться. А отецъ Л. при каждой встрѣчѣ напоминаетъ, что у насъ нѣтъ еще воскресной школы. Однако совѣстить въ воскресной школѣ всѣхъ желавшихъ учиться значило бы погубить хорошее начинаніе. Задумались мы съ отцомъ Л., какъ выйти изъ такого положенія, да въ концѣ-концовъ и порѣшили: воскресной школѣ быть, но только для повторительныхъ занятій съ окончившими курсъ въ начальной школѣ, и въ то же время открыть повседнежную женскую школу, чтобъ бабы не были, выпрашивая, какъ милостыни, грамоты для себя или своихъ дочерей. Такъ и стало. Какъ епархіальный училищный совѣтъ на открытіе женской церковно-приходской школы, такъ и инспекторъ народныхъ училищъ на открытіе воскресныхъ повторительныхъ занятій при М — скомъ училищѣ немедленно согласились. И вотъ, 1 октября 1895 года открывается наша воскресная школа. Со страхомъ и сомнѣніями вхожу я въ классъ и жду, что меня встрѣтитъ такая же разношерстная толпа, какъ въ Ч. Каково же было мое разочарованіе, когда я увидѣла только 5 мальчуговъ изъ недавно окончившихъ курсъ (4 окончили въ 1895 г. и одинъ въ 1892 году). Но это оказалось къ лучшему. Просматривая дневникъ воскресной школы за 1895 г., я съ удовольствіемъ вижу подъ 15-мъ октября такія строки: „Ученики держали себя чинно, солидно, такъ что занятія мнѣ не доставили ничего, кромѣ удовольствія“. Скоро число учениковъ стало прибывать. Старшіе по возрасту стѣснялись снова приняться за ученіе и ходили только послушать занятія, а настоящими учениками были ребята отъ 13 до 15 лѣтъ пѣзъ недавно окончившихъ школу. Небольшое количество учениковъ и одинаковая ихъ подготовка дали возможность расположить занятія болѣе или менѣе систематически. Во время уроковъ чтенія повторяли русскую исторію и географію. Прочитанное въ классной книгѣ дополнялось или рассказомъ учительницы, или чтеніемъ другихъ книгъ, преимущественно изъ ученической бібліотеки. Письменные работы начались съ диктовокъ съ провѣрочнымъ разборомъ написаннаго, съ цѣлью припомнить пройденныя нѣкогда правила; въ то же время писали прошенія, съ цѣлью придать практическое значеніе занятіямъ въ глазахъ отцовъ учениковъ; писали росписки, словомъ, дѣлали все то, на что наталкивала жизнь. Громадное значеніе придаетъ крестьянинъ умѣнию сына написать письмо, — пишемъ и письма; словомъ, занятія сами собой дѣлаются жизненными и не утомляютъ ни меня, ни учениковъ. Въ школьномъ дневникѣ получаютъ замѣчанія въ родѣ, „жду съ нетерпѣніемъ слѣдующаго воскресенья“, или: „долго не хотѣлось разстаться; дай Богъ, чтобъ почаще выпадали такіе деньки!“ Писать жореложенія и сочиненія, вести записи о прочитанномъ пока еще

не представлялось возможным въ виду прежней подготовки учениковъ: дѣло въ томъ, что пожелавшіе учиться въ воскресенье были, по большей части, ученики, окончившіе курсъ въ школѣ въ самый разгаръ увлеченія преподавателей диктовками, когда отрицалась всякая возможность давать другія письменныя работы, вслѣдствіе чего большинство воскресниковъ не обладало умѣньемъ даже мало-мальски сносно излагать свои мысли. По арифметикѣ болѣе всего обращалось вниманіе на составленіе смѣтъ и подсчетъ итоговъ, а также на умѣнье написать счетъ. Когда приходилъ законоучитель, ему выдѣлялось полчаса на занятія Закономъ Божиимъ. Заканчивались же занятія чтеніемъ книги изъ ученической бібліотеки, при чемъ обращалось вниманіе, преимущественно, на знакомство съ жизнью европейскихъ народовъ и значеніе образованія въ крестьянскомъ хозяйствѣ и въ жизни каждаго человѣка вообще. Вотъ что говоритъ дневникъ по поводу прочитанныхъ книгъ:

10-го декабря 1895 года. Читали „Сѣверный край Россіи“. Матеріала для объясненій довольно много; вопросовъ предлагалось достаточно. Во время чтенія набрались крестьяне, и когда дѣло дошло до путей сообщенія и сѣверной желѣзной дороги, пришлось отвѣчать уже на вопросы не учениковъ, а взрослыхъ. Дорога проходить отъ насъ вблизи, и потому вопросъ этотъ — злоба дня для нашихъ крестьянъ. Читая затѣмъ о растеніяхъ юга (статья „Южный край“), разговорились о томъ, что тамъ растетъ и что у насъ. Одинъ изъ учениковъ дѣлаетъ замѣчаніе: „значитъ, у насъ не развести фруктового сада?“ Я отвѣчаю, что у насъ возможно развести ягодникъ и рассказываю о такихъ садахъ въ городѣ. Является вопросъ: гдѣ достать кустиковъ малины? Объясняю, что ихъ даетъ земство, стоитъ только написать прошеніе. Разговоръ кончается рѣшеніемъ написать прошеніе о высылкѣ кустовъ. Вотъ и письменная работа! Жизнь и книга даютъ тему для бесѣды; бесѣда выясняетъ тему для письма. Если не сейчасъ, то впоследствии работа эта имъ пригодится.

18-го февраля. Несмотря на то, что собралось только 8 человѣкъ, занятія прошли оживленно, благодаря тому, что вслѣдъ за статьею „Петръ Великій“, прочитанной учениками по книгѣ Ермина и Волотовскаго, была мною прочитана книжка Радаковой „Голландія“, которая произвела на учениковъ сильное впечатлѣніе. Брошюрка эта, сравнительно съ прежде читавшимися, довольно объемистая, и мальчуганы сомнѣвались, не утомитъ ли она ихъ. Принимались слушать неохотно, но, когда началось чтеніе, рассказъ о неслыханныхъ сооруженіяхъ голландцевъ, ихъ образованности и богатствѣ такъ заинтересовалъ слушателей, что они пожелали сами приобрести эту книгу. Рассказъ же о Вильгельмѣ Оранскомъ и борьбѣ съ инквизи-

цей такъ увлекъ, что его слушали, какъ волшебную сказку. Однимъ словомъ, и они, и я — всѣ очень довольны.

10-го марта. Читали объ административномъ устройствѣ Россіи. Затѣмъ прочитана книжка „Швейцарія“ (изд. Харьков. Общ. грамотн.); природа страны, образъ жизни, управленіе и занятія жителей живо заинтересовали слушателей. По поводу вышины швейцарскихъ горъ пришлось говорить объ устройствѣ всей вселенной и даже коснуться солнечнаго тепла и лунныхъ пятенъ. Большое впечатлѣніе произвела на нихъ легенда о Вильгельмѣ Теллѣ. Нѣкоторые просили книгу на домъ, что несомнѣнно доказывало ея успѣхъ.

Наконецъ, при воскресной школѣ является и бібліотека. Какая радость и оживленіе охватили учениковъ при раздачѣ книгъ! А, между тѣмъ, книгъ было такъ мало, что когда молодежь, не записавшаяся въ школу, провѣдала объ этой бібліотекѣ и стала просить „книжку почитать“, пришлось ей отказать. Съ этой же просьбой обращались и солидные люди, такъ какъ въ нашей мѣстности нѣтъ и поминъ о народной бібліотекѣ. Наша бібліотека имѣла такое значеніе, что даже тѣ, которые успѣли выйти изъ школы, вернулись въ нее снова, чтобы имѣть право на полученіе книгъ.

Въ теченіе перваго года существованія воскресно-повторительныхъ занятій на нихъ перебывало 17 человѣкъ; было дано 20 трехъ-часовыхъ уроковъ. Въ слѣдующемъ учебномъ году занятія въ воскресной школѣ начались нѣсколько раньше, еще съ сентября. Число учениковъ дошло до 27, при чемъ окончившихъ курсъ въ 1896 году было 10 человѣкъ, а остальные 17 окончили прежде. Были между ними и взрослые отъ 16 до 24 лѣтъ, которыхъ къ школу привела отчасти возможность получить книжку изъ бібліотеки, а отчасти желаніе прочесть книгу и подъ моимъ руководствомъ. Слѣдуетъ замѣтить, что взрослые относятся къ дѣлу очень внимательно, читаютъ и слушаютъ объясненія настолько серьезно, что частенько становятся псовкою за свое невѣжество, когда приходится отвѣчать на интересующіе ихъ вопросы недостаточно ясно и полно. Есть, конечно, личности, неспособныя сосредоточиться, но причина этого чаще неровная подготовка, не дающая возможности выбрать матеріалъ, способный всѣхъ заинтересовать въ одинаковой степени.

Было одно непріятное явленіе въ школѣ: ученики посѣщали школу неаккуратно. Причинъ этого было много: влияли частію нѣсколько измѣнившіяся условія жизни крестьянъ, а также переменъ въ составѣ учениковъ (взрослые не всегда могли присутствовать въ школѣ, такъ какъ отвлекались домашними работами); но думается, что главной причиной была неудовлетворительная постановка самыхъ занятій.

Какъ на выдающуюся личность между учениками, укажу на

Одота; ему 16 лѣтъ; онъ учился два года дома, у деревенскихъ грамотѣевъ, и только одинъ годъ въ нашей школѣ, окончивъ курсъ однимъ изъ лучшихъ. Получивъ льготное свидѣтельство, онъ самъ занялся учительствомъ, а узнавъ объ открытіи воскресной школы, явился въ нее вмѣстѣ съ двумя своими учениками. Его жажда къ знанію неизмѣрима, точно такъ же, какъ и его вниманіе къ дѣлу. Это типичный русскій самоучка. Безконечно жаль, что семейныя обстоятельства не позволили ему поступить въ какое-нибудь городское учебное заведеніе.

Не могу не замѣтить, что присутствіе въ воскресной школѣ взрослыхъ учениковъ дало мнѣ возможность разрѣшить одинъ вопросъ, съ котораго собственно и начинается моя сознательная учительская работа. Съ началъ моей учительской службы я столкнулась съ однимъ господиномъ, который краснорѣчиво доказывалъ, что обученіе въ народной школѣ пропадетъ для народа безслѣдно и что поэтому народныя учительницы ничто иное, какъ земскія нахлѣбницы. Мнѣніе это поразило меня настолько, что я училась, работала и думала надъ нимъ цѣлыхъ 6 лѣтъ. Я изслѣдовала этотъ вопросъ на дѣлѣ: сама сдѣлала выпускъ учениковъ; работала надъ выпусками, подготовленными другими, и все думала: „не можетъ быть, чтобъ дѣло это было бесполезно“. Но окончательнo вопросъ этотъ выяснился для меня, когда я открыла воскресную школу. Явившіеся ко мнѣ взрослые ученики не забыли ни читать, ни писать; умъ ихъ работаетъ быстрее, чѣмъ у такихъ же людей, но не побывавшихъ въ школѣ; стремленіе къ знанію, разъ проснувшись, не могло заглухнуть, а, напротивъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе увеличивается. И ученики эти показали мнѣ, что не все то, что даетъ сельская школа, забывается; напротивъ, многое совершенствуется. А занятія съ ними, при всемъ несовершенствѣ ихъ постановки, при всемъ обилии вольныхъ и невольныхъ ошибокъ, привели меня къ такимъ выводамъ, что я считаю себя вправѣ сказать тѣмъ изъ своихъ товарищей, которые еще не открыли воскресно-повторительныхъ занятій при своихъ школахъ: если вы когда-нибудь усомнитесь въ значеніи своего дѣла, если вы утомитесь въ повседневной школѣ, откройте воскресныя занятія, и они вамъ покажутъ, что вы не даромъ потратили силы и здоровье, что вы не были „земскими нахлѣбницами“, а дѣлали хорошее, полезное дѣло, и, повѣрьте, вы воскреснете душою и снова приметесь за свою работу съ прежней энергіей.

Воскресныя занятія въ Б—ской земской школѣ*).

Воскресныя занятія начались въ нашемъ селѣ въ 1893 году, на второй годъ моей службы въ здѣшней земской школѣ; поэтому ни народъ, ни ихъ обычаи не были мнѣ знакомы, тѣмъ болѣе, что весь первый годъ, прожитый здѣсь, я ожидала возвращенія въ свою прежнюю школу, къ старымъ ученикамъ и народу, гдѣ я такъ привыкла, куда меня тянуло всей душой. Считая свое пребываніе въ Б. временнымъ, я мало приглядывалась къ здѣшнимъ нравамъ, мало съ кѣмъ и сходилась. Вдругъ получаю отъ учебнаго начальства бумагу съ предписаніемъ открыть при моей земской школѣ воскресную, по примѣру бывшей здѣсь въ 1891 г. И вотъ, школа открыта; явились ученики; изъ нихъ нѣкоторые окончили курсъ ежедневной школы при мнѣ; большинство же были взрослые парни. Конечно, я была поставлена въ большое затрудненіе: ни сами ученики-воскресники, ни ихъ запросы не были извѣстны мнѣ; не имѣла я ни малѣйшаго понятія и о воскресныхъ школахъ, не было у меня никакой программы, никакихъ указаній, даже книгъ достаточно не было. Пробовала узнавать, какъ шли занятія въ 1891 году, но отвѣтъ получался короткій: принято было 9 человекъ; занимались нѣсколько воскресній, читали что-то, немного писали... Пришлось вести дѣло оцупью, какъ Богъ на душу положитъ. А составъ класса оказался очень пестрый: различна была подготовка учениковъ, различны ихъ запросы; были между ними и очень смѣшленные, развитые, были и совсѣмъ слабые по развитію; рѣзкое различіе было и въ возрастѣ: ученики были отъ 12 до 24 лѣтъ; словомъ, изъ 27 человекъ слѣдовало бы сдѣлать не одну, не двѣ, а группъ 7—8; не удивительно поэтому вся та пестрота, которая была допущена въ въ моихъ занятіяхъ въ первый годъ. Я старалась только занять учениковъ какъ-нибудь, чѣмъ-нибудь, занять для того, чтобы они не разошлись; каждое воскресенье я спрашивала ихъ, чѣмъ они желаютъ заняться, о чемъ хотятъ прочесть. И вотъ, въ теченіе недѣли все время, свободное отъ занятій въ ежедневной школѣ, роюсь въ школьныхъ книгахъ, чтобы найти о томъ, что просили ученики; нашлось что-нибудь подходящее—хорошо, нѣтъ—опять не знаешь, гдѣ и что взять. За скудостью школьной библіотеки приходилось покупать и самой не мало книгъ, при чемъ выбирались преимуще-

*) Статья эта доставлена намъ учительницей названной школы. Мы старались, по возможности, сохранить ее безъ измѣненій, не нарушая ея цѣльности и своеобразности изложенія, и позволили себѣ лишь вставить выдержки изъ ученическихъ письменныхъ работъ, доставленныхъ намъ отдѣльно.

ственно книжки по географіи, путешествіи или біографіи замѣчательныхъ людей. Благодаря всему этому, читали мы статьи и по исторіи, и по сельскому хозяйству, и о явленіяхъ природы, и о различныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ; даже книжки, написанныя для дѣтскаго театра, и тѣ нѣсколько разъ служили темою урока; но ничего цѣльнаго, прочнаго, опредѣленнаго не было въ нашихъ занятіяхъ, и я удивляюсь только, какъ ученики не разбѣжались; и не только не разбѣжались, но многіе изъ нихъ и теперь еще продолжаютъ посѣщать школу. Что же ихъ держало въ ней, что заставляло ихъ приходить за 7—8 верстъ и приходить аккуратно? Половина изъ учениковъ не пропустила буквально ни одного урока. Неужели же эти безсистемныя занятія, или уроки рисованія, или наши вечернія бесѣды у меня на дому, или наши дневники? (о нихъ скажу позже).

Прошелъ мѣсяцъ. Мои сотрудницы (помощницы въ школѣ) надумали помогать мнѣ: одна взяла на себя славянское чтеніе, другая—арифметику; занятія пошли легче: сознаешь, что ты не одинъ, что есть люди, интересующіеся твоимъ дѣломъ, есть съ кѣмъ подѣлиться впечатлѣніями; а впечатлѣній такъ много!.. Ребята привыкаютъ, больше болтаютъ и о себѣ, и о своихъ домашнихъ дѣлахъ, касаются и деревенской жизни; понемногу раскрываютъ нравы и обычаи здѣшняго народа, и я узнаю, каковы мои ученики, вхожу понемногу въ ихъ духовную жизнь. И какъ они довѣрчивы—только слушай! Жаль, что мало времени для занятій и для бесѣдъ; каждый урокъ продолжается всего 30 минутъ; начнешь бесѣду или чтеніе—ученики постоянно прерываютъ, задавая вопросы или высказывая свое мнѣніе; не успѣешь начать говорить по поводу прочитаннаго, какъ конецъ уроку, а тамъ, глядишь, и вечерня *). Кончили занятія; кто идетъ Богу молиться, а большая часть учениковъ къ намъ на квартиру: то книжку свою дайте,—въ школѣ мало, а здѣсь подберутъ по вкусу; то покажите что-нибудь, невиданное доселѣ, или расскажите то, что не кончили въ классѣ, а чаще и больше—выслушайте ихъ: у нихъ столько рассказовъ о деревнѣ, о различныхъ суевѣріяхъ, въ которыя такъ привыкли вѣрить всѣ, съ которыми точно и разстаться то жаль. Но лучшею темою разговоровъ были воспоминанія о школьныхъ годахъ: какъ учился, какова была учительница, сколько разъ сидѣли безъ обѣда—и нѣтъ конца нашей бесѣдѣ. Вотъ кончилась вечерня, и всѣ молебнички снова у насъ. Большіе пришли—стало-быть, и торопиться нечего; домой идти теперь неопасно, а потому и сидятъ: благо легко и хорошо дышится.

*) Занятія начинались послѣ литургіи, часовъ въ 11—12, и кончались къ 4-мъ.

Только часовъ въ 7—8 вечера начинаютъ расходиться, пѣтъ—такъ и ночуютъ. Нередко ребята собирались и съ субботы вечера, особенно со второго года существованія школы, когда между собой побольше сошлись, и тянутъ съ товарищами провести вечерокъ; часто собиралось человѣкъ 10—15, хоть сейчасъ занятія открывай. Какъ-то уютно, семейно,—слушай только ихъ!.. Просты и безхитростны бывали наши бесѣды: говорили все о близкомъ, домашнемъ, никогда въ такихъ случаяхъ не касались серьезныхъ вопросовъ; вечера шли быстро. И вотъ, подростки-воскресники, вначалѣ робкіе, несмѣлые, стали теперь большими парнями, неизмѣнными нашими учениками, а многіе и добрыми пріятелями. Можетъ, иному покажется это страннымъ, можетъ, иной удивится, какъ это человѣкъ, стоящій далеко ниже по развитію, можетъ стать пріятелемъ, какъ можно сойтись съ тѣмъ, у кого взгляды и понятія такъ далеки отъ твоихъ. Не знаю какъ, но можно,—можно потому, что ужъ слишкомъ они лѣтѣльны, слишкомъ много положено на нихъ и трудовъ, и времени; потому, можетъ, они и кажутся намъ лучше, нежели на самомъ дѣлѣ, потому, можетъ, и легче дышится съ ними. Посторонній, бѣгъ-можетъ, не замѣтитъ, не почувствуетъ всего этого; съ нимъ наши ученики будутъ сдержанны, но намъ они близки; мы понимаемъ другъ друга съ полуслова; они живутъ нашими интересами, замѣчаютъ наше настроеніе: оно переходитъ на нихъ, вліяетъ. Есть среди учениковъ очень чуткіе и отзывчивые, очень наблюдательные. Бывало, маленькое облачко на лицѣ—и оно имъ уже замѣчено, они поняли тебя, пережили то же самое. Мелкія школьныя неурядицы не чужды имъ: если замѣтятъ какой-нибудь косою взглядъ населенія или обидно сказанное слово о школѣ,—съ какой всегда болью и осторожностью передаютъ тебѣ, боясь опечалить, оскорбить. А вначалѣ этого было не мало. „Наставницы новыя, порядки не тѣ; вотъ и онятъ ихъ выдумка—собирать большихъ парней!“ И съ какой ядовитой злобой говорилося это, сколько оскорбительныхъ намековъ, а иногда и прямыхъ заявленій приходило выслушивать намъ, а больше всего имъ, ребятамъ! И, конечно, большой борьбы стояло многимъ изъ нихъ отстоять свою независимость; немалое мужество требовалось для того, чтобы неуклонно идти къ намѣченной цѣли, наперекоръ семейнымъ и товарищамъ; послѣдніе осыпали ихъ насмѣшками, но все переносилось за недѣлю, а въ воскресенье они снова въ школѣ. Я удивлялась такой твердости учениковъ; я цѣлый годъ, даже два, боялась за школу, боялась, что они не выдержатъ, уйдутъ. Но, слава Богу, время это миновало; они вышли побѣдителями изъ борьбы; они отвоевали себѣ право свободно посѣщать школу; мало того, они подняли школу въ глазахъ населенія: теперь

не слышно больше насмѣшекъ надъ тѣмъ, что въ школу собираются большіе; взрослые ученики показали, что идутъ въ школу учиться и что много ли, мало ли, но что-то приобретаютъ въ ней, и сами мужики стали охотнѣе заходить въ училище, охотнѣе стали пускать и ребятъ. Одно не удается: никакъ не могу привлечь въ школу ту молодежь, которая не училась въ школѣ.

Среди воскресниковъ попадаются, конечно, и очень испорченные нравственно, мѣшающіе другимъ, и очень неразвитые, лѣнливые; но большинство воскресниковъ — ребята дѣльные, симпатичные, и общее впечатлѣніе класса получается очень пріятное. Среди учениковъ особенно выдаются два брата, Алексѣй и Павелъ Л. Оба они умные, смелые, дѣльные парни, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляютъ другъ другу полную противоположность. Алексѣй смотритъ на все практически; онъ никогда не позволить себѣ ни сказать, ни сдѣлать что-либо, если не видитъ въ этомъ прямой пользы; въ немъ цѣль не цѣнитъ твердости характера и самостоятельности. Эти черты его прекрасно рисуются въ слѣдующихъ его словахъ по поводу книги „Горячее сердце“: „Анна (дѣйствующее лицо разсказа) говоритъ: „Кто разъ попалъ сюда, тому уже не уйти...“ Это неправда, — пишетъ онъ, — если имѣть желаніе, да сильный, самостоятельный духъ, то можно и безъ помощи выйти откуда угодно“. Очень религиозный, безупречно честный и справедливый, стойкій въ своихъ убѣжденіяхъ, — это человѣкъ, страстно желающій учиться, все понять, до всего додуматься. Онъ охотно слушаетъ васъ, но принимаетъ лишь то, въ чемъ твердо убѣдился, и иногда для этого требуется не мало времени, усилій и доказательствъ съ вашей стороны; но все, въ чемъ онъ разъ убѣдился, остается уже въ немъ навсегда прочно и крѣпко. Онъ долго приглядывался и къ школѣ, и ко мнѣ, прежде чѣмъ почувствовалъ себя вполне свободно; онъ не сразу сталъ вести дневникъ; его все волновалъ вопросъ, для чего мнѣ ихъ тетради, что за цѣль тратить на нихъ и силы, и время; ученикамъ-то польза, а мнѣ, учительницѣ, что за выгода. Всѣ его работы очень дѣльны, но лирическихъ мѣстъ въ нихъ не ищите; онъ почти всегда пишетъ примѣрами, а не разсужденіями; пишетъ онъ и стихи, но всегда съ удивительно конкретнымъ содержаніемъ. Уваженіе его къ книгѣ велико; онъ придаетъ ей огромное значеніе: напр., о разсказѣ Мачтета „Жидъ“ онъ пишетъ: „Благодаря Давиду Гурвейсу (герой разсказа) и этой книгѣ, теперь многіе будутъ смотрѣть на жидовъ, татаръ, цыганъ и т. п. по-человѣчески. Онъ показалъ своимъ примѣромъ, что и жиды не безчеловѣчны, что и въ нихъ есть доброе и хорошее; благодаря ему, и соотечественники его не будутъ въ презрѣніи“. Книга въ состояніи сильно по-

влиять на него; такъ, напр., прочитавъ статью „Чулеса и премудрость благодати Божіей объ устройствѣ земли“, онъ пишетъ: „Эта статья очень сильно подѣйствовала на меня. Раньше я часто скучалъ о деньгахъ, и не только скучалъ, а и говорилъ: „Что за грѣхи! работай — не работай, а все денегъ нѣтъ!“ Когда прочиталъ я эту статью со вниманіемъ, то и самому мнѣ стало смѣшно надъ собой, зачѣмъ это я скучалъ о деньгахъ. Изъ этой статьи я узналъ, насколько великъ человѣкъ на землѣ; человѣку покоряется все то, что находится въ мірѣ; а если чего человѣкъ не можетъ покорить, такъ ему очень сильно помогаетъ разумъ. При помощи разума онъ можетъ покорить все, что находится въ водѣ, воздухѣ и на землѣ. Когда я эту статью прочиталъ, тогда только и думать о деньгахъ пересталъ“. Прочитавъ книги „Горячее сердце“ и „Простая душа“, онъ пишетъ: „А славныя книги-то: теперь не охота мнѣ будетъ камнемъ бросить въ такихъ несчастныхъ женщинъ, не разобравши дѣла; невольно приходится пожалѣть ихъ. Въ книгѣ „Простая душа“ очень вѣрно написано: „Не кляните, не отталкивайте и безъ того обездоленныхъ, а идите къ нимъ на помощь, спасайте ихъ и выводите на истинно честный путь“. Вотъ гдѣ заключается польза отъ книги!“ Свое отношеніе къ книгѣ онъ подробно развиваетъ въ разсужденіи „Дѣльная книга — лучший другъ человѣка“, а на вопросъ, какая книга больше понравилась, называетъ „Ручную книжку для грамотнаго поселенина“, о которой говоритъ: „Я встрѣтилъ въ ней лучшаго друга и безустаннаго разсказчика; она мнѣ разсказала не только о хлѣбопашествѣ, а и о всемъ необходимомъ для крестьянина. Она мнѣ разсказала все подробно и безъ обидныхъ словъ: „не знаю“ да „уйди“ (раньше онъ упоминаетъ, что такія слова слышалъ отъ крестьянъ, къ которымъ обращался съ вопросами по сельскому хозяйству). Въ послѣднее время у него стало много друзей и еще больше подражателей; не только всѣ школьники, но и крестьяне относятся къ нему съ уваженіемъ. Отношенія его къ школѣ превосходны; они ярко рисуются въ его письмѣ „Здравствуй школа!“ написанномъ имъ изъ солдатской службы. Посвященное, главнымъ образомъ, описанію службы, письмо это шлетъ горячій привѣтъ школѣ; авторъ сѣтуетъ, что лишился школы и завѣщаетъ товарищамъ не покидать ея до послѣдней возможности.

Братъ его Павелъ — совершенная противоположность ему. Это человѣкъ минутный, поэтическая душа. Онъ доверчивъ, чуждъ расчетливости, и практичности; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ очень самолюбивъ; ему всегда хочется быть первымъ, на виду у всѣхъ; въ немъ мало положительности, твердости характера, постоянства. Объясняется это, вѣроятно, тѣмъ, что онъ находился подъ различными влияніями;

ему приходилось видѣть много противорѣчій и въ жизни, и въ людяхъ; да и семейная жизнь не мало способствовала этому: среди вѣчной семейной вражды его чуткая отзывчивая душа постоянно заставляла его становиться на сторону то отца, то матери, тѣмъ болѣе, что онъ былъ общимъ любимцемъ. Патура у него несомнѣнно даровитая; онъ все быстро схватываетъ и усваиваетъ; знаній у него много, нѣтъ только выдержки характера, мало развито логическое мышленіе. Очень живой, подвижной, увлекающійся, онъ всегда первый берется за новое дѣло, горячо хватается за то или другое предложеніе. Ни одно школьное событіе не проходитъ безъ его участія, и всегда онъ является организаторомъ; онъ какъ-то умѣетъ увлекать учениковъ, и у него всегда есть поклонники и подражатели. Все чистое, свѣтлое доступно ему: онъ всей душой отдается радостямъ и горю другого. Я очень люблю его за отзывчивость и привязанность къ школѣ, очень цѣню въ немъ его полную откровенность. Онъ очень любитъ чтеніе. Книга дѣйствуетъ у него на чувство, увлекаетъ его. Его письменныя работы очень характерны; въ нихъ прекрасно отражается его симпатичный образъ. Вотъ, напр., его отзывъ о прочитанной имъ книгѣ „Басурманъ“ Лажечникова: „Конечно, книга эта очень хорошая. Великій былъ этотъ Антонъ дѣкарь, добрая у него душа; онъ хотѣлъ раскрыть истину ученія, но люди по своей гордости, зависти, невѣжеству не могли оцѣнить его трудовъ; онъ сладко мечталъ о будущемъ: о томъ, что люди пойдутъ впередъ, оставятъ свои заблужденія, и что же? Мнѣе чѣмъ черезъ годъ надежды его рушились совсѣмъ. Не даромъ поэтъ пишетъ въ своемъ стихотвореніи: „И застынутъ надежды прекрасныя подъ оковами снѣга и льда“. Здѣсь поэтъ предсказываетъ судьбу многихъ, которые всѣми силами стараются сдѣлать общее добро; но у такихъ людей почти всегда бываетъ не своя смерть, а смерть отъ ближнихъ ему, — отъ братьевъ, которымъ онъ послужилъ всѣми силами... Ахъ, зачѣмъ это такъ? Я бы очень желалъ подѣлиться участіемъ съ такими людьми; я слышалъ, что хорошо умирать за правду, и какъ бы я этого желалъ!..“ Въ другой разъ онъ пишетъ: „Я съ наслажденіемъ прочелъ изъ книги „Два міра“ первую главу; читалъ, такъ думалъ: „если бы мнѣ пришлось постоять хотя не за вѣру, а за отечество, то я былъ бы очень радъ“. Вотъ главная цѣль моей жизни, а то что — живешь, живешь, и никакой пользы нѣтъ. Думаю и то: „неужели у меня у большого переменятся мысли“. Вообще, этотъ мотивъ жажды полезнаго дѣла не разъ встрѣчается въ его работахъ. Говоря о книгѣ „Великое горе“, онъ пишетъ: „Читавши ее, думалось: славно бы стать на дорогу Максима, т.-е. хоть въ маломъ чемъ послужить міру; да что!.. отъ насъ

этого не требуютъ“. И далѣе, по поводу книжки „Въ турецкой неволѣ“, онъ опять пишетъ: „Больше всего нравится мнѣ характеръ казаковъ. Я порядочно читывалъ книжечку о казачьей жизни, у меня начиналъ клониться характеръ къ казачеству; я не могъ объяснить сперва, почему нравится война, потому что никогда не думалъ о ней серьезно, но теперь я тоже не противъ такой войны, какую вели казаки. Я бы сейчасъ готовъ былъ съ ними за одно уйти въ море и дѣйствовать; конечно, все равно и не въ море, только къ слову-то такъ; а славно!.. Нравится мнѣ вольная жизнь, и я бы очень хотѣлъ ее, а въ случаѣ и погибнуть для людей или за людей, послужить орудіемъ хотя небольшого освобожденія“. Онъ очень впечатлительнъ, и нельзя не вѣрить его искренности, когда онъ говоритъ по поводу разказа „Гали“: „Онъ меня такъ разстроилъ, что я вотъ такъ чувствовалъ, какъ бы мнѣ предстоить такая участь; я ужъ духомъ былъ тамъ, передо мною возставало зрѣлище казни, я чувствовалъ горькую участь Аннушки, когда она бѣжала къ мѣсту казни съ матерью Гали. Я чувствовалъ, какъ слезы бѣжали по моему лицу. У меня часто бываютъ такія минуты, и какъ-то особенно хорошо тогда чувствуется; я даже никому этого не повѣрялъ и въ первый разъ пишу это въ дневникъ“. Въ другой разъ, вотъ какъ онъ описываетъ чтеніе вслухъ у себя въ избѣ разказа „Совѣсть осудила“: „Я забывалъ жевать ужинъ; мысли мои тѣснились, морозъ подиралъ по кожѣ, а въ груди кровь такъ и кипѣла; голова моя работала надъ словами книги, и такъ тревожно было на сердцѣ“. Характеренъ въ этомъ отношеніи и слѣдующій отрывокъ изъ его дневника: „Сегодня у меня день попалъ такой, какихъ еще немного въ жизни случалось; все изъ-за книги „Въ небесахъ“. Какъ началъ читать, такъ просто не радъ: очень ужъ интересно, да и очень тревожно; теперь, когда не читаю, такъ и то какъ-то неладно чувствуется: тяжело, руки такъ вотъ и опускаются, въ глазахъ темнѣетъ, голова кружится. Я нѣсколько разъ намѣревался ее бросить читать, — ужъ больно трудно было въ тѣ минуты, но что-то тянуло, и я продолжалъ. Не можете и представить, что было со мной и, быть можетъ, примете это за выдумку; но нѣтъ, это на самомъ дѣлѣ было такъ, и я чуть не закалялся читать такія книги. Мысль моя теперь очень неспокойна. Какъ такъ? Вѣдь это писано не зря, не простая болтовня! А на самомъ дѣлѣ не вѣрится всему: ну, какъ можно переродиться и жить второй вѣкъ?“ (Слѣдуетъ рядъ вопросовъ въ этомъ родѣ, извлеченныхъ имъ изъ содержанія книги). „Вотъ такіе вопросы сводятъ меня съ ума и не даютъ мнѣ покою; не могу рѣшить я этихъ вопросовъ, и страшно волнуется моя мысль; не знаю, что и писать“. И только черезъ нѣсколько дней запишетъ въ

дневникъ начинается словами: „Я понимаю: конечно, никто нигде не леталъ и на планету не переселялся; все это придумано для того, чтобы сдѣлать рассказъ занимательнымъ и связнымъ“. И далѣе слѣдуетъ очень толковое отдѣленіе всего фантастическаго матеріала и выдѣленіе, какъ онъ выражается, „научныхъ истинъ Фламмаріона“. Подъ впечатліемъ книги „Живые мертвецы“ (въ ней говорится о прокаженныхъ) онъ записываетъ въ дневникъ слѣдующія сильныя строки: „Все въ этой книгѣ ясно, просто, а вмѣстѣ съ тѣмъ такъ и хватаетъ за душу. Дѣйствительно, всего ужаснѣе жить одному, отвергнутому людьми, видѣть кругомъ жизнь и радости, видѣть кипучую жизнь, сознавать полное право и самому также жить и пользоваться жизнью, самому наслаждаться всѣми радостями и красотами ея и все же не имѣть возможности поступить по влеченію, по желанію сердца... Кто тутъ виноватъ? У судьбы не допросишься, да и не все ли равно!.. Не отгонять, не отвергать должны мы подобныхъ несчастныхъ, а общими силами помочь имъ, помочь, какъ помогла самоотверженная дѣвушка англичанка, сестра Катерина. А для этого прежде всегда должна явиться у людей та сильная, высокая, святая любовь другъ къ другу, о которой говоритъ Христосъ. Да, надо имѣть и сильную волю, чтобы отказаться отъ всего того, что такъ дорого и необходимо людямъ; побольше бы людей съ такой душой и сознаниемъ, побольше бы и великодушныхъ!“

Павелъ Л. первый натолкнулъ на мысль завести дневники, первый откликнулся и на мое предложеніе писать ихъ, хотя вышло все это случайно, незамѣтно для него самого. Дѣло было такъ. Разъ задано было написать въ классѣ письмо товарищу. Письмо у него оказалось написаннымъ очень тепло и живо, но въ немъ было много недоговореннаго, неяснаго, и на мой вопросъ, почему это такъ, онъ прямо заявилъ, что „виновата казенная тетрадь, и если бы не въ ней писать, такъ совсѣмъ другое дѣло“, и при этомъ попросилъ позволенія написать дома письмо ко мнѣ. Вотъ и письмо написано, а за нимъ, глядишь, и еще нѣсколько человекъ приносятъ письма; надо отвѣчать, завязывается переписка; разъ отъ разу письма становятся длиннѣе, и все больше и больше учениковъ начинаютъ писать ихъ. Такой порядокъ становится неудобенъ, да и каникулы не за горами (дѣло было въ первый годъ существованія школы); и я предлагаю имъ завести тетрадки и записывать въ нихъ все, что захочется. Долго мы не могли наладить дѣло. Сначала у насъ было по одной маленькой тетрадкѣ, въ которой ученики писали въ теченіе одной недѣли, а на другую отдавали ихъ мнѣ, и я отвѣчала имъ въ концѣ тетради. Но это оказалось не вполне удобнымъ: ученикамъ не хотѣлось сидѣть дома недѣлю безъ тетрадокъ; тогда

надумали завести по двѣ тетради на обмѣнъ и заготовили ихъ побольше и съ полями, на которыхъ я стала писать отвѣты и сама задавать вопросы. Это оказалось удобнѣе: не ройся, не ищи, отвѣтъ прямо противъ вопроса. Такъ какъ съ каждымъ разомъ приходилось писать все больше и больше, а поля узки, то стали у вопроса и отвѣта ставить одинаковые значки и, наконецъ, отмѣчать цифрами страницы, и, такимъ образомъ, избѣгли путаницы. Дневники вошли въ обычай: почти всѣ воскресники пишутъ ихъ, хотя никто ихъ къ этому не принуждаетъ, и въ настоящее время изъ 50 учениковъ не больше 10 человекъ не ведутъ дневниковъ. И чего только въ дневникахъ нѣтъ! Здѣсь, кажется, все: и про себя, и про домашнихъ, и про школу, — все до послѣдней мелочи; здѣсь отзывы и разсужденія по поводу прочитанныхъ книгъ, здѣсь встрѣчаются и цѣлыя исповѣди, здѣсь бездна вопросовъ и сомнѣній, здѣсь цѣлый міръ, здѣсь вылита вся душа каждаго... Этимъ дневникамъ я придаю огромное значеніе. Мнѣ кажется, что они держатъ нашу школу. А какъ развивающе дѣйствуютъ они! Приходится только жалѣть, что у самой мало знаній. Время воскресныхъ занятій настолько коротко, что едва ли можно было бы сдѣлать и половину того, что дѣлаютъ дневники; да и никакая школа не можетъ дать ученику столько, сколько даетъ такая обоюдная переписка; благодаря ей, ученикъ постепенно, незамѣтно для самого себя мѣняется, приобретаетъ то, что стараешься вселить въ него. А привязываютъ-то какъ дневники учениковъ и къ учительницѣ, и къ школѣ! Всѣ, кто писалъ дневники, всѣ въ теченіе трехъ лѣтъ существованія школы не покидали ея; они всѣ здѣсь, за исключеніемъ 3—4, да и тѣхъ оторвала отъ школы судьба. Дневники же сблизили учениковъ между собою; всѣ они теперь добрые товарищи, много среди нихъ и друзей, которые съ своей стороны ведутъ другъ съ другомъ переписку, принося ее на просмотръ въ школу. Такъ, напр., по поводу отзыва одного ученика о книгѣ „Иванъ Гусъ“, Павелъ Л. пишетъ ему: „Ты, Федоръ, хотя содержаніе книги и передалъ, но своей мысли не высказалъ, отъ себя ни слова. Видь содержаніе не такъ важно, а главное, должна быть высказана мысль книги. Ты не умѣлъ ее по первости высказать (ученикъ писалъ отзывъ о книгѣ въ первый разъ, лѣтомъ, по совѣту Павла Л., жившаго съ нимъ въ одной деревнѣ), ну, такъ послушай, я тебѣ выскажу свой взглядъ“, и слѣдуетъ длинное сочиненіе, прекрасно характеризующее время, въ которое жилъ Гусъ, его самого и сущность его проповѣди. Сочиненіе заканчивается словами: „Христосъ самъ сказалъ своимъ ученикамъ, что должно прощать брату согрѣшенія его не только до семи разъ, но до седмижды семи, т.-е. прощать безъ счету; а они осудили на

смерть человека, совершенно невинного, да еще Христовымъ же закономъ оправдываются! У нихъ есть законъ осудить человека, но только нѣтъ закона простить... Какъ, Осдоръ, по-твоему: осудить слѣдуетъ Ивана Гуса или оправдать?"

Но вотъ и годъ прошелъ, настала другая. Всѣ ученики вновь пришли въ школу; собралось ихъ до 36 человекъ. Теперь уже дѣло пошло немного правильнѣе, хотя все еще было много увлеченій и отклоненій въ сторону. На первыхъ порахъ велись бесѣды о необходимости образованія и чтенія книгъ, причемъ были прочтены біографіи русскихъ самоучекъ, а затѣмъ приступили къ разбору литературныхъ произведеній, больше всего стиховъ; много ученики и говорили, и писали по этому поводу; у нѣкоторыхъ были даже попытки самимъ сочинять стихи. Ученики положительно упивались стихотвореніями; даже рисованіе, столь любимое учениками въ первомъ году, то рисованіе, ради котораго они бѣжали въ школу, оставили ради стиховъ. Сейчасъ же завелись, конечно, у всѣхъ тетрадки, въ которыя начали переписывать лучшіе стихи; пошелъ обмѣнъ тетрадями; успѣвай только писать! Мы всѣ жили этими уроками и, кажется, одинаково нетерпѣливо и ученики, и я ждали воскресенья. Но вотъ прошелъ первый пылъ, прошло увлеченіе стихами; зато ученики съ новой и, кажется, еще большей силой набросались на другое. Павелъ Л. оказался любителемъ физики и механики; онъ смастерилъ дѣтскую пожарную машину и фонтанъ и принесъ въ школу. Всѣхъ это заинтересовало; каждому захотѣлось знать, что тутъ за явленія, какъ все это происходитъ, почему. Явилось много вопросовъ, и пришлось ихъ удовлетворять. Воздушные шары, телеграфы, телефоны — все явилось на сцену. И пошла у учениковъ опять работа дома. Всѣ смастеренные приборы тащились въ школу и рассматривались... Словомъ, жизнь кипѣла, все дѣлалось охотно, съ интересомъ. Увлеченіе это сказывается и въ дневникахъ. Давая отзывъ о книгѣ „Таинственный островъ“, ученикъ почти исключительно обращаетъ вниманіе на то, что нашелъ въ ней, „какъ устрояется зажигательное стекло, какъ устрояется телеграфъ, какъ готовятъ порохъ и стекло, какъ устроить аэростатъ“. Въ другой разъ въ дневникъ заносится: „Не разъ приходилось мнѣ читать про телескопъ, что въ него можно далеко видѣть. Я думаю, что въ него тоже видно, благодаря стекламъ. Но какія въ немъ стекла? И почему въ нихъ видно, а въ простыхъ нѣтъ?“ Описывая свою поѣздку на пароходѣ, Павелъ Л. пишетъ въ дневникѣ подъ 19 мая: „Видѣлъ я на пароходѣ паровую машину, прочиталъ о ней въ книгѣ и сравнилъ: выходитъ разное. И то я не могу понять, съ чего поршень, поднятый парами, опустится

внизъ“. Подъ 29 мая читаемъ: „Бѣдилъ въ гости къ сестрѣ; тамъ есть человекъ, который очень любитъ силу сверхчеловѣческую, т.-е. машины; онъ сдѣлалъ пожарную машину наподобіе моей. Мы съ нимъ долго толковали о паровой машинѣ; одно масть задерживаетъ: почему поднятый поршень опускается внизъ. Хотѣли мы идти къ вамъ, Л. В. (учительница), въ городъ; до города эта деревня была всего 5 верстъ, да вотъ что помѣшало: тятя домой поѣхалъ рано, и стало нельзя“. И, наконецъ, подъ 3 іюня читаемъ: „Опять читалъ о паровой машинѣ и понялъ, отчего поршень опускается внизъ. Смѣшно мнѣ, отчего я не могъ понять сперва; а устроить паровую машину очень трудно; все-таки попытаться надо“.

На третій годъ (1895—1896) дѣло приняло немного иной оборотъ: и учениковъ-то собралось побольше (56 человекъ), да и мы стали поопытнѣе. Устроили двѣ группы: первая изъ взрослыхъ учениковъ, посѣщавшихъ воскресную школу 2-й, 3-й годъ, вторая — изъ малышей, только что кончившихъ курсъ ежедневной школы; послѣднюю группу взяла помощница, старшую вела я сама. Такой порядокъ былъ, несомнѣнно, удобнѣе, заниматься стало легче: и учениковъ поменьше на рукахъ, да и много изъ нихъ старыхъ, знающихъ и порядокъ, и требованія школы; вновь пришедшіе неволью берутъ примѣръ съ тѣхъ; у нихъ какъ-то скорѣе и отношенія къ намъ устанавливаются, и довѣріе скорѣе пріобрѣтается. О дневникахъ и не напоминай: сами просятъ. По душѣ пришлось имъ это дѣло, и они говорятъ: „Хорошо писать: дума тутъ нужна, умъ самъ работаетъ, мысль бѣжитъ скорѣй руки...“ Письмомъ, вообще, занимались съ удовольствіемъ; трудно только приходилось съ классными работами. Въ нихъ я имѣла въ виду, главнымъ образомъ, пріучить разсуждать, а ученики были и разной подготовки, и разнаго развитія; вотъ и приходилось, выбирая тему, подбирать и статью такую, чтобы по поводу нея одинъ могъ писать разсужденіе, а другой — простое изложеніе, да притомъ приходилось улаживать это такъ, чтобы они этого не замѣтили, не обидѣлись. Такъ, напр., на заданную разъ тему „Школьникъ“ Некрасова,ряду съ обычными переложениями, однимъ изъ малолѣтнихъ учениковъ написано было слѣдующее: „Трудно достается человѣку знаніе. Вездѣ препятствія къ ученю. Иные бьются, какъ рыба объ ледъ, но толку мало выходитъ. Но, можетъ-быть, кто и посмотритъ съ сожалѣніемъ на такого человека. У грубаго, необразованнаго человека даже сердце шевельнется. Еще добро не заглохло на землѣ, найдутся сострадательные люди, которые отнесутся съ сочувствіемъ къ человеку, жаждущему знаній. И вотъ, съ помощью добрыхъ людей научится онъ, какъ надо помо-

гать людямъ, и будетъ онъ жалѣть другихъ, если вложить ему въ сердце сѣмя добра и любви“.

Что касается чтенія, то оно велось въ этомъ году болѣе систематично, по заранѣ намѣченному плану. Задумали повторить русскую исторію; занятія велись въ формѣ бесѣдъ; каждый ученикъ приходилъ, заранѣ прочитавъ то, о чемъ предполагалось говорить. Начинался урокъ, и ученики наперерывъ старались сообщить каждый, что знаетъ, дополняя одинъ другого, а чего не знали или что понимали неправильно, то приходилось объяснять мнѣ самой. Каждому хотѣлось рассказать непременно такъ, чтобы нечего было дополнять или поправлять; много бывало и споровъ. Исторію начали проходить съ первобытнаго состоянія человѣка, его кочевого образа жизни; поговорили о возникновеніи семьи, общины, князей и государства; при этомъ читали выдержки, рисующія человѣка-дикаря. Затѣмъ перешли къ исторіи князей; этотъ отдѣлъ прошли коротко, выделяя лишь главное. Въ дальнѣйшемъ курсѣ больше всего останавливались на событіяхъ, или задерживавшихъ развитіе народа, или инымъ путемъ отразившихся на настоящей жизни (нашествіе татаръ, прекрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, преобразованія Петра Великаго). Всего курса кончить не пришлось, такъ какъ часть времени удѣлялась на знакомство съ русскими писателями, особенно самоучками изъ народа; читались біографіи послѣднихъ, такъ тепло и задушевно написанныя въ мѣстной газетѣ; ребята положительно зачитывались ими. Вообще, чтеніе біографій замѣчательныхъ людей, несомнѣнно, имѣетъ благотворное вліяніе на учениковъ, на что указываютъ и нѣкоторыя мѣста въ дневникахъ; такъ, напр., одинъ ученикъ, мальчикъ 14 лѣтъ, записываетъ въ своемъ дневникѣ: „Вспомнилась мнѣ книга про великихъ людей, и думается: они жили не для своей пользы, а для блага людей; и хочется мнѣ быть такому, — вѣдь все возможно человѣку; отъ этой думы у меня сжимается сердце, эта дума не выходитъ изъ головы“. Другой ученикъ, того же возраста, заканчиваетъ характеристику Авраама Линкольна такими словами: „И похоронили его тамъ, гдѣ онъ провелъ самые красивые годы своей жизни; на его камнѣ только написано: „Здѣсь лежитъ Авраамъ Линкольнъ“, и этого довольно: всѣ знаютъ, каковъ онъ былъ и что дѣлалъ. Хорошо было бы, если бы половина людей такъ думала о народѣ; жило бы ему тогда лучше!“ Иныя работы учениковъ очень характерно рисуютъ то сильное впечатлѣніе, которое производитъ чтеніе біографій; напр., одинъ ученикъ, 11-ти-лѣтній мальчикъ, даетъ восторженный отзывъ о Вильгельмѣ Оранскомъ и затѣмъ въ послѣдующихъ своихъ отзывахъ о книгахъ, съ дѣтской наивностью, постоянно сопоставляетъ съ Вильгельмомъ Оран-

скимъ тѣхъ или другихъ героевъ разсказовъ; объ одномъ изъ нихъ онъ говоритъ: „Человѣкъ хороший, но все же не таковъ, какъ Вильгельмъ Оранскій“; или далѣе: „Василій Шуйскій нехорошій былъ человѣкъ; онъ стремился къ своей, а не къ общей выгодѣ, т. е. былъ не таковъ, какъ Вильгельмъ Оранскій“ и т. д.

По ариметикѣ проходили дроби и особенно охотно занимались вычисленіемъ площадей и объемовъ.

Съ неменьшимъ увлеченіемъ занимались и малыши. Все это были ребята бойкіе, живые, отзывчивые. Этотъ годъ былъ для нихъ продолженіемъ ученія въ ежедневной школѣ; учительница была та же, которая вела классъ; товарищи все прежніе (изъ 30 человѣкъ, кончившихъ курсъ, воскресныя занятія посѣщали 25 человѣкъ); всѣ они еще не успѣли отвыкнуть отъ школы; добрыя задатки, вложенныя въ ихъ души школой, жажда ученія, полная свобода, да, вдобавокъ, книжки для чтенія — все это тянуло ихъ въ школу. Теперь уже не приходилось бояться, что не успѣешь пройти всего положеннаго; здѣсь уже не было ничего, что бы заставляло дѣлать не по душѣ; здѣсь все живое, и ребята бѣжали на занятія. И какое у нихъ довѣріе къ знанію! 14-лѣтній ученикъ по поводу книги „Жизнь земли“ пишетъ: „Много разъ и многіе ученые люди думали, какой бы способъ выдумать, чтобы можно было узнавать, въ какое время будетъ землетрясеніе, какъ, напр., узнаютъ затменія, но не дошелъ еще до этого никто; но рано или поздно все-таки дойдутъ ученые люди до того, и вся наука двинется впередъ“. Мальчуганъ, смущенный книжкой, доказывающей, что „громомъ и молніей располагаетъ пророкъ Ілія“, пишетъ: „Хотя старикъ въ книгѣ и доказываетъ это, но я привыкъ думать, что дѣйствуетъ сама природа; старикъ ставитъ вопросы, которыхъ не объясняетъ наука, но я думаю, что чего еще не объясняетъ наука, то со временемъ будетъ открыто; я думаю, если что сейчасъ еще не дознано кѣмъ-нибудь, такъ все-таки разрабатывается же чьими-нибудь умами: вѣдь не бросятъ же науку на полдорогѣ!“

Темой бесѣдъ служили свѣдѣнія по физической географіи; много говорили о небесныхъ свѣтилахъ, о затменіяхъ и т. д., знакомились и съ силами природы: электричествомъ, магнетизмомъ и ихъ примѣненіемъ въ жизни. Съ удовольствіемъ ребята читали біографіи русскихъ писателей и отрывки изъ ихъ сочиненій. Занятія были шумныя, оживленныя; каждый спѣшилъ выложить свои знанія. Особую живость и интересъ придавали занятіямъ рассказы одного ученика, 12-лѣтняго дѣльнаго, смышленнаго мальчугана, Ивана Ч. Онъ стоялъ гораздо выше своихъ сверстниковъ по развитію, пользовался среди нихъ большимъ авторитетомъ; о чемъ бы вы ни повели рѣчь,

онъ никогда не станетъ втупикъ; часто его разумныя разсужденія положительно поражаютъ васъ; слушая его, вы только радуетесь, какія свѣтлыя и здоровыя натуры встрѣчаются въ деревнѣ, и въ то же время со страхомъ задаетесь вопросомъ, въ чемъ именно найдутъ онъ себѣ удовлетвореніе, оставаясь въ деревнѣ, да и найдутъ ли его! Этого ученика прекрасно характеризуютъ его письменныя работы. Вотъ, напр., его отзывъ о книгѣ „Жизнь европейскихъ народовъ“: „Вотъ живая картина народныхъ нравовъ. Вотъ фигура гордаго, сдержаннаго англичанина и рядомъ угрюмаго, флегматичнаго шотландца; а какъ жалокъ забитый ирландецъ. Какъ они непохожи другъ на друга!“ И далѣе: „Вотъ крѣпкая фигура голландца. Мало того, что они отстаивали независимость религіи и отечества, они покорили природу: они смирили море, ненасытную стихію, причиняющую столько бѣдъ, уменьшили его владычество, и оно къ ихъ услугамъ“ и т. д. По поводу книжки Фурмана „Саардамскій плотникъ“ онъ, между прочимъ, говоритъ: „Но вотъ явился великій геній — Петръ Великій. Онъ воскресилъ народъ, но народъ не сразу почувствовалъ благотворительную силу знанія и свѣта и тянулъ къ себѣ. Не даромъ сложилась поговорка: „Петръ Великій одинъ въ гору тянетъ, а подъ гору миллионы“. Но онъ все-таки спокойнымъ шагомъ шелъ себѣ въ гору, преодолевая всѣ препятствія, тянулъ за собой народъ и все-таки сдѣлалъ, что было нужно. Петръ Великій прочистилъ дорогу, и теперь народъ долженъ идти къ свѣту и знанію, не оглядываясь назадъ. Теперь видны уже вездѣ отдаленныя проблески свѣта, и вотъ сердца народа запалютъ любовью къ ученю и истинѣ, и займется заря науки и знанія“. Очень мило слѣдующее его разсужденіе по поводу книги „Исторія первобытнаго человѣка“: „Вещи первобытныхъ людей, которыя по теперешнему нашему разумѣнію кажутся намъ неспособными (т.-е. неудобными), имъ, навѣрно, казались способными, и имъ это казалось не отъ тупости, а оттого, что у нихъ другихъ вещей не было; и, навѣрно, будущимъ людямъ наши теперешнія вещи покажутся странными, смѣшными и неудобными, а глухие люди будутъ говорить про насъ, что вотъ, молъ, не могли сдѣлать поудобнѣе, какъ теперь сдѣлали мы. Но, можетъ-быть, такихъ глухихъ уже и не будетъ, и дай Богъ, чтобы не было!“ Удивительно серьезенъ его отзывъ о книгѣ „О Западной Сибири“; въ немъ онъ признаетъ важность такихъ книгъ для переселенцевъ, которые часто, не развѣдавъ ничего, „почти какъ малыя дѣти“, отправляются въ Сибирь. Въ „Семейной хроникѣ“ Аксакова его вниманіе больше всего остановило то, что „здѣсь особенно выставляется то, что, какъ бы коварство и злоба ни скрывали правду, она все же появится у людей прямодушныхъ и честныхъ. Для того

только требуется, что, какъ бы ни нападали и унижали, надо, не теряя присутствія духа, идти впередъ, не глядя на козни людей, и достигнешь цѣли“. Превосходенъ отзывъ его о книгѣ „Принцъ и нищій“, показывающій глубокое пониманіе содержанія книги и приводящій неожиданно серьезныя для такого мальчугана соображенія о томъ или иномъ положеніи народа. Очень поэтичны его описанія природы и воспоминанія, необыкновенно простыя и искреннія, и мы очень жалѣемъ, что мѣсто не позволяетъ намъ привести хотя бы одно изъ нихъ.

Всѣ три года духъ школы былъ бодрый; школа положительно заражала своей энергіей и работой всѣхъ входившихъ въ нее, крѣпко привязывала къ себѣ. Ученики покидали школу только въ случаяхъ полной невозможности продолжать ученіе; посѣщали школу чрезвычайно исправно; 15 человѣкъ не пропускали ни одного урока, а между тѣмъ изъ нашихъ 56 учениковъ только 26 жили отъ школы на разстояніи менѣе 5 верстъ, изъ остальныхъ же 30-ти—десяти ученикамъ приходилось ходить въ школу за 5 верстъ, шести — за 6 верстъ, четыремъ — за 7 верстъ, шести — за 8, двумъ — за 9 и двумъ — даже за 12 верстъ. Такое стремленіе въ школу, такая привязанность къ ней можетъ быть, конечно, только при вполне сознательномъ отношеніи къ школѣ, къ знанію. Такое именно отношеніе прекрасно рисуютъ письменные отвѣты учениковъ на вопросъ: „какая польза мнѣ отъ посѣщенія воскресныхъ занятій?“ Одинъ ученикъ пишетъ: „Вспомнѣнь старое, забытое и вновь многому научишься, потому что у взрослага ума и памяти больше; отъ глупости и безобразія удалишься, ученіе — свѣтъ, а неученіе — тьма“. Другой пишетъ: „Отъ воскресныхъ уроковъ я получаю сознательную и цѣльную пользу. Я нисколько не жалѣю времени, потраченнаго мною на это, и не назову это убыткомъ, а пользой. Какъ сталъ ходить въ школу, такъ даже дожидаться не можешь воскресенья и радостно бѣжишь въ село. Воскресные уроки дали мнѣ много понятія. Въ книгахъ становится прочитанное яснѣе и знакомѣе, пуще понимаешь. Имѣешь уже больше понятія о книгахъ хорошихъ и худыхъ, и характеръ то свой приходится мѣнять, за собой смотрѣть строже: чего нужно дѣлать, а чего не слѣдуетъ; какъ бы не сказать чего худого, противнаго Богу и людямъ. Однимъ словомъ, отъ многаго удерживаетъ насъ воскресная школа, много напоминаетъ, какъ намъ жить по Божьему закону, въ пользу себѣ и другимъ“. Третій пишетъ: „Какъ пароходъ, отправляясь въ море, набираетъ припасовъ для существованія пассажировъ и дровъ для собственнаго хода, такъ и я, посѣщая въ воскресенье, единственное для меня свободное время, воскресную школу, набираюсь уму-разуму, чтобы пуститься въ жи-

тейское море". Вотъ еще отвѣтъ на заданный вопросъ одного изъ учащихся: „Когда я сталъ ходить въ школу по воскресеньямъ, то жизнь моя стала измѣняться къ лучшему. Сидя въ школѣ, самъ ни отъ кого обиды не получаю и другимъ не предоставляю вражды, что перѣдко прежде бывало отъ разгульной жизни; совѣсть теперь всегда спокойна, физическія силы не тратятся, а еще прибавляются, здоровье берегается и работать становится легче. Въ школѣ отъ пріобрѣтенія разнаго рода знаній, полезныхъ и нужныхъ мнѣ, какъ я веселъ бываю! Чувствовать себя худо не приходится: день кончается хорошо, полезно, и на сердцѣ пріятно; а на домъ получаю книгу, какъ лучшаго друга и совѣтника. Остается только благодарить тружениковъ — учащихся насъ, старающихся, надрывающихъ свое здоровье, лишь бы намъ была польза отъ ихъ трудовъ. За предоставляемую мнѣ величайшую пользу всегда я готовъ сказать всѣмъ меня учащимъ сердечное спасибо". И что, какъ не сознательное отношеніе къ знанію, можетъ навѣять такія мысли: „Сию я одинъ и думаю, — пишетъ взрослый ученикъ въ дневникѣ, — грустно, зачѣмъ я мало знаю, мнѣ охота учиться; но все-таки, хотя и мало знаю, желалъ бы подѣлиться съ тѣмъ, кто меньше моего знаетъ. Вотъ я заблѣлся, и мнѣ представляется: сижу я на улицѣ въ большой деревнѣ, не очень или совсѣмъ не знающей про образованіе; собирается ко мнѣ нѣсколько крестьянскихъ ребятницекъ, я съ ними начинаю разговаривать, и что же? Они меня охотно слушаютъ, и мнѣ западаетъ въ голову мысль поучить ихъ чему-нибудь, хотя тому, что знаю; вѣдь и это не худо! Вотъ и говорю я имъ: ребята, будете здѣсь въ деревнѣ учиться; Я буду васъ учить, чему знаю". Они всѣ какъ крикнуть въ разъ: „будемъ, будемъ!" Да такъ радуются! Я еще больше радъ и началъ имъ рассказывать, что будемъ учить; много мы говорили и, наконецъ, въ поздній часъ разошлись. Послѣ этого уговора часто мы собирались, совѣтовались и, наконецъ, осенью помѣстились въ одной избѣ, и я началъ учить. Проходитъ недѣля, мѣсяцъ и долѣе; учатся охотно; я радуюсь, что мнѣ приходится подѣлиться своими знаніями и тѣмъ временемъ самъ учусь все болѣе и болѣе. Вотъ пришла весна, и мы завели небольшой образцовый огородъ... Но вдругъ вошелъ человекъ, и воображеніе рушилось".

Сама я за это время такъ привязалась къ нашимъ воскреснымъ занятіямъ, что на лѣто смотрю лишь, какъ на небольшой перерывъ, послѣ котораго опять продолжится начатая работа; такъ привыкла каждую осень видѣть нѣкоторыхъ нашихъ неизмѣнныхъ учениковъ, что не могла себѣ и представить, чтобы все это когда-либо могло измѣниться. А между тѣмъ обстоятельства сложились такъ, что большинство лучшихъ, самыхъ близкихъ нашихъ учениковъ прину-

ждены были покинуть школу; кому дали возможность учиться дальше, кто ушелъ въ солдаты, и составъ учащихся сильно измѣнился. Есть, конечно, и среди новыхъ даровитые ученики, такіе же горячіе, жаждущіе знаній, такъ же аккуратно посѣщающіе школу; ведутся тѣ же занятія, бесѣды, пишутся дневники, но все чего то не достаетъ; нѣтъ, должно быть, той привычки, которая была къ тѣмъ ученикамъ. Ну, да будемъ надѣяться, что и эти ребята современемъ станутъ намъ такъ же дороги, какъ старшіе!.. Утѣшаетъ насъ и радуетъ и то, что всѣ ушедшіе ученики не прекращаютъ сношенія со школой; въ ихъ письмахъ столько свѣтлыхъ воспоминаній о дняхъ, проведенныхъ здѣсь! Они пишутъ, что они тоскуютъ по воскресеньямъ, что не знаютъ чѣмъ ихъ заполнить.

Конечно, нельзя сказать, что воскресныя занятія могутъ дать ученику много знаній, могутъ дать что-либо систематическое, прочное; но они несомнѣнно имѣютъ огромное влияніе въ жизни ребенка, подростка, парня: они какъ то облагораживаютъ, смягчаютъ его, даютъ толчекъ къ саморазвитію, а главное — не даютъ опуститься, окунуться въ свою среду, которая такъ скоро загиваетъ всякаго, дѣлаетъ апатичнымъ; если они не поднимаютъ человека, то, крайней мѣрѣ, держатъ его на известной высотѣ, а развѣ этого мало?! Многія учительницы говорятъ, что воскресныя занятія даютъ такъ мало знаній, приносятъ такъ мало пользы, что они не окупаютъ той массы силъ, которую требуютъ отъ учительницы. Конечно, я не согласна съ этимъ. Все сказанное мною выше говоритъ о томъ, какое огромное значеніе придаю я воскреснымъ занятіямъ; скажу еще, что они приносятъ немалую пользу и самой учительницѣ: у нея всегда передъ глазами результаты ея трехгодовыхъ трудовъ въ ежедневной школѣ, она больше знакомится съ населеніемъ и его запросами, — все это помогаетъ ея занятіямъ въ ежедневной школѣ. По моему мнѣнію лучше нѣсколько меньше успѣть въ ежедневной школѣ, да поддерживать и продолжать общеніе и занятіе съ учениками и дальше, не оставлять ихъ дѣтьми на произволъ судьбы, не дать, быть можетъ, заглухнуть въ нихъ сѣменамъ знанія, добра и правды.

Женскія воскресныя школы Богородицкаго уѣзда, Тульской губ. ¹⁾.

Ничтожный процентъ дѣвочекъ, обучавшихся въ начальныхъ школахъ этого уѣзда, обратилъ на себя вниманіе всѣхъ занимавшихся

¹⁾ Составлено по статьѣ свящ. Николая Князева «Женскія воскресныя школы Богородицкаго уѣзда», въ «Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», № 5, 1 марта 1897 года и, главнымъ образомъ, по брошюрѣ «Докладъ Богородицкой уѣздной земской управы о доставленіи всему населенію уѣзда общедоступнаго началь-

въ немъ дѣломъ народнаго образованія. Были выяснены и главныя причины, закрывавшія дѣвочкамъ доступъ къ школѣ. Кромѣ довольно распространеннаго среди крестьянъ убѣжденія, которое, однако, за послѣдніе годы стало значительно ослабѣвать, что дѣвочкамъ грамота не нужна, не менѣе важны и чисто экономическія причины. Въ большей части Богородицкаго уѣзда забота о дѣвочкахъ всецѣло лежитъ на матеряхъ. Неудивительно, что дѣвочки, часто лѣтъ до 15, не имѣютъ теплой одежды и, слѣдовательно, не могутъ зимой посѣщать школы. Наконецъ, тогда какъ мальчики почти совершенно свободны зимой отъ домашнихъ работъ, — дѣвочки именно въ это время заняты болѣе всего, помогая матерямъ въ уходѣ за младшими дѣтьми и занимаясь все остальное время пряжей. Уже давно было замѣчено, что процентъ учащихся дѣвочекъ значительно возрастаетъ въ годы неурожая конопли.

Первыя женскія школы въ уѣздѣ возникли еще въ 70 годахъ, но существовали онѣ недолго, и обученіе дѣвочекъ происходило или въ общихъ школахъ, или путемъ частнаго обученія у грамотныхъ дѣвушекъ-черничекъ. Въ 1892 году была открыта церковно-приходская женская школа въ селѣ Никитскомъ. Въ 1894 году, въ томъ же селѣ Никитскомъ, по инициативѣ свящ. Петра Модестова, возникла первая въ уѣздѣ женская воскресная школа. Два года школа эта представляла изъ себя лишь опытъ въ дѣлѣ обученія женскаго населенія, но къ веснѣ 1896 г., когда явилась возможность оцѣнить результаты двухъ первыхъ учебныхъ годовъ, для всѣхъ, слѣдившихъ за этимъ нарождавшимся новымъ типомъ школы, стало ясно, какое большое значеніе имѣетъ въ будущемъ распространеніе по уѣзду подобныхъ школъ.

7 мая 1896 г. былъ произведенъ экзаменъ 20 ученицамъ, обучавшимся въ теченіе двухъ лѣтъ въ Никитской воскресной школѣ. Отвѣты ученицъ отличались живостью и осмысленностью. Кромѣ довольно основательныхъ свѣдѣній по Закону Божію, ученицы свободно и толково читали по-славянски Евангеліе, по-русски изъ книгъ Попова и Тихомирова. Также хорошо сошлись и диктантъ. По ариметикѣ ихъ познанія ограничивались сложеніемъ и вычитаніемъ надъ простыми числами.

Въ концѣ учебнаго года ученицы упражнялись въ самостоятельномъ изложеніи мыслей на данную тему, взятую чаще всего изъ ихъ домашняго быта. Упражненія эти, конечно, не отличаются глад-

наго образованія и отчетъ о воскресныхъ школахъ. Тула. 1897. «Въ Русск. Школѣ» (1897 г. № 12, стр. 203—220) помѣщена статья Ф. Климка «Два дня въ Никитскомъ», которая можетъ служить дополненіемъ къ настоящему отчету о ж. в. школахъ Богородицкаго уѣзда.

костью слога, но, отражая бытовыя стороны жизни, интересны по содержанію. Все болѣе грустныя и тяжелыя картины рисуютъ они. Вотъ какъ описываетъ свою домашнюю жизнь одна изъ ученицъ: „Мы живемъ очень плохо. У насъ нѣтъ ничего, нѣтъ ни дома, ни хлѣба. Много разъ мы не ѣвши сидѣли. Если бы отецъ у насъ былъ хороший, онъ огорода не пропилъ бы. Бабушка наша хвораетъ, за ней ходитъ мамушка. Она проситъ у мамушки ѣсть, а ѣсть нечего. У насъ три сестры. Мы съ мамушкой работаемъ на людей: вяжемъ чулки, прядемъ, ткемъ и этимъ кормимся. А батюшка, когда придетъ изъ трактира, начнетъ бранить насъ всѣхъ: „давайте хлѣба“, а у насъ нѣтъ его. Тогда онъ начнетъ мамушку бить. Мамушка просила начальниковъ остановить батюшку, чтобы онъ не дрался. Они ничего съ нимъ не сдѣлаютъ: они станутъ говорить ему, а онъ начнетъ бранить ихъ“. Такимъ образомъ, подъ неопытнымъ перомъ, всплываетъ интимная жизнь мѣстнаго крестьянства со всѣми ея печальными сторонами.

Съ 1896—1897 уч. года порядокъ обученія въ Никитской школѣ значительно измѣнился противъ прежняго. До этого времени ученицы всѣхъ слободъ собирались по воскресеньямъ и пятницамъ въ зданіи сельскаго земскаго училища; обученіе ихъ велось здѣсь, кромѣ священниковъ, тремя учителями этого училища. Съ 1896 г. Никитская воскресная школа, благодаря средствамъ, испрошеннымъ у земства председателемъ управы гр. Бобринскимъ, стала имѣть особую учительницу. Вслѣдствіе этого, явилась возможность устраивать учебныя занятія для разныхъ слободъ огромнаго села въ разныхъ, ближайшихъ къ нимъ, пунктахъ, въ установленныя для каждой изъ нихъ дни. Такъ, одинъ день въ недѣлю назначенъ для ученицъ Шишовской слободы: въ этотъ день онѣ собираются въ зданіи Шишовской церковно-приходской школы. Въ другой день ученицы трехъ ближайшихъ къ церкви слободъ сходятся для той же цѣли въ зданіе сельскаго земскаго училища. Въ третій день занятія происходятъ въ самой отдаленной Мельничной слободѣ, гдѣ для нихъ отведена крестьянская изба. По пятницамъ же и воскресеньямъ ученицы изъ всѣхъ трехъ школъ собираются въ земское училище, какъ въ центральное, для совмѣстнаго обученія. Всѣхъ ученицъ въ школѣ 96.

Выдающіеся успѣхи Никитской воскресной школы побудили председателя земской управы, гр. Бобринскаго, сдѣлаться горячимъ поборникомъ подобныхъ школъ. Исходатайствовалъ у земскаго собранія въ пособіе существующимъ и могущимъ вновь возникнуть въ уѣздѣ женскимъ воскреснымъ школамъ 400 руб., гр. Бобринскій обратился къ нравственному содѣйствію приходскихъ священниковъ, располагая ихъ къ открытію у себя въ приходахъ подобныхъ школъ

и общая возможную материальную поддержку. Помощь школам оказывалась и гр. С. А. Бобринской. Женскія воскресныя школы открылись прежде всего въ селахъ, сосѣднихъ съ Никитскимъ, затѣмъ во многихъ другихъ селахъ южнаго района уѣзда; потомъ воскресныя школы стали распространяться и на сѣверѣ уѣзда.

Въ большинствѣ селъ священники говорили проповѣди о пользѣ и необходимости грамоты для женщинъ; обыкновенно, одной проповѣди оказывалось достаточно для того, чтобы въ школу собралось значительное число ученицъ. Священникъ села Дѣдилова, не считывая на особенный успѣхъ этого дѣла, говорилъ въ своей проповѣди, что будетъ вполне доволенъ, если найдется хоть 10 дѣвушекъ, которыя пожелаютъ учиться. Въ тотъ же день въ школу ихъ собралось до 75, а затѣмъ число ихъ возросло до 170. Священникъ села Акимо-Ильинскаго послалъ особое приглашеніе въ тѣ дома, гдѣ были неучащіяся взрослые дѣвушки. На это приглашеніе собрались всѣ приглашенныя, а тѣ, которыя почему-нибудь были обойдены, напримеръ, дочери лавочника, очень обидѣлись, тѣмъ не менѣе въ школу пришли.

Воскресныя школы открывались почти въ теченіе всей зимы 1896—1897 учебнаго года. Всѣхъ воскресныхъ школъ открыто въ Богородицкомъ уѣздѣ 21 съ 1.598 учащимися дѣвушками, преимущественно въ возрастѣ отъ 14 до 18 лѣтъ.

Завѣдываніе школами и законоучительство въ нихъ изъявили готовность принять на себя мѣстные приходскіе священники, а обученіе прочимъ предметамъ — учителя и учительницы мѣстныхъ нормальныхъ училищъ (большую часть, земскихъ). Священниковъ занималось во всѣхъ воскресныхъ школахъ 24, остальныхъ преподающихъ 37. Вовсе не получали жалованья 5 учительницъ. Учили за ранѣе определенное вознагражденіе 7 учительницъ. Остальные приступили къ занятіямъ въ воскресныхъ школахъ, не только не имѣя въ виду определеннаго вознагражденія, но даже не зная, получаютъ ли они его вообще. Вознагражденіе имъ было выдано по распоряженію управы только послѣ окончанія занятій въ іюнѣ и іулѣ мѣсяцахъ.

Кромѣ обязательнаго уровня и подготовки учащихся успѣхъ каждой школы и особенно объемъ пройденнаго курса зависѣли отъ числа учебныхъ дней и часовъ. Въ этомъ отношеніи воскресныя школы Богородицкаго уѣзда представляли большое разнообразіе. Число учебныхъ дней въ недѣлю было неодинаково; въ зависимости отъ того, открыта ли была воскресная школа при ежедневной школѣ, или какъ самостоятельное учрежденіе. Въ большинствѣ школъ учебными днями были избраны воскресенья и пятницы (по пятницамъ дѣвушки не занимаются своимъ обычнымъ зимнимъ рукодѣліемъ —

пряжею), а учебными часами обыкновенно служить время отъ 11 или 12 часовъ дня до 4 или 5 вечера. Помѣщаются воскресныя школы въ свободныхъ комнатахъ нормальныхъ сельскихъ училищъ, большую часть, земскихъ. Тѣснота помѣщенія нѣкоторыхъ школъ не могла не отозваться вреднымъ образомъ на успѣхахъ преподаванія. То же самое надо сказать и относительно переполненія школъ ученицами; въ иныхъ случаяхъ на одного учителя приходилось такое количество ученицъ, при которыхъ исполнѣ успѣшныя занятія немислимы. Учителю Товарковской школы приходилось вести занятія съ 200 ученицами. Болѣе 100 ученицъ на одного учителя приходилось въ 6 школахъ. Въ нѣкоторыхъ воскресныхъ школахъ, открытыхъ при школахъ грамотности, занятія на недѣлѣ велись совместно съ учащимися въ ежедневной школѣ; воскресницы, такимъ образомъ, составляли какъ бы отдѣльную группу этой школы, и преподаватель не могъ посвящать имъ много времени.

Во всѣхъ новооткрытыхъ воскресныхъ школахъ предметами учебнаго курса являются: Законъ Божій, славянское и русское чтеніе, письмо, церковное пѣніе и начальное счисленіе (не вездѣ). Обученіе чтенію велось всюду по звуковому методу, при помощи подвижныхъ буквъ. Пособіемъ служила азбука Ермина и Некрасова. Въ большинствѣ школъ чтеніе велось по не совсемъ подходящей для начинающихъ книгѣ Нарскаго „Ручеекъ“. Только въ нѣкоторыхъ школахъ ученицы читали болѣе подходящія книги: азбуку Толстого и букварь Тихомирова. Научить читать самостоятельно было главною цѣлью воскресныхъ школъ. Когда ученицы овладѣли механизмомъ чтенія, имъ стали задавать на домъ отрывки изъ книги для чтенія. На обученіе письму далеко не во всѣхъ школахъ было обращено должное вниманіе. Изъ 21 школы совместное обученіе чтенію и письму велось только въ 12, да и въ тѣхъ оно шло параллельно съ чтеніемъ въ самомъ началѣ, а затѣмъ значительно отстало отъ него. Правильная звуковая диктовка и упражненія въ записываніи цѣлыхъ предложений встрѣчались въ очень немногихъ школахъ. Еще слабѣе было поставлено преподаваніе ариметики, въ большинствѣ школъ въ немъ замѣчалось отсутствіе всякой системы. Въ нѣкоторыхъ школахъ весь курсъ ариметики ограничивался счетомъ до 100.

Учебныя книги и письменныя принадлежности даются воскреснымъ школамъ земствомъ; а Московское Общество Грамотности, по ходатайству гр. Бобринскаго, снабдило всѣ школы бібліотеками для вѣкъкласснаго чтенія, стоимостью 25 р. каждая.

Расходы земства на всѣ воскресныя школы ограничивались въ 1896—1897 уч. г. 1.403 руб., изъ нихъ 780 руб. на вознагражденіе

учащимъ, 479 руб. на книги, 53 руб. на учебныя пособія, остальное на первоначальное обзаведеніе.

Говоря о просвѣтителѣномъ значеніи Никитской воскресной школы, нельзя не указать еще одной весьма важной стороны дѣла. Мало того, что школа эта вызвала къ жизни много другихъ подобныхъ школъ, дѣйствующихъ въ настоящее время въ различныхъ пунктахъ уѣзда, и послужила образцомъ для всѣхъ этихъ школъ, съ 1896 года она стала давать этимъ школамъ и учительницъ. Лучшія пять ученицъ изъ числа окончившихъ курсъ были приглашены для практики въ преподаваніи въ такъ называемую лѣтнюю школу, устроенную въ истекшемъ году въ Никитскомъ же, по инициативѣ свящ. Модестова, для дѣвочекъ школьнаго возраста, которыя въ зимнее время, вслѣдствіе дальности разстоянія и неимѣнія теплой одежды, не могутъ ходить въ „зимнія“ школы, а въ лѣтнихъ домашнихъ работахъ по малолѣтству еще не участвуютъ. Здѣсь вышеупомянутыя ученицы, подъ надзоромъ законоучителя и учительницы, дѣлали свои первые шаги въ дѣлѣ преподаванія. Съ открытѣмъ земскихъ воскресныхъ школъ въ двухъ деревняхъ прихода с. Никитскаго, въ Осиповомъ Кустѣ и въ Красномъ Холму, одной изъ практикантокъ было предоставлено учительское мѣсто въ первой деревнѣ, двумъ — во второй, двѣ же остальные оставлены помощницами учительницы въ Никитской воскресной школѣ. Наиболѣе талантливыми оказались двѣ изъ этихъ учительницъ. Вотъ что пишетъ о нихъ завѣдующій Красно-Холмскою школою: „Достоинъ примѣчанія тотъ фактъ, что учительницами въ школѣ были крестьянскія дѣвушки, окончившія курсъ въ женской Никитской воскресной школѣ и оказавшіяся настолько способными въ дѣлѣ учительства, что къ концу учебнаго года ихъ ученицы, приглашенные на экзаменъ въ Никитскую воскресную школу, по испытаніи заслужили полное одобреніе комиссіи, производившей экзаменъ въ вышеозначенной школѣ. Этотъ фактъ показываетъ, что есть еще непочатыя силы, которыя, при удобныхъ обстоятельствахъ, могутъ работать съ великой пользой для народа, тѣмъ болѣе, что и выходятъ-то онѣ изъ его среды. Главнымъ образомъ, онѣ полезны для обученія крестьянскихъ дѣвушекъ. Имъ понятнѣе ихъ взгляды, потребности и стремленія; въ ихъ рукахъ самое главное — приспособленный къ крестьянскимъ понятіямъ языкъ“.

Приведенныя свѣдѣнія вполне ясно, намъ кажется, говорятъ о той несомнѣнной пользѣ, которую приносятъ этотъ типъ школы въ дѣлѣ поднятія грамотности и, вообще, умственнаго развитія сельскаго населенія, конечно, при условіяхъ дружной совмѣстной работы, которую мы видимъ въ данномъ случаѣ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности подробнѣе остановиться на упомянутыхъ школахъ, по

съ удовольствіемъ отсылаемъ всѣхъ, кто заинтересуется этимъ вопросомъ, къ обстоятельно составленной брошюрѣ, служившей намъ матеріаломъ и указанной нами въ примѣчаніи; съ своей стороны, мы не можемъ не пожелать горячо, чтобы земства обратили возможно большее вниманіе на вопросъ о сельскихъ воскресныхъ школахъ и направили въ этомъ отношеніи свою дѣятельность по стопамъ богородицкаго земства, которое мы не можемъ не привѣтствовать всей душой въ этомъ проявленіи его работы.

А. Шкоде.

Отчетъ воскресной школы при Харьковской женской тюрьмѣ за 1896—97 г. (2-й годъ существованія)¹⁾.

Приступая къ составленію отчета тюремной воскресной школы за 1896—97 г., мы должны отмѣтить прежде всего: а) большее количество ученицъ въ отчетномъ году сравнительно съ прошлымъ годомъ и б) лучшие результаты по обученію грамотѣ.

Большее количество ученицъ стоитъ въ зависимости отъ слѣдующихъ обстоятельствъ: 1) занятія въ школѣ въ истекшемъ году были начаты тремя мѣсяцами раньше прошлаго года и 2) школа, очевидно, приобрѣла нѣкоторую популярность въ стѣнахъ тюрьмы, вызвала симпатію и довѣріе со стороны заключенныхъ, такъ что „старыя“ ученицы, служа ей живой рекламой, часто, безъ всякаго побужденія съ нашей стороны, сами старались привлечь въ школу вновь поступающихъ арестантокъ. Въ началѣ года, въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ, не проходило ни одного воскресенья, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не встрѣчалъ насъ заявленіемъ: „Вотъ эта новенькая тоже хочетъ учиться“.

Лучшіе результаты по обученію грамотѣ объясняются увеличеніемъ вдвое состава учащихся (ихъ было 6 человекъ) и строгимъ преслѣдованіемъ намѣченнаго въ прошломъ году плана занятій: какъ можно скорѣе научить ученицу читать, причемъ на письмо должно быть обращено второстепенное вниманіе. Такое постановленіе мотивировано особыми условіями времени пребыванія ученицъ въ тюремной школѣ. При обстоятельствахъ, вполнѣ зависѣвшихъ отъ преподавателя, это дало возможность выпускать изъ школы ученицъ самое меньшее — съ пройденнымъ алфавитомъ. Такъ что, несмотря иногда на короткое пребываніе въ ней арестантки (2 мѣсяца, напр.), ей давалось хоть что-нибудь цѣльное.

¹⁾ Учредительница школы Л. И. Дашкевичъ проситъ обращаться къ ней всѣхъ интересующихся тюремными воскресными школами съ вопросами, касающимися этого дѣла. Адресъ ея: Харьковъ, Технологическая ул., № 4.

Всѣхъ учебныхъ дней въ отчетномъ году было 23 (10 мѣсяцевъ). Ученицъ—42 взрослыхъ и трое малолѣтнихъ (отъ 6 до 8 лѣтъ).*)

По сословію: крестьянокъ 28, мѣщанокъ 10, солдатокъ 2, дворянокъ 1, цеховыхъ 1.

По занятіямъ: горничныхъ 28, кухарокъ 5, нянекъ 3, занимающихся домашнимъ хозяйствомъ 2, торговекъ 3, швей 1.

Изъ 42-хъ ученицъ 5 были грамотныя; изъ 37-ми неграмотныхъ не выучились читать: а) четыре, вслѣдствіе исключительной неспособности, б) четыре перестали посѣщать школу, не объяснивъ намъ причинъ, и с) двѣ за краткостью времени (были въ школѣ всего три воскресенья). По вѣроисповѣданію всѣ православныя. Изъ 42-хъ ученицъ только семь жительницы г. Харькова, остальные изъ иногороднихъ крестьянки.

Всѣхъ посѣщеній въ школѣ было 621; пропусковъ 14. Причины послѣднихъ: или болѣзни, или боязнь (у пожилыхъ), что „засмѣютъ“, или временное равнодушіе, апатія и колебанія, которыя бывають иногда у арестантокъ, вслѣдствіе различныхъ причинъ. Неувѣренность въ своихъ силахъ, въ возможности выучиться читать часто мѣшаетъ двигаться впередъ. Обыкновенно, это бываетъ при прохожденіи алфавита. Но разъ послѣдній пройденъ, ученицы испытываютъ очень большое удовольствіе и даже гордость; тогда онѣ уже и сами начинаютъ „показывать“ новенькимъ. Арестантка М. нѣсколько разъ собиралась бросить школу, говоря: „я не выучусь“, „я не могу“. Но когда она прошла букварь и начала читать маленькія статейки въ „Новой азбукѣ“ Л. Толстого, она нѣсколько разъ восклицала въ порывѣ восторга: „Никогда ни за что не разстанусь съ этой книгой“. А нѣкоторыя ученицы, рассказывая намъ о томъ, что онѣ въ теченіе недѣли читали въ букварѣ, говорили: „Намъ М. показывала“.

Признавъ необходимымъ обратить вниманіе на вопросъ о семейномъ положеніи арестантокъ-ученицъ, мы получили за отчетный годъ слѣдующія свѣдѣнія: только 10 уч. изъ 42-хъ имѣють родителей — отца и мать; остальные — сироты; кто потерялъ отца въ раннемъ дѣтствѣ, кто мать, а нѣкоторыя и совсѣмъ ихъ не знаютъ. Обстановка ихъ въ дѣтскіе и молодые годы такая: мать арестантки П. держала „шинокъ“, мать арестантки И. — профессиональная воровка, отчимъ арестантки С. сосланъ въ Сибирь за тяжкое преступленіе, совершенное надъ ея двѣнадцатилѣтней сестрой; отецъ и мать арестантки Е. — страшные пьяницы и буйные люди, мать три раза

*) Дѣти находятся при матеряхъ пересыльных или отбывающихъ наказаніе. Въ настоящее время организованъ для нихъ пріютъ (на 10 человѣкъ), состоящій въ вѣдѣніи Харьковского попечительнаго о тюрьмахъ комитета.

заболѣвала психически. За очень немногими исключеніями, почти всѣ ученицы-арестантки были отданы „въ люди“ съ 10-ти—12-ти-лѣтняго возраста. Первое мѣсто арестантки С. было въ трактирѣ, арестантки Б. — у содержательницы столовой, арестантки М. — у купца, который много содержалъ рабочихъ, и т. д. и т. д.

Занятія въ школѣ въ теченіе отчетнаго года велись отъ 1½ до 5½ ч. *) и начинались всегда чтеніемъ молитвы и Евангелія. Затѣмъ неграмотныя обучались чтенію и письму, а грамотныя арестантки были заняты упражненіями въ письмѣ (диктантъ), самостоятельными письменными работами и чтеніемъ.

Пособія при занятіяхъ употреблялись слѣдующія: 1) азбука передвижная; 2) азбука Лейка; 3) „Новый букварь“, изд. маг. „Сотрудникъ школъ“, А. К. Залѣсской; 4) „Новая азбука“, Л. Толстого; 5) „Четыре книги для чтенія“, его же; 6) „Вещные всходы“, Тихомирова; 7) „Рассказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы“, Н. Рубакина; 8) „Уроки русскаго правописанія“, Пуцковича; 9) „Азбука правописанія“, Тихомирова; 10) „Дванадцатые праздники“, изд. Сытина; 11) Атласъ Шрейбера (географическій); 12) Таблицы по анатоміи человѣка и зоологіи, Вольно-Экономическаго Общества; 13) Торговые счета.

Чтеній съ волшебнымъ фонаремъ было 17. На нихъ присутствовало отъ 30-ти до 50-ти человѣкъ взрослыхъ и дѣтей, въ томъ числѣ и дѣти служащихъ въ мужской и женской тюрьмахъ. Наибольше удачныя чтенія были: „Уничженіе на землѣ Господа нашего Ісуса Христа“, „Тарасъ Бульба“, Гоголя, „Князь Серебряный“, А. Толстого, „Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ“, Л. Толстого.

Чтеній безъ фонаря состоялось 15. Эти чтенія были ведены въ болѣе тѣсномъ кругу, въ присутствіи только ученицъ, съ цѣлью большаго сближенія съ ними и возможности вызвать ихъ на разговоры и бесѣды. Изъ этихъ чтеній наибольшее впечатлѣніе произвели: „Невѣрная жена“, Коппе, „Сестра милосердія“, Немировича-Данченко (изъ „Новой хрестоматіи“, издан. подъ ред. Воскресенскаго), „Мариська“, М. Конопницкой, „Зимній вечеръ“, Эл. Ожешковой, „Юліанка“, ея же, „Жена ямщика“, Пикитина и „Человѣкъ за бортомъ!“, Станюковича. По поводу героя послѣдняго рассказа, человѣка, сначала очень испорченнаго и вора, а затѣмъ исправившагося подъ вліяніемъ добраго къ нему отношенія товарища, — одна изъ арестантокъ замѣтила: „Ишь ты, человѣкомъ сталъ, что Шутиковъ съ нимъ такой добрый былъ: и медаль получилъ (за спасеніе товарища), и бить его перестали“.

*) Въ этотъ же промежутокъ времени происходили: выдача книгъ изъ библиотекъ и чтенія съ волшебнымъ фонаремъ или безъ него.

Разсказъ Коппе „Певѣрная жена“ произвелъ сильное впечатлѣніе, въ особенности на арестантку К.: она сильно плакала, слушая его. Между нею и мужемъ произошла тяжелая семейная драма, которую и напомнилъ ей этотъ разсказъ. Вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли выборомъ разсказовъ для чтенія вслухъ „бередить раны“ нашимъ слушательницамъ, или, напротивъ, избѣгать всего того, что можетъ коснуться ихъ жизни, остается среди насъ открытымъ.

Изъ чтеній болѣе серьезнаго характера понравилось очень: „На праздникѣ у древнихъ римлянъ“, изд. книжнаго склада А. М. Калмыковой. Оно было дополнено чтеніемъ разсказомъ о положеніи христіанъ въ первые времена ихъ существованія, о катакомбахъ, циркахъ, о тѣхъ мукахъ, которыя они испытывали въ царствованіе Нерона, объ ап. Петрѣ и т. д. Все это было прослушано арестантками съ глубочайшимъ интересомъ и вниманіемъ, какъ и вообще большинство чтеній, которыя были въ тюрьмѣ. Чтенія вслухъ заключенныя очень любятъ.

Книгъ въ тюремной библіотекѣ состояло въ отчетномъ году 416 названій. Всѣхъ выдачъ было 516. Книги изъ библіотеки въ тюрьмѣ берутъ всѣ, кто пожелаетъ, въ томъ числѣ и пересыльные. Изъ авторовъ больше всего въ истекшемъ году брали: Марка Вовчка, Диккенса, Л. Толстого, Сурикова. Очень нравятся арестанткамъ иллюстрированныя изданія, такъ что имѣющаяся въ тюремной библіотекѣ за два года „Нива“ была буквально нарасхватъ. Хорошо грамотныя арестантки часто читаютъ въ своихъ камерахъ вслухъ. Многія изъ нихъ берутъ въ воскресенье по 6 — 8 книгъ, но иногда и этого количества имъ бываетъ недостаточно, и онѣ тогда обмѣниваются между собою взятыми книгами.

Кромѣ того, роздано было 190 книгъ (изъ нихъ 50 Евангелій отдано въ уѣздныя тюрьмы) пересыльнымъ и арестанткамъ передъ ихъ выходомъ изъ тюрьмы и въ видѣ подарковъ на праздники.

Книги раздавались слѣдующія: Евангелія, библейскіе разсказы Пуцковича, „Совѣты матерямъ“, „Объ уходѣ за малыми дѣтьми“, д-ра Покровскаго, „Дурная болѣзнь“, Трутовской и различные художественные разсказы, изданные С.-Петербургскимъ Комитетомъ грамотности, Харьковскимъ Обществомъ распространенія въ народѣ грамотности, фирмою „Посредникъ“, Сытинимъ и К^о и др. издателями.

Въ концѣ отчетнаго года рѣшено было вести въ школѣ бесѣды по гигиенѣ и, если онѣ дадутъ хорошіе результаты, перейти въ будущемъ учебномъ году къ бесѣдамъ о нѣкоторыхъ заразныхъ болѣзняхъ. Побудительной причиной къ этому было замѣченное нами полное невѣжество и ложные взгляды арестантокъ въ этихъ вопро-

сахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ большой интересъ, который онѣ проявляютъ къ такимъ брошюрамъ, какъ напр., „Дурная болѣзнь“, Трутовской.

Праздниками въ тюремной школѣ въ отчетномъ году были: 1) празднованіе годовщины открытія школы (26 ноября); 2) елка на Рождество Христово и 3) раздача книгъ, куличей, яицъ и колбасы на Свѣтлое Христово Воскресеніе.

Въ день годовщины открытія школы былъ отслуженъ молебенъ, были розданы книги и показаны картины волшебнаго фонаря (виды Петербурга и Москвы), а затѣмъ арестанткамъ дано было угощеніе: чай, хлѣбъ, пироги, колбаса, пряники и орѣхи.

На Рождество Христово собравшимся около елки заключеннымъ было прочитано: изъ евангелія о Рождествѣ Христовомъ, отрывокъ изъ разсказа Григоровича: „Прохожій“, и разсказъ Бретъ-Гарта „Рождественская ночь“. Ученицы школы получили: книги, перчатки и сласти въ бумажныхъ платочкахъ; дѣти — платье, обувь и лакомства съ елки.

Эти скромные праздники, носящіе на себѣ вполнѣ серьезный характеръ и дающіе арестанткамъ возможность получить иногда лишній кусокъ хорошей пищи, трогаютъ ихъ до слезъ. Передъ большими праздниками арестантки особенно томятся. На грифельной доскѣ ¹⁾ передъ праздникомъ Пасхи ученица Н. написала: „Какъ людямъ весело праздникъ проводить, а намъ горько и тошно: сидимъ черезъ свои глупости“. Другая ученица Г., едва умѣя писать, вывела за цѣлую недѣлю на своей доскѣ слѣдующее: „Какъ трудно встрѣчать праздникъ въ этой неволѣ: людямъ весело, а намъ нѣтъ“.

Жизнь показала намъ, что ограничиться однимъ только обученіемъ грамотѣ въ тюрьмѣ невозможно: заключенныя вызываютъ съ нашей стороны полное вниманіе къ ихъ домашней средѣ, требуютъ поддержки въ видѣ пріисканія имъ мѣста и занятія ²⁾, что весьма трудно, помощи платьемъ, обувью и т. д. Съ этой цѣлью къ намъ поступали пожертвованія деньгами, штуками ситца и бумажен платьемъ старымъ и новымъ, обувью, книгами и т. д.

¹⁾ Мы выдаемъ арестанткамъ грифельныя доски для письменныхъ упражненій. Имѣть у себя бумагу, карандаши, чернила, перья имъ, по тюремнымъ правиламъ, запрещается. А жажда научиться поскорѣе писать бываетъ иной разъ ужъ очень велика. Такъ, ученица Н., когда у нея не было еще доски, булавкой царапала буквы на столахъ и подоконникахъ, чтобы не забыть ихъ отъ воскресенья до воскресенья.

²⁾ Одной выбывшей арестанткѣ было найдено мѣсто въ чулочной-вязальной мастерской. Этому ремеслу она выучилась въ тюрьмѣ, гдѣ имѣется чулочная-вязальная машина.

Приходъ школы за оба года ея существованія составляетъ 175 руб. пожертвованій и 622 руб. 98 к. отъ спектакля, даннаго въ пользу школы, всего 797 руб. 98 к. Расходъ 379 руб. 98 к.: на чтенія съ волшебнымъ фонаремъ 167 р. 24 к., книги для библіотеки и раздачи выбывающимъ арестанткамъ и пересыльнымъ 76 р. 14 к., школьныя пособія 25 р. 15 к., устройство праздниковъ 23 р. 39 к., пособія арестанткамъ 29 р. 46 к., витрина для Нижегородской выставки 32 р. 60 к., прочіе расходы 26 р.

Л. Дашкевичъ.

Годъ въ тюремной школѣ.

(Замѣтка учительницы Харьковской тюремной воскресной школы).

Прошелъ уже годъ, какъ я занимаюсь въ тюремной воскресной школѣ, и теперь, когда занятія окончились, когда приходится уѣзжать на лѣто, порвать на нѣкоторое время сношенія съ этимъ своеобразнымъ міромъ, сдѣлавшимся для меня такимъ роднымъ, такимъ близкимъ, хочется дать себѣ нѣкоторый отчетъ въ психологіи этой особой тюремной жизни, разобраться въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя завязались у меня съ ученицами.

Въ началѣ года у меня было всего двѣ ученицы. Обѣ онѣ, удивительно симпатичныя, носятъ на себѣ отпечатокъ деревни и отличаются простотой и естественностью, которыхъ въ нихъ не успѣла еще уничтожить городская жизнь. Первое время мои ученицы какъ бы стѣснялись меня. Одна изъ нихъ, П., сидѣла, обыкновенно, потупивъ свои красивые голубые глаза и только изрѣдка подымая ихъ на меня. Она какъ-будто снова, передъ новымъ человѣкомъ, переживала стыдъ того, что она „преступница“. Послѣ простыхъ, равноправныхъ отношеній воскресной школы это было очень тяжело, — такъ больно было чувствовать, что я, совершенно независимо отъ себя, давлю ее. Конечно, такое мученіе и стыдъ за себя такъ сильно выражаются не у всѣхъ заключенныхъ; у нѣкоторыхъ даже совсѣмъ незамѣтно этого чувства, но у нея оно выражалось очень интенсивно. Мнѣ казалось, что первымъ шагомъ къ болѣе простымъ отношеніямъ будетъ то, что я замѣню официальное названіе по фамиліямъ просто сокращенными именами; и я стала называть ее и мою другую ученицу К. — Груня и Саша. Послѣ нѣкоторыхъ стараній мнѣ удалось заставить и ихъ называть меня не „барышня“, а „Вѣра Викторовна“. Послѣ этого наши отношенія какъ-то разомъ стали проще: рѣже Груня потупляла глаза, и чаще, улыбаясь, рассказывала что-нибудь Саша; появилась та теплота отношеній, которая въ тюрьмѣ является самымъ глав-

нымъ „предметомъ“, тѣмъ краеугольнымъ камнемъ, безъ котораго вся тюремная школа представляла бы безжизненный, мертвый, бесполезный трупъ, а не живой организмъ.

Обѣ мои ученицы очень отличаются другъ отъ друга по характеру; Груня флегматична и спокойна, говоритъ немного; когда же она подымаетъ свои голубые глаза, въ которыхъ цѣлый міръ сердечности и простоты, и начинаетъ говорить своимъ красивымъ, за душу хватающимъ великорусскимъ говоромъ, то невозможно, глядя въ эти глаза, слушая ея простыя, искреннія рѣчи, соединить съ этимъ взрослымъ ребенкомъ что-либо преступное, нечистое, неискреннее. Ей долго придется сидѣть въ тюрьмѣ, и на нее часто находить тоска. Это сейчасъ же замѣчается по ея осунувшемуся, нахмуренному лицу; и какъ я бываю счастлива, когда мнѣ удастся разогнать это выраженіе, и она, чуть-чуть краснѣя и улыбаясь, начинаетъ говорить! Сколько тогда музыки для меня въ этомъ „Вѣра Викторовна“, съ которымъ она обращается ко мнѣ! Другая моя ученица, Саша, почти такъ же искренна и сердечна, какъ Груня. Кромѣ привлекательнаго лица, съ ласковыми глазами, вся ея фигура, на которой даже неприглядное арестантское платье пріобрѣтаетъ аккуратный, красивый видъ, производитъ какое-то теплое, отрадное впечатлѣніе; такъ и кажется, что она должна быть не здѣсь, а въ своемъ домѣ, посреди своего хозяйства, окруженная толпой чистенькихъ дѣтишекъ, ласково смотрящая на нихъ съ работою въ рукахъ. Саша, въ противоположность Грунѣ, очень жива и разговорчива. Я часто отнимала отъ уроковъ чтенія или письма время, чтобы просто поговорить съ ученицами. Говорила, обыкновенно, Саша, съ улыбающимся лицомъ и ласковыми, ласковыми глазами; Груня только иногда вставляла слово. Мы подолгу говорили о деревнѣ, о различныхъ эпизодахъ изъ ихъ дѣтской жизни, о Сашиномъ чулочномъ мастерствѣ (она научилась въ тюрьмѣ вязать чулки на машинѣ); строили планы на будущее: о томъ, какъ Саша, выйдя изъ тюрьмы, откроетъ свою чулочную мастерскую, а Груня — прачечную; говорили о воскресной школѣ и даже намѣтили группу, въ которую на будущій годъ онѣ поступятъ, такъ какъ обѣ онѣ хотятъ продолжать учиться.

Занятія съ такими ученицами невольно наводили меня на мысль, что въ тюрьмѣ встрѣчаются иногда люди лучше, честнѣе, менѣе „преступники“, нежели многіе, многіе на волѣ.

Обѣ мои ученицы умѣли уже читать, а писать еще не начинали, такъ что я вела съ ними звуковую диктовку и чтеніе по „Новой азбукѣ“, а затѣмъ по „Первой книгѣ для чтенія“ Толстого. Какъ это обыкновенно бываетъ во взрослыхъ малограмотныхъ группахъ,

очень чувствовался недостатокъ въ матеріалѣ для чтенія. Еще въ „Первой книгѣ“ Толстого нѣкоторыя статьи подходящи и, пользуясь ими, возможно было вести объяснительное чтеніе; но, по окончаніи „Первой книги“, выборъ статей для чтенія сдѣлался очень труденъ. Я то выбирала статьи изъ „Второй книги“ Толстого (при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ были для нихъ все-таки неинтересны), то брала просто беллетристическіе рассказы изъ тюремной библіотеки.

Несмотря на недостатокъ и бѣдность пособій въ тюремной школѣ, мои ученицы съ интересомъ слушали небольшія бесѣды по ботаникѣ, зоологіи и пр., которыя я старалась приурочить къ прочитаннымъ статьямъ.

Въ механизмѣ чтенія Саша, имѣющая больше досуга да и больше охоты къ чтенію, быстро обогнала Груню, которая, какъ прачка, болѣе занята на недѣлѣ и читаетъ только по воскресеньямъ. Кромѣ этихъ двухъ моихъ ученицъ, къ моей группѣ присоединили еще одну — Вѣру М. Она далеко не такъ симпатична, какъ двѣ другія; въ ней нѣтъ той прямоты, естественности и чуткости, какъ въ моихъ любимцахъ. Она немного хитритъ и ломается. Несмотря на это, она, очевидно, была расположена ко мнѣ, и занятія наши шли гладко. Однажды она не появилась на занятіяхъ, отговариваясь работой въ прачечной, на болѣе же рѣшительные вопросы съ моей стороны заявила, что не хочетъ учиться. Однако, черезъ нѣкоторое время она начинаетъ то и дѣло проходить мимо меня, улыбаться и всячески старается обратить на себя мое вниманіе. Я ласково беру ее за руку и сажаю возлѣ себя; она учится нѣсколько воскресеній, но потомъ все-таки, уже окончательно, бросаетъ школу. Несмотря на это, отношенія наши остаются до самаго ея выхода изъ тюрьмы очень дружелюбными. Что же могло быть причиной такого нерасположенія ея къ школѣ? Мнѣ кажется, что въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, огромное значеніе имѣютъ тѣ арестантки-аристократки, тѣ „старшія“, какъ ихъ называютъ заключенныя, которыя уже нѣсколько разъ побывали въ тюрьмѣ. Онѣ пользуются большимъ авторитетомъ и до тонкости знаютъ всѣ правила приличія, весь этикетъ тюремной жизни. Часто приходилось слышать отъ вѣтъ: „Нѣтъ, этого нельзя сдѣлать — старшія засмѣютъ!“ Какъ часто я чувствовала, что работаю, вношу извѣстныя мысли, съ одной стороны, а тамъ, съ другой стороны, идетъ своя работа, свое воспитаніе. И вотъ, когда эти два теченія сталкиваются, часто, часто побѣда остается не на сторонѣ школы. Эта сила тюремной традиции сказывается, напримѣръ, въ томъ, насколько въ тюрьмѣ распространены ссоры. Въ концѣ года, когда мнѣ пришлось заниматься не только со своей, но и съ другими группами, двѣ ученицы

начали при мнѣ ссориться. Я постаралась успокоить ихъ и доказать всю нехорошую сторону ссоръ и ихъ невыгодность для нихъ самихъ. Онѣ, очевидно, были согласны со мной въ томъ, что, ссорясь, превращаютъ свою и безъ того некрасивую жизнь въ еще худшую, но все-таки твердили: „Только въ тюрьмѣ безъ ссоръ нельзя“. — „Да почему же вездѣ можно, а въ тюрьмѣ нельзя?“ — „Да у насъ всегда такъ, безъ этого нельзя“. Да, къ сожалѣнію, ссоры въ тюрьмѣ, — это нѣчто, освященное обычаемъ и преданіемъ; ссора царитъ въ тюрьмѣ (не въ школѣ, конечно, — туда доносятся лишь слабые и рѣдкіе отголоски ея). Да и трудно, чтобы это было иначе: въ этомъ замкнутомъ, закрытомъ, отрѣзанномъ отъ внѣшней здоровой жизни мірѣ, куда сошлись люди съ такими различными темпераментами, принужденные постоянно жить вмѣстѣ, — люди, изъ которыхъ все-таки большинство ведетъ въ тюрьмѣ праздную жизнь, въ этомъ мірѣ поневолѣ разгораются ссоры, пересуды, разыгрываются страсти, заводятся переговоры и переписка съ мужской тюрьмой. Но я никогда не могла найти ни одного слова въ порицаніе имъ. Когда вспомнишь, что за этими тюремными стѣнами подавляется столько жажды жизни, столько, можетъ-быть, недостаточно идеальной, но все-таки человѣческой жажды счастья и свободы, то на все это невольно можешь смотрѣть только съ глубокой болью въ душѣ и жалостью къ этимъ сердцамъ, наполненнымъ тоской по волѣ и счастью, какъ бы они его ни представляли въ своемъ бѣдномъ, маленькомъ, узкомъ міровоззрѣніи.

Отношенія ученицъ къ учительницамъ удивительно трогательны. Ученицы очень привязываются къ своимъ учительницамъ; отсутствие или болѣзнь учительницы приводитъ ихъ въ полное уныніе и даже можетъ довести до слезъ. Каждая небольшая ласка, цвѣты, принесенные учительницей, трогаютъ ихъ безконечно. Мнѣ часто было стыдно, что я за ту крупинку человѣческаго отношенія, которую я даю имъ, получаю такъ много благодарности. Эта чуткость ко всякому вниманію и ласкѣ особенно ярко выказалась на празднованіи годовщины школы. Послѣ молебна и туманныхъ картинъ для арестантокъ было устроено небольшое угощеніе. Всѣ арестантки сидѣли за длиннымъ столомъ, а учительницы разносили чай, пироги, пряники и другія лакомства. Не знаю, это ли вниманіе учительницъ, общій ли необыкновенно теплый тонъ всего праздника, воспоминанія ли о прежней жизни были причиной, но всѣ арестантки были ужасно растроганы; многія плакали навзрыдь. Моя Груня сидѣла на концѣ стола, и по ея милому лицу тихо текли слезы.

Эти слезы арестантокъ заставляли меня всегда глубоко задумываться: имѣемъ ли мы право касаться ихъ сердечныхъ ранъ, за-

ставлять ихъ вновь страдать? Польза, приносимая этими слезами, этимъ размягченнымъ состояніемъ, искупаетъ ли ту боль, которую онѣ испытываютъ при этомъ? Со мной былъ такой случай. Въ концѣ года у меня появилась новая ученица — К. А. Она уже второй разъ въ тюрьмѣ. Это некрасивая, съ неправильными чертами лица, но сильная и здоровая дѣвушка. Характеръ у нея очень спокойный и покладистый. Въ этомъ большомъ тѣлѣ оказалось чуткое и мягкое сердце. Я дала ей однажды написать письмо къ сестрѣ. Сначала она немного затруднялась, „какъ начать“, но затѣмъ разошлась и написала очень длинное и трогательное письмо, при чемъ она почти все время плакала, такъ что мнѣ нѣсколько разъ приходилось отрываться отъ другихъ ученицъ, подходить къ ней, утѣшать и успокаивать ее. Имѣла ли я право вызывать такіа слезы? Иногда мнѣ кажется, что да, имѣла; что то нравственное удовлетвореніе, которое она испытала, изливъ свою душу, было благотворно для нея; что польза отъ этихъ слезъ была больше страданія.

Въ концѣ года на мою долю выпало вести популярныя бесѣды по гигиенѣ. Эти бесѣды доставляли мнѣ искреннее наслажденіе. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ общеніе ученицъ съ учительницей, и притомъ ученицъ всей школы, можетъ быть болѣе тѣснымъ, болѣе близкимъ, какъ не во время бесѣды? И не заманчиво ли дать ученицамъ хотя бы „крупинки“ науки, да еще науки такой жизненной, такъ близко стоящей къ нимъ, такъ тѣсно связанной съ ними, какъ гигиена. Я не мало волновалась передъ первой бесѣдой. Мнѣ такъ хотѣлось заинтересовать, увлечь ученицъ этимъ совершенно новымъ для нихъ предметомъ. И, кажется, мнѣ удалось это. До конца года я успѣла познакомить ихъ съ устройствомъ человѣческаго тѣла, выяснивъ процессы питанія, кровообращенія и дыханія; попутно я сообщала имъ гигиеническія свѣдѣнія. Въ концѣ-концовъ, у меня составилось впечатлѣніе, что онѣ кое-что вынесли изъ моихъ бесѣдъ. Въ особенности радуется меня Груня. Она свободно и сознательно справляется съ такими терминами, какъ, напр.: „кислородъ“, „углекислота“ и др., прекрасно усвоила механизмъ пищеваренія и кровообращенія. Были и другія ученицы, вполне сознательно относившіяся къ предлагаемому имъ новому матеріалу и усвоившія его. Бесѣды я вела, по возможности, въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, и почти всѣ ученицы очень находчиво отвѣчали мнѣ. Ихъ очень интересовали таблицы по анатоміи, которыя служили мнѣ пособіями. Послѣ бесѣды онѣ выставлялись въ стеклянномъ шкапу такъ, чтобы втеченіе недѣли желающія арестантки могли ихъ разсматривать. Но съ наибольшимъ интересомъ относились ученицы къ гигиеническимъ вы-

водамъ, дѣланнымъ мною на основаніи уже выясненной имъ физиологической дѣятельности тѣхъ или иныхъ органовъ. Ведя, такимъ образомъ, гигиену рука-о-руку съ физиологіей, я обращала ихъ вниманіе больше всего на почти единственное доступное имъ гигиеническое средство — чистоту. Къ сожалѣнію, бесѣды мои все-таки не были совсѣмъ закончены за недостаткомъ времени. Хотѣлось еще многое расширить, многое прибавить, но наступившее лѣто помѣшало этому.

Эти бесѣды и свѣтлое впечатлѣніе о нихъ — мои послѣднія воспоминанія о тюремной школѣ. Наступило лѣто, и пришлось расстаться съ этимъ міромъ, къ которому такъ горячо лежитъ сердце, къ которому такъ сильно привязываешься, какъ это всегда бываетъ по отношенію ко всѣмъ униженнымъ и оскорбленнымъ судьбою или людьми.

В. Кирпичева.

О групповой отчетности въ воскресныхъ школахъ.

Каждая воскресная школа, какъ извѣстно, дѣлится на болѣе или менѣе мелкія группы учащихся; каждая группа ведется однимъ или двумя преподающими; во многихъ воскресныхъ школахъ преподающіе составляютъ годовые или полугодовые отчеты о занятіяхъ и, вообще, о жизни своей группы. Такая отчетность имѣетъ, конечно, немалое значеніе; она и самого преподающаго заставляетъ серьезнѣе, сознательнѣе, вдумчивѣе относиться къ дѣлу, она близко знакомитъ и весь преподавательскій персоналъ съ положеніемъ каждой группы; а это знакомство, вызывая на обсужденіе цѣлый рядъ вопросовъ, освѣщая общее состояніе дѣла, несомнѣнно, ведетъ къ его усовершенствованію. Придавая большое значеніе групповой отчетности въ воскресныхъ школахъ и горячо желая, чтобы она привилась во всѣхъ школахъ, мы для ознакомленія съ этой отчетностью даемъ ниже три групповые отчета Харьковской женской школы: первый изъ нихъ болѣе останавливается на ученицахъ, второй болѣе касается самаго преподаванія, — вопросы, затрогиваемые имъ въ этой области, быть-можетъ, и являются спорными, но, во всякомъ случаѣ, заслуживаютъ вниманія; третій отчетъ кажется намъ наиболѣе полно охватывающимъ жизнь группы.

Годовой отчетъ звуковой группы 1893 — 1894 года.

Группа наша организовалась 31-го января; въ составъ ея вошло 7 взрослыхъ ученицъ, отъ 16 до 26 лѣтъ; двѣ изъ нихъ поступили полуграмотными, остальные — неграмотными. Выбыли изъ группы двѣ ученицы: одна послѣ двухъ, другая послѣ трехъ посѣщеній школы.

О причинахъ, заставившихъ ихъ покинуть школу, могу высказать лишь свои предположенія. Одна изъ нихъ уже умѣла читать и, по-видимому, тяготилась однообразіемъ занятій въ звуковой группѣ; другая уже при поступленіи въ школу жаловалась на слабость зрѣнія, что, вѣроятно, и помѣшало ей продолжать занятія. Остальныя ученицы посѣщали школу довольно аккуратно. Благодаря малочисленности группы, въ ней нетрудно было поддерживать равномерность и вести классное обученіе. Учебныхъ дней было 16 (кроме добавочнаго ученія по пятницамъ, когда нельзя было вести правильныхъ занятій, такъ какъ собирались не все ученицы). Урокамъ грамоты отдавалось три часа въ воскресенье; четвертый часъ занимались арифметикой; преподаваніе велось по методикѣ Власовскаго; пройдены все дѣйствія въ предѣлѣ перваго десятка. Что касается обученія грамотѣ, то первое воскресенье было посвящено письму элементовъ, 12 — прохожденію алфавита, а три послѣднія воскресенья ученицы читали по „Новой Азбукѣ“ Толстого. Преподаваніе грамоты велось по „Наглядной Азбукѣ“ изд. Павленкова; дома ученицы читали по „Азбукѣ-копейкѣ“. У каждой изъ ученицъ была и домашняя тетрадь, но опредѣленныхъ работъ на домъ не задавалось: каждой ученицѣ предоставлялось читать и писать, насколько у нея хватало досуга и усердія. Что касается усердія, то, безъ сомнѣнія, звуковыя взрослые группы стоятъ въ этомъ отношеніи въ наилучшихъ условіяхъ. Желаніе научиться читать и писать, приведшее въ школу взрослого человѣка, является гарантіей самаго напряженнаго вниманія и серьезнаго отношенія къ дѣлу, — слѣдовательно, обеспечиваетъ и успѣшность занятій. Грамота не представляетъ большихъ затрудненій даже для ученицъ со средними способностями. Усвоивъ съ первыхъ уроковъ звуковой составъ рѣчи, онѣ сами торопятся выдѣлать новые и новые звуки, схватывать начертаніе буквъ, и эта работа идетъ быстро, легко и оживленно.

Ни одна изъ нашихъ ученицъ не выдѣлялась изъ группы особыми дарованіями, кроме, можетъ-быть, ученицы Т., скоро оставившей школу. Когда я вспоминаю ея изящное личико съ умными черными глазами и шапкой густыхъ черныхъ волосъ, мнѣ кажется, что эта дѣвушка заслуживала большаго вниманія, нежели все другія ученицы нашей группы. Но черные глаза смотрѣли слишкомъ непривѣтливо и подозрительно; мы не сумѣли подойти къ ней, не могли смягчить это рано ожесточившееся сердце, не могли даже заинтересовать ее нашей грамотой, которая являлась для нея, полуграмотной, скучнымъ повтореніемъ. Хотя и были употреблены усилія, чтобы обезпечить ей частое посѣщеніе школы (Т. служила горничной въ аристократическомъ домѣ), она пропустила вначалѣ нѣсколько воскресеній, а

потомъ и совсѣмъ исчезла изъ школы. Не буду повторять тѣ темныя, недобрые слухи, которые дошли потомъ о ней въ школу и, можетъ-быть, лишены основанія.

Совершенную противоположность Т. представляетъ другая ученица нашей группы, также горничная и также поступившая въ школу полуграмотной. Некрасивая, немолодая, очень солидная, П. отличалась серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Она терпѣливо прослушала весь курсъ звукового обученія и дома списывала цѣлыя страницы. Читая лучше другихъ, она брала книги изъ библіотеки, отдавая явное предпочтеніе „святымъ“ и поучительнымъ книжкамъ. Въ усердіи не уступала П. молодая замужняя женщина С. Правда, бывало, что она приходила въ школу, сильно запыхавшаяся, въ 11 и даже въ 12 часовъ (занятія начинались въ 10), но зато принималась за дѣло съ такимъ рвеніемъ, что быстро догоняла своихъ подругъ. Привѣтливая, добродушная С. очень сердечно относилась и къ подругамъ, и къ учительницамъ, но не любила говорить о себѣ и сдержанно отвѣчала на разспросы о ея семейной жизни. Я только случайно узнала, какихъ нравственныхъ мученій стоитъ ей иногда аккуратное посѣщеніе школы. Когда я однажды выразила сожалѣніе по поводу ея отсутствія въ группѣ, одна изъ ученицъ сказала, что, должно-быть, ей не на кого было оставить своихъ маленькихъ дѣтей: „Она попроситъ мужа подождать ее, а онъ уйдетъ себѣ гулять и дѣтей однихъ броситъ. Зато, какъ идешь съ ней изъ школы, такъ она такъ бѣжитъ, что ея и не догонишь!“

Въ заключеніе не могу не сказать о неразлучной, немного легкомысленной парѣ: ученицы М. и К. никогда не появлялись врозь въ школѣ; веселыя, болтливыя, онѣ вносили оживленіе въ нашу группу, но къ ученю относились довольно легко; вмѣстѣ пропустили онѣ нѣсколько воскресеній и вмѣстѣ исчезли въ началѣ мая мѣсяца, приславъ намъ въ утѣшеніе черезъ подругу извѣстіе, что онѣ знаютъ послѣдніе звуки, умѣютъ читать и писать и пропустятъ два воскресенья; но и черезъ эти урочныя воскресенья онѣ не появились болѣе въ школѣ.

В. Кондратьева.

Годовой отчетъ звуковой группы 1894—1895 года.

Наша группа образовалась 30-го октября изъ взрослыхъ неграмотныхъ ученицъ. Втеченіе года составъ ученицъ мѣнялся, такъ какъ въ нашу группу, какъ самую низшую по познаніямъ изъ всехъ звуковыхъ группъ, все поступали новыя ученицы, предварительно подготовленныя одной изъ запасныхъ учительницъ. Однако, постоянное пополненіе группы нисколько не мѣшало занятіямъ, благодаря хорошей подготовкѣ вновь поступающихъ ученицъ: стоило только

втеченіе дня обратить особенное вниманіе на вновь поступившую, и она совершенно входила въ кругъ знаній группы. Нѣкоторые ученицы, по тѣмъ или другимъ причинамъ, покинули школу до окончанія года, такъ что къ концу занятій въ группѣ оказалось 8 ученицъ; всѣхъ же въ группѣ перебывало 12. Сначала группа велась одной учительницей, я же присоединилась къ ней въ ноябрѣ, чтобы вести одинъ часъ занятій ариметикой. До той поры мнѣ приходилось заниматься только съ дѣтьми, и я неохотно взялась за группу взрослыхъ, предполагая, что у взрослыхъ нѣтъ ни той гибкости ума, ни той воспримчивости, памяти, живости воображенія, которая такъ присуща дѣтямъ. Скоро я поняла, однако, какъ сильно я ошибалась. Я увидѣла предъ собою умныхъ, жизненно опытныхъ и необыкновенно чуткихъ ко всѣму ученицъ. Большая часть изъ нихъ были дѣвушки, отъ 17 до 21 года, и только двѣ замужнія женщины, 28 лѣтъ. Все это были люди трудящіеся, занятые всю недѣлю работой или дома, или на сторонѣ и пришедшіе въ школу съ дѣйствительнымъ желаніемъ научиться тому, въ чемъ они чувствовали недостатокъ и потребность при столкновеніи съ жизнью. Жизненный опытъ показалъ имъ, что имъ нужна грамота, что при нынѣшнихъ условіяхъ жизни безъ нея трудно обойтись. При занятіи съ этими взрослыми труженицами не можетъ быть, конечно, и рѣчи ни о возбужденіи вниманія, ни о поддержаніи тишины или порядка во время занятій. Ученицы сами боятся пропустить слово, произнесенное вами, боятся потерять хотя бы минуту; и во всякій свободный промежутокъ времени, старательно води огрубѣлымъ пальцемъ по засаленной отъ чрезмѣрныхъ стараній азбукѣ, съ трудомъ разбираютъ замысловатое слово или неумѣлою рукою выводятъ какую-нибудь трудную букву. По окончаніи занятій ученица непременно попроситъ учительницу написать ей для памяти ту или другую букву или цифру на бумажкѣ и, тщательно сложивъ и спрятавъ этотъ листокъ, принесетъ его на слѣдующее воскресенье съ старательно выведенными на немъ значками. Занимаясь съ этими ученицами и узнавая ихъ, я постепенно приобрѣтала все большее и большее расположеніе къ нимъ, какъ-то добросовѣстиже начинала къ нимъ относиться, и чѣмъ дальше, тѣмъ дѣло шло лучше. Съ одного часа занятій я незамѣтно перешла на два, потомъ на три, а одно время, когда другая учительница была больна, занималась и всѣ четыре часа. Нужно только понять этихъ взрослыхъ ученицъ, чтобы почувствовать какую-то нить, связывающую васъ съ ними и способствующую успѣху преподаванія. Меня просто поражала ихъ чуткость къ малѣйшей фальши въ преподаваніи, и чуткость эта происходитъ, конечно, оттого, что всѣ эти взрослые люди отлично сознаютъ, для

чего они пришли въ школу, что имъ нужно получить въ ней. Чуть только я вдавалась въ ошибку, начиная объяснять имъ или не то, что имъ нужно, или не такъ, какъ нужно, я уже не видѣла больше передъ собою внимательныхъ до напряженія лицъ: передо мной были какія-то тупыя лица, относящіяся совершенно безразлично къ моимъ словамъ; какъ-будто какая-то заслонка падала между нами, и я не чувствовала больше той нити, которая связывала насъ за нѣсколько минутъ до того. Это ощущеніе являлось для меня всегда вѣрнымъ показателемъ того, правильно или неправильно веду я занятія. И это чувство, и мое знакомство съ ученицами руководили моими школьными занятіями лучше, нежели всякая методика, всякая программа.

При началѣ моихъ занятій ученицы отнеслись ко мнѣ съ какимъ-то недо вѣріемъ. Видно было, что ихъ огорчало то, что прежняя учительница, къ которой онѣ привыкли, не будетъ больше заниматься все время, а ее частью замѣнитъ другая, которую онѣ видятъ въ первый разъ. Но послѣ перваго же урока ариметики, съ которой онѣ до сихъ поръ не имѣли дѣла въ школѣ, ученицы стали относиться ко мнѣ иначе: я уже не слышала въ ихъ обращеніи со мной той ноты недо вѣрія, которую замѣтила раньше. Въ своихъ занятіяхъ съ перваго же урока я старалась откликнуться на ихъ желанія, дать имъ изъ ариметики именно то, въ чемъ онѣ чувствуютъ потребность. Имъ, конечно, не нужна была ариметика въ томъ видѣ, какъ она преподается въ ежедневныхъ школахъ или гимназіяхъ, какъ она предлагается различными методиками, учебниками и школьными программами. Ариметика при преподаваніи въ воскресной школѣ не должна, по моему мнѣнію, имѣть заранее опредѣленнаго метода или программы. Прежде всего нужно имѣть въ виду запросы ученицъ, ихъ подготовку и степень развитія, ихъ возрастъ, наконецъ, ихъ жизненную обстановку, чтобы знать, насколько и въ какихъ именно случаяхъ нужна имъ ариметика. А вѣдь всѣ эти условія въ каждомъ данномъ случаѣ различны, и никакая методика, никакая программа не можетъ быть примѣнена ко всѣмъ этимъ требованіямъ. Ни одна методика или программа не можетъ быть создана разъ навсегда на основаніи всѣхъ этихъ практическихъ знаній, всѣхъ тѣхъ любопытныхъ, оригинальныхъ способовъ вычисленій, до которыхъ простой народъ доходитъ своимъ умомъ; ни одна методика не сможетъ примѣниться ко всѣмъ этимъ умамъ, привыкшимъ къ самостоятельному мышленію; ни одинъ изъ существующихъ учебниковъ не сможетъ дать все то, что нужно этимъ взрослымъ ученицамъ, пришедшимъ въ школу не съ цѣлью узнать, что называется множимымъ и что частнымъ, а съ цѣлью

приобрести то, что нужно и важно в жизни. И в этом-то и должна прийти им на помощь школа, приравливая каждый раз преподавание к составу учащихся и их требованиям.

При ближайшем знакомстве со своими ученицами мне не раз приходилось поражаться их своеобразностью при занятиях арифметикой. Все мои ученицы имели уже понятие об единицах (которые они называли штуками), десятках, сотнях и т. д.; следовательно, хотя и безсознательно, но они были уже знакомы с устной нумерацией. Некоторые обозначали палочками единицы, крестиками — десятки, кружочками — сотни; вот вам и своеобразная, но построенная на правильных началах письменная нумерация. Благодаря жизненной практике, ученицы очень хорошо делали вычисления, при чем у них существуют разумные и быстрые приемы счета. При сложении больших чисел они без предварительного объяснения складывают единицы с единицами, десятки с десятками и т. д.; благодаря этому, переход к правилу сложения и к счету на счетах совсем легок. Ученицы имеют понятие о некоторых мерах длины, времени, веса, имеют представление о полудесяти, четверти аршина и т. д.; следовательно, им легко уже объяснить понятия о мерах и частях десяти. То же самое и в других вопросах. Таким образом, преподавание должно только утверждать уже имеющиеся знания и на основании их делать обобщения и выводы арифметических правил. Для этого же не нужно ни концентрации учебного материала по величине чисел, ни решения задач в пределах десяти, ни процесса сложения и разложения чисел. Если бы я стала останавливаться на всех этих приемах, обычно рекомендуемых различными методиками, и только бесполезно занимала бы учениц или тем, что им давно известно, или теми совершенно произвольными комбинациями, которые не имеют решительно никакого жизненного, практического значения. При мысли о том, что я стала бы останавливаться со своими ученицами на этих приемах, мне сейчас же невольно рисуется тупое выражение на лицах этих умных девчушек, уныло слушающих выбивающуюся из сил учительницу; в воображении моем опять встает преграда между учительницей и ученицами, не позволяющая им понимать друг друга.

Объем преподавания в первом году, как мне кажется, может быть, при средних способностях учениц и при обычных условиях воскресной школы, следующий: письменная и устная нумерация (в пределах по усмотрению преподающего). Знаки: +, —, ×, :, =. Таблица умножения. Меры. Понятие о $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$ и других долях. Сложение. Счет на счетах. Записывание раз-

счетов. Вычитание. Решение довольно сложных практических задач, на которое нужно смотреть не как на головоломное распутывание задачи и разбивание ее на расчеты, а как на простое упражнение в более сложных вычислениях.

Вот к каким заключениям пришла я в конце года, занимаясь арифметикой с своей группой; пришла я к ним не сразу и при преподавании делала немало ошибок: то невольно возвращалась к обычным арифметическим приемам и традициям, то забегала вперед, то уклонялась от главной цели простого выяснения арифметических законов, то, сообщив ученицам новый знак или познакомив с новой мерой, на следующий урок отклонялась в другую сторону, и предыдущее забывалось. По всей вероятности, именно вследствие этих моих ошибок, ученицами не вполне были усвоены арифметические знаки и записывание расчетов, а к будущему году это может и совсем забыться. Трудны были, как всегда при обучении, только первые шаги. Так, моим ученицам трудно было всего давалось писание цифр. Неуклюжие, загрубевшие руки, не привыкшие к карандашу, неумело выводили знак, в котором трудно было признать цифру 2; ученицы не могли наловчиться и недоумевали при написании цифры 8. Но параллельно с писанием цифр я шла дальше, занимаясь устными упражнениями, главным образом, стараясь объяснить правила нумерации и сложения, к которым ученицы относились необыкновенно сознательно. По преодолении препятствий в писании цифр, дело пошло быстро и хорошо. Ученицы, поступившие гораздо позже в группу, научась писать цифры, скоро сравнивались в познаниях с остальной группой. Труднее всего давалось разбивание задач на расчеты и записывание последних, хотя самые трудные практические задачи (по задачику Лапшина) решались очень быстро и толково. Это и заставило меня не особенно останавливаться на записывании расчетов. Вследствие малого количества времени, имевшегося в моем распоряжении, и моей первоначальной неуклюжести в этом деле, я не выполнила всего того, что желала: не ознакомила учениц со счетами, не прошла правила вычитания; с мерами они также познакомились только поверхностно. В сущности, весь год мне приходилось самой учиться, испытывать, а не применять нечто твердое, прочное, обоснованное.

Обучение чтению и письму шло равномерно и хорошо. К концу года не было в группе ни особенно отстающих, ни особенно успевающих, что и нужно признать наиболее желательным результатом; были только более и менее способные. Вообще, при обучении чтению и письму можно было тоже удивляться необычно-

венно сознательному отношенію ученицъ къ дѣлу. Здѣсь такъ же нельзя слѣдовать извѣстной программѣ, а нужно вполне сообразоваться съ ученицами. Пока ученица не усвоитъ хорошо предыдущаго, она сама ни за что не пойдетъ дальше, нѣсколько разъ будетъ выписывать одно слово, одну букву, пока ей самой ея писаніе не покажется болѣе или менѣе удовлетворительнымъ. Она не пропуститъ ни одного слова, не понявъ его смысла, и обратно, какъ только усвоитъ что-нибудь, непременно захочетъ итти дальше, и долгая остановка на одномъ и томъ же или медленное движеніе впередъ тяготятъ ее. Притомъ сужденія ученицъ о собственныхъ знаніяхъ и о степени усвоенія проходимаго были необыкновенно вѣрны, такъ что не поддаваться этимъ сужденіямъ было невозможно. Чѣмъ дальше шло дѣло, тѣмъ болѣе ученицы успѣвали усваивать втеченіе одного урока. Въ послѣдній урокъ имъ уже возможно было показать всѣ прописныя буквы. Отъ „Наглядной азбуки“ мы быстро перешли къ болѣе подходящимъ статейкамъ изъ „Новой азбуки“ Толстого, а затѣмъ и къ „Первой книгѣ для чтенія“ его же. Прочитано было въ ней нѣсколько первыхъ статей, что и было конечнымъ результатомъ годовыхъ занятій въ группѣ.

Въ заключеніе повторю, что при всѣхъ своихъ занятіяхъ я, главнымъ образомъ, имѣла въ виду то, что учительница не должна овладѣвать ученицами и направлять ихъ въ желанную ей сторону, не должна строго проводить тотъ или другой методъ, но должна прислушиваться къ потребностямъ ученицъ и высоко ставить личное ихъ мнѣніе о собственныхъ знаніяхъ и успѣхахъ: вѣдь передъ нею не дѣти, а взрослые, умѣющіе отнестись сами къ себѣ критически. Учительница должна явиться только помощницей этимъ взрослымъ людямъ въ дѣлѣ ихъ образованія.

Т. Грищенко.

Годовой отчетъ группы 2-го года обученія за 1892—1893 г.

Въ текущемъ году въ группѣ нашей перебивала 31 ученица, 12 изъ нихъ начинали у насъ въ прошлую зиму азбуку, а 19 поступили разновременно изъ другихъ группъ. Но, Воже мой, какъ велики недочеты оказались къ концу этого учебнаго года, какъ грустно подводить итоги этимъ недочетамъ и какъ уважительно вмѣстѣ съ тѣмъ данныя, заставившія ученицъ манкировать уроками или окончательно покинуть школу. Я не буду перечислять всѣхъ этихъ причинъ здѣсь, въ моемъ годовомъ отчетѣ, во-первыхъ, потому, что это было бы длинно и скучно, а во-вторыхъ, и потому, что многія изъ ученицъ исчезли изъ школы совсѣмъ, повидимому, безпричинно: отношенія ихъ къ учительницѣ, къ занятіямъ казались

вполнѣ идеальными, успѣхи не оставляли желать ничего лучшаго. И вспоминая ихъ умныя лица, ихъ любознательные глаза и весь серьезный строй ихъ характера, остается думать только, что жизнь силою вырвала ихъ изъ школы. И такъ, я ограничусь нѣсколькими примѣрами, завѣдомо извѣстными мнѣ.

Самый крупный образъ физически, а, быть-можетъ, и нравственно, представляетъ собою дворничиха Мавра. Здоровая, смѣлая, энергичная, предприимчивая, она презрѣла предразсудки своей среды и явилась въ школу 30 лѣтъ отъ роду, имѣя двухъ дѣтей и поставивъ себя задачею научиться грамотѣ, чтобы научить со временемъ ихъ, не по способу Петрушки Гоголя, какъ читаетъ ея еле грамотный мужъ, а по новому, по толковому, какъ учатъ, говорятъ, нынче господа въ воскресной школѣ. Дѣло шло прекрасно, и она достигла болѣе или менѣе желанной цѣли; но практическая жизнь все-таки врывается въ отношенія ея къ школѣ: то господа зашлютъ ее, какъ толковую женщину, на дачу на 1½ мѣсяца, чтобы всѣмъ тамъ распорядиться; то идетъ побѣлка въ кухнѣ и дворничихой, въ которой она принимаетъ дѣятельное участіе; то у квартирантовъ заболѣла кухарка и нельзя же отказать, не помочь въ бѣдѣ; то шинкуютъ капусту и мочатъ яблоки... И все это, какъ нарочно, въ воскресенье, въ школьные часы... Въ началѣ нынѣшней зимы Мавра Т. не была цѣлыхъ два мѣсяца. Вернувшись съ дачи еще какъ будто толще, выше и здоровѣе, она тотчасъ же явилась въ школу. Естественно, товарищи значительно опередили ее, но она не робѣла. „Ничего, дастъ Богъ, догону!“ — говорила она весело, выводя безобразныя буквы своими еще болѣе загрубѣвшими пальцами и умудряясь написать всего одно слово, въ то время, какъ другія написали уже 2—3. „Онѣ только тутъ занимаются, а я еще и дома подзаимусь!“ Но ея свѣтлыя мечты оказались, увы, несбыточными. Походила она три воскресенья сряду, а затѣмъ опять исчезла вплоть до весны. Недавно, возвращаясь изъ школы, я видѣла ее издали: она вкатывала въ ворота какую-то кадлушку; сначала мнѣ видна была только ея широкая спина и могучія плечи, поднятыя отъ наклона вверхъ, а затѣмъ она остановилась на минуту, чтобы отереть потъ со своего загорѣвшаго лица и, увидѣвъ меня, весело улыбнулась и опять принялась за дѣло. Эта улыбка какъ бы говорила мнѣ: „Видите, чѣмъ мы занимаемся вмѣсто школы! Какъ быть? Ничего не подѣлаешь, а вѣдь, все-таки я научилась грамотѣ и научу дѣтей!“

Какъ бы полную противоположность ей составляла въ моей группѣ поэтесса Ульяна Б. Влѣдная, грустная, съ задумчивыми голубыми глазами, она рано лишилась матери и замѣнила ее и въ

качествъ хозяйки, и въ отношеніи ухода за младшими членами семьи. Она позаботилась и уговорила отца обучить старшаго мальчика грамотѣ; но когда ему далась легко и скоро эта мудреная наука, ей и самой невыразимо захотѣлось сдѣлаться грамотной. Между тѣмъ, Ульянѣ было уже 18 лѣтъ, и ежедневная школа навѣки закрыла для нея свои двери; тогда пришла на помощь воскресная школа, и дѣвушка съ рѣдкой настойчивостью и прилежаніемъ проработала въ ней цѣлую зиму. Результатомъ этой работы явилась толковая грамота и стихи:

«Я прежде читать и писать не умѣла.

«Была я темна, какъ осенняя ночь;

«Мнѣ свѣтъ показала воскресная школа» и т. д.

На хозяйство и для присмотра за дѣтьми она приглашала по воскресеньямъ сосѣдку, и первая зима прошла, такимъ образомъ, вполне благополучно. Въ началѣ настоящей зимы мнѣ сказали, что она вышла замужъ, и я рѣшила, что эти новыя обязанности лишатъ ее окончательно возможности посѣщать школу, тѣмъ болѣе, что она осталась жить у отца, такъ какъ безъ ея хозяйскаго взгляда семья совсѣмъ разстроилась бы. Тѣмъ не менѣе, къ моей величайшей радости, Ульяна появилась въ школѣ, но заявила, однако, что теперь съ замужествомъ еще дѣла прибавилось, а потому посѣщать школу такъ аккуратно, какъ прежде, едва ли удастся. Очевидно, обязанности матери, хозяйки, жены и сестры превысили ея силы, и мы не видали ея уже больше въ школѣ.

Изъ новыхъ ученицъ, поступившихъ въ настоящую зиму, я не могу не остановиться на Аннѣ Г., 30-лѣтней дѣвушкѣ-швеѣ, научившейся грамотѣ въ нашей же школѣ 7 лѣтъ тому назадъ. Она была также одной изъ безпричинно исчезнувшихъ прилежныхъ ученицъ, и причина выяснилась только семь лѣтъ спустя. У Анны Г. умеръ зять, оставивъ какъ бы на ея попеченіе жену и четырехъ сиротъ, и она посвятила старшенькой изъ своихъ племянницъ всю свою молодую жизнь. Она не только научила ее грамотѣ, но провела въ гимназію, и теперь, когда результатомъ всѣхъ этихъ жертвъ, труда и лишеній, передъ нею стояла взрослая дѣвушка, окончившая курсъ съ серебряной медалью и ставшая на ноги, она опять пришла въ школу, которую такъ любила тогда, опять усѣлась скромно среди недоучившихся ученицъ, точно будто не было этого десятка лѣтъ, этой великой жертвы, совершенной въ ущербъ личной жизни, личнаго эгоистическаго счастья.

Эти нѣсколько характерныхъ, какъ мнѣ кажется, примѣровъ служатъ собственно отвѣтомъ на рубрику о причинахъ выбытія изъ школы, но въ то же время они отвѣчаютъ на вопросъ, остав-

ляетъ ли эта самая школа добрый слѣдъ въ душѣ человѣка, даже кратковременно побывавшаго въ ней.

Затѣмъ перейду къ другой, не менѣе важной рубрикѣ: что пройдено втеченіе года и какіе собственно результаты дала въ этомъ отношеніи истекшая зима?

Прежде всего мы прошли 22 бесѣды по „Родному Міру“ Поповой. Здѣсь было и описаніе жилища, и свѣдѣнія о домашнихъ птицахъ, о садѣ, огородѣ, полѣ, земледѣльческихъ орудіяхъ, о сѣнокосѣ, лѣсѣ, рѣкѣ, временахъ года. Встрѣчались также стихотворенія, какъ напримѣръ: „Выше пояса рожь зернистая“, „Ты соха ли наша матушка“, какъ бы иллюстрирующія статейки, рассказанныя въ прозѣ. Весь исчерпанный матеріалъ оказался вполне соответствующимъ и по простотѣ языка, и по ясности изложенія, и по серьезности тона, нисколько не шокирующаго взрослого человѣка, какъ то замѣчено было не разъ при чтеніи „Родного Слова“ Ушинскаго и другихъ книгъ, предназначенныхъ для дѣтей. Во время урока обращалось большое вниманіе не только на выработку механизма чтенія, но и на толковую передачу каждаго прочитаннаго предложенія, на остановки при знакахъ препинанія, на повышенія и пониженія голоса, однимъ словомъ, на все то, что составляетъ совокупность выразительнаго чтенія, къ которому должна стремиться школа. И, дѣйствительно, тотъ, кто явился бы въ классъ къ концу даннаго урока, когда статья или стихотвореніе разобрано и перечитано ученицами, и самой учительницей, могъ бы легко заключить, выслушивая способнѣйшихъ изъ ученицъ, что передъ нимъ искусныя чтицы, проучившіяся 3—4 зимы въ школѣ. Такой методъ перечитыванія статей и разучиванія стихотвореній, усвоенный ученицами въ классѣ, естественно отражается и на ихъ домашнихъ работахъ; и бывали случаи, когда дѣвушка, разучившая стихотвореніе дома самостоятельно, произносила его вполне выразительно и правильно.

Кромѣ статей „Родного Мира“ нѣсколько уроковъ было посвящено чтенію басенъ Крылова. Вотъ, что читаемъ мы по этому поводу въ записной тетради группы: „Меня очень интересовалъ вопросъ, дѣйствительно ли басни нравятся взрослымъ, или же матеріалъ этотъ кажется ученицамъ соответствующимъ большому возрасту? Вотъ почему я рѣшила, вмѣсто стихотвореній и статей по „Родному Міру“ Поповой, перечитать въ классѣ нѣсколько басенъ и начала эти чтенія съ басни „Лягушка и волъ“. Послѣ чтенія я вела съ ученицами бесѣду на тему, что собственно думаютъ онѣ объ интересующемъ насъ вопросѣ. Бесѣда эта, какъ показалось мнѣ, вышла довольно удачной. Ученицы высказывались

просто и свободно, что всегда легко бывает замѣтить и опредѣлить опытной учительницѣ. Одна изъ нихъ, Марьяна Ш., прачка, 26 лѣтъ, замѣтила степенно: „Дѣти не поймутъ даже и смысла, къ чему и что относится, а большой человѣкъ скорѣе пойметъ“. Ученица Т., 21 года, сказала: „Конечно, пока плохо читаешь, можно и дѣтское читать—басню, а какъ набьешь руку, лучше что-нибудь посерьезнѣе“. П., 21 года, возразила: „Нѣтъ, отчего же? не мѣшаетъ и для взрослого: можно въ разговорѣ пошутить!“ Въ другой разъ мы успѣли прочесть двѣ басни: „Обезьяна“ и „Пустынникъ и медвѣдь“. Обѣ басни понятны ученицами хорошо. Относительно басни „Обезьяна“ Марьяна Ш. сказала: „Тогда только можно заслужить благодарность и похвалу, когда трудишься съ пользой, какъ трудился крестьянинъ“. Г. замѣтила: „Если трудишься безъ пользы, то нельзя цѣнить такой трудъ“. На вопросъ, какая разница между трудомъ крестьянина и трудомъ мартышки, П. отвѣчала: „Трудъ крестьянина принесетъ пользу, а обезьяна трудилась безъ всякой пользы. Ей казалось, что она трудится, а она играла“. Пересказавъ содержаніе басни „Пустынникъ и медвѣдь“, Ш. замѣтила: „Если глупый человѣкъ берется за дѣло, но не понимаетъ, что онъ дѣлаетъ, то вмѣсто пользы онъ сдѣлаетъ вредъ“. Г. сказала: „Въ этой баснѣ говорится о такихъ глупыхъ людяхъ, которые хотятъ сдѣлать добро, а дѣлаютъ зло“. Изъ предыдущаго очевидно, что чтеніе басенъ вполне соответствовало цѣли.

При обученіи письму было обращено особенное вниманіе на то, чтобы ученица вполне сознательно и осмысленно относилась къ своей работѣ и задумалась прежде всего надъ тѣмъ, сколько словъ заключаетъ въ себѣ данное предложеніе, изъ сколькихъ слоговъ состоитъ каждое слово отдѣльно, сколько и какихъ буквъ заключается въ каждомъ слогѣ. Разборъ этотъ производился громко, при помощи учительницы, и имѣлъ цѣлью приучить ученицу поступать такъ же и въ школьных занятіяхъ. Разложеніе словъ на слоги играетъ большую роль въ правописаніи малограмотнаго человѣка при переносахъ, которые бываютъ въ высшей степени безобразны. Кромѣ того, ученицы познакомились съ понятіемъ о буквахъ гласныхъ, согласныхъ и полугласныхъ, съ прописными буквами (причемъ придумывали слова, начинающіяся съ того или иного звука); съ ѣ и ѣ въ срединѣ и концѣ словъ; съ і и и (въ какихъ именно случаяхъ пишется то и другое); гдѣ надо ставить прописныя буквы (въ началѣ, послѣ точки, въ именахъ собственныхъ). Время отъ времени письменныя работы производились въ связи съ прочитаннымъ; такъ, напримѣръ, приступая къ чтенію, учительница просила обращать особенное вниманіе на каждое прочитанное слово и вгля-

дываться, какъ именно пишется оно, съ тою цѣлью, чтобы при диктовкѣ не было сдѣлано ошибокъ. Упражненіе это особенно нравилось лучше читающимъ ученицамъ, которыя иначе скучали, выслушивая медленное чтеніе своихъ сотоварищій. Давались также и самостоятельныя работы (пусть кто-нибудь изъ васъ придумаетъ предложеніе). При этой работѣ было особенно ясно, насколько усвоено ученицами сознательное отношеніе къ дѣлу и какъ добросовѣстно разлагаютъ онѣ про себя, шепотомъ, слова на слоги, задумываясь, какъ именно перенести то или иное слово.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что грамматическихъ правилъ было пройдено слишкомъ мало, какъ и замѣчено было на собраніи учительницъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не сказать въ свое оправданіе, что группа наша образовалась только въ декабрѣ прошедшаго года; слѣдовательно, второе полугодіе настоящей зимы надо считать началомъ второго года обученія, а на такой ступени грамотности важнѣе научить писать безъ звуковыхъ ошибокъ и пропусковъ, нежели сообщить значительное количество грамматическихъ правилъ.

Домашнія письменныя работы выполнялись ученицами въ высшей степени охотно и прилежно, и часто, вмѣсто одной заданной страницы, приносилась изъ дому цѣлая тетрадка, исписанная крупными буквами.

Предпоследнее воскресенье я посвятила цѣлый часъ бесѣдѣ о томъ, что и какъ могутъ сдѣлать за лѣто наши ученицы, чтобы усовершенствоваться, по мѣрѣ силъ, въ своихъ занятіяхъ. Такъ какъ въ настоящее время книги изъ школьной бібліотеки будутъ выдаваться въ продолженіе всего лѣта и такъ какъ въ числѣ выдающихъ буду и я, то нравственная связь ученицъ съ учительницей не будетъ прервана и, приходя за книгой, ученица будетъ приносить для просмотра свои домашнія работы по письму, чтенію, арифметикѣ и получать новыя темы.

По арифметикѣ ученицы наши прошли сложеніе, вычитаніе и умноженіе. Дѣлали задачи на эти дѣйствія и записывали расчеты въ предѣлахъ чиселъ до 100. Сосчитывали устно числа сложениемъ, вычитаніемъ и умноженіемъ до 100. Выучили таблицу умноженія, мѣры длины, мѣры вѣса и мѣры времени. Дано понятіе о разрядахъ и писались числа до 1.000.

На урокахъ закона Божія священникъ занимался объясненіями праздниковъ и важнѣйшихъ событій изъ священной исторіи. Во время же его пропусковъ, слабѣйшія изъ ученицъ занимались чтеніемъ и письмомъ, а сильнѣйшія слушали популярныя бесѣды по физической географіи. Уроки эти были вполне доступны ученицамъ,

какъ можно было судить и по письменному изложенію иныхъ изъ нихъ, и по бесѣдамъ на эту тему. Время отъ времени этотъ послѣдній часъ посвящали чтенію; такъ, напр., прочтены были рассказы Пейвэринта изъ финляндской жизни, сборникъ произведеній скандинавскихъ писателей и др. Однажды прочтена была „Наймычка“ Шевченка, которая произвела глубокое впечатлѣніе на ученицъ. Три часа были затрачены на бесѣду о Колумбѣ (съ туманными картинами). Прочтена была также брошюра о холерѣ съ вопросами и разъясненіями, при чемъ оказалось, что изложена она доступно, и что рядъ популярныхъ бесѣдъ медиковъ о холерѣ вполне подготовилъ нашу малограмотную аудиторію къ воспріятію ея.

Х. Алчевская.

Харьковская частная женская воскресная школа признаетъ групповые годовые отчеты обязательными для всѣхъ учительницъ и въ одномъ изъ своихъ педагогическихъ засѣданій приняла предлагаемую ниже программу такого отчета. Программа эта облегчаетъ составленіе отчета неопытными учительницами, но она ни въ какомъ случаѣ не является безусловно обязательной; напротивъ, полная свобода въ построеніи и изложеніи отчетовъ признается желательной, такъ какъ гарантируетъ ихъ отъ сухой, педантичной формы, лишавшей ихъ цѣнности при обрисовкѣ общаго положенія школы. Вотъ эта программа:

Годовой отчетъ долженъ отражать жизнь группы во всѣхъ ея деталяхъ. О томъ, сколько было ученицъ, съ какими именами и фамиліями, какого званія и какихъ лѣтъ были эти ученицы, каково ихъ занятіе, о степени аккуратности ихъ посѣщенія мы можемъ узнать изъ статистическихъ записей въ отчетныхъ тетрадяхъ. Но отчетная тетрадь не говоритъ: 1) Какія отношенія сложились между ученицами и учительницей? 2) Что это были за люди? 3) По какимъ причинамъ ученицы пропускали уроки? 4) По какимъ причинамъ оставляли онѣ школу? 5) Какъ относились онѣ къ школѣ? 6) Какова ихъ домашняя обстановка? 7) Сколько успѣли пройти за годъ по всѣмъ предметамъ? 8) Въ какихъ предметахъ успѣвали или отставали ученицы и почему? 9) Насколько винить себя въ этомъ учительница, или она можетъ указать на иныя неблагоприятныя условія, тормазившія дѣло? 10) Есть ли у нея ученицы, опередившія другихъ въ занятіяхъ или отставшія? 11) Каковы способности у тѣхъ и другихъ? 12) Давались ли ученицамъ работы на домъ, и какъ онѣ выполнялись ими? 13) Какимъ перипетіямъ подвергалась группа: были ли въ ней съ начала и до конца однѣ и тѣ же учительницы, или же онѣ мѣнялись? 14) Велись ли занятія по программамъ? Удовлетворяли ли своимъ задачамъ учебники и методы, рекомендуемые этими

программами? 15) Какія книги читались ученицами? Серьезно ли относились онѣ къ чтенію? 16) Достигали ли своей цѣли школьные праздники, соотвѣтствующій ли характеръ носили они, находили ли ихъ удачными ученицы и учительницы? 17) Встрѣчались ли факты, обратившіе на себя особенное вниманіе учительницы? 18) Какіе результаты получились въ концѣ года? 19) Посѣщала ли учительница педагогическія собранія? Если нѣтъ, то почему? Что дали ей эти собранія?

Вотъ тѣ вопросы, которые подлежатъ обсужденію годового отчета. И если учительницѣ удастся выяснитъ ихъ, то, въ общемъ, получится довольно вѣрный фотографическій снимокъ изъ жизни школы.

Выше мы затронули вопросъ о групповой отчетности въ воскресныхъ школахъ, при чемъ для характеристики этого вопроса дали три отчета группъ, по устройству своему являющихся типичными для воскресной школы; ниже мы предлагаемъ отчетъ группы, представляющей болѣе или менѣе исключительное явленіе въ жизни воскресной школы какъ вслѣдствіе своихъ размѣровъ, такъ въ силу и другихъ особенностей и въ организациіи ея, и въ самомъ обученіи.

Описываемая ниже группа, возникнувъ въ истекшемъ учебномъ году въ Харьковской частной женской воскресной школѣ, тѣмъ самымъ выдвинула въ ея педагогическихъ собраніяхъ вопросъ о цѣлесообразности въ воскресныхъ школахъ большихъ группъ, — вопросъ, вызвавшій много обсужденій и преній, давшихъ какъ приверженцевъ, такъ и противниковъ большихъ группъ.

Было бы весьма цѣнно выслушать мнѣнія по этому поводу и другихъ воскресныхъ школъ, вотъ почему мы были бы очень признательны всѣмъ, кто сообщитъ бы намъ свои соображенія по этому вопросу.

Годовой отчетъ за 1896—1897 учебный годъ о звуковой группѣ взрослыхъ ученицъ Н. А. Власенко и Ю. Н. Ренчицкой.

Въ 1895 — 1896 году каждая изъ насъ имѣла по небольшой звуковой группѣ взрослыхъ ученицъ. Обѣ мы были новичками въ дѣлѣ звукового обученія въ воскресной школѣ, гдѣ условія занятій настолько своеобразны, настолько отличаются отъ обыкновенныхъ школьныхъ условій, что почти всю зиму намъ приходилось привыкать и приспособляться къ нимъ; а къ концу года каждая изъ насъ пришла къ убѣжденію, что сдѣлала много промаховъ и ошибокъ, что въ воскресной школѣ нельзя примѣнять методы ежедневной школы, и мы задумали взять вдвоемъ одну звуковую группу взрослыхъ ученицъ, — группу, настолько многочисленную, чтобы можно было занять отдѣльную комнату и вести классное преподаваніе.

Года четыре назадъ, въ нашей школѣ была слѣлана попытка составить и вести такую многочисленную группу, но попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ; вслѣдствіе разныхъ причинъ, группа вскорѣ распалась на нѣсколько самостоятельныхъ отдѣленій, и общее собраніе учительницъ признало большія группы не отвѣчающими запросамъ воскресной школы.

Несмотря на это, мы рѣшили въ этомъ году испробовать еще разъ пригодность для школы такой организаціи и, испросивъ на то согласіе общаго собранія учительницъ, стали собирать къ себѣ всѣхъ поступавшихъ неграмотныхъ взрослыхъ. Пріемъ ученицъ въ началѣ года былъ, однако, довольно слабъ и неравномѣренъ, такъ что намъ пришлось отказаться отъ мысли составить всю группу въ первое же воскресенье. Сначала принято было только 10 ученицъ, во второе воскресенье прибавилось 5, въ третье — еще 13, и потомъ втеченіе еще многихъ воскресеній продолжали прибывать новыя ученицы. Вслѣдствіе этого, группа получилась неравномѣрная по своему составу, и съ первыхъ же воскресеній изъ нея выдѣлилось 10 отстающихъ ученицъ, которыя совершенно не могли идти наравнѣ съ остальными, не могли сразу справиться съ новыми понятіями и съ искусствомъ письма. Поэтому мы рѣшили на нѣкоторое время не вести общихъ занятій со всѣмъ классомъ, а раздѣлиться, чтобы достигнуть болѣе вѣрныхъ и быстрыхъ успѣховъ съ отстающими. Ядро группы болѣе ровное, составленное изъ успѣвающихъ ученицъ, стала вести Ренчицкая, а Власенко взяла отстающихъ, чтобы, занимаясь съ ними отдѣльно, сравнять ихъ съ остальными въ возможно скорое время. Въ то же время въ нашей группѣ стала заниматься третья учительница, О. Е. Оедорова, которая вела уроки ариметики на послѣднемъ часу, когда Власенко приходилось оставлять ученицъ для веденія бесѣды по географіи въ старшей группѣ.

Занятія съ отстающими были очень разнообразны: были ученицы, настолько малоспособныя, что требовали каждая отдѣльныхъ занятій; другія, отстававшія вслѣдствіе пропуска уроковъ, и вновь поступавшія составляли небольшія временныя подраздѣленія, болѣе или менѣе равномѣрныя по познаніямъ ученицъ. Для занятій съ ними мы старались пользоваться въ возможно большей степени помощью запасныхъ учительницъ, которыхъ въ этомъ году было такъ много, что почти каждое воскресенье къ намъ въ группу приходили 2 или 3 такихъ учительницъ. Съ ихъ помощью удавалось вести всѣхъ впередъ, давая каждой ученицѣ то, въ чемъ она нуждалась, не задерживая никого, съ одними обращая особенное вниманіе на чтеніе, съ другими — на письмо, и, такимъ образомъ, постепенно, по мѣрѣ возможности, присоединяя этихъ ученицъ къ ядру группы. Пріемъ уче-

ницъ въ нашу группу продолжался до конца февраля, только поступали уже ученицы полуграмотныя или малограмотныя, которыхъ также приходилось отдѣльно равнять съ остальными. Всего, такимъ образомъ, было принято втеченіе года 72 ученицы, изъ которыхъ 40 поступили совершенно неграмотными, 20 — полуграмотными, 6 — малограмотными и 6 были прошлогоднія звуковыя ученицы, вернувшіяся въ школу въ срединѣ учебнаго года и потому подошедшія по познаніямъ къ нашей группѣ. Ядро группы все усиливалось, росло и продолжало идти равномѣрно. Если въ немъ появлялись ученицы, пропустившія нѣсколько воскресеній, онѣ сейчасъ же, съ помощью запасной учительницы, догоняли остальныхъ. Никогда у насъ не замѣчалось никакихъ неудовольствій при переходѣ ученицъ со стола отстающихъ на столъ успѣвающихъ, отъ одной учительницы къ другой, что постоянно приходится наблюдать въ школѣ при переводѣ ученицъ изъ одной группы въ другую; объясняется это тѣмъ, что ученицы видѣли, что вся группа составляетъ одно цѣлое, что учительницы ведутъ дѣло сообща, иногда даже мѣняясь своими занятіями; кромѣ того, мы постоянно повторяли имъ, что каждой изъ нихъ надо скорѣе догнать ушедшихъ впередъ, чтобы заниматься всѣмъ вмѣстѣ; и онѣ, съ своей стороны, прилагали всѣ силы, чтобы добиться этого, и сіяли отъ удовольствія и законнаго чувства удовлетворенной гордости, перебираясь со своей книгой и тетрадкой на столъ успѣвающихъ.

Изъ отставшихъ ученицъ наибольшее вниманіе заслуживаетъ Прасковья М.: маленькая, сгорбленная, съ преждевременно отцвѣтшимъ лицомъ, всегда въ темномъ платьѣ, въ темномъ, скромно надетомъ на лобъ, платочкѣ, она производитъ впечатлѣніе старушки, хотя ей всего 35 лѣтъ. Съ перваго же раза она удивила насъ своимъ усердіемъ и тѣмъ вниманіемъ, съ которымъ она старалась не проронить ни одного слова изъ того, что говорилось въ классѣ; но память и сообразительность часто отказывались служить ей. Скоро всѣ другія ученицы обогнали ее; приходили новыя, начинали сначала и снова обгоняли, а она все еще не могла различить звуковъ въ словѣ, не могла запомнить первыхъ буквъ; пальцы отказывались провести прямую линію. Больно было смотрѣть, какъ она напрягала всѣ силы, чтобы понять или запомнить что-либо, и надо было видѣть ея радость, ея сіяющее гордостью лицо, когда это, наконецъ, удавалось ей. „Слава Тебѣ, Господи“, — произносила она умиленнымъ шепотомъ. „Слава тебѣ, Царица Небесная!“ — и она крестилась, вынимала свернутый въ комочекъ платокъ и вытирала слезы. Еще на первыхъ урокахъ она сообщила, что пришла въ школу учиться грамотѣ, чтобы поѣхать потомъ въ Іерусалимъ, „а

то неграмотному трудно: ни тобѣ что написать нельзя, ни прочесть, что изъ дому пишутъ“. Ученіе приняло для нея характеръ какого-то религиознаго подвига. Терпѣніе и настойчивость взяли свое: хотя все время приходилось заниматься съ нею отдѣльно отъ остальныхъ, но насталъ, наконецъ, день, когда и она кончила алфавитъ. Восторгу ея и благодарности не было предѣловъ. Она бросилась цѣловать руки учительницы, она плакала отъ радости. Необычайно аккуратная, она не пропустила въ первое полугодіе почти ни одного воскресенья, потомъ же ей приходилось пропускать по необходимости, такъ какъ она уѣхала изъ Харькова къ семьѣ въ Чугуевъ, за 40 верстъ. Тѣмъ не менѣе, она продолжала ѣздить въ школу, только часто не оставалась на послѣдній урокъ, чтобы вернуться домой засвѣтло. Мысль о путешествіи въ Іерусалимъ все продолжала занимать М.; долго мы говорили съ ней по этому поводу, и, кажется, намъ удалось убѣдить ее не торопиться съ выполніемъ этого плана, отложить его на нѣкоторое время, поучиться еще въ школѣ. Чего же достигла М. къ концу учебнаго года? Быстро и плавно читать она не научилась; до сихъ поръ она читаетъ медленно, съ трудомъ разбирая каждое слово, однако, правильно понимаетъ прочитанное, беретъ изъ бібліотеки книги духовнаго содержанія и даетъ о нихъ всегда сознательные отзывы.

Совершенно въ другомъ родѣ была тоже отстающая ученица Б. Красивая молодая дѣвушка, съ южнымъ типомъ лица, она съ перваго же воскресенья привлекла къ себѣ наше вниманіе, какъ своей застѣчивостью, вѣжливостью, даже жеманствомъ, такъ и поразительной неспособностью. „Ааа — у!“ тянешь, почти совершенно раздѣляя звуки. „Какой звукъ слышится сначала?“ спрашиваешь на 3-е или 4-е воскресенье, когда всѣ окружающіе знаютъ уже много звуковъ. „О“, — отвѣчаетъ Б. послѣ продолжительнаго молчанія, краснѣя и запинаясь (къ несчастью, она слышала названія нѣсколькихъ буквъ до прихода въ школу, хотя ни одной не умѣла различить). Видя, что отвѣтъ ея невѣренъ, она окончательно смущается и теряется. „Простите, пожалуйста, виновата, — лепечетъ она, — я опять позабыла“. Не лучше шло и письмо: прямые линіи выходили кривыя, ломаныя, безъ линеекъ, одна высовывалась вверхъ, другая внизу, пальцы не слушались, перо трещало и брызгало... казалось, грамота представляетъ для нея непобѣдимую трудность... но вотъ дѣло пошло наладъ. Усвоивъ твердо первыя буквы, навывучивъ различать звуки въ словахъ, Б. почувствовала больше довѣрія къ своимъ силамъ, стала быстрѣе понимать и усваивать, перестала такъ конфузиться, стала держать себя проще. „Очень вами благодарна! И сколько вамъ дѣла надо мной!“ — безпрестанно повторяла

она. Къ концу года она перегнала нѣсколькихъ, болѣе способныхъ ученицъ, начала читать довольно бѣгло и сознательно и охотно брала книги изъ бібліотеки, при чемъ выбирала всегда „жалостныя“. При занятіяхъ она проявляла большую самостоятельность, всегда старалась написать слово безъ чужой помощи и очень гордилась, если оно было написано правильно. Б. служить горничной, и ей стоило большого труда добиться позволенія аккуратно посѣщать школу; она хотѣла даже изъ-за этого оставить удобное во всѣхъ другихъ отношеніяхъ мѣсто, но, очевидно, ею дорожатъ, такъ какъ ей была сдѣлана хозяевами эта уступка. Зато, надо было видѣть, какъ торопливо складывала она свои книги и бѣжала домой по окончаніи занятій; ее нельзя было задержать ни на минуту, и книгу приходилось выдавать ей на перемигъ, иначе она ни за что не оставалась ждать ея. Когда раздавали билеты на школьный праздникъ, бывшій на Пасхѣ, она съ грустью, почти со слезами отказывалась взять его. „Нельзя, — говорила она, — хозяева не пустятъ“. Мы написали ея хозяйкѣ письмо, прося доставить и ей, и намъ удовольствіе и отпустить ее на нѣсколько часовъ. Она явилась сіяющая, довольная, какъ всегда, принаряженная; натура экспансивная, она отдавалась всѣмъ впечатлѣніямъ съ восторгомъ, съ увлеченіемъ, но это не помѣшало ей въ половинѣ вечера уйти съ праздника, такъ какъ она обѣщала хозяйкѣ вернуться къ такому-то часу домой. Вообще, сознание долга, обязанности развито въ ней очень сильно, и сила воли большая.

Въ началѣ года мы предполагали черезъ нѣкоторое время выдѣлить въ особую группу отстающихъ и, такимъ образомъ, разбить нашу группу на двѣ по способностямъ ученицъ. Такое дѣленіе было бы вполне естественно и принесло бы несомнѣнныя выгоды преподаванію: способныя пошли бы быстрѣе впередъ, менѣе способныя подвигались бы медленнѣе, но зато проходили бы все болѣе основательно и составляли бы цѣлую, менѣе уснѣвающую, но равномерную по познаніямъ и способностямъ ученицъ группу. На практикѣ осуществить это намѣреніе оказалось, однако, невозможнымъ: ученицы такъ привязались ко всѣмъ тремъ своимъ учительницамъ, такъ привыкли къ духу сплоченности и единодушія, царившему въ нашей многочисленной, дружной группѣ, что раздѣлить ихъ, оторвать отъ учительницъ и отъ подругъ значило бы нанести имъ кровную обиду, послѣ которой многія, вѣроятно, перестали бы ходить въ школу.

Вотъ почему, несмотря на то, что у насъ были отстающія ученицы, мы ни одной изъ нихъ не перевели въ звуковую группу, образовавшуюся позже нашей, ни одной не предполагаемъ перево-

дять въ другую группу и на будущее время, и только въ началѣ года, когда ученицы не успѣли еще привыкнуть къ группѣ, нами было переведено четверо: одна по малолѣтству, двѣ, поступившія поздно, очень неспособныя и не подававшія надежды догнать группу въ скоромъ времени, и одна, пропустившая сначала много воскресеній по болѣзни. Всѣ онѣ продолжали ходить въ школу до конца года.

При составленіи звуковыхъ группъ, намъ кажется, было бы полезно нѣсколькимъ учительницамъ сразу начинать заниматься въ одной большой группѣ, и, затѣмъ, разъ онѣ не захотятъ вести всю группу сообща, разбить ее на отдѣльныя группы, не передавая ученицъ незнакомымъ учительницамъ. Сдѣлать это можно, конечно, только послѣ нѣсколькихъ воскресеній, познакомиться съ ученицами и ихъ способностями; однако, нельзя откладывать въ долгій ящикъ, чтобы не дать ученицамъ свыкнуться съ большой группой и съ нѣсколькими учительницами. Мы же, на основаніи опыта этого года, сильно стоимъ за большія группы, при совмѣстномъ занятіи въ каждой нѣсколькихъ учительницъ. По нашему мнѣнію, одинъ классъ въ 30—40 ученицъ двумъ учительницамъ сообща вести легче, нежели каждой заниматься отдѣльно со своей группой въ 12—15 человекъ.

Всегда, даже въ небольшой группѣ, въ силу многихъ обстоятельствъ, появляются свои отстающія ученицы; одной учительницѣ очень трудно бываетъ обратить на нихъ должное вниманіе, такъ какъ на ея рукахъ находится и вся остальная группа; привлекаются на помощь запасныя учительницы, но занятія ихъ часто приносятъ мало пользы, такъ какъ, по большей части, это молодыя, неопытныя дѣвушки, не знающія, какъ приняться за дѣло, да, къ тому же, незнакомыя ученицамъ, а групповая учительница, обыкновенно, такъ занята своимъ дѣломъ, что не можетъ слѣдить за занятіями запасной и помогать ей совѣтами и указаніями. При двухъ постоянныхъ учительницахъ это неудобство устраняется, и является возможность обратить на отстающихъ ученицъ особое вниманіе и лучше воспользоваться помощью запасныхъ учительницъ. Кроме того, совмѣстныя занятія двухъ или болѣе учительницъ вносятъ много жизни, энергіи, бодрости и разнообразія въ преподаваніе, даютъ возможность болѣе сознательно и критически относиться къ своимъ урокамъ, способствуютъ выработкѣ методовъ и пріемовъ обученія, обсужденію уроковъ и т. п. Наконецъ, при пропускахъ одной изъ постоянныхъ учительницъ, въ группѣ всегда присутствуетъ другая, тоже постоянная, и группа ничего не теряетъ въ своихъ занятіяхъ, не переходитъ отъ одной запасной учительницы къ другой, что постоянно

наблюдается въ школѣ при небольшихъ группахъ съ одной учительницей, и, такимъ образомъ, легко переживаетъ временное отсутствіе одной изъ преподающихъ, а это особенно важно въ воскресной школѣ, гдѣ такъ дорогъ каждый часъ занятій.

Но есть, несомнѣнно, и слабыя стороны большихъ группъ, близко знакомыя намъ по опыту этого года: вести занятія въ многолюдной группѣ, несомнѣнно, гораздо труднѣе, нежели въ маленькой, и потому большая группа требуетъ постоянного участія въ занятіяхъ хотя бы одной опытной, умѣлой учительницы, что не всегда возможно, такъ какъ въ школѣ очень много молодыхъ учительницъ, не имѣющихъ за собой никакой педагогической практики; учительницы большой группы должны сообща готовиться къ каждому воскресенью, а это иногда можетъ быть неудобно; при большомъ количествѣ ученицъ сильно затрудняется сближеніе съ ними учительницъ; та же многолюдность группы не позволяетъ руководить домашнимъ чтеніемъ ученицъ и ихъ самостоятельными письменными работами съ достаточной тщательностью, аккуратно слѣдить за выбывающими ученицами и своевременно посѣщать ихъ на дому. Но всѣ эти неудобства съ избыткомъ вознаграждаются тѣмъ чувствомъ общности, подъемомъ духа и энергіей, которые развиваются въ ученицахъ и въ самихъ учительницахъ при классныхъ занятіяхъ въ большой группѣ. Наконецъ, является возможность сохранить группу цѣльной и на слѣдующіе годы, между тѣмъ какъ изъ остатковъ маленькихъ группъ уже на второй годъ можно бываетъ составить только одну сборную группу, при чемъ большинство ученицъ переходятъ къ новой, незнакомой имъ учительницѣ, что побуждаетъ многихъ изъ нихъ очень скоро оставлять школу; такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, многолюдность группы при нѣсколькихъ учительницахъ способствуетъ сохраненію ученицъ въ школѣ на нѣсколько лѣтъ.

Переходя къ самому преподаванію, мы должны, прежде всего, отмѣтить сдѣланныя нами отступленія отъ прежнихъ нашихъ школьныхъ руководствъ и методовъ преподаванія въ звуковыхъ группахъ. Въмѣсто принятой до сихъ поръ въ нашей школѣ „Наглядной азбуки“ изд. Павленкова, мы пользовались „Новымъ букваремъ“, составленнымъ учительницами **** (раньше онъ былъ примѣненъ въ нашей школѣ всего одинъ разъ), а вмѣсто письма по косымъ линейкамъ, примѣняли методъ прямого письма.

„Новый Букварь“ имѣетъ, по нашему мнѣнію, то преимущество передъ другими извѣстными намъ азбуками, что звуки расположены въ немъ въ строгомъ порядкѣ по трудности произношенія ихъ, что шрифтъ въ немъ крупный, легко разбираемый неподгото-

вленными ученицами, что нѣтъ въ немъ, какъ, напримѣръ, въ „Наглядной Азбукѣ“, съ самаго начала трудныхъ трехсложныхъ и многосложныхъ словъ съ наращеніями двухъ или трехъ согласныхъ. Недостатками же „Новаго Букваря“ является слишкомъ малое количество матеріала для чтенія и письма, предлагаемое на каждую новую букву, а также и то, что выученная буква иногда слишкомъ рѣдко повторяется въ слѣдующихъ урокахъ, вслѣдствіе чего учащіеся могутъ забыть пройденный уже звукъ. Недостатки эти особенно ощутительны при занятіяхъ съ малоспособными ученицами.

Въ первый урокъ, для того, чтобы заинтересовать ученицъ, немного приучить ихъ къ себѣ и дать имъ освоиться, нами была проведена вступительная бесѣда о томъ, какъ научился человѣкъ искусству чтенія и письма, какъ онъ сначала старался изображать всѣ предметы, какъ [потомъ перешелъ къ іероглифическимъ надписямъ, а затѣмъ замѣнилъ іероглифы условными знаками; указано было вскользь на способъ китайскаго письма, при которомъ каждое слово имѣетъ свое изображеніе, отгѣнены были неудобства этого способа. Явился вопросъ, какъ избѣжать этого? „Вслушаемся въ слова, которыя мы говоримъ...“ затѣмъ приступлено было къ выдѣленію звуковъ въ самыхъ простыхъ словахъ, и эти звуковыя упражненія, чередуясь съ письмомъ элементовъ, продолжались до тѣхъ поръ, пока разложеніе словъ на звуки не было усвоено. Затѣмъ, обычнымъ путемъ показаны были первыя буквы, при чемъ употреблялась разрывная азбука, складывались, читались и писались легкія слова: съ первыхъ же буквъ начата была звуковая диктовка, и въ то же время отъ времени до времени возвращались къ звуковымъ упражненіямъ, очень помогающимъ звуковому обученію. Алфавитъ былъ пройденъ въ 10 воскресеній; по окончаніи алфавита, пройдены были большія буквы, и ученицы, ознакомившись съ употребленіемъ ихъ, писали свои имена, фамиліи, названіе родной страны, города и т. п.

Общее хоровое чтеніе велось все время до окончанія алфавита и шло довольно успѣшно, но затѣмъ мы оказались въ большомъ затрудненіи и совершенно потеряли твердую почву. Продолжать хоровое чтеніе связанныхъ статей было невозможно: каждая отдѣльная ученица читала такъ тихо, что остальные ея не слышали, и, кромѣ того, лучшія ученицы читали быстро, и большинство не могло поспѣть за ними. Ученицы съ непривычки не могли еще слѣдить по книгѣ за громкимъ чтеніемъ, не знали, гдѣ остановиться, гдѣ продолжать чтеніе. Пробовали временно читать съ каждою отдѣльно, но и это оказалось невозможнымъ: всѣ остальные въ это время предоставлены были своимъ силамъ, и притомъ на каждую

приходилось удѣлять слишкомъ мало времени. Пробовали, наконецъ, выдѣлить успѣвающихъ и читать съ ними отдѣльно отъ отстающихъ, но скоро оставили это, такъ какъ произвели бы, такимъ образомъ, дѣленіе группы, чего мы рѣшили избѣгать.

Наконецъ, мы нашли выходъ: отстающихъ по ученію ученицъ мы просили приходиться къ 9 часамъ и читали съ ними до 10-ти *); хорошо читающимъ мы на 1-й часъ давали легкую самостоятельную работу, а сами въ это время снова читали съ отстающими, чтобы выработать у нихъ механизмъ чтенія, при чемъ разбирали съ ними, обыкновенно, ту статью, которая предназначалась на это воскресенье для общаго чтенія. На слѣдующемъ часу велось уже классное чтеніе со всей группой, что было возможно, такъ какъ отстающія, разобравшія предварительно ту же статью, читали ее не медленнѣе успѣвающихъ; всѣ ученицы поочередно читали громко по одной фразѣ; если ученица произносила недостаточно громко (что случалось часто, такъ какъ классъ былъ большой, и, кромѣ насъ, въ немъ помѣщалась еще звуковая группа), то учительница сама громко и ясно повторяла за нею читаемое, чтобы всѣ слышали каждое слово и свободно могли слѣдить по книгѣ. Результаты такого порядка занятій оказались хорошіе: отстающія ученицы вскорѣ сравнялись съ остальными, всѣ мало-по-малу навывкли слѣдить за чтеніемъ и останавливаться на точкахъ.

Чтеніе мы, по возможности, старались дѣлать объяснительнымъ, оживить наглядными пособиями, освѣтить и связать разныя статьи нѣсколькими словами бесѣды, вопросами изъ прочитаннаго или по поводу прочитаннаго. Окончивъ алфавитъ, мы прочли нѣсколько связанныхъ статей изъ „Новой Азбуки“ Толстого, а затѣмъ перешли къ „Первой книгѣ для чтенія“ его же. Нельзя сказать, чтобы матеріалъ для чтенія, предлагаемый этой книгой, удовлетворялъ требованіямъ, которыя слѣдуетъ предъявить къ книгѣ для чтенія взрослыхъ: многія статьи безсодержательны, другія скучны, мало статей дѣлового характера. Все же намъ почти всегда удавалось выбрать одну статейку дѣлового содержанія, которая позволяла бы намъ употребить наглядныя пособия, дать въ связи съ ними нѣкоторыя объясненія, привести вновь пріобрѣтенныя свѣдѣнія въ связь съ предыдущими, — и другую литературнаго характера. Ученицы проявляли особенный интересъ къ статейкамъ дѣлового содержанія, пересказывали ихъ хорошо и охотно, вспоминали о нихъ нерѣдко послѣ нѣсколькихъ воскресеній. Особенно удачны и интересны были чтенія: „Эскимосы“, „Море“ и „Шелкъ“. Окончивъ двѣ первыя

*) Въ харьковской воскресной школѣ занятія происходятъ отъ 10 до 2 ч.

книги Толстого, мы въ концѣ года прочли еще нѣсколько статей изъ классной книги для чтенія Водовозова.

Вообще, вълѣдствіе отсутствія хорошей классной книги для чтенія взрослыхъ, много времени теряется непроизводительно. Хорошій подборъ статей съ легкимъ, но интереснымъ и разнообразнымъ содержаніемъ могъ бы имѣть большое значеніе, скорѣе возбуждалъ бы интересъ къ чтенію и привязывалъ ученицъ къ школѣ, давая постоянно пищу уму, раскрывая новые горизонты, что цѣнится ученицами гораздо въ большей степени, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Получая уже въ 1-й годъ пребыванія въ школѣ каждое воскресенье нѣчто новое, интересное, ученица незамѣтно для себя втягивается въ занятія, привыкаетъ цѣнить умственную жизнь, воскресная школа становится для нея необходимостью, и она сдѣлаетъ все отъ нея зависящее, чтобы вернуться въ нее и на слѣдующій годъ; да и механизмъ чтенія выигрываетъ при этомъ, такъ какъ у самихъ ученицъ скорѣе является потребность въ домашнемъ чтеніи. Вотъ почему съ первыхъ же уроковъ чтенія необходимо употреблять какъ можно болѣе наглядныхъ пособій, затрогивать многое по пути, вносить жизнь и интересъ въ каждый урокъ, обращая на все это нисколько не меньшее вниманіе, чѣмъ на механизмъ чтенія. Нельзя, по нашему мнѣнію, какъ это часто дѣлается, въ 1-мъ году лишь упражнять ученицъ въ механизмѣ чтенія, а къ объяснительному чтенію приступать только во 2-мъ году. Нѣтъ, необходимо, чтобы чтеніе было осмысленнымъ и содержательнымъ съ самыхъ первыхъ шаговъ, иначе ученица, выучившись съ грѣхомъ пополамъ читать и писать, рѣшаетъ не безъ основанія, что цѣль ея достигнута, дальнѣйшее посѣщеніе школы излишне, и на 2-ой годъ часто уже не появляется въ школѣ.

Что касается письма, то можно сказать, что почти у всѣхъ ученицъ оно шло быстро и успѣшно, параллельно изученію алфавита, за исключеніемъ немногихъ, которыя долго не могли овладѣть искусствомъ написать даже прямую линію. Ученицы полуграмотныя, поступавшія, не умѣя писать, очень быстро догоняли остальныхъ. Хуже всего писали и пишутъ теперь тѣ ученицы, которыя умѣли уже немного писать до поступленія въ школу; обыкновенно, буквы у нихъ выходятъ неправильно и неровно, и отучить ихъ отъ дурныхъ навыковъ очень трудно.

Прямое письмо, впервые примѣненное нами въ школѣ, принесло, по нашему мнѣнію, хорошіе результаты. Послѣ первыхъ же уроковъ для насъ выяснилось, что ученицы гораздо легче и быстрѣе усваиваютъ начертаніе прямыхъ буквъ, тогда какъ при косомъ письмѣ немалое затрудненіе для ученицъ, особенно взрослыхъ,

представляетъ наклонъ линій, при чемъ онѣ часто ставятъ совершенно прямыя линіи, несмотря даже на косыя графы тетради; почти всѣ наши ученицы сразу стали писать элементы и буквы ровно и прямо. При переходѣ отъ тетрадей, разграфленныхъ въ клѣтку, къ обыкновеннымъ тетрадямъ въ двѣ линейки, также не замѣчалось у насъ затрудненій, между тѣмъ какъ для ученицъ съ косымъ почеркомъ переходъ этотъ довольно труденъ, такъ какъ имъ приходится дѣлать наклонъ наглазъ, и, обыкновенно, почеркъ первое время становится неровнымъ. Почеркъ получается и при прямомъ письмѣ довольно разнообразный: у нѣкоторыхъ круглый, ровный, довольно красивый, у другихъ—болѣе острый и неровный; но всегда онъ разборчивѣе косою почерка. Зато ученица, пишущая прямымъ почеркомъ, сидя совершенно прямо, занимаетъ за столомъ гораздо больше мѣста, нежели пишущая косо, и это не всегда удобно для школы.

Какъ только были пройдены первыя буквы, началась звуковая диктовка короткихъ словъ, а затѣмъ легкихъ фразъ изъ двухъ и болѣе словъ. Еще при изученіи алфавита ученицы усвоили раздѣленіе буквъ на гласныя и согласныя, разложеніе словъ на слоги, переносъ словъ, и познакомились съ употребленіемъ *і* и съ письмомъ отдѣльно наиболѣе употребительныхъ предлоговъ. Диктовка велась общая, классная, при чемъ одна ученица писала на доскѣ, и написанное ею поправлялось сейчасъ же всѣми ученицами. На урокахъ письма одна учительница, обыкновенно, вела диктовку, а другая слѣдила за тѣмъ, чтобы отстающія ученицы писали правильно и исправляли съ доски сдѣланныя ошибки. Было у насъ итеченіе всего года 5—6 ученицъ, которыя всегда соображали туго и все дѣлали очень медленно; онѣ, конечно, сильно задерживали всю группу, особенно было это замѣтно во время диктовки, когда для нихъ нерѣдко приходилось разлагать слова на звуки, между тѣмъ какъ во второй половинѣ года мы разлагали ихъ уже только на слоги. Понятно, что это мѣшало занятіямъ всѣхъ остальныхъ ученицъ, но мы такъ и не рѣшились до самаго конца года перевести этихъ отстающихъ въ низшую группу, тѣмъ болѣе, что это были почти все пожилыя женщины. На урокахъ диктовки были практически изучены, кромѣ вышеуказанныхъ, еще нѣкоторыя важнѣйшія правила русскаго правописанія, и, какъ намъ кажется, правила эти были усвоены ученицами довольно твердо.

Какъ было выше упомянуто, во второй половинѣ года мы давали лучшимъ ученицамъ самостоятельныя письменныя работы и пользовались для этой цѣли картинамъ, употребляемыми для нагляднаго обученія. На первый разъ мы дали картину „Зима въ деревнѣ“.

Содержаніе картины было рассказано нѣсколько разъ ученицами и затѣмъ изложено письменно. Нѣкоторые написали недурно, но у большинства работа была очень безвязна и полна ошибокъ. На слѣдующее воскресенье, чтобы облегчить трудъ ученицъ, мы написали на доскѣ рядъ вопросовъ, отвѣчая на которые онѣ могли передать довольно связно содержаніе новой картины, выставленной передъ ними. Несмотря на наши объясненія, почти всѣ ученицы переписали вопросы съ доски и дали на нихъ односложные отвѣты. Въ третій разъ снова была дана картина съ вопросами на доскѣ, и еще разъ было подробно объяснено, какъ слѣдуетъ писать. На этотъ разъ работы почти у всѣхъ вышли порядочныя, и мы еще втеченіе нѣсколькихъ воскресеній давали картины, какъ темы для работъ. Письменные вопросы, предлагаемые при такихъ работахъ ученицамъ, имѣютъ, по нашему мнѣнію, большое значеніе на этой ступени грамотности, такъ какъ они помогаютъ учащимся разбираться во фразахъ и даютъ готовое письмо нѣкоторыхъ словъ. Вообще, письменныя самостоятельныя работы хотя и были введены въ нашей группѣ, быть-можетъ, немного рано, но, несомнѣнно, принесли долю пользы: онѣ приучили ученицъ самостоятельно справляться съ письмомъ цѣлыхъ фразъ, что для нихъ на первыхъ порахъ не легко. Однажды весною, одна изъ нашихъ прежде отстававшихъ ученицъ, Б., съ большой гордостью, рассказала намъ, что она всю недѣлю была занята письмомъ къ матери, которое, наконецъ, и отослала. Намъ пришло въ голову, что полезно было бы дать всей группѣ образецъ письма, и мы на слѣдующее воскресенье предложили всѣмъ ученицамъ писать письма къ кому-либо изъ родныхъ, знакомыхъ или друзей. Для того, чтобы хоть немного ознакомить ученицъ съ формой письма, мы написали примѣрное письмо на доскѣ. Нѣкоторые письма были довольно интересны, но большая часть ихъ вышла однообразны. Почти во всѣхъ встрѣчалось: „Я теперь хожу въ воскресную школу и научилась читать и писать“.

Арифметикой съ начала года занималась въ нашей группѣ О. Е. Оедорова, по методѣ Гольденберга. Уроки сразу пошли очень удачно, ученицы дѣлали большіе успѣхи, любили эти занятія и были очень привязаны къ учительницѣ. Но съ 26 января Оедорова, за недостаткомъ свободнаго времени, должна была прекратить свои уроки, и дальнѣйшія занятія арифметикой мы стали вести сами. Прошли мы за весь годъ 4 дѣйствія въ предѣлѣ 1-ой сотни, таблицу умноженія и нумерацію. Въ способностяхъ ученицъ къ арифметикѣ сказалось большое различіе: между тѣмъ какъ однѣ изъ нихъ совершенно свободно справлялись съ числами болѣе ста, другія считали медленно и съ трудомъ въ предѣлѣ 1-ой сотни. Тѣмъ не

менѣе, обращая большее вниманіе на отстающихъ, усиленно упражняя ихъ въ счетѣ, можно достигнуть сравнительной равномѣрности группы. Кромѣ классныхъ упражненій, мы давали ученицамъ рѣшать на домъ примѣры на всѣ 4 дѣйствія, со скобками и безъ нихъ, и большинство охотно и аккуратно выполняло эти домашнія работы.

Вообще, при урокахъ арифметики въ группахъ взрослыхъ ученицъ, порой, мало обращается вниманія на то, чтобы постоянно держать ученицъ въ умственномъ возбужденіи и вести ихъ хотя постепенно, но постоянно впередъ. Часто злоупотребляютъ чрезмѣрной обстоятельностью и слишкомъ долго держатъ взрослыхъ ученицъ на задачахъ и вычисленіяхъ въ предѣлѣ перваго десятка. Вслѣдствіе этого, уроки арифметики становятся скучными и кажутся ученицамъ совершенно ненужными. Такъ, одна изъ нашихъ ученицъ, пожилая женщина, съ неизмѣнно серьезнымъ и строгимъ видомъ, выказывавшая, вообще, большую самостоятельность во всемъ, выучившись писать цифры, ни за что не соглашалась больше заниматься арифметикой, говоря, что все это она и безъ того знаетъ, что это ей не нужно; когда же она увидѣла, что остальные ученицы обогнали ее въ счетѣ, начинаютъ писать и считать такія числа, которыхъ она и не знаетъ, то потребовала доску и грифель и заявила желаніе участвовать въ общихъ занятіяхъ. Намъ кажется, что по арифметикѣ въ курсъ I-го года для взрослыхъ ученицъ непременно должно входить знакомство съ нумераціей, чтобы ученицы могли къ концу года свободно читать и писать большія числа, чѣмъ многія очень дорожатъ, при чемъ нѣкоторые даже говорятъ: „Мнѣ не надо считать и рѣшать задачи, а хочется умѣть прочесть всякое число, что въ книгахъ встрѣчаешь“. Судя по опыту этого года, мы увѣрены, что, имѣя въ виду такую цѣль съ самаго начала года, можно безъ большихъ затрудненій достигнуть ея. Тогда курсъ I-го года будетъ представлять законченное цѣлое, и, вернувшись послѣ каникулъ, ученицы могутъ начать повтореніемъ нумераціи и таблицы умноженія, а затѣмъ перейти къ дѣйствіямъ надъ большими числами. При рѣшеніи даже легкихъ задачъ очень полезно выбирать задачи съ разнообразнымъ содержаніемъ: тогда вниманіе ученицъ не ослабѣваетъ, и не такъ скоро являются вялость и утомленіе, которыя неизбѣжно наблюдаются при однообразіи въ примѣрахъ и задачахъ.

Какъ только ученицы наши кончили алфавитъ, мы предложили имъ брать книги изъ школьной бібліотеки: сначала несмѣло начали брать лучшія ученицы, а потомъ къ нимъ присоединились среднія и слабыя. Книги мы выдавали ученицамъ сами, пользуясь перемѣнами

или оставаясь немного послѣ уроковъ ¹⁾. Мы могли дѣлать это, не нарушая установленныхъ правилъ выдачи и записыванія книгъ, благодаря тому, что завели особую тетрадь, листы которой были разграфлены подобно библиотечнымъ бланкамъ и въ которой мы вели точную запись всѣмъ выданнымъ и возвращеннымъ книгамъ. Каждое воскресенье, по окончаніи библиотечной выдачи, мы переносили всѣ отмѣтки этого дня изъ тетради на библиотечные бланки.

Сначала мы давали ученикамъ легкія книги, какъ-то: рассказы Толстого, „Сигналъ“ Гаршина и т. п., а затѣмъ постепенно переходили къ болѣе труднымъ. Между учениками сейчасъ же обнаружилось большое различіе какъ въ выборѣ книгъ, такъ и въ отношеніи къ чтенію. М. просила книгъ „святыхъ, божественныхъ“, сантиментальныя Р. и Б. особенно любили книги „жалостныя“, чтобы можно было поплакать надъ ними, какъ онѣ говорили; послѣдняя безъ стѣсненія возвращала книгу неоконченной, если содержаніе ея ей не нравилось; З., наоборотъ, выражалась противъ „жалостныхъ“ книгъ. „Ну, ужъ и книгу вы мнѣ дали, — говорила она, возвращая рассказъ Толстого „Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ“, — какъ прочла, такъ совсѣмъ разстроилась, нѣсколько дней ничего дѣлать не могла! Нѣтъ, ужъ вы мнѣ, пожалуйста, больше такихъ не давайте“. Наша лучшая ученица, Г., умная, впечатлительная дѣвушка, очень привязанная къ школѣ, любила стихи: наравнѣ съ какимъ-либо рассказомъ или повѣстью, она просила непременно дать ей сборникъ стихотвореній; ей очень понравились пѣсни Кольцова, и она просила насъ дать ей полное собраніе его стихотвореній; такъ какъ въ нашей школьной библиотекѣ его не оказалось, то мы принесли ей книгу изъ дома, и она просила позволенія держать ее подольше, чтобы списать себѣ кое-что. Она читала также произведенія Пушкина и Лермонтова, брала драмы Островскаго, прочла повѣсти Гоголя и мн. др. Читаетъ она довольно быстро, съ увлеченіемъ; къ концу года брала всегда по 3 книги и мѣняла ихъ почти каждое воскресенье. Ея отзывы о книгахъ всегда съ большимъ вниманіемъ выслушивались остальными ученицами, и многія потомъ брали тѣ книги, которыя она хвалила. Такъ, одно время у насъ былъ большой спросъ на сочиненія Гоголя, потомъ Островскаго и т. п.

Занимаясь въ нашей группѣ четыре, а потомъ и пять часовъ къ ряду, выдавая книги ученицамъ, равняя отстающихъ со всей группой, мы бывали такъ заняты вточеніе всего воскреснаго дня,

¹⁾ Обыкновенно, въ Харьковской школѣ книги выдаются по окончаніи всѣхъ занятій особыми библиотекарями.

что почти не имѣли свободнаго времени для общенія съ ученицами помимо уроковъ. Мы едва успѣвали отмѣтить въ журналѣ не пришедшихъ ученицъ, и хотя много разъ у каждой изъ насъ возникалъ вопросъ, отчего онѣ пропускаютъ, отчего та или другая ученица перестала ходить или давно не приходитъ въ школу, но мы ограничивались немногими бѣглыми, случайными вопросами по этому поводу; намъ какъ-то не приходило въ голову обратить на это болѣе серьезное вниманіе.

Во время школьной выставки, бывшей на Рождествѣ, мы познакомились съ годовыми отчетами Харьковской школы за прежніе годы. Въ обыкновенное время знакомство съ этими отчетами сильно затруднено, такъ какъ они имѣются лишь въ одномъ рукописномъ экземплярѣ. Въ этихъ отчетахъ мы встрѣтили много интересныхъ указаній и опытовъ; многое, до чего намъ приходилось додумываться послѣ нѣсколькихъ неудачъ, оказывается, было уже раньше испробовано другими. Было больно и обидно убѣдиться, сколько времени и труда потратили мы даромъ, повторяя ошибки, давно уже сдѣланныя и исправленныя другими, изыскивая тѣ пути, которые давно уже найдены. Къ чему же, въ такомъ случаѣ, весь этотъ опытъ прежнихъ лѣтъ, всѣ эти протоколы, отчеты, если никто не пользуется этимъ богатымъ наслѣдіемъ прежняго времени?

Изъ годовыхъ отчетовъ мы увидали, что многія учительницы прежде съ самаго начала образованія группы внимательно слѣдили за каждой своей ученицей и каждый разъ узнавали и записывали въ отчетную тетрадь причины пропусковъ, что давало возможность сдѣлать въ концѣ года нѣкоторыя очень интересныя обобщенія. Наконецъ, многія учительницы посѣщали на дому выбывшихъ ученицъ, узнавали причины, побудившія ихъ оставить школу, и, такимъ образомъ, имъ часто удавалось вернуть ту или другую ученицу.

Какъ ни просто, ни естественно кажется все это, но намъ, занятымъ всецѣло уроками, методами, успѣхами и неуспѣхами ученицъ, какъ-то не приходило въ голову, что надо своевременно обратить вниманіе и на другое, что потомъ поздно уже будетъ наверстать. Изъ-за уроковъ и книгъ мы проглядѣли ученицъ, ихъ намерстать. Изъ-за уроковъ и книгъ мы проглядѣли ученицъ, ихъ личность, ихъ жизнь. Спыхватясь нѣсколько поздно, мы все же рѣшили, насколько возможно, исправить свою ошибку и, выписавъ адреса давно не появлявшихся ученицъ, отправилась въ обходъ.

Оказалось, что это далеко не легкое дѣло. Благодаря нашей большой группѣ, а также тому, что мы не слѣдили за выбывающими ученицами съ самаго начала года, ихъ набралось немало. Большинство изъ нихъ живетъ на окраинахъ, часто на такой улицѣ, которую почти невозможно найти. Первая попытка наша

была такъ неудачна, что, проѣздивъ нѣсколько часовъ, мы узнали только, что двѣ ученицы давно уже уѣхали изъ города, что трое перемѣнили квартиру и неизвѣстно гдѣ живутъ теперь, а относительно двухъ не могли даже отыскать улицъ, которыя значились въ ихъ адресахъ. Тѣмъ не менѣе, мы продолжали наши посѣщенія. Оказалось, что многія ученицы переставали ходить въ школу за отъѣздомъ, нѣкоторыя за недостаткомъ свободного времени; одна заявила, что наступаетъ весна, и ей хочется погулять, такъ какъ въ будніе дни она съ ранняго утра до вечера работаетъ на фабрикѣ. Одна ученица уѣзжала временно изъ Харькова и, вернувшись, не рѣшалась итти въ школу послѣ такого длиннаго перерыва. Грустное впечатлѣніе произвело на насъ посѣщеніе одной мастерской. Тамъ мы встрѣтили нашу ученицу, молодую, способную дѣвушку, смотрѣвшую на насъ съ нѣкоторымъ испугомъ. Оказалось, что ее не пускаетъ въ школу хозяйка. „Можетъ-быть, можно попросить хозяйку?“ — спрашивали мы. „Нѣтъ, не пустить, хуже будетъ“, — уклончиво отвѣчала она, съ неохотою впуская насъ въ комнаты. Мы вступили въ неприбранную, почти пустую мастерскую: запуганныя дѣвочки съ удивленіемъ смотрѣли на насъ. Вышла и хозяйка: желчная, пожилая женщина, съ сердитымъ лицомъ. Повозможности любезно и дипломатично старались мы нѣсколько смягчить ее и просили отпустить ученицу, когда это будетъ возможно, но она намъ отвѣчала неизмѣнно: „Вотъ черезъ годъ кончитъ ученіе, будетъ мастерицей, тогда и можетъ ходить, куда захочетъ“. Эта ученица такъ и не появлялась больше въ школѣ въ этомъ году. Совершенно другой результатъ имѣло посѣщеніе нами другой ученицы К., исчезнувшей было на время изъ школы. Она очень обрадовалась намъ, объявила, что не ходила въ школу сначала за недосугомъ, а потомъ, пропустивъ много воскресеній, думала, что нельзя вернуться, теперь же общалась явиться въ школу на слѣдующее воскресенье. Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ она пропускала уроки только за недостаткомъ времени.

Изъ 72 ученицъ, принятыхъ въ нашу группу, втеченіе года выбыло 24, т.е. $\frac{1}{3}$ или 33% всего состава группы. Такой относительно большой процентъ выбывшихъ мы объясняемъ, во-первыхъ, нашимъ невнимательнымъ отношеніемъ къ выбывающимъ въ первой половинѣ года и, во-вторыхъ, тѣмъ, что мы, занимаясь первый годъ въ большой группѣ и не освоившись въ началѣ года съ новыми условіями, быть-можетъ, относились къ ученицамъ недостаточно внимательно и тѣмъ отталкивали ихъ отъ школы.

Въ февралѣ вернулась въ школу одна изъ прошлогоднихъ ученицъ Власенко — Ольга П., но какая страшная перемѣна произошла

съ нею: вмѣсто прежней веселой, довольно беззаботной молодой дѣвушки, всегда нѣсколько кокетливо припарженной, передъ нами стояла худая дѣвушка, съ блѣднымъ, усталымъ, осунувшимся и постарѣвшимъ лицомъ; оказалось, что за это время на ее долю выпало нѣсколько тяжелыхъ ударовъ судьбы: умеръ отецъ, вслѣдъ за нимъ скоро умерла и мать, наконецъ, заболѣла тетка, за которой бѣдной дѣвушкѣ пришлось ухаживать до самой ея смерти, работая въ то же время на фабрикѣ. Послѣ ея смерти Ольга П., освободясь отъ своихъ тяжелыхъ заботъ, немедленно вернулась въ школу. Она, конечно, не сдѣлала никакихъ успѣховъ за это время, но не разучилась читать и писать, такъ что свободно подошла по познаніямъ къ нашей группѣ. Неизмѣнно спокойно и внимательно слѣдила она за всѣмъ, что говорилось на урокѣ, и аккуратно посѣщала школу до самаго конца года, но рѣдко удавалось вызвать хоть слабую улыбку на лицѣ этой, такъ еще недавно беззаботной хохотушки.

Къ концу года, многія изъ нашихъ ученицъ перестали удовлетворяться тѣми уроками чтенія, письма и ариѳметики, которые ведутся, обыкновенно, въ звуковыхъ группахъ. „Отчего у насъ нѣтъ географіи, исторіи, какъ въ другихъ группахъ? что это за физика? о чемъ тамъ рассказываютъ?“ — слышались каждое воскресенье вопросы ученицъ, и мы успокаивали ихъ только обѣщаніемъ дать на будущій годъ чтенія-бесѣды по географіи. Наконецъ, одна изъ ученицъ, Г., съ торжествомъ показала намъ тетрадь, въ которой вмѣсто обыкновенной домашней работы, списыванія съ книги, было письменно передано содержаніе прочитаннаго рассказа. Это была вполне самостоятельная работа и притомъ задуманная по собственной инициативѣ, такъ какъ, не надѣясь на силы ученицъ, мы не рѣшались давать имъ такой трудной работы. Переложеніе, конечно, было довольно безграмотно, но написано было совершенно связно, толково и полно.

Въ концѣ учебнаго года, какъ-то въ праздникъ, мы устроили съ нашей группой загородную прогулку; пришли далеко не всѣ ученицы, чему была отчасти причиной пасмурная погода. Прогулка эта доставила ученицамъ большое удовольствіе, и многія спрашивали потомъ, когда мы повторимъ ее? Думаемъ, что такіе прогулки ученицъ со своими учительницами могли бы имѣть большое значеніе для обоюднаго сближенія, тогда какъ оно въ гораздо меньшей степени достигается многочисленными школьными прогулками, которыя такъ трудно, къ тому же, организовать и, конечно, нельзя устраивать часто.

Подводя въ концѣ года итогъ всего сдѣланнаго, несмотря на многіе наши промахи и ошибки, мы чувствуемъ удовольствіе: ученицы наши научились читать и писать, конечно, не всѣ въ одинаковой степени; несомнѣнно, заинтересовались школой и книгами; на-

вѣрно не оставлять школы безъ серьезной, уважительной причины, и время пребыванія въ школѣ, какъ ни мало успѣли мы сдѣлать въ эти тридцать восемь воскресеній, останется навсегда яркимъ пятномъ въ ихъ умственной и нравственной жизни и, можетъ-быть, окажетъ рѣшающее вліяніе на нее. Такъ, одна ученица, узнавъ, что подруга ея по мастерской тайкомъ присвоила собѣ остатки матеріи, кружева и ленты, старалась усовестить ее, говоря при этомъ: „Колы-сь я брала, а теперь не хочу!“

Изъ дневника учительницы *).

8-го сентября 1897 г.

Въ настоящемъ году дочери моей Христинѣ исполнилось 15 лѣтъ, и она перешла въ 6-й классъ гимназій. Желаніе ея заниматься въ воскресной школѣ я нашла вполне возможнымъ и законнымъ, такъ какъ между учительницами воскресныхъ школъ встрѣчаются такія, которыя окончили курсъ всего 4-хъ классовъ гимназій и едва достигли 16 лѣтъ. Желаніе, высказанное ею, было для меня чрезвычайно пріятно и дорого, такъ какъ я всегда была противъ того, чтобы оказывать давленіе на своихъ дѣтей по отношенію къ школѣ, и считаю, что только участіе въ ней по собственной волѣ имѣетъ значеніе.

2—3 года у меня не было группы въ школѣ, вслѣдствіе утомленія и болѣзненнаго состоянія, но въ настоящую минуту мнѣ такъ невыразимо захотѣлось взять группу вмѣстѣ съ моею дочерью, что я рѣшилась рискнуть на это. Не слишкомъ разсчитывая, однако, на свои силы, я пригласила въ ту же группу О. Ѳ. Д., какъ опытную и искусную учительницу. Не скажу, впрочемъ, чтобы я имѣла въ виду руководить занятіями моей дочери: она слишкомъ самостоятельна для этого и изучила методъ прямого письма, занимаясь по собственной инициативѣ съ нашими двумя горничными, прежде чѣмъ я успѣла вникнуть въ него. Но мнѣ такъ не хочется отставать отъ молодого поколѣнія даже въ этихъ мелочахъ, что, несмотря на 35-лѣтнюю привычку писать по косымъ линіямъ, я измѣняю имъ и учусь руководить прямымъ письмомъ.

Первое воскресенье занятій произвело на меня самое хорошее впечатлѣніе. Къ намъ явилось 12 взрослыхъ ученицъ, весьма симпатичныхъ по первому взгляду; тремъ изъ нихъ оказалось по 15 лѣтъ, двумъ — по 16-ти, двумъ — по 17-ти, двумъ — по 18, одной — 19, одной — 23 и одной — 26 (замужней женщиной, домохозяйкой). Въ

*) Читано въ собраніи учительницъ Х. ч. ж. в. школы.

прошломъ году она была всего 5 воскресеній въ школѣ, такъ какъ поступила въ самомъ концѣ года; очевидно, она осталась довольна преподаваніемъ, такъ какъ явилась къ намъ опять. Я не успѣла взглянуть, какъ слѣдуетъ, въ ея маленькія познанія, а потому и не могу рѣшить еще, останется ли она у насъ въ группѣ. Одна изъ дѣвушекъ оказалась портнихой, другая — коробочницей на фабрикѣ Гофмана, третья сидитъ въ лавочкѣ, четвертая служить горничной у нашей ученицы-модистки К. Эта модистка К., положительно, можетъ считаться гордостью нашей школы, такъ какъ не только учится сама въ старшей группѣ, но и посылаетъ всѣхъ своихъ мастерицъ, до горничной включительно, учиться. Пятая дѣвушка оказалась конфектицей; шестая работаетъ на бумажной фабрикѣ; седьмая и восьмая, обѣ прачки, живутъ въ гостиницѣ, и школа рекомендована имъ хозяйкой, что составляетъ также отрадное явленіе; девятая — бѣлошвейка; десятая — модистка, одиннадцатая — замужняя, о которой я говорила уже, домохозяйка, и двѣнадцатая работаетъ въ типографіи, куда приходитъ ежедневно изъ деревни Немышли, отстоящей отъ города, какъ говорятъ, въ 5—6 верстахъ. Оттуда же она будетъ ходить и въ воскресную школу, посвящая на это единственный день, въ который она могла бы отдохнуть дома. Изъ всѣхъ ученицъ только одна пришла въ школу по объявленію, вывѣшенному на фабрикѣ; три — по рекомендаціи хозяевъ, а всѣ остальные привлечены ученицами воскресной школы. Такимъ образомъ, ученицы воскресной школы являются самыми сильными факторами пропаганды, и по сравненію съ ними всѣ печатныя объявленія почти теряютъ свою силу.

Первый часъ ушелъ у насъ на ознакомленіе съ ученицами и на статистическія записи; во 2-й, 3-й и 4-й — усвоены были элементы: 1, 1, 1, 1, 1. Такимъ образомъ, мы прошли меньше, чѣмъ то полагается по нашей программѣ, однимъ элементомъ, въ виду того, что въ слѣдующее воскресенье должны прибавиться еще ученицы.

Въ группу свою я принимаю 20 ученицъ, при чемъ возникаетъ вопросъ, не принять ли 30—40 и не перетасовать ли ихъ потомъ въ 2—3 группы для большей равномерности. Я желала бы избѣгнуть такого рода перетасовки. Между учительницами и ученицами образуется нравственная связь, вслѣдствіе которой имъ тяжело разставаться другъ съ другомъ. Кромѣ того, занимаясь продолжительно, больше узнаешь ученицу, лучше приноравливаешься къ ея способностямъ. Абсолютнаго равенства нѣтъ между живыми людьми, и что за бѣда, если у одной ученицы лучше способности, а у другой слабѣе. Къ тому же, между ученицами долженъ быть развитъ духъ товарищества и взаимной помощи. Не бѣда также, если намъ, учительницамъ, придется поработать надъ одной ученицей

больше, чѣмъ надъ другой. Кромѣ того, при перетасовкѣ ученицъ нѣтъ отвѣтственнаго лица за ихъ успѣхи, и я напомню собранію еще разъ печальный фактъ давно прошедшаго времени, когда ученица, переходя отъ одной учительницы къ другой, къ концу зимы умѣла писать только одни элементы.

15-го сентября.

Почти всѣмъ моимъ товарищамъ извѣстно, какое значеніе придаю я учительскимъ дневникамъ и какъ люблю писать ихъ; но такого рода пристрастіе не можетъ служить мнѣ правомъ на то, чтобы дневники мои читались непременно въ собраніи и выслушивались непременно всѣмъ обществомъ учительницъ. Вотъ почему я ни въ какомъ случаѣ не рѣшилась бы занимать собраніе чтеніемъ моихъ дневниковъ, если бы не имѣла въ виду слѣдующаго обстоятельства. Въ школу ежегодно поступаютъ 15—20 новыхъ молодыхъ учительницъ, не занимавшихся до тѣхъ поръ въ воскресной школѣ. Теоретическое знакомство съ тѣмъ, какъ вести отчетныя тетради и другого рода записи, почти не достигаетъ цѣли, что мы видимъ изъ многихъ небрежно веденныхъ отчетовъ. А самое главное — это вопросъ, всѣ ли учительницы, поступающія въ школу, достаточно задумались надъ своими отношеніями къ *взрослымъ* ученицамъ, и не обращаются ли онѣ съ ними, какъ съ дѣтьми? Надо сознаться, что бывали случаи (хотя и очень рѣдко), что молоденькія и неопытныя учительницы даже покрикивали на своихъ ученицъ, упрекали ихъ въ неспособности къ обученію, предсказывали, что онѣ никогда не научатся грамотѣ, и страшали даже исключить изъ школы. Тому, кто знакомъ съ духомъ, царящимъ въ воскресныхъ школахъ, вообще, понятно, насколько все это неумѣстно. Вотъ почему мнѣ кажется полезнымъ чтеніе хотя бы одного отчета рационально поставленной группы, на что я и испрашиваю разрѣшеніе собранія.

Такъ какъ прошлое воскресенье у насъ было 12 ученицъ, а мы желали принять 20, то въ группу нашу поступило еще 8. Въ числѣ этихъ 8 оказалась одна, пришедшая изъ деревни Красной, за 4—5 верстъ. Это дѣвушка съ особенно рѣзкими и угловатыми манерами и съ головой, окутанной большимъ платкомъ. Прошлую зиму она приходила нѣсколько воскресній въ школу, но это было въ концѣ зимы, и на вопросъ мой, что помнитъ она изъ того, что выучила, отвѣчала сумрачно: „Все позабыла“. Записавъ ея имя и фамилію, я мягко обратилась къ ней съ просьбой раскутать голову, чтобы лучше слышать преподаваніе, на что она грубо отвѣчала мнѣ: „Хиба я глуха — и такъ почую!“ Меня рѣзнулъ этотъ грубый

отвѣтъ на ласковыя слова, а другія ученицы какъ-то не то сконфуженно, не то удивленно посмотрѣли на нее. Я хотѣла отвѣтить ей, что если человѣкъ обращается къ тебѣ съ лаской, ты не вправѣ отвѣчать ему грубостью; но затѣмъ сдержала себя, подумавъ: очень можетъ быть, что эта грубая деревенская дѣвушка никогда ни отъ кого не видала ласки, и даже въ самой моей просьбѣ ей могла послышаться насмѣшка. Но если Марія М. произвела на меня непріятное впечатлѣніе, то оно вполне изгладилось послѣ разговора съ Софьей С., въ первый разъ пришедшей въ школу. Передо мною стояла дѣвушка съ типичнымъ малорусскимъ личикомъ и карими дѣтскими еще глазами, несмотря на ея 16 лѣтъ. При разпросѣ моемъ о ея домашнемъ положеніи, она сообщила, что мама ея училась въ школѣ и просила мнѣ кланяться. Я обратила на это вниманіе посторонняго посѣтителя, находившаго въ Харьковѣ проездомъ, но близко знающаго нашу школу издали. „Что жъ, вамъ это не въ диковинку!“ — замѣтилъ онъ весело. Онъ былъ правъ; тѣмъ не менѣе, подобные факты, какъ часто ни повторялись бы они, всегда меня радуютъ и умиляютъ.

Третья ученица, Анна Ф., оказалась немного грамотной — самоучкой, но она научила себя только читать, а не писать, такъ что, вѣроятно, подойдетъ къ намъ въ группу. Четвертая, Елена Т., знаетъ азбуку: *а, бѣ, вѣ...* и больше ничего. Пятая, Акулина Р., работаетъ на табачной фабрикѣ. Въ школу ее уговорила поступить подруга, пришедшая въ нашу группу прошлый разъ. Это обстоятельство особенно порадовало меня, такъ какъ послужило отвѣтомъ на вопросъ, хорошее ли впечатлѣніе вынесли наши ученицы изъ перваго посѣщенія школы. Впрочемъ, отвѣтомъ на это послужило и еще одно обстоятельство: когда я вошла въ залъ, я увидѣла одну изъ нашихъ дѣвушекъ-ученицъ, симпатичную брюнетку, съ букетомъ въ рукахъ; конфузясь и краснѣя, она подала мнѣ этотъ замороженный букетъ; я поставила его въ воду на столѣ, и все утро онъ точно улыбался мнѣ привѣтомъ. Меланья Л., 17 лѣтъ, конфетчица, была въ прошломъ году 4 раза въ школѣ. Прачка — Марья Т. и Анна С. — совершенно неграмотны: не знаютъ ни одной буквы. Всѣ ученицы, безъ исключенія, пришли въ школу по рекомендаціи нашихъ же ученицъ.

По мнѣнію коллеги моего, О. О. Д., мы окончили за вчерашнее утро всѣ элементы, такъ какъ она не признаетъ необходимости знакомить такъ рано съ петлей, съ волнистой, съ волосною, съ точкой. Я же готова поступиться развѣ волнистой глубокой, замѣнивъ ее черточкой въ буквѣ *н*; петля же нужна для буквы *е*, волнистая — для многихъ прописныхъ, волосная съ точкой — для буквъ

и ю. Такимъ образомъ, въ слѣдующее воскресенье мы стоворились показать между дѣломъ и эти элементы.

Прошлый разъ я говорила ученицамъ, что онѣ не должны пропускать ни одного воскресенья, и почему. Подъ впечатлѣніемъ этихъ словъ, одна изъ ученицъ, проучившись отъ 10 до 12 часовъ, отвела меня въ сторону и спросила: „Христина Даниловна, позвольте мнѣ уйти домой: моя сестра родная замужъ выходитъ!“ Я позволила и умилилась въ душѣ, что даже эта важная причина не помѣшала дѣвущкѣ прійти въ школу. Одинъ изъ 4 часовъ мы посвятили выдѣленію звуковъ изъ словъ; 8 новымъ ученицамъ мы дали письменныя работы на домъ для того, чтобы онѣ сравнялись съ прежними ученицами.

22-го сентября.

Наканунѣ прошлаго воскресенья мы, учительницы группы взрослыхъ звуковиковъ, собрались втроемъ, чтобы приготовить къ уроку и столковаться относительно предстоящихъ занятій на другой день. Рѣшено было повторить пройденные элементы, а затѣмъ показать 4 звука по „Русскому букварю“ Вахтерова, опустивъ тѣ три элемента, относительно которыхъ у насъ былъ споръ и которые можно показать гораздо поздиѣе, приближаясь къ тѣмъ буквамъ, въ которыя входятъ они. Намѣченная программа была выполнена.

Изъ 20 ученицъ недоставало на этотъ разъ трехъ; одна изъ нихъ не приходитъ уже второе воскресенье; необходимо обратиться на это вниманіе и узнать причины.

Есть у насъ къ собранію одинъ вопросъ: съ какого воскресенья сговоримся мы, всѣ учительницы звуковыхъ группъ, преподавать ариметику? Это необходимо для перевода ученицъ въ другія группы; несмотря на свою нелюбовь къ этимъ переводамъ, я должна сознаться, что бываютъ случаи, когда они необходимы. Такъ, напр., у насъ есть ученица, пропускающая хронически первый часъ въ виду необходимости посѣщать доктора; вслѣдствіе этого, она отстала отъ своихъ товарищъ и должна быть переведена въ новую группу, если таковая образуется.

27-го сентября.

Изъ нашихъ 20 ученицъ не было вчера четырехъ. Причины отсутствія трехъ изъ нихъ не удалось узнать, а относительно четвертой, пропустившей три воскресенья, намъ сказали, что она тяжело больна и отвезена въ больницу. Бѣдная! она была въ школѣ всего одно воскресенье, и если возвратится, товарищи ея уйдутъ такъ далеко, что догнать ихъ не будетъ никакой возможности. Въсто

выбывшей ученицы, мы рѣшили принять новую, Александру Г. По занятіямъ она экономка. Знанія ея ограничиваются складами, которыми она выучилась у дворника. Эта старая крупная женщина, за 40 лѣтъ, конфузилась, какъ молоденькая дѣвушка, и я употребила всѣ силы, чтобы обласкать и ободрить ее. Я говорила, что тѣмъ старше ученица, тѣмъ больше мы дорожимъ ею; что прямое назначеніе воскресной школы — учить взрослыхъ, а не малолѣтнихъ, у которыхъ вся жизнь впереди; что у меня бывали ученицы гораздо старше ея и, слава Богу, выучивались грамотѣ и т. д. и т. д. Для того, чтобы она догнала остальныхъ, мы рѣшили, чтобы О. О. Д. посвятила ей одной весь 4-й часъ, тѣмъ болѣе, что этотъ часъ опредѣлено заниматься самостоятельно моей дочери. Вообще, у насъ произошло теперь окончательное распредѣленіе часовъ, при чемъ 1-й часъ числится за мною, 2-й и 3-й — за О. О. Д. и 4-й — за Х. А. А. Само собою разумѣется, что это не мѣшаетъ намъ присутствовать все время въ группѣ и слѣдить за ея занятіями. Мой первый часъ вышелъ нечаянно, такъ сказать, провѣрочнымъ. Я повторяю съ ученицами все, что пройдено въ предыдущее воскресенье, и должна рѣшать, усвоили ли онѣ то, что показано было имъ, или нѣтъ. Моя первая провѣрка дала блистательные результаты. Ученицы не только усвоили вполнѣ всѣ 4 показанные имъ звука, но и писали ихъ каллиграфически. Онѣ прекрасно разлагали и складывали слова, прекрасно выдѣляли звуки, и можно было сказать съ увѣренностью, что слѣдуетъ съ ними идти дальше и показывать новые звуки. Исключеніе изъ общаго правила представляетъ только ученица, пропускающая хронически 1-й часъ изъ-за посѣщенія доктора, ученица, пропустившая прошлое воскресенье, и двѣ крайне неспособныя, тормозящія всѣхъ остальныхъ. Вообще, моя теорія о томъ, что ученицъ не слѣдуетъ переводить изъ группы въ группу, никуда не годится, и если мы не переведемъ нашихъ двухъ отстающихъ, мы непростительно будемъ задерживать всѣхъ остальныхъ. Съ ученицей, пропускающей 1-й часъ и пропустившей прошлое воскресенье, занималась опытная запасная учительница, и онѣ кое-какъ поравнялись съ другими.

Въ это 4-е воскресенье мы, согласно рѣшенію собранія, приступили къ ариметикѣ и, прежде всего, начали съ разспроса, до какого числа можетъ сосчитать каждая ученица. Оказалось, что инныя изъ нихъ могутъ считать только до 20, другія — до 30, 40 и 50 и, наконецъ, до 100. Прежде всего, мы занялись устнымъ счетомъ, причемъ потребовалось весьма мало усилій, чтобы ученицы, не умѣвшія прежде считать дальше 20, усвоили счетъ до 100. Достигнувъ этого, ученицы наши рѣшали устныя задачи на сложение въ предѣлѣ 10-ти.

Въ это воскресенье у насъ было очень много постороннихъ посѣтителей. Я предупредила ихъ, что они допускаются къ слушанію урока съ тѣмъ условіемъ, чтобы оставаться безмолвными зрителями всего, что происходитъ передъ ними. Должна сказать по справедливости, что всѣ они свято исполнили это условіе, и въ залѣ царила мертвая тишина въ продолженіе всего моего урока. Я люблю заниматься при постороннихъ: ихъ интересъ къ школѣ и къ тому, что въ ней дѣлается, какъ-то особенно поднимаетъ мои нервы. Но, помня о положеніи ученицъ и о томъ, какъ-бы присутствіе постороннихъ не смутило ихъ, я сочла возможнымъ и желательнымъ разъяснить имъ въ короткихъ словахъ о цѣли посѣщенія этихъ постороннихъ въ школѣ людей. „Позвольте вамъ объяснить, господа,—говорила я своимъ ученицамъ,—что эти дѣвицы, пришедшія сюда слушать, какъ мы занимаемся, состоятъ учительницами еврейской субботней школы. Школа эта возникла въ Харьковѣ недавно, и имъ очень интересно и полезно видѣть, какъ дѣло это поставлено у насъ. Если кому-нибудь изъ васъ встрѣтится знакомая дѣвушка-еврейка, рекомендую ей эту школу“. Взрослыя ученицы ловили каждое мое слово, и одна изъ нихъ сказала оживленно: „У меня по сосѣдству живетъ въ наймахъ бѣдная дѣвочка-еврейка, круглая сирота, и такъ ей, бѣдняжкѣ, хочется учиться, да не у кого и не за что“. Я попросила одну изъ учительницъ субботней школы дать этой ученицѣ адресъ своей школы. „А вотъ эта дѣвушка, — продолжала я, указывая на К., —долго-долго училась у насъ и затѣмъ рѣшила быть сельской учительницей. Въ виду этого, она желаетъ слѣдить, какъ ведется у насъ преподаваніе“. — „А эти дамы, — говорила я далѣе, обращаясь къ пріѣзжимъ учительницамъ,—прибыли къ намъ въ Харьковъ изъ Бердянска, гдѣ работаютъ въ такой-же воскресной школѣ, какъ наша“. Я видѣла очень хорошо, что это бѣглое знакомство съ посторонними посѣтителями совершенно помирало съ ними ученицъ, и онѣ съ обычнымъ вниманіемъ и оживленіемъ принялись за работу. Я чувствовала себя очень хорошо, и когда окончился этотъ первый урокъ, посторонняя публика окружила меня и говорила мнѣ лестныя и теплыя слова. Я вѣрила имъ, такъ какъ чувствовала, что провела этотъ часъ съ увлеченіемъ. На второй часъ, однако, я почувствовала полный упадокъ силъ, какъ это часто теперь бываетъ со мною послѣ подъема нервовъ, и пошла отдохнуть въ свою комнатку. Черезъ нѣсколько минутъ обѣ коллеги мои явились ко мнѣ съ встревоженными лицами: „Христина Даниловна!.. Мама! — говорили онѣ обѣ разомъ,—это невозможно: залъ полонъ постороннихъ слушателей!.. Такъ нельзя заниматься; необходимо удалить хоть половину гостей!.. Я молча смотрѣла на нихъ и не могла понять, кому и

чѣмъ мѣшаютъ эти посторонніе слушатели. Я силилась припомнить правила на этотъ счетъ и не могла; но вывести никого не рѣшилась, — такъ странно дисгармонировало это предложеніе съ моимъ душевнымъ настроеніемъ.

3-го октября.

Въ слѣдующій понедѣльникъ у насъ назначено кружковое собраніе *). Желая предложить себя докладчикомъ кружка, я думала о томъ, какъ поведу я это маленькое засѣданіе, и въ чемъ будутъ состоять мои обязанности.

Прежде всего, я озабочусь тѣмъ, чтобы привлечь въ кружокъ всѣхъ учительницъ звуковыхъ группъ и заучу ихъ имена, такъ какъ большинство изъ нихъ только-что поступило въ школу. Я подойду къ каждой изъ нихъ отдѣльно въ воскресенье и буду усиленно просить явиться въ это засѣданіе, разъясняя его цѣль и значеніе. Я попрошу ихъ захватить съ собою отчеты и задуматься надъ тѣмъ, что и какъ сдѣлано въ ихъ группѣ, и какіе вопросы желали бы онѣ предложить на разсмотрѣніе кружка. Я думаю не предлагать читать отчеты съ начала до конца, а разсматривать ходъ ученія по отдѣльнымъ предметамъ. Такъ, напр., прежде всего, мы остановимся на прохожденіи элементовъ и узнаемъ, всѣ ли учительницы находили необходимымъ проходить ихъ и въ какомъ размѣрѣ? Согласовались ли онѣ съ нашими программами, и если нѣтъ, то почему? Въ прямыхъ или косыхъ линіяхъ ведется письмо; перомъ, карандашемъ или грифелемъ? (Въ воскресенье необходимо будетъ просить учительницъ звуковыхъ группъ захватить съ собою въ собраніе ученическія тетради). Затѣмъ мы перейдемъ къ прохожденію звуковъ, узнаемъ, когда образовалась группа, и сколько буквъ проходило въ каждое воскресенье; по какому букварю ведется преподаваніе; удобенъ ли этотъ букварь въ примѣненіи въ воскресной школѣ? Затѣмъ мы остановимся на ариметикѣ: въ какихъ звуковыхъ группахъ введена она; и если введена, то въ какихъ размѣрахъ пройдена? Практикуются ли торговые счеты? Какой методики думаетъ придерживаться учительница и какого задачника? Но желательнѣе всего остановиться какъ можно продолжительнѣе на личности ученицъ; узнать, сколько ихъ въ группѣ, кто изъ нихъ обгоняетъ классъ, кто отстаетъ и почему, какія мѣры употребляла учительница, чтобы отстающія догнали классъ, что привело ученицъ въ школу, что вызываетъ манкировки, какія отношенія образовались

*) Кружковыми собраніями называются въ Х. Ч. Ж. В. школѣ засѣданія преподающихъ параллельныхъ по знаніямъ группъ для обсужденія вопросовъ собственнаго обученія.

между ученицами и учительницей и т. д.? Не бесполезно также остановить вниманіе новыхъ учительницъ на правильномъ веденіи отчетныхъ тетрадей и поговорить, нѣтъ ли у нихъ вопросовъ или затрудненій, относительно которыхъ онѣ желали бы посоветоваться съ кружкомъ или съ собраніемъ? Разсмотрѣть, правильно ли вошли всѣ группы въ нашъ кружокъ по своимъ познаніямъ? Предложить прочитать доклады прошлыхъ кружковыхъ докладчиковъ.

4-ю октября.

Когда я рѣшила вести мой школьный дневникъ, я больше всего имѣла въ виду моихъ сотоварищей по кружку: новыхъ молодыхъ учительницъ, и думала наполнить его исключительно дѣловымъ матеріаломъ. Такъ и было до сихъ поръ. Какъ вдругъ встрѣтилось обстоятельство, которое тронуло меня и взволновало до такой степени, что куда бы ни шла я, что бы ни дѣлала, мысль моя постоянно останавливается на немъ. Въ такихъ случаяхъ я не въ силахъ отказать себѣ въ желаніи занести мои впечатлѣнія на страницы школьнаго дневника, что и дѣлаю въ настоящую минуту.

Въ прошлое воскресенье, среди школьной суеты, я думала только о томъ, какъ бы мнѣ лучше дать урокъ моимъ ученицамъ; какъ вдругъ мнѣ бросилась въ глаза молодая дѣвушка-учительница, отличавшаяся всегда, на мой взглядъ, необыкновенно смѣлымъ и энергичнымъ видомъ. Ея умная головка съ остриженными волосами, закинутыми вверхъ, точно говорила всѣмъ: „Я никого и ничего не боюсь на свѣтѣ; я все возьму напроломъ — столько во мнѣ энергии и силы!“ Въ минуту, о которой говорю я, я увидѣла молодую дѣвушку не въ лицо, а въ затылокъ. Она уходила поспѣшно въ сѣни, и я едва узнала ее. Она вся какъ-то съежилась; смѣлая головка была опущена; короткіе волосы падали беспорядочными прядями на лобъ, и плечи чуть-чуть вздрагивали отъ сдержанныхъ рыданій. Я вспомнила въ эту минуту, что она уѣзжаетъ за границу учиться, и что это ея послѣднее воскресенье; я вспомнила, что наканунѣ мы хлопотали и сговаривались поднести ей жетонъ на память и проводить ее на вокзалъ. Нѣсколько учительницъ заботливо выскочили за ней въ сѣни... Въ эту минуту я получила приглашеніе спуститься въ нижній этажъ, чтобы принять участіе въ спорѣ, происходившемъ тамъ. Я застала кружокъ учительницъ съ возбужденными лицами и взволнованными голосами. Онѣ доказывали большинству, что жетонъ — это слишкомъ большая честь для учительницы, проработавшей всего два года въ школѣ; что выраженіе симпатій къ ней должно быть скромнѣе; что на жетонъ не должно быть выбито имени цѣлой корпораціи. Я остановилась передъ ними въ нѣкоторомъ недоумѣніи, —

мнѣніе это какъ-то не укладывалось въ моей душѣ; но, овладѣвъ собою, я съ горячностью стала доказывать имъ, что отношенія къ школѣ слѣдуетъ мѣрить не годами, не временемъ, что жетонъ выражаетъ не личные наши чувства къ ней, а долженъ непремѣнно идти отъ цѣлой корпораціи; что привѣтствовать товарища и отмѣчать его заслуги не значитъ „выдавать медали“, какъ выражались инныя, и т. д. Большинство было на моей сторонѣ, и я поспѣшила наверхъ къ своимъ учительскимъ обязанностямъ. На площадкѣ, на диванчикѣ, я увидѣла другую молодую дѣвушку, не учительницу, а ученицу. Она закрыла глаза не то платочкомъ, не то тряпочкой и горько рыдала на виду у всѣхъ. Очевидно, горе съ было такъ порывисто, что ей было совершенно безразлично, что все это школьное движеніе проходитъ мимо, что инныя смотрятъ на нее съ любопытствомъ, другія съ участіемъ...

Та же самая дѣвушка пришла ко мнѣ на другой день въ домъ съ порученіемъ отъ хозяйки-модистки. Она дѣловито передала мнѣ, что слѣдуетъ, а затѣмъ остановилась въ раздумьѣ и, помолчавъ немного, сказала: „Вы слышали о нашемъ горѣ, Христина Даниловна?.. Наша учительница Ю. Н...“ Она не могла сказать больше ни слова и зарыдала такъ же порывисто, какъ тогда въ школѣ. Я посадила ее, стала утѣшать, какъ умѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ всматривалась въ ея лицо. Судя по немъ, природа не дала ей слабыхъ нервовъ, — это простое, открытое лицо не отличалось ни худобой, ни блѣдностью и, очевидно, что нѣчто болѣе сильное, чѣмъ разстроенные нервы, тронуло и всколыхало эту наивную душу... Вчера она опять пришла ко мнѣ съ новымъ порученіемъ отъ хозяйки. Я гуляла въ саду и пригласила ее сѣсть со мною рядомъ и посидѣть немножко на скамеечкѣ. Даша присѣла, держа какой-то свертокъ подъ кофточкой и видимо желая опять чѣмъ-то подѣлиться со мною. Своимъ привѣтомъ и лаской я вызвала ее на откровенность. „Христина Даниловна, — робко сказала она, — хотите я вамъ покажу письмо мое къ другой нашей любимой учительницѣ В. В.? Я написала его прежде въ тетрадкѣ, а потомъ переписала на почтовую бумажку“. И она подала мнѣ старенькую синюю ученическую тетрадку, въ которой я прочла слѣдующее: „Милая, дорогая В. В.! Хотя вы и не пишете, чтобы я вамъ писала, но я не могу не писать вамъ. Сообщу вамъ печальную новость: сегодня было прощальное свиданіе, — наша дорогая Ю. Н. уѣзжаетъ, всѣ ученицы плакали, а мнѣ, если бъ вы знали, моя дорогая, какъ было грустно!.. Хотя я и сознаю, что ей надо учиться, а все же жаль расставаться... Въ нашей группѣ уже два раза была географія. Я умѣю нарисовать Большую Медвѣдицу, узнала, что Полярная звѣзда

указываетъ, гдѣ сѣверъ; что земля шарообразна, и много кой-чего узнала, да напишу въ другой разъ. Всѣ наши ученицы цѣлуютъ васъ и благодарятъ за привѣтъ. Саша вамъ сама напишетъ. Еще у насъ теперь учится Елена Ефименко; помните, она на костыляхъ. Цѣлую васъ. Ваша Даша“.

И это написала дѣвушка, не знавшая ни одной буквы, пришедши въ школу, и проучившаяся всего одну зиму. Таково вліяніе школы, таково вліяніе учительницъ, отдающихъ ей всю свою душу!.. Конечно, въ письмѣ этомъ была бездна грамматическихъ ошибокъ, но что значатъ эти ошибки въ сравненіи съ его внутреннимъ содержаніемъ!..

Я видѣла Дашу еще разъ на вокзалѣ. Толпа интеллигентныхъ людей провожала Ю. Н., а кучка ея ученицъ скромно держалась поодаль, не сводя съ нея заплаканныхъ глазъ. Передъ отходомъ поѣзда все наше вниманіе было сосредоточено на увѣжающемъ дорогомъ для насъ человѣкѣ, и я совсѣмъ позабыла о скромной группѣ ученицъ. Но въ ту минуту, какъ поѣздъ тронулся, я услышала раздирающій душу крикъ... Это была Даша, окруженная своими товарками... Я слышу до сихъ поръ этотъ крикъ. Онъ говоритъ мнѣ о значеніи школы и о томъ могучемъ вліяніи, какое можетъ имѣть на душу любимая воспитательница.

6-го октября.

Вчера къ намъ въ группу прибыли двѣ преинтересныя ученицы. Одна изъ нихъ Лидія Алексѣевна С., 48 лѣтъ, живетъ дома, занимается хозяйствомъ. Но это, такъ сказать, официальная часть свѣдѣній о ней; когда же мы разговорились по душѣ, то оказалось, что Лидія Алексѣевна имѣетъ двухъ дочерей, проучившихся въ гимназій до 5-го и 6-го классовъ; одна изъ нихъ была даже въ нашей воскресной школѣ 5—6 воскресеній въ качествѣ учительницы, а затѣмъ оставила ее, такъ какъ вышла замужъ. Лидія Алексѣевна имѣетъ большое желаніе научиться грамотѣ и просила объ этомъ дочерей, но онѣ отвѣчали на это: „Богъ съ вами, мамаша; вамъ умирать пора, а вы собираетесь учиться!“ Этотъ жестокий отвѣтъ блѣдная мать получила отъ дочерей, бывшихъ въ гимназій!.. Вотъ что значить полубразованность и полуразвитіе!.. Впрочемъ, глядя въ лицо Лидіи Алексѣевны, дѣйствительно, можно подумать, что ей пора умирать: это блѣдное, худое, изможденное лицо кажется старѣе на 10, на 20 лѣтъ. Очевидно, не мало нравственныхъ страданій выпало на долю этой женщины, и какъ удивительно, что они не заглушили въ ней любознательности и желанія хоть умереть грамотной!.. Несмотря на жестокий отвѣтъ дочерей, она кое-какъ

изучила-таки самоучкой буквы и еле читаетъ по складамъ; остается научить ее писать, что дается легче при знаніи алфавита.

Странное явленіе наблюдаемъ мы въ отношеніяхъ нашихъ къ домашнимъ, и подымется ли у насъ рука бросить камнемъ въ недоучившихся гимназистокъ, когда каждый изъ насъ сознаетъ за собою тотъ же самый грѣхъ. Мы очень отзывчивы на призывъ къ общественному дѣлу и самымъ искреннимъ образомъ сочувствуемъ просвѣщенію народа: итти въ школу, встрѣчать тамъ сотни жаждущихъ свѣта — все это такъ прекрасно и трогательно! Но далеко не всѣ изъ насъ вглядывались въ углы нашего домашнего очага, не всѣ спрашивали себя, нѣтъ ли тутъ, въ этой будничной, сѣренькой жизни, души, жаждущей просвѣщенія. Я вспоминаю собственное прошлое и десятки женскихъ лицъ, промелькнувшихъ передо мною въ качествѣ горничныхъ, и, право, не могу сказать съ увѣренностью, кто изъ нихъ былъ грамотенъ и кто нѣтъ. Вотъ почему, когда моей молоденькой дочери пришло на мысль выучить нашихъ горничныхъ грамотѣ, прежде, чѣмъ итти въ школу, поступокъ этотъ положительно устыдилъ меня и заставилъ задуматься; вотъ почему мнѣ казалось бы особенно полезнымъ пропагандировать въ обществѣ мысль, чтобы каждая домохозяйка, а тѣмъ паче барышня, какъ болѣе безпечное существо, задалась цѣлью научить хоть одну, хоть двухъ слугъ грамотѣ. Обученіе это шло бы рука объ руку съ воскресной школой и помогало бы ей быстрѣе охватить кругъ неграмотныхъ женщинъ и сдѣлать ихъ грамотными.

Полную противоположность Лидіи Алексѣевнѣ С. составляетъ другая наша ученица — Марья Ивановна К., 50-ти лѣтъ, какъ заявила она. Но несмотря на ея полноту и цвѣтущее, повидимому, здоровье, я увѣрена, что ей гораздо больше, судя по рту, въ которомъ не осталось, кажется, ни одного зуба. Блаженная улыбка постоянно освѣщаетъ ея толстое красное лицо, и можно предположить съ увѣренностью, что она счастливая женщина. Вы чувствуете это, когда она съ гордостью говоритъ вамъ, что сынъ ея живетъ у купца Сѣрикава не то что какимъ-нибудь черноработчимъ, а настоящимъ приказчикомъ, что внуки ея всѣ грамотны, и что сама она научилась отъ нихъ немножко читать по складамъ; что сынъ и домашніе отговаривали ее итти въ школу на старости лѣтъ, а она все-таки пришла, такъ какъ, по ея мнѣнію, въ этомъ нѣтъ ничего стыднаго. И когда я спросила ее, желаетъ ли она слушать бесѣду, объяснивъ, что рѣчь будетъ итти о физическихъ явленіяхъ природы, и что отъ нея вполне зависитъ остаться или итти домой на 5-й часъ, она отвѣтила мнѣ весело: „Пусть только рассказываютъ, а я хоть три дня подрядъ готова слушать!“

Объ эти ученицы настолько почтенны, что меня занимает вопросъ, правильно ли поступаемъ мы, присоединяя ихъ къ молоденькимъ дѣвушкамъ, изъ которыхъ почти исключительно состоитъ наша группа, и не слѣдуетъ ли изолировать ихъ въ особую группу пожилыхъ женщинъ?

Но, съ другой стороны, если Марья Ивановна не стыдилась учиться у своихъ внуковъ, почему бы ей стѣсняться сидѣть рядомъ съ молодыми дѣвушками? Къ той же категоріи ученицъ могла бы подойти, пожалуй, и третья новая ученица Вѣра Леонасьевна Г., прачка, одинокая женщина подлѣ 40 лѣтъ. Ее направила къ намъ одна изъ учительницъ субботней школы. Вѣра Леонасьевна знаетъ только буквы и то сбивается и смѣшиваетъ ихъ, такъ что трудно опредѣлить, пойдеть ли она съ нашей группой.

4-ой новой ученицѣ, Александрѣ Б., 18 лѣтъ. Она работаетъ на коробочной фабрикѣ, была весною въ школѣ всего 5 воскресній, а затѣмъ заболѣла тифомъ. Перерывъ занятій на 4 мѣсяца заставилъ ее совершенно позабыть усвоенныя ею буквы.

Въ это 5-ое по счету воскресенье мы повторили старое и показали, согласно букварю Вахтерова, *р* и *ш*; но, занимаясь 1-й частью провѣркой, я съ грустью замѣтила, что въ то время, какъ ученицы вполне правильно складывали и разлагали слова, сліяніе не далось многимъ изъ нихъ, и мнѣ стоило большого труда добиться этого, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда первая буква была согласная, а вторая гласная.

Изъ ариметики мы показали ученицамъ письмо цифръ: 1, 6, 8, 0, какъ сходныхъ по начертанію; дѣлали устные задачи на сложение въ предѣлѣ 10; считали десятками и пятерками до 100.

На урокъ ариметики присутствовалъ наблюдатель церковно-приходскихъ школъ, очень симпатичный молодой человѣкъ, видимо понимающій школьное дѣло. Прослушавъ урокъ О. Ф. Д., онъ сказалъ мнѣ: „Какъ видна опытная и искусная учительница даже въ этомъ почти первомъ урокѣ, въ которомъ она умудрилась вмѣстѣ извѣстную правильную систему“.

5-й часъ большинство ученицъ пожелало слушать бесѣду, но о результатахъ ся ничего еще нельзя сказать до будущаго воскресенья, такъ какъ мы не видѣлись потомъ съ нашими ученицами.

7-го декабря.

Два мѣсяца я не принималась за свой дневникъ. Поѣздка въ Петербургъ, затѣмъ подробный докладъ объ этой поѣздкѣ, въ которомъ я рассказываю, обыкновенно, своимъ сотоварищамъ по школѣ

обо всемъ, что видѣла и слышала тамъ; затѣмъ кружковое собраніе, въ которомъ я несу обязанности докладчика, — все это вмѣстѣ взятое лишило меня возможности дать отчетъ въ дневникѣ о томъ, сколько звуковъ пройдено въ то или другое воскресенье, и насколько подвинулась наша группа. Впрочемъ, успѣхи ея не выходили изъ ряда обыкновенныхъ, въ чемъ мы удостовѣрились путемъ сравненія въ засѣданіи кружкового собранія, а способности ученицъ оказались ниже среднихъ, такъ что объ окончаніи алфавита къ празднику мы мечтаемъ, какъ о чемъ-то особенномъ, между тѣмъ, какъ въ другихъ группахъ это казалось вполне нормальнымъ. Мечта наша еще болѣе отдалилась отъ насъ въ прошлое воскресенье, такъ какъ ученицамъ предстояло итти въ театръ, затративъ на это почти цѣлое воскресное утро. Когда намъ принесли билеты, которые мы получаемъ, обыкновенно, каждое воскресенье отъ дирекціи театра, очередь оказалась за нашей группой. Но видя предъ собою почтенныя лица старенькихъ ученицъ, я вдругъ почувствовала необходимость предпослать хоть коротенькую бесѣду о значеніи театра. „Мнѣ хочется поговорить съ вами, господа, по поводу выданныхъ вамъ билетовъ“, — сказала я и почувствовала на себѣ внимательные взгляды всѣхъ нашихъ 22 ученицъ.

— Какія средства существуютъ въ жизни для того, чтобы человѣкъ становился умнѣе, развитѣе и правильнѣе смотрѣлъ на все окружающее? — спросила я.

— Грамота, — отвѣчали онѣ въ унисонъ.

— Чтеніе книгъ, — отвѣтила одна изъ нихъ.

— А еще что? — спросила я.

Ученицы задумались и молчали.

— Разговоры съ умными людьми, — замѣтила пожилая женщина.

— Все это вѣрно, — сказала я, — но есть и, кромѣ этого, средства, развивающія умъ и облагораживающія сердце, какъ, на примѣръ: поэзія (стихи), живопись (картины), музыка. Сегодня я не имѣю времени говорить обо всемъ этомъ и останавлиюсь только на театрѣ. Въ старину невѣжественные люди называли театръ „дьявольскимъ навожденіемъ“ и считали грѣхомъ посѣщать его. Они были неправы. Тѣмъ не менѣе, не всегда къ театру можно относиться съ уваженіемъ: есть глупыя пьесы, съ пошлыми героями и героинями, на которыя стыдно подчасъ смотрѣть, особенно молоденькимъ дѣвушкамъ. Такіе театры бываютъ часто въ садахъ лѣтомъ; но есть другіе, достойные полнаго уваженія. Даровитый писатель (сочинитель) вглядывается въ людей, въ жизнь, изучаетъ ихъ характеры, ихъ хорошіе и дурные поступки и затѣмъ описываетъ ихъ въ пьесѣ, заставляя

живого человека-актера изображать то или иное лицо. Съ другой стороны, есть актеры, которымъ данъ талантъ изображать это лицо такъ, какъ будто бы вы видѣли его не на сценѣ, а въ жизни, и есть артисты, которые силою своего таланта заставляютъ плакать и смѣяться весь театръ.

Однимъ изъ даровитыхъ писателей, о которыхъ говорила я, былъ покойный Александръ Николаевичъ Островскій, пьесу котораго вы идете смотрѣть. Вы увидите тамъ живыхъ людей, добрыхъ и злыхъ, симпатичныхъ и непріятныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, надъ жизнью которыхъ и надъ поступками вы, навѣрное, задумаетесь потомъ, и въ этомъ-то раздумьѣ и будетъ та польза, то нравственное вліяніе, о которомъ говорила я.

На этомъ утреннемъ представленіи вы встрѣтите въ театрѣ множество учащейся молодежи, и я хочу объяснить вамъ, какъ и почему попала туда эта молодежь. Въ Харьковѣ издавна завѣдустъ театромъ семья Дюковыхъ. Одинъ изъ членовъ этой семьи былъ женатъ на знаменитой артисткѣ, и съ тѣхъ поръ драматическое искусство свято чтится въ этой семьѣ. Въ настоящую минуту во главѣ дѣла стоитъ умная, добрая и просвѣщенная женщина, А. П. Дюкова.

Для того, чтобы расходы театра покрывались, необходимо выручать ежедневно за продажу билетовъ нѣсколько сотъ рублей. Но, вѣроятно, добрая женщина думала такъ: „Какъ много въ городѣ Харьковѣ, среди 200.000 населенія, есть бѣдныхъ людей, которые въ своей трудовой жизни не видятъ ни свѣта, ни радости; дамъ же я имъ возможность хоть изрѣдка отдохнуть душою, хоть изрѣдка послушать творенія великихъ людей, задуматься надъ жизнью, сознать, что „бѣдность — не порокъ“!.. И вотъ, каждое воскресенье въ гимназіи, въ училища, въ школы разносятся сотни даровыхъ билетовъ, съ предложеніемъ итти бесплатно въ театръ. Ходятъ туда и наши ученицы поочередно, и каждый годъ мы пишемъ благодарственное письмо Александрѣ Николаевнѣ за то, что она своею щедростію и великодушіемъ помогаетъ намъ воспитывать нашихъ ученицъ и научать ихъ различать добро отъ зла. Слѣдуетъ сказать спасибо и тѣмъ даровитымъ артистамъ, которые принимаютъ участіе въ этихъ утреннихъ спектакляхъ, несмотря на утомленіе, которое чувствуютъ подчасъ отъ ежедневной работы.

Я сказала вамъ все, что думала; но если кто думаетъ иначе, если кого-нибудь призываютъ домой серьезныя обязанности, я прошу васъ поступить, какъ хотите: однѣ могутъ оставаться въ школѣ и продолжать свои занятія, другія — итти домой, третьи — въ театръ“.

Всѣ молча встали со своихъ мѣстъ и заявили, что идутъ въ театръ; даже старушка какъ-то умиленно мигала глазами, закутываясь своимъ большимъ чернымъ платкомъ.

Я давно не видала на сценѣ пьесы Островскаго „Шутники“, и мнѣ невыразимо хотѣлось посмотреть ее въ театрѣ вмѣстѣ съ ученицами и узнать, какое впечатлѣніе произведетъ она на нихъ, тѣмъ болѣе, что всѣ эти взрослые пожилые люди, за немногими исключениями, не были ни разу въ жизни въ театрѣ. Но въ этотъ день я еле дошла до школы, вопреки запрету доктора, а потому съ ученицами отправилась въ театръ О. Ф. Д. Тѣмъ не менѣе, разстаться съ мыслью узнать впечатлѣнія нашихъ ученицъ я никакъ не могла, а потому пригласила ихъ къ себѣ на домъ, воспользовавшись праздникомъ 6-го декабря. Такимъ образомъ, въ 10 ч. утра мы сидѣли уже въ моей рабочей комнатѣ, вокругъ большого стола, и мирно попивали чай. Вполнѣ естественно, рѣчь коснулась театра. Мнѣ очень хотѣлось выслушать мнѣнія не одной, не двухъ ученицъ, а всѣхъ присутствующихъ; но пожилая женщина-прачка и еще одна изъ замужнихъ ученицъ не давали никому говорить, передавая оживленно содержаніе пьесы и перебивая другъ друга. Мнѣ необходимо было удалить ихъ, чтобы выслушать мнѣнія остальныхъ, а потому я сказала просто и откровенно: „Знаете ли, иные сомнѣваются, чтобы человекъ неграмотный, неумѣющий читать, невидѣвшій никогда театра, могъ понять пьесу и рассказать ее, какъ слѣдуетъ. Мы, учительницы, думаемъ иначе и пользуемся всякимъ случаемъ, чтобы доказать имъ, что они ошибаются. Вотъ почему я попрошу васъ уйти въ другую комнату съ учительницей М. Н. Д. и пересказать ей подробно, какъ вы поняли пьесу“.

Ученицы безъ малѣйшаго колебанія и даже съ видимымъ удовольствіемъ согласились на это предложеніе и перешли въ другую комнату. Послѣ ихъ ухода между остальными ученицами завязалась живая перекрестная бесѣда, такъ что дочь моя еле успѣвала записывать отрывочныя фразы, не зная, кому принадлежать онѣ. Тѣмъ не менѣе, къ концу бесѣды для меня стало совершенно ясно, что пьеса понята до мельчайшихъ подробностей этими простыми, непосредственными людьми.

Содержаніе пьесы „Шутники“ таково: Бѣдный маленькій чиновникъ въ отставку бьется, какъ рыба объ ледъ, чтобы какъ-нибудь и чѣмъ-нибудь прокормить свою семью. Горькая нужда заставляетъ его разыгрывать роль шута и забавлять сытыхъ и безсердечныхъ московскихъ шутниковъ. Семья его состоитъ изъ двухъ дочерей: старшей, серьезной дѣвушки, которая понимаетъ весь стыдъ профессіи отца, и младшей, совѣтъ еще молоденькой, которую ба-

люють, какъ ребенка, силясь заслонить отъ нея мрачныя стороны жизни. Видную роль въ пьесѣ занимаетъ богатый купецъ Хрюковъ, человѣкъ грубый и невѣжественный, которому, однако, приглянулась старшая дочь чиновника до рѣшимости жениться на ней. Но, прежде чѣмъ рѣшиться на это, онъ оскорбляетъ дѣвушку предложеніемъ поступить къ нему въ экономки. Поводомъ къ этому служитъ просьба Аннушки одолжить ей 300 р. для жениха младшей сестры ея, Вѣрочки, который иначе попадетъ въ тюрьму. Этотъ женихъ Саша, тоже бѣдный маленькій чиновникъ, очень еще молодой, истратилъ порученныя ему деньги на похороны маменьки и тщетно силится добыть ихъ потомъ. Обнадеженный двумя молодыми людьми-шутниками, онъ идетъ къ нимъ за деньгами. Они напиваютъ его и направляютъ на будущаго тестя, увѣривъ, что у послѣдняго спрятано много награбленныхъ на службѣ денегъ. Тѣ же шутники бросаютъ на улицѣ, по пути старика, туго набитый конвертъ съ надписью 60.000, и онъ поднимаетъ его, наивно вѣруя, что тутъ деньги. Такая шутка чуть не стоитъ жизни бѣдняку. Но, какъ бы на выручку, является предложеніе Хрюкова, и бѣдная самоотверженная Аннушка покупаетъ цѣною своего личнаго счастья будущее благоденствіе старика-отца и своей любимицы Вѣрочки.

Вотъ тѣ отрывочныя фразы, которыя были записаны моею дочерью:

„Онъ шутникомъ былъ по необходимости: его бѣдность заставила шутки шутить въ пользу своихъ дочерей“.

„Онъ дѣлалъ это ради пропитанія и все на себѣ выносилъ“.

„Всѣмъ они должны были; вотъ и пришлось ему, бѣдному, противъ богатыхъ унижаться“.

„Старшая дочь была дѣвушка умная, достойная! Не любила она этихъ шутокъ и просила отца оставить ихъ, да некуда было податься“.

„Нужда заставила ее самое себя продать; и сдѣлала она это не для своего собственнаго счастья, не для роскоши, а ради старика-отца и младшей сестры“.

„Она говорила: „папенькѣ будетъ легче; Вѣрочку буду, какъ куклу, рядить““.

„И когда отецъ упалъ передъ нею на колѣни и прочимъ велѣлъ упасть, говоря: „Спаси насъ, Аннушка!“ отвѣчала: „Я буду покорна и сдѣлаю это ради васъ“. Прежде же, на восклицаніе богача: „Будь у меня экономкой!“ бросила ему деньги въ глаза“.

Я остановила ученицъ вопросомъ: „Слѣдуетъ ли выходить замужъ любя или по разсудку?“

— Конечно, любя! Чтобы жи въ этомъ не было! — отвѣчала одна изъ нихъ увѣренно. Но всѣ онѣ находили, что жертва Аннушки заслуживаетъ симпатіи, и одобряли ее.

Признаюсь, я была солидарна съ ними, и у меня не хватило мужества высказать передъ ними теорію честныхъ людей, что про-давать себя не слѣдуетъ никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ.

„Сестра ея, Вѣрочка, была почти что ребенокъ“, — говорила пожилая женщина. — И когда ей рассказали о позорѣ, полученномъ отъ старика-богача, она воскликнула: „Такъ что жъ тутъ такого!“

Рядомъ со мною, на диванчикѣ, сидѣла молоденькая дѣвушка (та самая, мать которой училась когда-то въ школѣ и прислала мнѣ поклонъ) и, глядя на меня своими дѣтскими глазами, сказала вопросительно: „Я тоже не поняла, что тутъ обиднаго и за что она ему деньги въ глаза швырнула?“

Я не нашлась, что отвѣчать ей.

„Ей все шутки да смѣшки! — говорила еще одна дѣвушка. — Она не знала даже, откуда отецъ деньги достаетъ. Ей только бы со своимъ Сашей сидѣть, да ѣсть, да пить!“

Особенно интересно въ пересказахъ ученицъ было то, что онѣ сопровождали этотъ пересказъ жестами и передавали слова дѣйствующихъ лицъ въ разговорной формѣ. Минутами можно было подуматъ, что онѣ заучили ихъ на память.

— И мы всегда будемъ такъ весело жить?

— Всегда.

— И всегда ты будешь любить меня?

— Всегда, — говорила ученица то за Вѣрочку, то за Сашу, измѣняя при этомъ голосъ.

О женихѣ, Сашѣ, онѣ говорили: „Онъ, бѣдный, издержалъ чужія деньги не на себя, а на матернины похороны, а потомъ такъ убивался, что восклицалъ: „Я изъ-за этихъ денегъ удавился бы! Совѣстно Вѣрочкѣ на глаза показаться!“

„До того, какъ шутники его напоили, онъ скромнымъ малымъ былъ, въ ротъ ничего не бралъ“.

„А еще какую штуку они надъ бѣднымъ старикомъ разыграли: свернули газету въ пакетъ, написали 60.000, а внутри положили бумажку: „за чужимъ не гонись“. Старикъ нашелъ и, не разворачивая, прибѣжалъ домой, говоря: „Дѣти, кланяйтесь, молитесь Богу, мы богаты! Саша, я тебѣ домъ куплю!“ А какъ раскрылъ, денегъ нѣтъ, такъ съ нимъ въ родѣ обморока сдѣлалось, чуть не померъ!“

Ученицы замолчали. Очевидно, трагедія въ семьѣ бѣднаго чиновника всецѣло захватила ихъ.

— А что вы скажете о Хрюковѣ? — спросила я.

— Что жъ, это былъ человѣкъ необразованный, хотя и богатый, настоящий мужикъ!

— Характеръ у него былъ тяжелый, грубый. И когда онъ задумалъ жениться, то разогналъ изъ дому своихъ собственныхъ дѣтей.

— Опять тоже, какъ онъ судилъ насчетъ бѣдности! Когда онъ сказалъ Аннушкѣ: „Иди ко мнѣ въ экономки, я буду тебѣ щедро платить“, она приняла это за оскорбленіе, за позоръ, а онъ ей: „Что для тебя и для всѣхъ васъ, бѣдныхъ, оскорбленіе и позоръ?! Вотъ мнѣ, богатому, страшнѣе позоръ, потому что обо мнѣ много разговоровъ пойдетъ!“

— Обо всѣхъ ли дѣйствующихъ лицахъ рассказали вы? — спросила я.

Ученицы задумались.

— Тамъ было много такихъ людей, — заговорила одна изъ нихъ, — которые совсѣмъ не разговаривали, а только отъ дождя прятались. Шарманщикъ тоже приходилъ.

— А еще тетку забыли, — вспомнила пожилая женщина, — которая по богатымъ ходила, у которой въ мѣшечкѣ котлетка лежала. Аннушка предлагала ей у нихъ позавтракать, чѣмъ Богъ послалъ, а она говоритъ: „зачѣмъ я буду васъ объѣдать — у васъ свое семейство! Похожу по знакомымъ, кто-нибудь пригласитъ!“

— Эта тетка всегда сыта и одѣта была, благодаря знакомству съ богатыми людьми, — сказала я, — но можно ли назвать ея жизнь счастливою или несчастною?

— Не дай Богъ никому такой бродяжнической жизни! — замѣтила одна изъ дѣвушекъ.

— Хуже нѣтъ, какъ побираться! — добавила другая.

Въ эту минуту возвратились ученицы, плавно пересказывавшія всю пьесу въ отдѣльной комнатѣ, и бесѣда сдѣлалась еще оживленнѣе. Начали вспоминать пьесу до мельчайшихъ подробностей.

— Я никогда отъ роду не была въ театрѣ, — говорила одна изъ дѣвушекъ, — и когда поднялась занавѣска вверхъ, у меня такъ сердце и захолонуло: „Что будетъ? пойму ли?..“ А старикъ стоялъ и приказываетъ Анютѣ объявленіе писать насчетъ сдачи квартиры за 6 руб. въ мѣсяцъ и велитъ ей перечитывать и самъ перечитываетъ... Такъ смѣшно!

Оказалось, что большинство ученицъ, какъ я говорила уже, ни разу не были въ театрѣ, а тѣ, которыя были, вспоминали какія-то неизвѣстныя мнѣ пьесы заурядныхъ, очевидно, авторовъ и говорили: „Ну, противъ этой тѣ куда хуже!“ Одна только пожилая женщина

сказала съ чувствомъ: „А я видѣла въ прошломъ году тоже хорошую пьесу; она называлась „Разбойники“. И когда я пересказывала ее дома, такъ всѣ слушали, слова не проронивши!“

— А я рассказывала дома про „Путниковъ“, такъ всѣ домашніе даже плакали надъ старикомъ и надъ Аннушкой!.. При васъ немножко стѣснительно рассказывать, — добавила она добродушно, обращаясь ко мнѣ, — ну, а дома говоришь, говоришь все съ начала до конца.

„О, какъ желала бы я подслушать эти пересказы!“ думала я, и передо мною открылась совсѣмъ новая сторона значенія театра — пропаганда его среди родныхъ и знакомыхъ. Я думала также о томъ, нуженъ ли специально народный театръ, какъ и специально народные книги, или же А. П. Дюкова правильнѣе разрѣшила эту задачу, ставя по воскресеньямъ „Разбойники“ Шиллера, „Горе отъ ума“ Грибоедова, „Ревизоръ“ Гоголя, „Путники“ Островскаго, обставляя эти представленія лучшими силами своей труппы и давая возможность юношеству и бѣднымъ людямъ воспитываться на произведеніяхъ гениальныхъ писателей?..

Но и пересказы, выслушанные нами, были очень хороши, и я приведу ихъ цѣлкомъ, въ полной ихъ простотѣ и неприкосновенности.

Изложеніе первое.

Чиновникъ былъ въ бѣдности, имѣлъ себѣ нужду сильную, припымалъ всякія шутки: ему и лицо сажей мазали, и шутили надъ нимъ, потому что за эти шутки ему помогали и занимали денегъ. Былъ у него благодѣтель, который ему помогалъ. У чиновника было двѣ дочки: Анюта и Вѣра. Они засватали младшую дочку Вѣрочку. Она говорила жениху: „Развѣ нужно замужъ выходить? Мы всѣ такъ будемъ — папаша, ты, сестрица“. А женихъ говоритъ: „Нужно любовь оказать, нужно поцѣловать“. А Вѣрочка говоритъ: „Значитъ, мы такъ всегда будемъ спдѣть и цѣловаться?“ А онъ говоритъ: „Да, да“. — „А можетъ, ты откажешься потомъ отъ меня?“ — „Нѣтъ, нѣтъ, я никогда не откажусь отъ тебя!“ Потомъ Вѣрочка вышла, и женихъ подошелъ къ Анютѣ и сказалъ, что ему нужно до ножа 300 р., и „если я не достану этихъ денегъ, такъ мнѣ хоть удавиться!“ По Анюта сказала: „Ни у меня, ни у папеньки денегъ нѣтъ“, и начала пытаться, для чего же деньги? По, какъ она ни пыталась, онъ все говорилъ, что никакъ не можетъ сказать, для чего эти деньги. Но потомъ сказалъ, что у него есть такіе люди, которые обѣщали ему дать денегъ, и что онъ сейчасъ пойдетъ къ нимъ. Саша пошелъ занимать денегъ, а къ Анютѣ пришелъ купецъ и началъ говорить, что вотъ вы просватали Вѣрочку, но этотъ женихъ

не достоинъ ея. А Анюта сказала: „Нѣтъ, онъ очень хорошій человекъ, но только ему крайность и очень нужно 300 р. Дайте намъ эти 300 р., и мы отдадимъ вамъ“. Но купецъ сказалъ: „Я вамъ дамъ 300 р., а папенькѣ вашему не дамъ“. Когда купецъ ушелъ, пришелъ ея папенька, и она рассказала ему, что вотъ купецъ обѣщалъ дать ей денегъ, но такъ какъ-то, что она не знаетъ: брать ли ей, потому что онъ говорилъ, что папенькѣ не дастъ, а ей дастъ, сколько угодно. Папенька сказалъ: „Да, лучше не бери!“ Потомъ приходитъ Сашенька пьяный: его напоили путники; они ему сказали, что „у твоего тестя есть много денегъ, и ты скажи ему, если онъ денегъ не дастъ, что у тебя есть другая невеста, и ты не возьмешь за себя Вѣрочку“. Анюта вышла къ нему и сказала: „Что съ тобою, Саша?“ — „Что со мною? — сказалъ онъ. — Дайте мнѣ 300 р., иначе я вашу сестру не возьму замужъ!“ Она попросила его выйти вонъ. Когда отецъ встрѣтилъ Сашу на площади и спрашивалъ, зачѣмъ тебѣ 300 р., онъ говорилъ, что я не могу открыться. Но отецъ началъ спрашивать, куда издержалъ; тогда онъ признался, что похоронилъ маменьку, и просилъ, чтобы его простили, что онъ явился пьянымъ; говорилъ, что Вѣрочка никогда его не проститъ. Но отецъ сказалъ: „Если я прощу, такъ и Вѣрочка должна простить. Иди къ ней и скажи, что папаша велѣлъ помириться!“ Когда онъ пришелъ помириться, то Вѣрочка сказала, что нѣтъ, я съ вами не помирюсь. А онъ сказалъ: „Папаша велѣлъ намъ помириться“. Тогда Вѣрочка сказала, что если папаша велѣлъ, то она помирится. Потомъ приходитъ купецъ и говоритъ: „Разжился ли вашъ Сашенька денегъ?“ — „Нѣтъ, — отвѣтила Анюта, — его обманули и не дали ничего; а все-таки мы хотимъ у васъ занять денегъ. Мы вамъ отдадимъ въ скоромъ времени“. Тогда онъ подаль ей бумажникъ и сказалъ: „Бери сколько хочешь!“ Но она сказала, что мнѣ больше не нужно, мнѣ только 300. Онъ говоритъ: „Хочешь, я тебя въ золотѣ буду водить?“ Но она сказала: „Мнѣ ничего не надо; дайте мнѣ 300 р.“. Тогда онъ вынулъ и далъ ей 300 р. Она начала благодарить, а онъ говоритъ: „Ты думаешь, что я тебѣ даромъ далъ эти деньги? Нѣтъ, ты иди ко мнѣ въ экономки!“ Она обидѣлась и швырнула ему деньги въ лицо, а онъ сказалъ: „Ахъ, ахъ, ахъ, развѣ можно деньги швырять!“ Потомъ вошелъ ея отецъ, а Анюта говоритъ, что вотъ онъ меня нанимаетъ въ экономки. Тогда отецъ разсердился и намѣревался ударить стуломъ купца, а благодѣтель и говоритъ: „Когда такъ, такъ ты отдай мнѣ весь долгъ, а если не отдашь, такъ я тебя засажу туда, куда ты и самъ не знаешь!“ Потомъ отецъ образумился и говоритъ Анютѣ: „Я не хорошо сдѣлалъ, что накричалъ: вѣдь все-таки онъ намъ благодѣтель!

Нужно пойти и извиненія попросить“. И потомъ, когда онъ отъ него вернулся, сказалъ Анютѣ, что купецъ хотѣлъ пошутить и не въ экономки нанималъ, а возьметъ тебя въ жены, если ты согласна. И Анюта сказала: „Если и выйду замужъ, я буду Вѣрочку одѣвать, какъ куклу, и вашу старость беречь“.

Изложеніе второе.

Одинъ жилъ, какъ бы сказать, семьянинъ, очень бѣдный; добывалъ хлѣбъ тѣмъ, что надъ нимъ смѣялись, мазали ему лицо и за это давали ему вознагражденіе. У него были двѣ дѣвочки. Вотъ онъ нашелъ жениха младшей дочкѣ. Женихъ такой же, что ничего нѣтъ. Ему наговорили, что у нихъ есть деньги, и онъ началъ просить ихъ. Но они денегъ не давали, а хотѣли купить домикъ, а жениху нужны были деньги. Они вездѣ просили, никто имъ не давалъ. Тогда старшая дочка попросила у богатаго купца занять 300 р. Но купецъ понялъ это въ другомъ родѣ и предлагалъ ей не только 300 р., но гораздо больше, только чтобы она шла жить къ нему въ экономки. Но дѣвушка обидѣлась и не захотѣла и начала кричать на купца: „Убирайтесь вонъ!“ Въ это время выбѣжалъ отецъ и началъ смѣяться и спрашивать, что случилось? Тогда дочка рассказала, и отецъ хотѣлъ даже ударить стулкою купца. А купецъ началъ говорить: „Твоя дочка — дура! Я предлагаю ей въ экономки итти, а она не хочетъ. Что жъ такого, что про тебя будутъ рассказывать — ты бѣдный! Вотъ если-бъ про меня рассказывали, это нехорошо: я богатый, меня все знаютъ!..“ Купецъ очень разсердился и сказалъ, что если придется имъ нужда, то тогда не натыкайтесь ко мнѣ! Купецъ ушелъ, а старикъ началъ охать, что теперь дѣлать, если онъ потребуетъ долгъ?! А тутъ какъ разъ и присылаетъ купецъ, чтобы пришелъ къ нему старикъ. Старикъ и пошелъ. Идетъ оттуда черезъ нѣсколько времени и плачетъ, и смѣется, и заставляяетъ всѣхъ: и меньшую дочку, и жениха, и самъ становится на колѣни и говоритъ, что купецъ не только простилъ долгъ, но проситъ руки старшей дочери и предлагаетъ на приданое 20 тысячъ. Она, когда узнала, и говоритъ: „Развѣ вы думали, что я не выйду?“ И вотъ она жертвуетъ собою и выходитъ замужъ для того, чтобы успокоить старика, чтобы надъ нимъ не смѣялись и чтобы наряжать Вѣрочку, такъ какъ она еще все равно, что малолѣтняя, и ничего не понимала даже; когда она узнала, что купецъ приглашаетъ сестру въ экономки, то она говорила: „Какъ это служить, это значить деньги получать?“

Я прочла оба эти изложенія уже тогда, когда ученицы ушли, и меня непріятно кольнуло слово „благодѣтель“ въ первомъ изложе-

ни. Была ли въ этомъ словѣ доля ироніи, когда произносила его ученица, или въ самомъ дѣлѣ она считала Хрюкова благодѣтелемъ за то только, что онъ снабжалъ бѣдняка деньгами, вмѣстѣ съ тѣмъ издѣваясь надъ нимъ? Я должна была предложить ученицамъ этотъ вопросъ, но онъ какъ-то не пришелъ мнѣ въ голову, и, чтобы рѣшить его, необходимо выждать воскресенье.

Вчера, 14 декабря, наступило это воскресенье. И когда ученицы усѣлись по мѣстамъ, я спросила ихъ, могу ли я отнять нѣсколько минутъ отъ урока, чтобы побесѣдовать съ ними о театрѣ и предложить имъ вопросъ, который прошлый разъ какъ-то ускользнулъ отъ меня.

— Еще бы, мы всегда рады поговорить съ вами! — сказала пожилая женщина.

— Мы довольны, что вы оздоровѣли и пришли въ школу! — замѣтила, сіяя, старушка.

— Иныя изъ васъ, — начала я, — передавая содержаніе пьесы, называли Хрюкова „благодѣтелемъ“. Дѣйствительно ли его можно назвать „благодѣтелемъ“, и если „да“, то почему; а если „нѣтъ“, то по какимъ причинамъ?

Я силилась придать своему тону полное безпристрастіе.

Отвѣты посыпались со всѣхъ сторонъ, и я едва успѣвала записывать ихъ. Но ни одинъ отвѣтъ не произвелъ на меня такого сильнаго впечатлѣнія, какъ первый, полученный отъ неграмотной горничной, сидѣвшей vis-à-vis со мною.

— Горе заставляло „благодѣтелемъ“ называть, — сказала она съ такою горечью, съ такимъ глубокимъ сознаніемъ, точно будто говорила о близкомъ ей человѣкѣ.

„Не ограничиться ли однимъ этимъ отвѣтомъ?“ — промелькнуло у меня въ головѣ; но я все-таки продолжала записывать.

— Это не настоящій благодѣтель, не отъ души, — замѣтила старушка.

— Некуда было податься, отъ этого и заискивалъ въ немъ, — сказала ея сосѣдка.

— Тогда бъ его можно благодѣтелемъ звать, если бъ онъ, видя его бѣдность, помогъ ему безъ издѣвательства! — произнесла правдоучительно пожилая женщина.

— Какъ вы думаете, гдѣ происходило все это? — спросила я, не помня, было ли упомянуто въ пьесѣ о Москвѣ и могли ли догадаться объ этомъ ученицы. Мнѣ хотѣлось коснуться вопроса о богатомъ московскомъ купечествѣ.

— Мнѣ кажется, что это было въ Москвѣ, — замѣтила одна изъ ученицъ, — по выговору слышно! да и рассказываютъ, что тамъ много богачей вообще.

Я удивилась такого рода сообразительности и продолжала:

— А какъ вы думаете, при этомъ богатствѣ все ли они образованы?

— Ну, нѣтъ! по этому благодѣтелю можно судить, что тамъ есть и малообразованные, грубые, — сказала моя vis-à-vis, горничная, и желанная иронія положительно прозвучала въ ея отвѣтъ.

— Правы, которые описываетъ Островскій и которые видѣли вы на сценѣ, существовали, по преимуществу, въ прежніе годы, — продолжала я. — Но жизнь идетъ; люди дѣлаются образованнѣе, умнѣе, добрѣе, и теперь среди московскаго купечества существуетъ не мало свѣтлыхъ личностей, совсѣмъ не похожихъ на Хрюкова.

И, какъ яркій примѣръ, я привела купчиху, рассказала о больницахъ, воздвигнутыхъ ею въ Москвѣ и о помощи умирающимъ во время голода. Ученицы слушали меня, затаивъ дыханіе.

— А почему пьеса эта называется „Путники“? — спросила я въ заключеніе.

— „Путниками“ называютъ тутъ богачей, которые надъ бѣдными шутки шутятъ, — отвѣчала пожилая женщина.

Я взглянула на часы: цѣлые полчаса были отняты отъ урока, но я не считала ихъ потерянными.

28-го декабря.

Окончаніе алфавита и первое чтеніе связнаго разсказа является торжественнымъ моментомъ въ жизни взрослыхъ ученицъ. Вотъ почему я особенно тщательно пересмотрѣла наканунѣ все коротенькіе разсказы азбуки Вахтерова. Ни „Птичка летаетъ“, ни „Пѣтушокъ, пѣтушокъ, золотой гребешокъ“ не соответствовали, конечно, моему цѣли, зато я встрѣтила тамъ же незатѣйливый разсказецъ „Книжка“, басню „Пѣтухъ и работницы“ и статейку Ушинскаго „Буренушка“, которые вполне соответствовали чтенію взрослыхъ ученицъ. Ученицы читали довольно складно и безъ всякаго затрудненія передавали прочитанное, не только въ простыхъ предложеніяхъ, но и въ цѣломъ разсказѣ. И мнѣ оставалось радоваться, если бы я не подмѣтила за собою элемента нетерпѣнія. Я никакъ не могла выждать, чтобы ученица самостоятельно добралась до конца длиннаго и многосложнаго слова и какъ-то незамѣтно для самой себя подсказывала ей окончаніе. Вотъ почему вмѣсто одной, двухъ мы прочли за 50 минутъ цѣлыхъ три статейки съ пересказомъ ихъ. Въ слѣдующее воскресенье я общала самой себѣ быть насторожѣ этого обстоятельства; но тутъ случилось для меня нѣчто неожиданное: урокъ мой пришли слушать какой-то земскій учитель, преподаватель Плещеевской сельско-хозяйственной школы, не-

известный мнѣ молодой человѣкъ и неизвѣстная барышня. Я объяснила имъ, что ученицы мои поступили въ сентябрѣ и только-что окончили азбуку. На этотъ разъ мы прочли не три, а даже четыре статьи: „Колосъ“, „Приглашеніе въ избу“ Водовозова, „Нищій“ и отрывокъ изъ стихотворенія Плещеева „Есть на свѣтѣ много бѣдныхъ и сиротъ“, на которомъ я остановилась особенно подробно! Сперва ученицы читали стихи до точки каждая, затѣмъ передавали содержаніе, затѣмъ произносили стройно хоромъ, затѣмъ я прочла имъ сама, и, въ концѣ концовъ, нѣкоторые изъ нихъ могли произнести этотъ коротенькій отрывокъ на память. Я вела урокъ съ особеннымъ оживленіемъ, какъ всегда при постороннихъ; но когда, по приходѣ домой, наступилъ анализъ, я должна была признаться себѣ, что мое свойство подсказывать трудныя слова выразилось на это разъ еще ярче прежняго. Я вспомнила, что мнѣ было какъ-то ужасно стыдно при постороннихъ, когда ученица долго билась надъ однимъ и тѣмъ же словомъ, и казалось, что и гостямъ, и товаркамъ оя ужасно скучно выжидать, когда-то она разберетъ это мудреное слово. Между тѣмъ, руководствуясь подобными соображеніями, можно совсѣмъ не научить ученицъ читать, какъ слѣдуетъ, а потому я пришла къ рѣшенію устранить себя отъ этого предмета и передать его моей дочери, которая проявляетъ въ своихъ занятіяхъ удивительное терпѣніе и мягкость, какъ замѣтила я.

Въ виду этихъ соображеній, я занималась 2-й часть письмомъ, объяснила ученицамъ разницу между гласными и согласными буквами, и мы разбирали каждое слово по слогамъ; но мнѣ все-таки жалъ моихъ уроковъ чтенія, которые я люблю больше другихъ, и я утѣшаюсь только мыслью, что, не руководя урокомъ чтенія, я буду читать ученицамъ время отъ времени вслухъ, чтобы привить въ нихъ любовь къ книгѣ, которая также играетъ большую роль въ общемъ развитіи человѣка.

Х. Алчевская.

Учащіеся воскресныхъ школъ.

Практика воскресныхъ школъ даетъ множество интересныхъ наблюдений и свѣдѣній по вопросу объ отношеніи учащихся къ школѣ и преподающимъ; полагая въ этой, именно, сторонѣ главную причину успѣха нашего дѣла, мы придаемъ всѣмъ такимъ свѣдѣніямъ большое значеніе, считаемъ ихъ глубоко поучительными, а потому всегда съ большой охотой даемъ имъ мѣсто на страницахъ нашей хроники. Съ этой именно точки зрѣнія мы считаемъ весьма цѣннымъ слѣ-

дующій отрывокъ изъ письма завѣдующей одной изъ провинціальныхъ мужскихъ воскресныхъ школъ:

Всѣ наши ученики относятся къ школѣ и къ преподающимъ съ полнымъ уваженіемъ и держатъ себя въ высшей степени сдержанно и прилично; никогда въ школѣ не слышно громкаго разговора или рѣзкаго смѣха; никогда ученики не курятъ въ школѣ, хотя ихъ никто объ этомъ не предупреждалъ, и только наиболѣе страстные любители пѣска выкуриваютъ въ сѣняхъ папирску. Каждый идетъ въ школу въ лучшемъ своемъ платьѣ, и неизмѣнно достаточно приличной, по мнѣнію ученика, одежды, служитъ, къ сожалѣнію, нерѣдко причиною пропуска уроковъ. О томъ, какъ держатъ себя ученики въ классѣ, съ какимъ вниманіемъ относятся къ каждому слову учителя, объ этомъ нечего, конечно, и писать. Съ преподающими ученики сближаются весьма охотно, если видятъ хотя малѣйшее къ тому желаніе со стороны тѣхъ; но въ школѣ они никогда не говорятъ съ нами о своихъ личныхъ, а тѣмъ болѣе семейныхъ дѣлахъ—некогда: и учителю, и ученикамъ нужно много сдѣлать въ эти 45 минутъ, которыя продолжается урокъ, и потому школа наша носитъ, какъ можетъ, пожалуй, показаться, слишкомъ ужъ дѣловой и сухой характеръ. Зато ученики очень цѣнятъ возможность притти къ преподающему на домъ. Сближеніе происходитъ, конечно, не сразу, и сначала ученикъ придумываетъ предлогъ, чтобы зайти; обыкновенно, онъ приходитъ за какой-нибудь „книжечкой“, какой нѣтъ въ школѣ и которую учитель обѣщаль дать ему. Первые разговоры бываютъ всегда по поводу книжки; но скоро ученикъ осваивается съ чужой ему обстановкой и, видя искреннее расположеніе къ нему со стороны учителя, перестаетъ стѣсняться, разспрашиваетъ, рассказываетъ, а иногда даже и спорить, разумѣется, сохраняя при этомъ полное уваженіе къ своему противнику. Деликатность—отличительная черта людей этого класса, и замѣчательно, что въ какихъ бы близкихъ отношеніяхъ ни были учащіеся съ учащими, отношенія эти никогда не перейдутъ той черты, за которой начинается уже фамиллярность. И о чемъ, о чемъ только не приходится говорить съ учениками! Ихъ такъ многое интересуетъ, такъ много и такъ серьезно думаютъ нѣкоторые изъ нихъ надъ жизнью, что положеніе человѣка, къ которому они обращаются съ своими запросами, было бы весьма затруднительнымъ, если бы нельзя было, не рискуя упасть въ ихъ мнѣніи, откровенно признаваться въ своемъ незнаніи или непониманіи того или другого. Такое признаніе нисколько не уменьшаетъ ихъ уваженія къ человѣку: они знаютъ, что нельзя быть всевѣдущимъ, кромѣ того, они цѣнятъ въ насъ уже одно наше желаніе быть имъ полезными.

О своих семейных дѣлахъ ученики говорятъ очень охотно и иногда даже знакомятъ насъ съ своими женами; по крайней мѣрѣ, я знаю нѣсколько такихъ случаевъ. Большинство учениковъ обращаетъ большое вниманіе на воспитаніе дѣтей; иногда они даже пересаливаютъ въ этомъ отношеніи. Я помню, какъ разъ жена одного ученика приходила просить меня, чтобы я уговорила ея мужа не очень мучить арифметикой ихъ маленькую дочку: „Онъ самъ радъ сидѣть надъ задачками, — говорила она, — такъ и ее хочеть этакъ же засадить, а вѣдь она ребенокъ, ей поиграть хочется; онъ такъ только отвратить ее совсѣмъ отъ арифметики-то!“ Въ другой разъ я съ удивленіемъ узнала, что этотъ же отецъ (сапожникъ, зарабатывающій рублемъ 16 въ мѣсяцъ на всю семью) учитъ свою 8-лѣтнюю дочку читать по-французски. Самъ онъ учился этому по самоучителю, но, конечно, читать не умѣлъ, а зналъ только буквы, и при чтеніи страшно коверкалъ слова. Я говорила съ нимъ о бесполезности этихъ занятій, но не знаю, убѣдила ли его.

Иногда приходится вести съ учениками и болѣе щекотливые разговоры, приходится иной разъ прочитать имъ и „нотацію“. Такъ, однажды, въ обществѣ трезвости была назначена генеральная репетиція спектакля, въ которомъ участвовало нѣсколько нашихъ учениковъ (очень многіе изъ нихъ состоятъ членами общества трезвости), а также и постороннія школѣ лица. Одинъ изъ наиболѣе развитыхъ и способныхъ учениковъ, молодой сапожникъ, игралъ главную роль, и вдругъ онъ не только не пришелъ на репетицію, но когда за нимъ послали, то его даже дома не оказалось, и нигдѣ не могли его найти. Репетиція не состоялась; всѣ участники разошлись, прождавъ его часа 2—3 и даромъ потерявъ вечеръ. Я ужасно возмущалась его поведеніемъ и тутъ же высказала это; слова мои, какъ я и желала, были ему переданы. На другой день, утромъ, въ необычное время, онъ явился ко мнѣ и съ дѣланною развязностью спросилъ, очень ли я сержусь. Я стала упрекать его въ недобросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу и въ не деликатности относительно участниковъ спектакля. Сначала онъ молчалъ, но въ самомъ разгарѣ моей рѣчи вдругъ взволнованно прервалъ меня: „Я не виноватъ, дѣло вотъ какъ было“, и объяснилъ мнѣ, что случайное стеченіе обстоятельствъ помѣшало ему быть на репетиціи. Я до сихъ поръ не знаю, правду ли онъ говорилъ, но, во всякомъ случаѣ, ему стало и досадно, и стыдно. Прочитанная нотація не только не отдала его отъ меня, но даже, напротивъ, какъ будто сблизила насъ. Я знаю еще одинъ случай, гораздо серьезнѣе, когда учительница вмѣшалась въ личную жизнь ученика, узнавъ отъ его товарищей, что въ послѣднее время онъ кутилъ. Послѣ длиннаго разговора, кото-

рый былъ между ними, она указала ему на нѣсколько уважаемыхъ всѣми ремесленниковъ, которые раньше когда-то тоже не отличались хорошимъ поведеніемъ, но потомъ, женившись, совсѣмъ измѣнились подъ влияніемъ своихъ женъ, и послушная посовѣтовала ему жениться. Каково же было ея удивленіе, когда вскорѣ она услышала, что ученикъ этотъ женится; онъ и самъ пришелъ поговорить съ ней объ этомъ и сказалъ, что рѣшился на этотъ шагъ подъ влияніемъ разговора съ ней. „Я прямо отъ васъ прошелъ тогда туда, гдѣ могъ ее (невесту) встрѣтить. Она мнѣ всегда правила, а тутъ я сталъ къ ней хорошенько присматриваться и все думалъ, думалъ: хорошая ли жена она будетъ, и жениться ли мнѣ на ней“. На слова учительницы о томъ, что теперь ему надо будетъ совсѣмъ измѣнить свою жизнь, онъ отвѣчалъ, что понимаетъ, что будетъ теперь уже не одинъ, и что его поведеніе отзовется на жизни другого человѣка. „Поэтому-то я и не скоро рѣшился и теперь все еще не спокоенъ“, — прибавилъ онъ; дѣйствительно, онъ очень волновался. Дѣвушка, которую онъ выбралъ, оказалась очень хорошей; тѣ, кто близко знаетъ ихъ, говорятъ, что они живутъ счастливо. Впослѣдствіи до учительницы дошелъ слухъ, что онъ самъ работаетъ мало, а жена его не разгибается надъ работой; встрѣтившись съ нимъ гдѣ-то, она упрекнула его въ этомъ, но онъ возразилъ, что это неправда. Учительница думала, что онъ обиженъ ея несправедливымъ замѣчаніемъ; однако, впослѣдствіи оказалось, что этотъ самый ученикъ ставилъ ей въ заслугу то обстоятельство, что она ихъ такъ „пробираетъ“, и жена его съ удовольствіемъ приводила въ примѣръ, именно, этотъ случай, хотя и прибавляла, что на этотъ разъ учительница ошиблась.

Насколько ученики дорожатъ возможностью приходить къ преподающимъ на домъ, видно изъ того, что передъ моимъ отъѣздомъ нѣсколько учениковъ съ беспокойствомъ спрашивали меня: „Будетъ ли новая завѣдующая принимать къ себѣ учениковъ“, и прибавляли: „Вѣдь это очень важно“... Точно такъ же, когда рѣчь заходитъ объ одномъ выдающемся нашемъ ученикѣ, многіе говорятъ, не желая признать превосходства его натуры: „Что вы ему удивляетесь? Вѣдь, онъ постоянно бываетъ и у васъ, и у Ч... и съ другими часто встрѣчается, такъ ужъ стыдно бы ему не понимать больше нашего! Да и давно ли онъ такимъ сталъ? Только вѣдь вотъ въ послѣднее время около хорошихъ людей поразвился.“

Иногда отстающіе отъ группы ученики ходятъ къ намъ на домъ заниматься. Въ большинствѣ случаевъ, они платятъ намъ за это горячею благодарностью. Какъ наиболѣе яркій примѣръ, мнѣ приходится на память одинъ неграмотный ученикъ, съ которымъ

учитель его группы предложил одной из нас заниматься разъ или два среди недѣли, такъ какъ онъ отставалъ отъ другихъ. Это былъ мрачный пожилой уже человѣкъ. Желаніе научиться грамотѣ было у него такъ сильно, что, несмотря на то, что онъ работалъ буквально дни и ночи, потому что иначе не могъ бы существовать съ своей семьей, онъ ходилъ къ учительницѣ по 3 и по 4 раза въ недѣлю (къ сожалѣнію, онъ былъ не изъ способныхъ). Личность этого ученика интересна, и мнѣ очень хотѣлось бы познакомить васъ съ нимъ, но мнѣ не позволяютъ сдѣлать это ни время, ни размѣры письма, и я остановлюсь только на отношеніи его къ учительницѣ (съ этой цѣлью я и заговорила о немъ), приведя слѣдующіе два факта. Одинъ разъ учительница его замѣтила, что онъ плохо видитъ, и взяла съ него слово, что онъ обратится къ доктору. Докторъ велѣлъ ему носить очки, за которые надо было заплатить 3 рубля, а такъ какъ такихъ денегъ у этого сапожника быть не могло, то учительница предложила занять ихъ у ней; онъ очень обрадовался и попросилъ позволенія уплачивать долгъ по 50 коп. въ мѣсяцъ. Въ первый же разъ какъ онъ принесъ ей деньги въ уплату, она сказала ему: „Позвольте мнѣ подарить вамъ эти очки на память о нашихъ занятіяхъ; вѣдь мы съ вами теперь не совѣмъ чужіе другъ другу, и мой подарокъ не можетъ обидѣть васъ“. Онъ помолчалъ немного и отвѣчалъ ей, видимо, тронутый: „Спасибо! только очки я ужъ самъ куплю себѣ; что очки! они, вѣдь, и разбиться могутъ, а ужъ если вы хотите мнѣ что-нибудь подарить, то подарите евангеліе да на листочкѣ-то наверху напишите непременно: „Отъ учительницы на память“. Это ужъ на вѣкъ будетъ и мнѣ, и дѣтямъ моимъ, всѣ мы будемъ васъ вспоминать“. Учительница такъ и сдѣлала, конечно, а даньги за очки онъ ей выплатилъ. Въ другой разъ его чувство къ ней выяснилось еще яснѣе и горячѣе. Она уѣзжала лѣтомъ куда-то и тамъ захворала тифомъ. Вернувшись домой, она узнала, что М—въ нѣсколько разъ уже приходилъ справляться, не пріѣхала ли она, и очень жалѣлъ ее, когда ему сказали, что она больна. Дня черезъ два послѣ ея пріѣзда онъ узналъ о ея возвращеніи и пришелъ къ ней. Онъ ходилъ по комнатѣ, когда она, неожиданно для него, появилась въ дверяхъ. Надо было видѣть его въ тотъ моментъ, чтобы понять, на какое нѣжное чувство способенъ этотъ угрюмый, хмурый человѣкъ. Его лицо, обыкновенно суровое, все освѣтилось радостью; онъ припалъ къ ея рукѣ и говорилъ со слезами на глазахъ, цѣлуя руку: „Милая моя! какъ я соскучился о тебѣ! Во сколько разъ васъ видѣлъ (въ волненіи онъ всегда мѣшаетъ „ты“ и „вы“). Какая вы худая стали! Что съ вами стало?“ — „Я хворала тифомъ“, — отвѣчала учительница. — „Ну,

тифомъ! Горячая ты очень, сердце-то у тебя какое: все хочется по-своему да скоро сдѣлать, а не всегда такъ выходитъ... Такіе люди завсегда часто хвораютъ“, — объяснялъ онъ ей и словами этими показавъ, что, дѣйствительно, знаетъ натуру своей учительницы.

Вспоминается мнѣ нѣсколько случаевъ, когда ученики очень стѣснялись принять предложеніе преподающихъ приходивъ къ нимъ на домъ заниматься среди недѣли; они боялись отнять у учителя или учительницы нужное имъ время и находили, что это было бы со стороны тѣхъ уже слишкомъ большимъ одолженіемъ. Одинъ изъ учениковъ довольно настойчиво допрашивалъ учительницу, что же именно заставляетъ ее такъ безкорыстно отдавать ему свое время и трудъ; и успокоился только тогда, когда она сказала, что это не составляетъ для нея большого труда. „Вѣдь не всегда же и вы берете деньги за какой-нибудь пустякъ въ нашемъ мастерствѣ, который другимъ бываетъ иногда нуженъ. Развѣ вы отказали бы мнѣ, напримѣръ, если бы я обратилась къ вамъ съ просьбой помочь мнѣ въ томъ-то или въ томъ-то?“ — спросила она. — „Ну, конечно, нѣтъ“, — послѣдовалъ онъ отвѣтъ и согласился, наконецъ, ходить къ ней заниматься.

Несмотря на такое отношеніе къ внѣкласснымъ занятіямъ, къ занятіямъ въ школѣ ученики относятся, кажется, иначе. По крайней мѣрѣ, незамѣтно, чтобы они считали себя очень обязанными намъ. Правда, бываютъ случаи (чаще съ неграмотными), что по окончаніи урока ученики благодарятъ преподающаго; бываетъ это иногда и въ другихъ группахъ, большей частью, послѣ удачнаго урока; разъ ученики просили меня передать даже ихъ коллективную благодарность законоучителю, но всѣ эти проявленія благодарности относятся къ отдѣльнымъ лицамъ. Что же касается отношенія учениковъ къ школѣ, то объ этомъ они, кажется, совѣмъ не думаютъ, по крайней мѣрѣ, новые ученики. Впрочемъ, въ первое время открытія школы ученики разспрашивали насъ о ней и очень удивлялись, что мы за нашъ трудъ ни откуда не получаемъ денегъ. Большинство осталось, кажется, въ убѣжденіи, что намъ за это будетъ „награда отъ начальства“; а другіе рѣшили, что мы это дѣлаемъ „для души“.

Въ послѣднее время наши „старые“ ученики (учившіеся у насъ 4—6 лѣтъ) начинаютъ сознавать значеніе школы для населенія. Нѣкоторые изъ нихъ не ходятъ теперь въ школу, но не перестаютъ интересоваться ея дѣлами, посылаютъ къ намъ учениковъ и, вообще, выражаютъ школѣ свое сочувствіе. Вотъ примѣры. Въ прошлую зиму исполнилось 5 лѣтъ со дня открытія школы; въ память этого мы рѣшили раздать всѣмъ нашимъ ученикамъ по евангелію (въ

25 коп.). Объ этомъ узнали два бывшихъ нашихъ ученика, которые заходили ко мнѣ довольно часто, и просили принять отъ нихъ по одному рублю на покупку евангелій.

Былъ еще такой случай: разъ пронесся слухъ, что одинъ учитель воскресной школы, который стоялъ къ ней особенно близко, долженъ былъ оставить городъ, вслѣдствіе неприяностей съ своимъ начальствомъ. Тогда одинъ изъ бывшихъ учениковъ пришелъ ко мнѣ, взволнованный, посовѣтоваться, не могутъ ли они, какъ ученики школы, подать „министру“ прошеніе о томъ, чтобы этотъ учитель остался въ городѣ, говоря, что ихъ подпишется человекъ 40. „Мы напишемъ, какъ много онъ для насъ дѣлаетъ (учитель этотъ принималъ ближайшее участіе во многихъ общественныхъ дѣлахъ), мы объяснимъ, что значить для насъ школа, мы все напишемъ, конечно, если эта дорога намъ не закрыта“, — грустно прибавилъ онъ. Разумѣется, я объяснила, что такой „дороги“ совѣтъ нѣтъ.

Ясно выразилась любовь учениковъ къ школѣ, когда они узнали также о нашемъ съ мужемъ отъѣздѣ. Нѣсколько учениковъ приходило къ намъ справляться, правда ли, что мы уѣзжаемъ и не прикроется ли школа; между ними были и такіе, которые сами въ школѣ больше не учились. Когда же они узнавали, что школа не перестанетъ существовать, то очень интересовались тѣмъ, кто будетъ стоять во главѣ ея.

По окончаніи учебнаго года, очень горячо прощались со мной, какъ съ учредительницей и завѣдующей школой, учениковъ 25. Это были все старѣйшіе наши ученики. Они пришли ко мнѣ на домъ и провели со мной почти цѣлый день. Этого дня, какъ и дня открытія школы, я не забуду никогда. Они поднесли даже адресъ мнѣ и моему мужу, изъ котораго я выпишу слѣдующія слова: „Крупнѣйшимъ благодѣяніемъ дѣятельности на пользу просвѣщенія ремесленнаго класса почитается нами устройство въ декабрѣ 1890 года воскресной школы. Пять лѣтъ прошло со времени ея возникновенія, и тысяча человекъ изъ нашего круга, самыхъ разнообразныхъ возрастовъ, отъ 12-лѣтняго мальчика до 50-лѣтняго отца семейства, пользовались просвѣтительными трудами вашими и высокочтимыхъ сотрудниковъ вашихъ. Повѣрьте, не одна сотня лицъ за эти пять лѣтъ, проведя часы своего воскреснаго отдыха въ школѣ, спасли себя отъ матери пороковъ, съ великой и очевидной пользой для себя, ибо общеніе съ лучшими людьми каждому изъ насъ предоставило возможность не только воскресить забытую грамоту, но и приобрести много новыхъ свѣдѣній, укрѣпить строй нравственныхъ началъ, а изъ выслушаннаго въ классахъ чтенія и прочитаннаго изъ книгъ школьной библіотеки усвоить образцы луч-

шей жизни“. По наведеннымъ мною справкамъ оказалось, что адресъ писали самостоятельно одинъ или два ученика. Они поняли, что мнѣ будетъ дорого искреннее выраженіе ихъ чувствъ и потому сочли за лучшее написать, хотя бы и не особенно краснорѣчиво, да сами; но при этомъ они просили, однако, одно образованное лицо сгладить шероховатости ихъ слога. Я говорю объ этомъ адресѣ, потому что въ немъ ясно выразилось отношеніе къ школѣ наиболѣе развитыхъ нашихъ учениковъ. Адресъ этотъ я не считаю принадлежащимъ лично мнѣ (въ немъ говорится и о сотрудникахъ моихъ и, вообще, о вліяніи школы), это адресъ учредительницъ и завѣдующей школой. Это подтверждается еще слѣдующимъ обстоятельствомъ: когда ученики просили меня сняться съ ними на прощаніе, они говорили, что хотѣли, было, пригласить сниматься и будущую завѣдующую, но постѣснились, такъ какъ мало знаютъ ее. Поднесеніе адреса учениками воскресной школы ея учредительницъ я нахожу фактомъ очень важнымъ, характеризующимъ учащихся, и потому не считала себя въ правѣ умалчать объ этомъ.

Изъ записокъ завѣдующей женской воскресной школой.

Въ каждомъ дѣлѣ существенное значеніе имѣютъ не только его практическіе результаты, ближайшіе или отдаленные успѣхи, но и тѣ духовныя качества, которыя прилагаются къ этому дѣлу, тѣ индивидуальныя черты, какія проявляютъ въ немъ лица, посвящающія ему свои силы и свое время. Особенно важны эти проявленія въ каждомъ невынужденномъ, а свободномъ трудѣ, въ томъ, напримеръ, дѣлѣ, къ которому влечетъ человека стремленіе къ просвѣщенію, къ самообразованію, хотя бы даже въ самомъ скромномъ объемѣ.

Такой именно интересъ представляютъ воскресныя школы, куда учащіеся поступаютъ по собственной инициативѣ, безъ посторонняго принужденія, съ цѣлью обученія грамотѣ и расширенія своихъ скудныхъ познаній. Какъ выражается у нихъ это стремленіе къ ученію, какія внутреннія струны оно въ нихъ затрогиваетъ, вотъ вопросы, которые, полагаю, заслуживаютъ особеннаго вниманія всякаго преподающаго въ воскресной школѣ. Съ сердечнымъ интересомъ я присматриваюсь къ каждой ученицѣ, посѣщающей Петербургскую Владимирскую воскресную школу, стараюсь узнать, какіе именно взгляды у нея на ученіе, пытаюсь, по возможности, изучить ея личность. Къ сожалѣнію, изученіе это и вѣрная, полная характеристика учащихся представляютъ немало трудностей, уже по тому одному, что въ воскресной школѣ, какъ и въ каждой школѣ, вообще,

главную роль играет оценка умственных способностей учащихся, проверка их успехов или недочетов; почти все время отдается учению; к тому же, духовный облик моих учениц, ремесленниц и фабричных работниц, по преимуществу, в большинстве случаев, такой неопределенный, тусклый, серый, что в них очень редко проглядывают какие-либо яркие черты или резко обозначенные особенности, по которым можно было бы составить себе верное понятие о личности ученицы. И только в тех случаях, когда ученицы посещают школу более продолжительное время, например, года два или три, является возможность разглядеть их нравственную физиономию и точнее определить их характер. Об остальных из учениц, обучающихся в школе в последние три года, я имею некоторые наблюдения, по которым постараюсь фотографически воспроизвести главные черты, рисующие их индивидуальность. Вот эти фотографические снимки с живых лиц:

Анастасия Ф., чулочница, 16 лет, поступила неграмотной и уже третий год посещает школу. С самого начала нашего знакомства она возбудила во мне особенную симпатию своею горячей любовью к школе; в течение всего продолжительного ее пребывания в школе любовь эта в ней несколько не охладела. Ф. всегда приходит в школу одна из первых, с радостной улыбкой на губах, сияющая, воодушевленная, точно она явилась на праздник. И действительно, каждое посещение школы для нее праздник; других удовольствий у нее, по ее словам, нет. Она живет у тетки, так как родители ее давно умерли, сестер и братьев никогда не было. Летом Ф. скучает, томится без школы и с лихорадочным нетерпением ждет возобновления занятий. Со мною она особенно ласкова и рада оказать мне малейшую услугу. Неловкоохотливая, сосредоточенная, она редко говорит о своих впечатлениях или мыслях; но когда говорит, то всегда серьезно: видно, что каждое ее слово продумано и прочувствовано. К учению относится с редкой добросовестностью, но хорошими способностями не отличается. Выдающиеся ее черты; вдумчивость, разсудительность и добросовестность. Чем больше я ее узнаю, тем больше убеждаюсь, что она неспособна ни на какой опрометчивый, легкомысленный поступок, что ее сердечная привязанности не будут мимолетными увлечениями. Мне думается, что все, что она предпримет в своей последующей жизни, когда вступить на самостоятельную дорогу, будет строго обдуманно и направлено к хорошей цели. Ф. нельзя не любить, с ней приятно иметь дело.

Одновременно с ней поступила в школу ее сверстница, Мария П. С первых же шагов она показала большие умственные способности, замечательную сообразительность и любознательность. Она читала с жадностью и особенно любила фантастические произведения; переписывала себе стихи, сказки, вообще, училась очень охотно. Но с прошлого года, т. е. с той поры, когда мать отдала ее в учение к башмачнику, у которого она работает с небольшими перерывами от 8 час. утра до 10 час. вечера, в ней произошла сильная перемена к худшему: ее восприимчивость, быстрота понимания и пылкость ума сильно притупились. В настоящее время, хотя она и учится хорошо, хотя на все предлагаемые ей при объяснительном чтении вопросы и отвечает верно и правильно решает арифметические задачи, но все это она делает уже с заметным усилием и напряжением. Можно безошибочно сказать, что в своем умственном развитии она не уйдет далеко вперед, если уже не остановилась совсем. И в физическом отношении П. заметно изменилась: глаза ее потускнели, лицо пожелтело, все движения стали вялы, даже голос стал слабее. Видно, непосильный физический труд наложил на нее свой тяжелый гнет. В большинстве случаев, девочки, отданные с молодых лет, подобно П., в учение, закабаленные, как она, работой, отличаются тупостью, пассивностью и посредственностью; по учению это ученицы низкого или самого среднего уровня; все впечатлительное, мысли и познания не воспринимаются ими глубоко; они точно скользят по поверхности их внутренней жизни. Да иначе и может ли быть, когда все силы их уходят на физический труд, а всякая индивидуальность с юных лет затерта, пришиблена. В тяжелых условиях, без радостей и просвета протекает жизнь таких девочек, имя же им легион, и только с улучшением нашего экономического строя сколько-нибудь может улучшиться и неприглядное существование этих обездоленных работниц.

Все роковые последствия чрезмерного физического труда сказались еще сильнее и заметнее на сестре П. — Екатерине, которая моложе ее на два года и отдана в учение к тому же башмачнику. Живая и способная девочка, она в прошлом году училась хорошо и охотно посещала школу; но в течение этой зимы манкировки ее стали все чаще и чаще, успехи в учении — хуже, а здоровье начало хилеть. „Катя нездорова“, „Катя устала“, — с печалью в голосе отвечает мне постоянно ее сестра на мои вопросы о причинах ее отсутствия. В той же группе училась другая девочка, 15 лет, которая также была в учении, но при других, более благоприятных условиях: она работает у отца-портного, который относится

къ ней съ любовью, бережетъ ее и доставляетъ ей разные развлечения. Зато и успѣхи ея въ ученѣ подвигались впередъ во все время посѣщенія ея школы. Въ ней особенно развито эстетическое чувство, столь рѣдкое въ дѣвушкахъ ея класса; все красивое, изящное возбуждаетъ въ ней живой интересъ; она восхищается красотами природы, поэтическими произведеніями, картинами. Выражается она правильно, но нѣсколько изысканно; пишетъ красивымъ почеркомъ, безъ помарокъ. Всѣ движенія ея граціозны; отношеніе не только къ подругамъ, занимающимся съ ней въ одной группѣ, но и къ другимъ ученицамъ полны привѣтливости и сердечности.

Въ прошломъ учебномъ году школу посѣщала жена одного чиновника, Надежда Р., 24-хъ лѣтъ. Какимъ образомъ она, полу-грамотная, малоразвитая, вышла замужъ за человѣка, стоящаго выше ея по образованію, она мнѣ не говорила, и я не считала себя вправѣ спрашивать ее объ этомъ. Но она меня сильно заинтересовала своимъ горячимъ желаніемъ не только выучиться грамотѣ, но и развить себя, какъ можно было предполагать, для того, чтобы подняться до уровня мужа, котораго, повидимому, страстно любила и о которомъ всегда говорила съ какимъ-то горделивымъ чувствомъ. Она очень охотно вступала со мной въ бесѣду о предметахъ, не входившихъ въ тѣсный кругъ ея обученія; все, казалось, ее интересовало: и строеніе человѣческаго тѣла, и явленія физической природы, и міръ животныхъ, и бытъ народовъ. Книги, которыя она брала изъ школьной бібліотеки, были, преимущественно, образовательнаго содержанія; вѣроятно, она читала ихъ съ мужемъ. Веселая, жизнерадостная, энергичная, она отдалась своему самообразованію съ горячимъ пыломъ, съ какимъ, я увѣрена, бралась за всякое интересовавшее ее дѣло: у нея былъ слишкомъ живой темпераментъ для того, чтобы она могла что-нибудь дѣлать безъ увлеченія. Кромѣ школы, она еще училась дома у одной учительницы, рекомендованной мною. Къ сожалѣнію, весной она оставила школу, такъ какъ переѣхала на другой конецъ города, не оставивъ мнѣ своего новаго адреса, и я потеряла ее изъ виду. Хочу надѣяться, что она не остановится на полпути въ своемъ самообразованіи.

Втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ небольшими перерывами, посѣщала школу одна уже очень пожилая женщина, лѣтъ 50-ти слишкомъ. Маленькая, нѣсколько сгорбленная, забытая, крайне неразвитая; она отличалась замѣчательнымъ усердіемъ; робко, съ видимымъ смущеніемъ, садилась она всегда на крайнюю скамейку, нѣсколько поодаль отъ другихъ, точно ей совѣстно было занять мѣсто рядомъ съ женщинами моложе и способнѣе ея; низко нагнувшись надъ своею книгою или тетрадкою, она старалась не глядѣть ни на

него, а всякое обращеніе къ ней учителя приводило ее въ замѣшательство, и на всѣ вопросы она отвѣчала такимъ тихимъ голосомъ, что ее трудно было понять. Сліяніе звуковъ и особенно сочетаніе ихъ въ цѣлыя слова давалось ей съ неимоверными трудностями, и какъ преодолѣла она ихъ, какъ при ея неспособности выучилась читать, я до сихъ поръ понять не могу. Трогательно было видѣть ея радость, когда она въ первый разъ прерывающимся отъ волненія голосомъ прочла небольшой рассказъ изъ азбуки Бунакова. „Теперь, — сказала она мнѣ, — я не буду скучать по вечерамъ, духовныя книги буду читать“. На мой вопросъ, развѣ у нея нѣтъ семьи, она съ глубокой грустью отвѣчала: „Нѣтъ, сударыня, я совсѣмъ одинока: мужъ мой давно умеръ, дѣти меня покинули; я стара, разбита, не могу силою работать: мнѣ такъ давно хотѣлось выучиться читать, и вотъ я выучилась; спасибо вашей школѣ!“ — и съ этими словами она низко поклонилась мнѣ. Позже я узнала, что она уѣхала изъ Петербурга и поселилась при какомъ-то монастырѣ.

Въ началѣ прошлаго учебнаго года одна 24-лѣтняя крестьянка, горничная А., съ перваго появленія своего въ школѣ невольно обратила на себя вниманіе. Твердой поступью, въ которой видна была рѣшимость выполнить задуманное дѣло, она направилась къ указанному ей мѣсту, сѣла на первую свободную скамейку и благоговѣнно устремила свой взоръ на висѣвшую въ углу икону; долго глядѣла она на образъ, напечатывая про себя молитву и осылая себя крестнымъ знаменіемъ. При взглядѣ на нее въ эту минуту невольно напрашивался вопросъ: какое представленіе имѣетъ она о пользѣ ученія, къ которому приступаетъ съ такой строгой торжественностью, какихъ благъ ждетъ для себя отъ чтенія книги? И дѣйствительно, А., по собственному признанію, считала грамоту великимъ благомъ для человѣка; такого серьезнаго, сознательнаго, идеальнаго взгляда на грамоту, такого широкаго пониманія пользы ея не высказывала мнѣ ни одна ученица, даже изъ самыхъ развитыхъ. Бойкая, словоохотливая, на вопросъ учителя — какъ смотритъ она на грамоту, она отвѣтила длинною рѣчью, которую, ради ея своеобразности, я рѣшаюсь привести отъ слова до слова почти цѣликомъ. „У безграмотныхъ людей, — говорила она съ полнымъ убѣжденіемъ, что объяснить намъ какую-то высшую правду, — ума вовсе нѣтъ, очень ужъ мало они знаютъ и понимаютъ. Когда я прислуживаю своимъ господамъ, то часто слышу такіе разговоры, въ которыхъ мнѣ не все ясно, слова, которыхъ я не понимаю, потому что они складываютъ ихъ не по-нашему; иногда догадываюсь, что говорятъ о хорошемъ, но что именно, въ толкъ не возьму. А откуда все это у господъ? Вѣстимо, изъ книгъ, не даромъ же засиживаются они за

книгою; родились-то мы все одинаковыми, но книжных людей как будто передѣлываетъ кто-то". — „Какъ это у господъ, — послѣ небольшого молчанія продолжала А., — все дѣлается тихо, скромно, и какъ они уважаютъ другъ друга! Я хоша крестьянка родомъ, но когда бываю въ деревнѣ, у меня тамъ всегда голова кругомъ идетъ отъ той брани и драки, которыми мужики другъ другу почетъ воздаютъ... Ужъ какіе мы во всемъ неучи! — ни книжки почитать, ни письма роднымъ написать не умѣемъ. Да и душу намъ, неученымъ, спасти куда какъ трудно! Стоишь себѣ въ церкви, рукой и головой безпрестанно мотаешь, а что тамъ поютъ, о чемъ Бога просятъ, уразумѣть не можешь. Какой же толкъ въ такомъ моленіи, и какіе же мы христіане?" Какимъ путемъ А. дошла до такого пониманія значенія просвѣщенія, сказать, конечно, трудно. Учителя она отлично и дѣлаетъ быстрые успѣхи; но въ ея характерѣ есть одна несимпатичная черта, именно высокомерное отношеніе къ подругамъ по школѣ; всякую ошибку или оплошность со стороны послѣднихъ она объясняетъ свойственнымъ ихъ возрасту легкомысліемъ; сама она нѣрѣдко отвѣчаетъ невпадъ на вопросы, но всегда съ самоуверенностью, свидѣтельствующей о большомъ ея самомнѣніи и о преувеличенномъ значеніи, которое она придаетъ своему житейскому опыту.

Совершенную противоположность ей представляетъ другая ученица, занимающаяся въ одной съ ней группѣ, Наталья В., 22 лѣтъ, по профессіи прачка. На грамоту она смотритъ съ чисто утилитарной, узко практической точки зрѣнія (ей обѣщали увеличить жалованье, когда она выучится записывать отдаваемое въ стирку бѣлье). Она посѣщаетъ школу очень усердно, учится хорошо, но безъ всякаго увлеченія; всегда спокойная, молчаливая, она съ одинаковымъ прилежаніемъ читаетъ, пишетъ и такъ же внимательно слушаетъ объясненія учителя по поводу прочитанныхъ статей, какъ и правилъ правописанія. Это личность вполне заурядная, уравновѣшенная, не выходящая никогда изъ узкой своей рамки, ограниченная въ своихъ духовныхъ интересахъ. Завязать съ ней откровенный разговоръ, вызвать ее на душевное слово очень трудно; на все вопросы она отвѣчаетъ лаконически, съ сдержанностью, составляющей ея отличительную черту.

Я не могу въ заключеніе не упомянуть еще объ одной ученицѣ, посѣщавшей три года назадъ мою Никольскую воскресную школу. Это была личность, выдѣляющаяся изъ ряда обыкновенныхъ; печальная судьба ея навсегда запечатлѣлась въ моей памяти. Дарья С., крестьянка, 28 лѣтъ, незамужняя, работала на резиновой фабрикѣ; несообщительнаго, нѣсколько даже угрюмаго характера, она

сторонилась отъ всѣхъ; дружилась только съ одной работницей той же фабрики, съ которой и жила на одной квартирѣ. Въ школу она поступила неграмотной; на первыхъ уже порахъ поражала своимъ рвеніемъ къ ученю, доходившимъ до какой-то страстности, почти до болѣзненнаго экстаза; все ея помыслы и стремленія, казалось, были поглощены ученіемъ, а все остальное потеряло для нея всякое значеніе; въ школѣ она не отрывалась ни на секунду отъ книги или тетради, не говорила ни съ кѣмъ, не глядѣла ни на кого; по словамъ ея подруги, дома она не только все свободныя минуты, но часто и ночи напролетъ проводила за чтеніемъ и письмомъ; читала она безъ разбора все, что попадалось ей подъ руку, списывала цѣлыя тетради неразборчивымъ первымъ почеркомъ, въ которомъ видны были поспѣшность и лихорадочность. При усиленной дневной работѣ на фабрикѣ такія напряженныя почныя занятія, а главное, та нервная горячность, съ какой С. предавалась имъ, не могли не отразиться неблагоприятно на ея здоровьи и на умственномъ ея развитіи; къ концу учебнаго года она начала хилѣть, сдѣлалась очень разсѣянна, безпамятна, раздражительна, такъ что заниматься съ ней было очень тяжело, между тѣмъ, усердіе ея, несмотря на ослабленіе памяти и сообразительности, не уменьшилось и принимало все болѣе и болѣе болѣзненный характеръ. Въ началѣ апрѣля она неожиданно покинула школу вмѣстѣ съ своей подругой. Последняя явилась передъ закрытіемъ школы одна и со слезами на глазахъ сообщила, что С. сошла съ ума, и что ее отвезли въ больницу умалишенныхъ. И въ безсознательномъ состояніи она продолжала писать и не разставалась съ книгой. По всей вѣроятности, расположеніе къ психической болѣзни было у С. раньше поступленія въ школу и, можетъ быть, обуславливалось наслѣдственностью, или какими-нибудь печальными обстоятельствами ея жизни, тѣмъ не менѣе, можно съ достовѣрностью сказать, что умственное переутомленіе, чрезмерная мозговая напряженность, а главное, большая затрата физическихъ силъ на фабричной работѣ дали толчокъ къ развитію болѣзни и ускорили роковую развязку. Глубоко жаль бѣдную дѣвушку! Грустная судьба этой жертвы тяжелаго физическаго труда и дурныхъ жизненныхъ условій невольно наводитъ на мысль, что наши фабричныя и ремесленныя работницы, кромѣ школы, нуждаются еще въ сердечной и просвѣщенной заботѣ интеллигентныхъ женщинъ, которыя, насколько возможно, облегчали бы ихъ горемычную долю. Къ счастью, въ Петербургѣ уже дѣлаются попытки къ осуществленію этой благой задачи.

Подведя итоги моимъ наблюденіямъ, далеко, конечно, неполнымъ, я пришла къ заключенію, что взрослые ученицы неохотно говорятъ

о своей семейной жизни, и въ большинствѣ случаевъ, на самые уча- стливые вопросы отвѣчаютъ уклончиво и неопредѣленно; если же и сообщаютъ какіе-либо факты изъ своего прошлаго или настоящаго, то проходятъ молчаніемъ впечатлѣнія и чувства, которыя вызвали въ нихъ эти факты. Можетъ быть, это происходитъ оттого, что нашъ простолюдинъ привыкъ переживать какъ радости, такъ и горести свои молча; кромѣ того, онъ слишкомъ угнетенъ тяжелымъ трудомъ и заботою о насущномъ хлѣбѣ, чтобы разбираться въ своихъ чувствахъ; да и не умѣетъ дѣлиться ими съ людьми, кото- рые, по своему положенію, составляютъ чуждый ему классъ „господъ“. Этими и другими причинами можно объяснить его молчаливость, его сдержанность въ области того, что происходитъ въ его внутреннемъ мірѣ. А внутренний міръ человека, на какой бы низкой ступени развитія человекъ ни стоялъ, представляетъ всегда глубокой инте- ресъ. Поэтому, я не могу не сожалѣть, что не въ состояніи очер- тить своихъ ученицъ болѣе ярко, сдѣлать болѣе полный психоло- гическій анализъ ихъ духовной жизни, который одинъ даетъ намъ ключъ къ разгадкѣ человека.

С. Старынкевичъ.

Эти двѣ статьи рисуютъ, собственно говоря, отношеніе учащихся къ школѣ и преподающимъ, весьма различное между собой, но мы умышленно помѣстили ихъ рядомъ: онѣ могутъ навести на многія, не лишеныя, думаемъ, интереса соображенія на тему о томъ, изъ какихъ условій и данныхъ складывается тотъ или иной характеръ воскресной школы, поскольку играютъ въ этомъ роль внѣшнія усло- вія и поскольку сами, такъ сказать, дѣйствующія лица школы. Мы были бы весьма признательны, если бы кому-либо изъ нашихъ чи- тателей вздумалось подѣлиться съ нами своими мыслями и выводами по этому поводу.

Изъ записокъ учителя воскресной школы.

Нерѣдко наблюдается, что хорошія по идейному замыслу дѣла превращаются съ теченіемъ времени, отъ вліянія практической жизни, въ дѣлишки ничтожнаго значенія. Животворящій духъ по- кидаетъ предпріятіе, сіявшее нѣкогда высотой задачи; остаются однѣ бездушныя формы; вниманіе и усилія работниковъ низводятся къ регламентаціи мелочей и къ неусыпному стремленію, чтобы все было тихо да гладко... И тогда наступаетъ смертный часъ для добраго дѣла.

Казалось бы, что изсушающій духъ не долженъ проникать въ область воспитанія, гдѣ по самому существу дѣла требуется, прежде

всего, живое, отзывчивое отношеніе. Но, увы, именно въ стѣнахъ учебнаго заведенія наблюдается болѣе всего формализма, именно въ учебно-воспитательной области вы встрѣтите наиболѣе рутины; именно здѣсь выполненіе „программы“ составляетъ начало и конецъ чело- вѣческихъ стремленій.

Опытъ обнаруживаетъ, что даже воскресныя школы, вызванныя къ существованію исключительно силою свободнаго желанія общества быть нелицепріятно полезнымъ населенію, — даже воскресныя школы застываютъ иной разъ въ формальной неподвижности, которая вле- четъ за собою изгнаніе „духа жива“ изъ дѣла просвѣщенія. По- истинѣ, странное явленіе! Объясняется оно, повидимому, слѣдую- щими обстоятельствами. При выполненіи, всякое практическое дѣло разлагается на цѣлый рядъ мелкихъ операций; сумма этихъ послѣд- нихъ составляетъ дѣло во всемъ его объемѣ; безъ выполненія ча- стичныхъ работъ немислимо и совершеніе большого дѣла въ его совокупности. Но работникъ, выполняя ввѣренную ему маленькую часть общаго труда, невольно забываетъ о связи своихъ занятій съ общей идеей и главной цѣлью. вмѣсто первоначально предполагав- шагося великаго дѣла являются отдѣльныя мелкія задачи — дисци- плина, прохожденіе букваря, молитвы, арифметика, правописаніе... Буква ять и народное просвѣщеніе! И мало-по-малу изъ школы исчезаетъ общій просвѣтительный духъ... Горе-горькое!

И маленькія хорошія дѣла требуютъ уразумѣнія общей цѣли, уясненія основныхъ задачъ. Чтобы работать съ толкомъ и дѣлать дѣйствительно полезную работу, нужно всегда отчетливо видѣть ко- нечную цѣль. Знаніе и сознаніе болѣе глубокихъ основъ всѣхъ хо- рошихъ маленькихъ начинаній есть сила, поддерживающая работни- ковъ и не дающая самому дѣлу упасть съ высоты.

Въ послѣдніе годы народилось въ обществѣ какое-то, такъ ска- зать, неравнодушное отношеніе къ вопросамъ народнаго образованія. Что-то насъ фатально тянетъ по пути просвѣщенія, и мы сами не чувствуемъ себя спокойными, когда остаемся въ сторонѣ отъ этого движенія. То же горячее отношеніе къ образованію наблюдается и въ людяхъ изъ народной среды. Да, надоѣло невѣжество, всѣмъ надоѣло! И замѣчательно, что когда тьму освѣщаютъ хотя нѣ- сколько лучей, то она представляется еще темнѣе.

Трудно работать безъ вѣры въ широкую будущность дѣла, безъ надежды на его развитіе. Къ счастью, воскресныя школы не при- надлежатъ къ числу тѣхъ нашихъ свѣтлыхъ явленій, у которыхъ сомнительная будущность. Всякому извѣстно, что эти школы нахо- дятся въ условіяхъ жалкихъ, весьма неблагоприятныхъ, и, однако, дѣло воскреснаго, свободнаго обученія народа растетъ, развивается,

выростая на наших глазах въ крупное явленіе общественной жизни. Значитъ, воскресныя школы—благое начинаніе, которое въ общемъ своемъ теченіи не погибнетъ отъ случайнаго губительнаго вѣтра.

Въ отношеніи развитія дѣла воскресныхъ школъ мы переживаемъ переходный моментъ, когда идею учрежденій такого характера приходится осуществлять въ жизни съ нѣкоторымъ усиленіемъ, беречь эту идею и пропагандировать ее. Всякая воскресная школа пока является пионеромъ въ своей области и во многомъ должна носить, такъ сказать, демонстративный характеръ; она должна бы постоянно шевелить общественное вниманіе, пробуждая сочувствіе къ себѣ. Между воскресными школами и образованнымъ обществомъ должна существовать самая тѣсная связь; лишь въ этомъ гарантія полной успѣшности ихъ.

Отнынѣ развитіе и распространеніе воскресныхъ школъ будетъ зависѣть въ значительной степени отъ энергіи тѣхъ лицъ, которые работаютъ въ нихъ. Отсюда — обязанности воскресныхъ школъ. Если мы, работники воскресной школы, не сумѣемъ сообщить правильнаго направленія своему дѣлу и не успѣемъ привлечь симпатій населенія, то открытіе школъ въ другихъ пунктахъ затормозится, и дѣлсообразность самаго дѣла подвергнется сомнѣнію.

Общественное значеніе воскресныхъ школъ не исчерпывается той пользой, которую онѣ приносятъ дѣлу народнаго образованія. Воскресная школа представляетъ арену для безкорыстной дѣятельности образованныхъ классовъ и служитъ средствомъ къ возбужденію въ обществѣ болѣе человѣческихъ чувствъ. Она даетъ толчокъ хоть какому-нибудь движенію въ нашей сонливой общественной жизни, хотя какой-нибудь поводъ для интеллигентнаго единенія, то-есть, такъ ли или иначе способствуетъ возвышенію моральнаго облика культурнаго общества. Далѣе, воскресная школа даетъ преподавательскому персоналу толчокъ къ самообразованію и вызываетъ интересъ къ педагогической наукѣ. Для общества не безразлично, какая сумма педагогическихъ понятій обращается въ немъ, потому что почти всякому приходится встрѣчаться съ вопросами воспитанія въ семейной сферѣ. Родители, учащіе въ воскресныхъ школахъ, навѣрное, поведутъ разумнѣе воспитаніе собственныхъ дѣтей.

Изучать, познавать, шагъ за шагомъ открывая и завоевывая научныя истины и увеличивая силу и способности своего ума... Какое достойное занятіе! Человѣкъ не можетъ жить и удовлетворяться однимъ изсушающимъ трудомъ или работой на основѣ одного отвлеченнаго долга. Ему нужно какое-нибудь живое удовлетвореніе, под-

держивающее энергію и смягчающее жизненные невзгоды. Я помню товарища дѣтства, крестьянскаго парня, который часы своего досуга посвящалъ занятіямъ геометріей. Какъ это освѣжало его и возвышало его нравственную личность въ средѣ умственно-вялыхъ обывателей! Представимъ себѣ такую перспективу: вмѣсто обычнаго праздничнаго посѣщенія трактира, кабака и глупыхъ, развращающихъ развлеченій, народъ идетъ въ школы; онъ свылся съ учебными занятіями и находитъ въ нихъ высокое удовлетвореніе; бородатые, суровые обыватели слѣдятъ за раскрытіемъ научной истины съ живѣйшимъ интересомъ; умъ привыкаетъ правильно мыслить; постепенно складывается неугасающее стремленіе къ истинѣ, стремленіе во всемъ отыскивать основы правды и справедливости. Это просто духъ захватывающія картины! И какъ бы скромны ни были результаты вліянія нынѣшнихъ воскресныхъ школъ, они служатъ осуществленію вотъ именно этой великой картины.

Я лично того мнѣнія, что развитіе дѣла воскресныхъ школъ сосредоточится впредь на долгое время лишь въ городахъ и крупныхъ поселеніяхъ съ образованнымъ обществомъ, такъ какъ въ селахъ не имѣется достаточнаго количества свободныхъ педагогическихъ силъ. Но ежели бы, дѣйствительно, въ каждомъ городкѣ была открыта воскресная школа, то это былъ бы громадный шагъ по пути просвѣщенія. И если взглянуть на наше маленькое дѣло, какъ на одинъ изъ элементовъ большого движенія, росту котораго мы можемъ способствовать по мѣрѣ своего умѣнья и силъ, то наше маленькое скромное начинаніе представится дѣломъ, имѣющимъ глубокое значеніе. И въ этомъ сознаніи мы должны черпать подкрѣпляющую въ трудѣ нравственную силу.

Дневники и соотчзанія.—Я вѣрю въ жизненность и прочность дѣла воскресныхъ школъ постольку, поскольку онѣ представляютъ родникъ живого движенія педагогической мысли; думаю, что развитіе школъ этого типа зависить отъ степени заинтересованности преподавательскаго персонала въ разработкѣ педагогическихъ идей. Воскресная школа — дѣло довольно мудреное, съ задачами болѣе сложными, нежели у всякаго другого учебнаго заведенія. Отъ преподающихъ требуется внимательное соображеніе всѣхъ подробностей школьнаго обихода и иногда изысканіе новыхъ путей для поднятія образовательнаго уровня учениковъ. Но, съ другой стороны, учителя и учительницы воскресныхъ школъ, обладая горячимъ усердіемъ, нерѣдко совершенно не подготовлены къ сложнымъ педагогическимъ занятіямъ. Последнее замѣчаніе примѣнимо не только къ тѣмъ школамъ, которые работаютъ въ глухихъ углахъ; кажется, указанный недостатокъ присущъ и нѣкоторымъ столичнымъ шко-

ламъ. По крайней мѣрѣ, я могу привести такіе значительные факты: Въ одной провинціальной женской воскресной школѣ учительница штудировала съ своей группой, состоявшей изъ взрослыхъ дѣвицъ, „Родное Слово“ годъ второй; въ моемъ присутствіи читались статьи, пригодныя лишь для дѣтей восьмилѣтняго возраста. Такое же явленіе я встрѣтилъ въ одной столичной воскресной школѣ: и здѣсь съ группой взрослыхъ дѣвицъ читались приспособленныя къ дѣтскому міросозерцанію статьи изъ „Родного Слова“ годъ второй. Немудрено теперь додуматься и до надлежащаго вывода: преподавательскій персоналъ воскресныхъ школъ долженъ безостановочно пополнять запасъ своихъ педагогическихъ познаній.

Коллегіальное обсужденіе вопросовъ, относящихся до благоустройства школы, есть задача нашихъ педагогическихъ совѣщаній. Но ни въ какомъ случаѣ нельзя ограничивать содержаніе совѣщаній одними практическими потребностями минуты. Та самая сила обстоятельствъ, о которой я говорилъ, понуждаетъ насъ сообщить совѣщаніямъ педагогически-образовательный характеръ. Мы и стремимся къ тому. Одна изъ нашихъ учительницъ реферировала книгу Острогорскаго „Выразительное чтеніе“; одинъ учитель представилъ свои соображенія относительно новѣйшихъ методическихъ воззрѣній Шохоръ-Троцкаго; другой изложилъ взгляды Спенсера на умственное воспитаніе и т. д. На всѣхъ нашихъ совѣщаніяхъ происходятъ горячіе споры на педагогическія темы; мои сотрудники искренно увлекаются. Такому обороту дѣла нельзя не радоваться: воскресныя школы могутъ крѣпко стоять на ногахъ лишь при условіи, чтобы преподавательскій персоналъ представлялъ изъ себя идейно-объединенный и тѣсно сплоченный кружокъ. Нѣтъ другого болѣе могучаго орудія для объединенія, какъ совмѣстное мышленіе, и ничто такъ не сплочиваетъ людей, какъ совмѣстныя усилія для достиженія болѣе совершеннаго знанія.

Цѣли, какія я желалъ бы поставить нашимъ совѣщаніямъ, я признаю пригодными и для „дневниковъ“. Ниже я буду записывать мысли, относящіяся до болѣе общихъ задачъ воскресной школы, затѣмъ—нѣкоторыя педагогическія обобщенія, наблюденія надъ личностью учащихся и, наконецъ, буду представлять краткій очеркъ веденія учебнаго дѣла. Въ основу этого „дневника“ (записокъ) полагаю, съ одной стороны, желаніе подѣлиться своими взглядами съ кружкомъ преподавателей, а съ другой — подвергнуть совмѣстному обсужденію какъ эти взгляды, такъ и всю систему обученія. Значитъ, этими записками я хотѣлъ бы способствовать и расширенію собственнаго педагогическаго міровоззрѣнія, и внести кое-что въ сферу представленій своихъ товарищей. Этотъ

же методъ веденія „дневниковъ“ я предложилъ и другимъ преподавателямъ.

Какъ учить?—Въ большой классной комнатѣ ведутся занятія съ шестью группами; въ воздухѣ виситъ изрядный шумъ. Вотъ молодая учительница съ пыломъ и жаромъ громко объясняетъ ученикамъ значеніе словъ, встрѣчающихся въ читаемой статьѣ; вотъ юный учитель горячится, толкуя грамматическія правила. Онъ уже охрипъ, даже губы его запеклись... Вотъ солидный молодой чело-вѣкъ потрясающимъ басомъ даетъ разъясненія о водѣ въ трехъ состояніяхъ... и рѣчь его льется обильнѣе ручья... А на задней партѣ сидитъ передъ группой учениковъ пожилой преподаватель. Онъ говоритъ тихохонько, проникновенно. Онъ словно не учитъ, а учениковъ своихъ изучаетъ. Между тѣмъ, это опытный педагогъ, юристъ по профессіи, онъ еще на студенческой скамьѣ составилъ методику ариометики. Онъ любитъ школу. Широко раскрытыми глазами юристъ смотритъ на своихъ учениковъ. Онъ говоритъ мало, а больше задаетъ вопросы, и затѣмъ слѣдитъ за процессомъ мысли своихъ учениковъ.

Вотъ истинный педагогъ! Молодежь усердствуетъ не по разуму и недостатокъ педагогическихъ знаній и такта хочетъ возмѣстить энергическими дѣйствіями. Усвоеніе знанія—весьма тонкій психологическій процессъ; обученіе требуетъ неуспѣшнаго наблюденія, усвоили ли ученики преподаваемое имъ или нѣтъ? А наши педагоги безпрерывно говорятъ, говорятъ... Секретъ обученія въ томъ состоитъ, чтобы помогать учащимся самостоятельно мыслить и собственными усиліями домогаться извѣстныхъ результатовъ знанія. Въ этомъ случаѣ, очевидно, надлежитъ больше спрашивать и наводить, чѣмъ говорить самому. А въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется излагать готовые результаты знанія, нужно постоянно удостовѣряться, поняли ли ученики и не пропустили ли они мимо ушей сказанное. Кстати, тогда поменьше было бы и шума въ классахъ, и свободнѣе можно было бы занятія вести...

Задачи объяснительнаго чтенія.— Наши „вольные педагоги“ въ затрудненіи: что читать на урокахъ объяснительнаго чтенія? какія статьи подбирать и изъ какихъ книгъ? въ чемъ, вообще, состоятъ задачи объяснительнаго чтенія?

Эти вопросы не лишены общаго значенія, и въ нашей педагогической литературѣ рѣшаются не всегда удовлетворительно. Является настоятельная необходимость выдѣлить и установить главную цѣль уроковъ объяснительнаго чтенія, вокругъ которой можно бы сгруппировать всѣ второстепенныя требованія.

Главная цѣль (какъ я понимаю)—выработка въ учащихся извѣстнаго, опредѣленнаго міровоззрѣнія, укрѣпляемаго на основѣ живыхъ впечатлѣній и нагляднаго обученія. Около этой цѣли съ удобствомъ могутъ быть сгруппированы второстепенныя задачи: дисциплинированіе ума и развитіе логической силы мышленія; усовершенствованіе въ родной рѣчи; эстетическое воспитаніе и проч.

„Выработка міросозерцанія“ — это не простая передача готоваго содержанія. Всякое знаніе, даже твердо усвоенное, можетъ безслѣдно исчезнуть, если преподано чисто-догматически, и ученикъ не вложилъ въ него самостоятельной работы мысли. Знаніе является лишь тогда воспитательной силой, когда оно именно „вырабатывается“ учащимся, когда этотъ послѣдній усиленно мыслить, возбуждается полученными впечатлѣніями, ставитъ себѣ вопросы и ищетъ ихъ разрѣшенія. Если и при такомъ методѣ усвоенія знаній нѣкоторые результаты утрачиваются отъ дѣйствія времени, то остается нѣчто, дороже самаго знанія: личность пріобрѣтаетъ привычку самостоятельно мыслить, наблюдать явленія, дѣлать выводы, т.-е. пріобрѣтаетъ самую полезную для жизни привычку. Нужно добавить, что подобный способъ преподаванія образуетъ у воспитанника драгоценную складку мысли: все, что встрѣчается на жизненномъ пути, подвергать изслѣдованію.

Выработка законченнаго міровоззрѣнія — это цѣль. Жестокое, однако, мы ошибемся, если представимъ себѣ, что эта цѣль вполне можетъ быть достигнута въ воскресной школѣ. Задача наша скромнѣе — лишь двигаться по направленію къ цѣли, попутно создавая у учениковъ любовь и интересъ къ знанію.

Что нужно преподавать въ народной школѣ? Можетъ ли теоретическая педагогія (подъ которой у насъ чаще всего разумѣется просто извѣстная тенденція) опредѣлить содержаніе того, что должно быть преподано? Я сомнѣваюсь... Ни въ какомъ случаѣ не пренебрегая результатами теоретическихъ усилій мысли, слѣдуетъ также вдумываться въ конкретныя условія народной жизни и идти навстрѣчу насущнымъ потребностямъ трудящагося люда.

Одна изъ самыхъ насущныхъ и несомнѣнныхъ потребностей человека, къ какой бы средѣ онъ ни принадлежалъ, стремленіе обладать опредѣленнымъ нравственнымъ міроразумѣніемъ, которое помогало бы разбираться въ лабиринтѣ житейскихъ противорѣчій и твердо опредѣляло бы житейское поведеніе. Вглядитесь въ будничную жизнь народа; сколько тамъ моральныхъ предразсудковъ, неуживчивыхъ жестокостей, неосторожныхъ шаговъ, портящихъ семейныя и сосѣдскія отношенія! Нравственная неурядица зависитъ не только отъ общаго развитія; въ массѣ случаевъ безнравственные поступки обусловли-

ваются прямо отсутствіемъ элементарныхъ понятій о правильномъ и должномъ поведеніи. Мнѣ случалось знать благочестивыя семьи раскольниковъ. Общій уровень развитія у нихъ тотъ же, что и у ихъ сосѣдей, православныхъ; но поведеніе гораздо выше, чище, добродѣтельнѣе. вмѣстѣ съ благочестивымъ настроеніемъ, они обладали опредѣленными *понятіями*, какъ жить и поступать должно. Значить, уроки объяснительнаго чтенія имѣютъ, между прочимъ, задачу въ нравственной области.

Нами сдѣлана слѣдующая попытка. Изъ разныхъ книгъ для объяснительнаго чтенія мы выбираемъ статьи, которыя, по нашимъ соображеніямъ, способны оставить нравственный слѣдъ въ душѣ ученика, вызвать движеніе въ области нравственнаго чувства. При чтеніи содержаніе статей истолковывается путемъ наводящихъ вопросовъ, и затѣмъ выводится опредѣленное нравственное понятіе или моральное правило. Мы полагаемъ, что на низшей ступени развитія наиболѣе дѣйствительное орудіе въ видахъ нравственнаго воспитанія суть картина, образъ, оставляющій замѣтное впечатлѣніе въ душѣ. (Лучшія статьи въ этомъ смыслѣ содержатся въ книгахъ Толстого).

Духовный міръ необразованнаго простолюдина полонъ мучительныхъ призраковъ. Его сознаніе тяготитъ вѣщіе сны, вмѣшательство демонической силы, таинственное участіе повсюду, даже въ ничтожныхъ житейскихъ дѣлахъ, сверхъестественныхъ началъ... Жаль человека темнаго! Мы и не замѣчаемъ, сколько страданія вносится въ существованіе неразвитой личности ложными, извращенными представленіями о жизни и бытіи. Изученіе законовъ природы пріучаетъ человека мыслить согласно строгой дѣйствительности. Призраки исчезаютъ; воспитывается вѣра въ законосообразность явленій. Какъ же сообщать свѣдѣнія изъ области естествознанія? что впередъ? что послѣ?

Иногда встрѣчаешься въ книгахъ для объяснительнаго чтенія съ такими статьями, которыя въ сжатой формѣ излагаютъ цѣлый отдѣлъ науки. Такой способъ преподаванія совершенно непригоденъ въ начальной школѣ. Немного, самое элементарное, но основательно; выводъ за выводомъ; постоянно налегать на понятія причинности; постоянно иллюстрировать изложеніе фактами — вотъ, въ данномъ случаѣ, наиболѣе пригодныя правила. Самое лучшее, кажется, — объяснять тѣ явленія природы, съ которыми всякій ежедневно встрѣчается. При такомъ приемѣ умъ привыкнетъ до извѣстной степени „жить вмѣстѣ съ природой“, постоянно вдумываться въ ея явленія; пріобрѣтенныя знанія, постоянно повторяясь и ассоціируясь, получатъ значительную прочность.

Жить и действовать значитъ, между прочимъ, изслѣдовать, изъ наблюдений выводить правильныя заключенія. Если учитель вѣрно пойметъ свою задачу, то на своихъ урокахъ о природѣ постарается привить ученикамъ способность къ строгому мышленію, основанному на послѣдовательномъ наблюденіи фактовъ и явленій.

Чтобы съ толкомъ и пользой вести уроки естествознанія, учителю нужно готовиться и подбирать матеріалъ для чтенія. Слѣдуйте постоянно за тѣмъ, какъ воспринимаютъ ваши ученики прочитанное, и не одолеваетъ ли ихъ тоска. Бѣдные ученики! Я съ вами читалъ скучнѣйшія статьи изъ физики, старался, чтобы вы переварили то, къ чему вы вовсе не были подготовлены, и на вашихъ лицахъ было написано такое уныніе!

„И зачѣмъ ученику народной школы знать, кто такіе были Синеусъ и Труворъ, какъ ссорились и убивали другъ друга братья-князья изъ-за великокняжескаго престола? всѣ подобныя статьи не производятъ никакого впечатлѣнія на дѣтей, а даются имъ очень трудно“, — говоритъ одинъ земецъ въ своемъ докладѣ училищному совѣту. Здоровый взглядъ, къ которому я теперь вполне присоединяюсь. Тщетно я старался заинтересовать учениковъ допетровской русской исторіей, которой... я самъ никогда не былъ заинтересованъ, какъ поучительнымъ предметомъ, возбуждающимъ патріотическій полетъ мысли. О, не будьте только педантичны и глухи къ душевному состоянію вашихъ учениковъ, тогда скоро разгадаете, какими путями нужно слѣдовать!

Замѣчательно, что въ той самой книгѣ для объяснительнаго чтенія (нынѣ самой распространенной), которая полна описаніями битвъ и сраженій, сказано лишь нѣсколько строкъ о Ломоносовѣ. Это образчикъ рутинны, мало-по-малу водворяющейся въ нашей народной школѣ. Но ежели простолюдинъ не долженъ знать о жизни Ломоносова, то что же ему остается знать изъ русской исторіи?

Все, что касалось личности Петра Великаго, ученики прочитывали съ интересомъ. Статейку о реформахъ Александра II поняли вполне. Многіе изъ учащихся (родители которыхъ приписались въ мѣщане изъ крестьянъ) знаютъ о „барщинѣ“ изъ рассказовъ отцовъ и дѣдовъ. Но это свободное поколѣніе уже не въ состояніи представить весь ужасъ крѣпостной жизни. Значеніе гласнаго суда, городского и земскаго самоуправления, всеобщей воинской повинности, объяснить значеніе всѣхъ этихъ учреждений не составило труда: населеніе привыкло и сроднилось съ ними.

Мнѣ кажется, что въ области исторіи воскресная школа должна отдать предпочтеніе біографіямъ нѣкоторыхъ выдающихся дѣятелей — „друзей человѣчества“, съ цѣлью воспитательнаго воздѣйствія

на сердце и воображеніе учащихся. Затѣмъ, необходимо ознакомить „воскресниковъ“ съ тѣми историческими событіями, которыя тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ современнымъ народнымъ бытомъ. Такъ называемое систематическое прохожденіе курса исторіи едва ли здѣсь цѣлесообразно и полезно. Такой курсъ, даже въ средней школѣ, обыкновенно, является рядомъ занимательныхъ или скучныхъ рассказовъ, но не „исторіей“, какъ наукой о постепенномъ развитіи государства и о законахъ, управляющихъ жизнью человѣческихъ обществъ.

Рознь. — Между нами пробѣжала черная кошка... Страсти выплыли какъ-то сразу, неожиданно; должно-быть, давно таились онѣ въ душевной глубинѣ. Весь строй нашей, по преимуществу, чиновной жизни, пріучаетъ къ выдвиганію собственнаго „я“, къ честолюбію и утонченной корысти. Къ сожалѣнію, эти элементы духовной порчи зачастую вносятся и въ дѣло чистаго альтруизма и общественности — въ дѣло воскресной школы. Какъ-то все странно перепуталось; на душѣ смутно, тоскливо. Совѣстно стало смотрѣть на эту сотню учащихся, требующихъ, какъ голодные галчата, умственной пищи. А мы, вмѣсто дружной работы, препираемся и топорчимся...

Но какъ прекрасно вели себя нѣкоторыя учительницы, совсѣмъ еще молоденькія дѣвушки! Твердо и стойко стали онѣ на ту сторону, гдѣ казалась имъ правда; словомъ негодованія заклеили онѣ самолюбивыя стремленія.

Однако, благоразуміе все-таки взяло верхъ; миръ восстановленъ. Въ тысячу первый разъ я убѣждаюсь, что всякое общественное дѣло, даже очень маленькое, требуетъ отъ работниковъ полного безкорыстія и изгнанія изъ души честолюбивыхъ замысловъ.

Моя группа. — Какія побужденія привели въ школу ту группу молодыхъ ребятъ, съ которыми я занимаюсь? Они кончили курсъ начальнаго училища; они хорошо знаютъ, что воскресная школа не откроетъ имъ никакихъ новыхъ путей житейскаго благополучія... Очевидно, они посѣщаютъ школу по какому-нибудь идеальному, безкорыстному мотиву. Я не предполагаю, что у нихъ существуетъ ясное сознаніе высокаго значенія умственнаго развитія; мнѣ кажется, они дѣйствуютъ подъ вліяніемъ общаго впечатлѣнія отъ школьных или книжныхъ занятій, что умственный трудъ доставляетъ человѣку наслажденіе, что книга — вещь хорошая и пріятная... Словомъ, ихъ безсознательно тянетъ въ обстановку просвѣтительнаго учрежденія, ихъ манитъ та прелесть, которая окружаетъ образовательныя занятія даже при самыхъ плохихъ условіяхъ. Съ какимъ воодушевленіемъ сегодня рѣшалъ задачу одинъ взрослый парняга! Я понимаю

его: дома — вѣчные разговоры о дровахъ, о навозѣ, объ извозѣ, перебранка свекрови съ невѣсткой, выпивающаго отца съ трудолюбивымъ сыномъ... А душа требуетъ иной пищи, нервы утомляются монотонностью жизни...

Въ данномъ случаѣ, задача школы состоитъ въ томъ, чтобы благоприятное для воспитательныхъ цѣлей настроеніе поддержать, укрѣпить и развить до безкорыстной любви къ знанію. Мы должны поощрять учениковъ въ стремленіи къ научной истинѣ и радоваться пробуждающейся мысли. Мы можемъ и должны искать удовлетворенія лишь въ возрастающей успѣшности самаго дѣла, примиряясь безъ негодованія съ препятствіями и недостатками, разъ они имѣютъ характеръ неустранимый.

Если мы станемъ на точку зрѣнія и пониманія учащагося, какъ всегда долженъ дѣлать педагогъ, то откроемъ слѣдующее. Для мѣщанскаго мальчика, живущаго сѣрыми буднями, праздникъ является событіемъ; праздничный день хочется провести ему въ играхъ и удовольствіяхъ, хочется быть на народѣ и поглазѣть. Съ точки зрѣнія ученика посѣщеніе воскресной школы является уже жертвой. А мы далеко не всегда цѣнимъ эти юношескія жертвы.

Нѣкоторые ученики усвоили въ отношеніяхъ съ товарищами какой-то грубо-шутливый, вульгарный тонъ. Это, вѣроятно, есть выраженіе правоты, царствующихъ въ ихъ домашней средѣ. И въ то же время къ занятіямъ ученики относятся съ полной серьезностью, а къ личности учителя — съ неизмѣннымъ уваженіемъ. Меня, однако, коробитъ отъ ихъ взаимныхъ насмѣшекъ; „оборвать“ ученика я не могу — не такого рода отношенія установились между нами. Мы, преподаватели, сами до нѣкоторой степени были виновны въ томъ, что между учениками установились грубоватыя отношенія. На первыхъ порахъ мы шутили съ ними кстати и некстати, и съ тактомъ, и безтактно... Гораздо лучше, если въ школѣ господствуетъ совершенно серьезный духъ. Надѣюсь, что съ теченіемъ времени изъ школы будетъ изгнанъ дурной тонъ. Достигнуть этого можно, вѣроятно, учтивымъ, доброжелательнымъ, но серьезнымъ отношеніемъ къ ученикамъ. Настроеніе учителя заражаетъ и учениковъ. Учитель, лишенный педагогическаго такта, не обладаетъ однимъ изъ сильнѣйшихъ воспитательныхъ орудій.

Я замѣтилъ, что ученики съ большимъ одушевленіемъ работаютъ тогда, когда имъ задается самостоятельная работа, и учителю отводится лишь роль руководителя. Оно и понятно: быть пассивнымъ пріемникомъ знаній менѣе приятно, чѣмъ отдаваться активной работѣ мысли. Направлять, возбуждать и оживлять мысль ученика, приучая его къ независимости и самостоятельному труду въ умственной

сферѣ — это хорошій педагогическій пріемъ. Школа готовитъ для жизни, но жизнь тоже школа: разница лишь въ томъ, что на житейскомъ поприщѣ мы всецѣло предоставлены собственнымъ силамъ. И кто самостоятельно и осторожно мыслить, тотъ лучше и успѣваетъ.

И болѣе и болѣе укрѣпляюсь въ мысли, что ученики должны, по мѣрѣ возможности, заниматься еще дома въ свободное время. И это необходимо не только въ видахъ поднятія успѣшности занятій, но еще и для того, чтобы крѣпче привязать учениковъ къ школѣ. Теперь учебные интересы не проникаютъ всей ихъ жизни, школа не захватываетъ цѣликомъ ихъ внутреннее существо; она является въ ихъ жизни случайностью, и ученики посѣщаютъ школу, такъ сказать, набѣгомъ. Конечно, при такомъ порядкѣ и вліяніе школы не можетъ быть глубоко. Если бы намъ удалось овладѣть вниманіемъ „воскресниковъ“ на всю недѣлю, то, быть-можетъ, они стали бы навсегда преданными почитателями школы и усердными поборниками идей о необходимости обученія взрослыхъ. Заграничныя учебныя заведенія, преслѣдуя одинаковыя съ нами цѣли, всегда переносятъ центръ тяжести на домашнія самостоятельныя занятія грамотныхъ учащихся.

Литературныя чтенія. — Грамматика, арифметика... Какъ мало связи имѣютъ эти предметы съ реальной, повседневной жизнью нашихъ учениковъ! Мы насильно вводимъ ихъ въ міръ понятій, не волнующихъ душу, почти не пробуждающихъ критической силы мысли... И какая пустыня должна образоваться въ душѣ человѣка, если оставить его съ одними склоненіями да плюсами и минусами!

Четвертый часъ учебныхъ занятій. Вниманіе утомлено, молодежь начинаетъ тупѣть и скучать отъ непривычныхъ понятій, отъ избытка схематизма въ обученіи. Я тоже начинаю тосковать по той педагогической работѣ, которая будитъ нравственное сознаніе, развиваетъ соціальныя чувства и порывы. И какъ-то само собой установилось, что послѣдній часъ удѣляется литературнымъ чтеніямъ.

Читаю отрывки изъ „Обломова“ Гончарова. Ученики слушаютъ съ жаднымъ любопытствомъ. Пока прочиталъ „Сонъ Обломова“ и главу о воспитаніи Штольца, съ цѣлью провести параллель между двумя разновидностями въ области воспитанія.

Хотѣлъ бы поставить литературнымъ чтеніямъ такую цѣль: дать юношеству въ образахъ положительные идеалы нравственно-сильныхъ и умѣлыхъ въ практической жизни людей. Я избѣгаю читать такъ называемыя народныя книжки; ихъ недостатокъ — отсутствіе художественной правды. Хорошая идея, облеченная въ ветхую форму, рѣдко достигаетъ цѣли.

Сознаю, что задача, поставленная мной, почти не разрешима. Собственно, ни один из русских образцовых писателей не задавался целью дать идеальные образы, которым можно бы подражать. Думаю подбирать материал для чтения также и с другой идейной подкладкой: или знакомить учеников, через посредство художественного слова, с какими-нибудь важными общественными явлениями, или пробуждать в слушателях более возвышенные стремления и вызывать к жизни чувства доброжелательства, сострадания, любви... Вскорѣ я предполагаю прочитать нѣсколько страниц из 4-го тома „Войны и мира“.

Педагогическія наблюденія. — Уровень образованія страны не может измѣряться только количествомъ школъ; важно знать, что преподается въ школахъ, какъ ведется воспитаніе юношества. Бухара грамотна, Турція тоже; но грамотность не мѣшаетъ этимъ странамъ оставаться въ полномъ смыслѣ темными; мало того, именно мусульманская грамотность есть главная причина глубокаго, неисправимаго невѣжества. Нужно учреждать школы и вмѣстѣ съ тѣмъ создавать лучшія системы образованія, національную педагогію.

Коллективная педагогическая мысль требуетъ для своего развитія извѣстныхъ благоприятныхъ условий. Иначе она чахнетъ, застываетъ, пока благополучно не доберется до мертвой китайщины.

Съ точки зрѣнія необходимости развитія національной педагогіи представляется чрезвычайно важнымъ, чтобы въ странѣ существовали свободныя учебныя заведенія. И они существуютъ: это — воскресныя школы. Въ разсматриваемомъ отношеніи онѣ могутъ оказать существенную услугу странѣ. Извѣстно, какой толчокъ педагогической мысли данъ книгой „Что читать народу“. А, вѣдь, эта книга могла возникнуть и создаться только въ воскресной, свободной школѣ. Очень важно знать: какъ воспринимаютъ знанія ученики, посѣщающіе школу по своей доброй волѣ? Какой внутренній строй образуется въ школѣ при преподавателяхъ, побуждаемыхъ къ труду исключительно любовью къ дѣлу? Какія знанія наиболее пригодны для развитія, и что составляетъ школьный балластъ? Ахъ, если бы воскресныя школы явились у насъ носителями лучшихъ педагогическихъ завѣтовъ, если бы онѣ! изгнали рутину изъ классовъ и не поработали учащихся школьной барщиной!

Частичныя наблюденія, полученныя затѣмъ переработку и возведенныя въ систему, могутъ дать важныя педагогическія обобщенія и оживить теченіе педагогическихъ идей. И я полагаю, что если преподаватели внесутъ въ свой трудъ глубокое пониманіе и освѣтятъ свои усилія педагогической мыслью, то имъ самымъ работа въ школѣ представится интереснѣе и привлекательнѣе.

Что читать? — Книга, книга! вечерній другъ народа, вдохновительница новыхъ думъ, отрада и отдохновеніе... Да, книга приобретаетъ извѣстное значеніе въ народной средѣ. Спросъ на книгу будетъ съ каждымъ годомъ увеличиваться, но вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ осложняться и обязанности руководящихъ народнымъ образованіемъ. Мы теперь находимся въ положеніи матери, радующейся, что дитя начинаетъ ползать, двигаться. Но вскорѣ у матери будутъ слезы огорченія: милое дитя будетъ падать, получать ушибы, ревѣть и жаловаться... Мы теперь радуемся, что у народа нарождается потребность въ чтеніи; но настанетъ время и, быть-можетъ, вскорѣ, когда мы будемъ, по преимуществу, заниматься многотруднымъ вопросомъ: что читать народу? Въ этомъ отношеніи у насъ, людей образованныхъ, богатый опытъ: мы, книжники, живемъ вычитанными идеями и навѣянными литературой чувствами. Къ сожалѣнію, мы знаемъ и то, что книга способна не только просвѣщать, но и портить... Въ народной средѣ новѣйшая свѣтская литература не приобрѣла еще такого вліянія, чтобы воздѣйствовать на поведеніе читателя. Но здѣсь, въ Приволжьѣ, постоянно наталкиваешься на слѣды неправильнаго толкованія старой, свято-отеческой литературы. Въ нашемъ городкѣ недавно произошелъ слѣдующій поразительный случай. Грамотный мѣщанинъ, лѣтъ сорока пяти, былъ увлеченъ до самозабвенія книгами Ветхаго Завета (замѣчательно, что Евангелія онъ не читалъ). И вотъ рѣшилъ мѣщанинъ, что онъ, подобно протцамъ, долженъ принести тельца въ жертву... Мѣщанинъ закололъ въ лѣсу животное и сжегъ его, молясь на колѣняхъ и воздѣвая руки къ небу. А вскорѣ онъ попалъ на скамью подсудимыхъ.

Все эти мысли потянулись вереницей въ моемъ сознаніи по одному случаю изъ школьной жизни. Мальчонка лѣтъ тринадцати рассказывалъ содержаніе прочитанной книжки. Это была сказка Пушкина. Рассказчикъ передавалъ сказку съ увлеченіемъ, описывалъ чорта, какъ конкретное лицо, и награждалъ его многими новыми качествами... Трудно допустить, что мальчонка не вѣрилъ въ чорта. Мы сначала хохотали, но потомъ мнѣ стало грустно. Дѣло въ томъ, что въ народной средѣ удивительно много суевѣрій. И нельзя меня убѣдить, что сказочка Пушкина не увеличила сумбуръ въ пылкой головкѣ мальчика, сумбуръ, переданный ему суевѣрной семьей. Какая осторожность нужна! „Вія“ Гоголя прямо вредная книга для народной среды, а быть-можетъ, и не для одной народной. Я помню одного юношу, поповскаго сына, ученика 3-го класса духовной семинаріи, который принималъ „Вія“ за чистую монету. Когда мнѣ было лѣтъ десять, я прочиталъ какую-то скверную сказку легенду, въ которой рассказывалось о чудесныхъ послѣдствіяхъ одной клятвы:

изъ какой-то хижины покати́лся огненный клубокъ и погубилъ милую дѣвушку... Страшно было возмущено мое дѣтское сознание, и первые палодго были суевѣрно настроены. Кто же меня разубѣдитъ, что подобныя глупыя разказы не портили мою душу, и что слѣды ихъ совсѣмъ исчезли въ зрѣлую пору жизни?

Да, требуется большая осторожность въ подборѣ книгъ для народнаго чтенія. Тотъ фактъ, что такая-то книжка написана Пушкинымъ или Гоголемъ, не даетъ основанія полагать, что она будетъ полезна для народа. Вѣдь намъ извѣстно теперь, что наши великіе писатели часто не вѣдали, что творили. Къ чему же падать передъ ними ницъ и клясться каждымъ ихъ словомъ?!

Къ вопросу о задачѣ воскресной школы. — Нужно бы разсѣять одно недоразумѣніе чисто-мѣстнаго характера. Нерѣдко говорятъ, что воскресная школа не должна „заманивать“ учениковъ, т.-е. она не должна употреблять усилій для увеличенія контингента учащихся и для удержанія ихъ въ школѣ. Конечно, школа не должна употреблять мѣръ, клонящихся къ удержанію учениковъ средствами внѣшними, не имѣющими внутренне-воспитательной силы. Но воскресная школа обязуется употреблять всѣ возможные усилія, чтобы кругъ своихъ учениковъ сдѣлать шире, дѣйствовать на нихъ глубже и прочнѣе. Говорятъ еще, что воскресная школа должна удовлетворять лишь пробудившіеся умственные запросы населенія... Прекрасно, въ такомъ случаѣ, давайте стремиться къ такой постановкѣ дѣла, чтобы ученикъ, разъ посѣтившій школу, уже не покидалъ ее по своей доброй волѣ, по крайней мѣрѣ, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Количество учащихся и ихъ усердіе въ школѣ всегда будутъ показателями, насколько и какимъ образомъ удовлетворяются умственные потребности населенія. Затѣмъ, воскресная школа должна не только удовлетворять наличные запросы, но и пробуждать умственную жизнь народа. Въ началѣ своей дѣятельности земство не спрашивало крестьянъ, существуютъ ли у нихъ умственные запросы, а просто открывало школы. Прошло нѣсколько лѣтъ, и положеніе школъ настолько упрочилось, что онѣ стали теперь насущною потребностью. Когда встрѣчается доброжелательный развитый человѣкъ съ менѣе развитымъ, первый не спрашиваетъ послѣдняго, желаетъ ли тотъ развиваться, но употребляетъ немедленно усилія, чтобы поднять его до уровня своего пониманія. Вѣдь очень часто человѣкъ не сознаетъ потребности въ интеллектуальномъ развитіи.

Я нерѣдко задумываюсь надъ вопросомъ: въ чемъ же состоятъ общія задачи русской народной воскресной школы? Я вѣрю, что воскресная школа возникла изъ глубокихъ потребностей нашей общественной и народной жизни и не хочу думать, чтобы такое учрежде-

ніе могло быть сметено какимъ-нибудь нездоровымъ повѣтріемъ. А если это правда, то нужно сознательно употреблять усилія мысли, чтобы выработать и опредѣлить *типъ* народной воскресной школы. Жизнь учить человѣка, но и человѣческая мысль должна указывать пути стихійному теченію жизни.

Никто не споритъ, что воскресная школа прежде всего обязана вооружить учащагося орудіемъ образованности — умѣньемъ читать-писать. Эта задача сравнительно (теоретически) простая. Слѣдующая ступень — вооружить учащихся знаніями и навыками, необходимыми всякому человѣку, безъ различія его житейской обстановки и положенія: умѣньемъ оперировать устно и письменно надъ числами въ извѣстныхъ предѣлахъ, умѣньемъ написать сносно грамотную записку, письмо и проч. Въ этого круга стоятъ менѣе безспорныя положенія, то, что подлежитъ критикѣ.

Нѣкоторые педагоги и по сіе время полагаютъ, что можно развивать умъ безъ сообщенія ему положительныхъ знаній. Это то же, что требовать отъ организма ловкости движеній, не доставляя ему пищевого матеріала. Ростъ ума совершается самопроизвольно. Вы сообщаете человѣку, положимъ, извѣстную отрасль научнаго вѣдѣнія; умъ воспринимаетъ сообщенное и пріучается мыслить въ той формѣ или по тому методу, по которому изложена наука. Само собой разумѣется, что этимъ нисколько не отрицается необходимость разумаго ухода за мыслительными способностями; я лишь желаю подчеркнуть то, что для умственнаго развитія первостепенную важность имѣетъ содержаніе преподаваемаго и та форма, въ которой знаніе преподносится. „Умственная гимнастика“ имѣетъ значеніе второстепенное.

Контингентъ учащихся въ воскресныхъ школахъ состоитъ изъ лицъ, которымъ приходится вести суровую жизнь. Это необходимо помнить. Обрывочныя знанія, преподающіяся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, можетъ быть, и хороши для людей тепличнаго образа жизни, но для рабочаго люда съ суровой дѣйствительностью необходимы болѣе цѣнныя познанія и твердыя, неколеблющіяся понятія.

Тотъ симпатичный малый, который въ „Хозяинъ и работникъ“ декламируетъ среди снѣжной бури стихотворенія Пушкина, по словамъ Толстого, имѣлъ единственную книгу — хрестоматію Паульсона. И эта единственная книга служила ему единственнымъ кладомъ мудрости. Часто я встрѣчаю людей изъ простонародья, которые знаютъ только то, что вынесли изъ школы, у которыхъ единственное свѣтлое воспоминаніе — школьная жизнь.

„Что это за обученіе, которое не развиваетъ разсудка, не даетъ никакихъ положительныхъ знаній и не оставляетъ охоты учиться?“ —

воскликаетъ одинъ французскій педагогъ. Въ самомъ дѣлѣ, что это за обученіе?! Школа имѣетъ свои обязанности, свою этику. И первая обязанность воскресной школы будетъ слѣдующая: всякое знаніе должно быть преподано такимъ образомъ, чтобы воспринимавшій его испытывалъ чувство удовлетворенія.

На знаніе и образованіе установился у насъ совершенно ложный взглядъ. По ходячимъ понятіямъ, образованіе есть совокупность такихъ умственныхъ пріобрѣтеній, которыя дѣлаютъ карьеру, доставляютъ кусокъ хлѣба, открываютъ доступъ въ общество. Но если справедливо то, что всякій человѣкъ долженъ зарабатывать себѣ хлѣбъ, то достовѣрно и слѣдующее: жизнь безъ нравственнаго сознанія — безобразная жизнь; существованіе, чуждое работы мысли, безъ интеллектуальныхъ побѣдъ и наслажденій, недостойное существованіе.

Хорошо, если бы воскресная школа дала каждому учащемуся самое важное для жизни. Но въ чемъ состоитъ оно, это самое важное, самое существенное?

Никакая школа, и тѣмъ болѣе воскресная, не можетъ претендовать на то, чтобы вооружить ученика всѣми необходимыми для разумной жизни знаніями или запечатлѣть въ его сердцѣ всѣ высокія чувства, потребныя для нравственнаго поведенія. Однако школа не выполнила бы своего назначенія, если бы остановилась передъ трудностью этой задачи.

На какой бы ступени соціальной лѣстницы ни стоялъ человѣкъ, какой бы удѣлъ ни выпалъ на его долю, ему всегда будетъ потребно слѣдующее: во-первыхъ, стремиться къ нравственному совершенствованію и разумному поведенію; во-вторыхъ, учиться правильно мыслить, развивать силу ума и прогрессивно расширять кругъ своихъ познаній. Условія современной жизни таковы, что практическая дѣятельность портитъ, понижаетъ нравственную личность человѣка, а уму сообщаетъ своекорыстное направленіе.

Если школа безсильна выпустить ученика во всеоружіи необходимыхъ знаній, то она имѣетъ возможность пробудить въ немъ духовную жизнь, вызвать къ дѣятельности дремлющія силы души и сообщить направленіе развитію интеллекта. Быть можетъ, въ этомъ и заключается одна изъ самыхъ главныхъ и существенныхъ задачъ воскресной школы.

И. И. С—въ.

Изъ учебной практики воскресныхъ школъ.

О преподаваніи русской исторіи въ воскресной школѣ.

На одномъ изъ педагогическихъ засѣданій учительницъ Пензенской воскресной школы была прочитана помѣщенная выше статья „Изъ записокъ учителя воскресной школы“.

Въ этомъ дневникѣ высказывается, между прочимъ, желаніе совместнаго обсужденія взглядовъ на преподаваніе въ воскресной школѣ. Вполнѣ сочувствуя симпатичной идеѣ автора, я позволю себѣ высказать свой взглядъ на преподаваніе русской исторіи, несогласный съ его мнѣніемъ.

Въ дневникѣ высказывается мысль, что исторія должна преподаваться въ воскресной школѣ въ видѣ біографій нѣкоторыхъ выдающихся дѣятелей, „друзей человѣчества“; сообщать же ученикамъ историческія событія нужно только тѣ, которыя тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ современнымъ народнымъ бытомъ. Что изученіе русской исторіи лишнее въ воскресной школѣ, авторъ доказываетъ такими доводами: „Зачѣмъ ученику народной школы знать, кто такіе были Синеусъ и Труворъ (Рюрикъ почему-то упускается изъ виду), какъ ссорились и убивали другъ друга братья-князья изъ-за великокняжескаго престола. Всѣ подобныя статьи не производятъ никакого впечатлѣнія на дѣтей, а даются имъ очень трудно“. Я, преподавательница русской исторіи, вполнѣ присоединяюсь къ этому мнѣнію и... въ то же время нахожу, что отечественная исторія — предметъ и очень поучительный, и интересный для учениковъ воскресныхъ школъ. Ихъ не интересуютъ подробности междоусобій, войны, похищенія престоловъ, подробности о личностяхъ, но, какъ я замѣтила изъ наблюденій, ихъ очень живо интересуетъ, какъ жили наши предки, какіе у нихъ были жилища, занятія, обычаи, вѣра; какъ мѣнялся съ теченіемъ времени, благодаря вѣвшимъ обстоятельствамъ или вліянію отдѣльных великихъ личностей, весь этотъ строй жизни. Они сами приходятъ къ мысли, что христіанство должно было смягчить нравы и уничтожить многіе безразсудные обычаи, что грамотность должна была возвысить умственный и нравственный уровень. Они ясно даютъ себѣ отчетъ, почему раздѣленіе на удѣлы было губительно для Руси, и соединеніе ея подъ одной властью спасительно, усваивая, такимъ образомъ, идею государственнаго устройства.

Раньше, чѣмъ затронуть вопросъ объ исторіи, авторъ дневника пишетъ: „Духовный міръ необразованнаго простолюдина полонъ мучительныхъ призраковъ. Его беспокоятъ вѣщіе сны, внимательство

демонической силы. Изучение законов природы приучает человека мыслить согласно строгой действительности. Призраки исчезают...“ А при изучении истории, когда вы останавливаете внимание учеников на вѣрованіяхъ предковъ, говорите о крѣпко державшихся въ ихъ средѣ суевѣріяхъ, какъ о грубыхъ остаткахъ язычества, не разбираете ли вы этимъ самымъ суевѣрія, не доказываете ли вы всю неосновательность ихъ существованія при помощи истории? Мнѣ вспоминается, сколько разговоровъ, вопросовъ возбуждалось въ моей группѣ послѣ двухъ воскресеній, посвященныхъ бесѣдѣ о вѣрѣ нашихъ предковъ! Сколько рассказовъ изъ жизни, сколько сѣтованій о томъ, что трудно разубѣдить домашнихъ въ существованіи домовыхъ и лѣшихъ!

„Тщетно,—пишетъ авторъ дневника,—старался я заинтересовать учениковъ допетровской русской исторіей, которой я самъ никогда не былъ заинтересованъ, какъ поучительнымъ предметомъ“. Последнее обстоятельство, я думаю, самое главное: трудно заинтересовать другихъ тѣмъ, что самому неинтересно, найти поучительное для другихъ въ томъ, въ чемъ самъ ничего поучительнаго не находишь. Мнѣ кажется, что какой бы предметъ учитель ни преподавалъ, онъ только тогда будетъ ученикамъ интересенъ, когда учитель имъ интересуется.

Авторъ дневника пишетъ, что все, что касалось личности Петра Великаго, ученики прочитывали съ интересомъ. Мнѣ кажется, что личность Петра, какъ преобразователя, была бы имъ еще понятнѣе и интереснѣе, если бы имъ было извѣстно состояніе допетровской Руси, именно, то ея состояніе, которое кажется автору и неинтереснымъ, и непоучительнымъ. Если бы ученики знали, что состояніе русскаго государства въ царствованіе Алексѣя Михайловича было действительно ужасно, что въ церкви въ это время былъ расколъ, что экономическое положеніе страны, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ, было очень печально, что народъ, ненавидя московскіе порядки, поднималъ постоянные мятежи, тогда они поняли бы, что преобразование, обновленіе государственнаго механизма было необходимо, и интересная для нихъ личность великаго преобразователя была бы еще интереснѣе, еще понятнѣе.

Интересъ къ личности Петра и неинтересъ къ тѣмъ условіямъ, съ которыми ему приходилось бороться, — одно противорѣчить другому. Это-то противорѣчіе и, какъ я выше сказала, мои личные наблюденія и бесѣды съ учениками заставляютъ меня не согласиться съ мнѣніемъ, что систематическое преподаваніе русской исторіи въ воскресной школѣ не нужно. Другой вопросъ, какъ вести это преподаваніе, чтобы оно было интересно и полезно.

Показать ученикамъ, какъ образовалось и росло русское государство, что препятствовало его социальному росту и благодаря какимъ обстоятельствамъ подвигалось оно по пути прогресса, опустить все, что представляетъ ненужный балластъ, и дать яркую картину русской жизни, возбудить интересъ къ родной старинѣ и ея дѣателямъ, вотъ задача преподавателя русской исторіи въ народной школѣ. Ученики посмѣются надъ дѣдушкой домовымъ, съ любовью вспомнятъ Владимира Святого, внесшаго свѣтъ христіанства, и Ярослава Мудраго, любившаго и распространявшаго просвѣщеніе, и задумаются надъ печальной пѣсней русскаго народа, пѣвшаго о временахъ злой татарщины.

Неужели это не развиваетъ въ ученикахъ разумную любовь къ родинѣ, неужели чужда имъ эта родная старина, и я теряю драгоценное время, проходя съ ними русскую исторію допетровскаго періода?

Е. Эйзенштейнъ.

Чтенія - бесѣды по географіи въ воскресной школѣ *).

Предлагаемая программа чтеній-бесѣдъ по географіи составлена для взрослыхъ болѣе или менѣе развитыхъ группъ воскресной школы, и рассчитана такимъ образомъ, чтобы краткій курсъ географіи былъ пройденъ втеченіе одного года и представлялъ собою законченное цѣлое. Такія требованія вызываются условіями воскресной школы, гдѣ значительная часть взрослыхъ учащихся посѣщаетъ школу 1 — 2 года, почему нельзя никогда рассчитывать собрать на слѣдующій годъ группу въ томъ же составѣ, въ какомъ она была въ предыдущемъ году. Посѣщеніе воскресной школы малолѣтними значительно отличается въ этомъ отношеніи отъ группъ взрослыхъ: въ то время, какъ жизнь со своими задачами и мелочами, горемъ и радостями захватываетъ взрослого человека настолько, что часто не даетъ ему возможности, при всемъ желаніи съ его стороны, вернуться на слѣдующую зиму въ школу, малолѣтніе и подростки болѣе свободно располагаютъ своимъ досугомъ и посѣщаютъ школу часто втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, что даетъ возможность иначе распределить матеріалъ для бесѣдъ съ ними. Въ такихъ группахъ преподающій находитъ, обыкновенно, болѣе желательнымъ не торопиться прохожденіемъ курса, удѣлять больше времени на повтореніе, давать больше объясненій и подробностей, такъ что та же программа выполняется уже втеченіе двухъ лѣтъ: общія географическія свѣдѣнія въ 1-й годъ и бесѣды по географіи Россіи во 2-й годъ. Конечно,

*) Составлено учительницей Харьковской женской воскресной школы Н. А. Власенко.

одна и та же программа может быть разработана и выполнена самым различным образом, и несомненно, что бесѣды для малолѣтнихъ должны значительно отличаться и по своему содержанію, и по характеру изложенія отъ тѣхъ же бесѣдъ для взрослыхъ; такъ, напр., то, что для малолѣтнихъ и подростковъ будетъ сухо и скучно, нерѣдко очень интересуетъ взрослыхъ, имѣющихъ уже запасъ свѣдѣній изъ личнаго жизненнаго опыта.

Для того, чтобы бесѣды имѣли успѣхъ, заинтересовали учащихся, удержались въ ихъ памяти, онѣ непременно должны вестись живо, образно, картинно: чѣмъ больше конкретности въ преподаваніи, чѣмъ лучше иллюстрирована бесѣда наглядными пособіями, тѣмъ живѣе и ярче отразится она въ умѣ учащихся, тѣмъ крѣпче запечатлѣтся въ ихъ памяти. Сухіе факты, названія, цифры — все это должно быть, по возможности, удалено изъ бесѣды, за исключеніемъ самыхъ главныхъ, необходимыхъ данныхъ. То, что требуетъ запоминанія, слѣдуетъ отмѣчать на картѣ, писать на доскѣ, заносить въ тетрадки. Живая устная бесѣда, какъ показываетъ опытъ, слушается съ большимъ интересомъ и вниманіемъ и несравненно лучше запоминается, чѣмъ даже очень хорошее литературное изложеніе того же самаго, прочитанное на урокъ. Урокъ долженъ, по возможности, носить характеръ непринужденной бесѣды, а не лекціи. Это не значитъ, однако, что онъ долженъ сводиться къ ряду вопросовъ и отвѣтовъ; преподающій рассказываетъ, сообщаетъ различныя свѣдѣнія, освѣщаетъ различныя стороны вопроса, вспоминаетъ то, что ему пришлось читать, слышать, видѣть самому. На вопросы, обращенные къ учащимся по этому поводу, сначала слышатся, обыкновенно, робкія, неуверенныя замѣчанія, а потомъ, освоившись, многіе расскажутъ о томъ, что сами видѣли или слышали. Такъ, напр., былъ случай, что одна ученица очень хорошо рассказала о томъ, какое впечатлѣніе производитъ море на человѣка, никогда прежде не видавшаго такой массы воды; другая сумѣла въ общихъ чертахъ объяснить устройство парохода; третья сообщила о кустарномъ иконописномъ промыслѣ и т. д. Въмѣстѣ съ тѣмъ, преподающій всегда, насколько это возможно, долженъ приводить въ связь вновь сообщаемое съ предыдущимъ, съ уже извѣстнымъ или съ окружающимъ, съ текущей жизнью. И это сопоставленіе должны, по возможности, дѣлать сами учащіеся при помощи вопросовъ преподающаго. Все уже слышанное, все прочитанное, такимъ образомъ, постоянно восстанавливается въ памяти учащихся, освѣжается новыми подробностями, проходитъ при новомъ освѣщеніи и, все глубже, прочнѣе и разнообразнѣе переплетаясь между собою, дѣлается неотъемлемымъ фактомъ умственной жизни учащагося, а не отрывочнымъ, случайно приобретеннымъ

свѣдѣніемъ, которое въ самое короткое время можетъ безслѣдно исчезнуть изъ памяти, да если и сохранится въ ней, то останется разрозненнымъ, ни для чего не нужнымъ балластомъ. При такомъ преподаваніи пробуждается самостоятельность ума, развивается пытливость и любознательность, начинается серьезная внутренняя работа мысли, является подготовка къ болѣе или менѣе серьезному и плодотворному самостоятельному труду. И цѣлью воскресной школы должно быть не только сообщеніе самыхъ свѣдѣній и фактовъ, но и толчокъ къ пробужденію мысли, къ развитію сознательнаго отношенія къ себѣ и ко всему окружающему.

Для того, чтобы поддерживать вниманіе и мысль учащагося въ постоянномъ, неослабывающемъ напряженіи, необходимо, чтобы каждый урокъ непременно давалъ нѣчто новое, еще неизвѣстное. Этотъ элементъ новизны необходимо имѣть въ виду даже при повтореніи, стараясь и тутъ гдѣ освѣжить старое новой подробностью, гдѣ привести въ связь съ новымъ, гдѣ указать на новое, еще неизвѣстное учащимся освѣщеніе уже давно извѣстнаго имъ факта; слѣдуетъ оживлять уроки, показывая виды мѣстностей и городовъ, изображенія людей и животныхъ, растенія и минералы, читать небольшіе отрывки изъ описаній путешествій и т. п. Это сообщаетъ бесѣдамъ постоянный, никогда не ослабывающій, живой интересъ и служитъ лучшею гарантіею аккуратнаго посѣщенія учащимися уроковъ.

Въ воскресной школѣ всѣ занятія почти происходятъ въ классѣ; почти ничего не приходится задавать на домъ; домашній досугъ ученицъ, обыкновенно, очень ограниченъ, и имъ прежде всего слѣдуетъ пользоваться для самостоятельнаго чтенія, которое, конечно, имѣетъ огромное значеніе въ умственной и нравственной жизни учащагося. Каждый преподающій въ воскресной школѣ долженъ, поэтому, обратить особенно серьезное вниманіе на домашнее чтеніе учениковъ, слѣдить за нимъ, направлять его. При каждой бесѣдѣ преподающій непременно долженъ указывать, какія книги полезно и интересно прочитать по тому или другому вопросу; еще лучше, если онъ принесетъ эти книги съ собою на урокъ и раздастъ ихъ желающимъ. На слѣдующій разъ одинъ, два бѣглыхъ вопроса по поводу прочитаннаго всегда дадутъ ему возможность убѣдиться, какъ понята и усвоена книга. Хорошіе отзывы учащихся о прочитанныхъ книгахъ сейчасъ же возбуждаютъ желаніе и у другихъ взять ту же книгу; непонятое, трудное можетъ быть сообще выяснено, интересное — рассказано прочитавшимъ.

Въ связи съ бесѣдами и чтеніемъ должны также стоять домашнія работы учениковъ. У нѣкоторыхъ учащихся нѣтъ необходимаго до-

суга или навыка къ письменному изложенію; потому домашнія работы не могутъ быть обязательными. Но всегда находятся многіе, которые охотно ведутъ ихъ, часто излагая при удобномъ случаѣ и то, что прочитано было и усвоено гораздо раньше, задолго до бесѣды. Домашнія работы, такимъ образомъ, не только закрѣпляютъ свѣдѣнія въ памяти учащихся и приучаютъ къ письменному изложенію мыслей, но и даютъ возможность преподающему слѣдить за умственнымъ развитіемъ учащихся.

Все это общія соображенія и замѣчанія, которыя приложимы, конечно, не только къ бесѣдамъ по географіи, но и ко всѣмъ другимъ урокамъ въ воскресной школѣ. Что касается предлагаемой программы по географіи, то тутъ могутъ быть возраженія, что свѣдѣнія по математической и физической географіи, какъ болѣе отвѣченныя и трудныя, или совсѣмъ не должны даваться учащимся, или, по крайней мѣрѣ, должны быть отнесены къ концу курса. Опытъ показываетъ, однако, что свѣдѣнія эти, конечно, при самомъ простомъ и ясномъ изложеніи, всегда чрезвычайно интересуютъ учащихся, вызываютъ множество вопросовъ и разговоровъ. Выставка воскресныхъ школъ, бывшая въ Харьковѣ и привлекавшая довольно много посѣтителей изъ родственниковъ и знакомыхъ ученицъ воскресной школы, подтвердила то же самое. Ничто не возбуждало такого вниманія и интереса у посѣтителей изъ народа, какъ объясненія теллурия, планетарія, астрономическихъ таблицъ и т. п. Объясненія слушались съ захватывающимъ интересомъ, возбуждали толки и вопросы въ слушателяхъ. Извѣстны факты, когда нѣкоторые изъ этихъ посѣтителей возвращались на другой день, приводя своихъ родныхъ и знакомыхъ, съ просьбою показать имъ, какъ ходятъ земля и луна, и какія бываютъ звѣзды и кометы. Конечно, какъ ни просто и наглядно будетъ объяснять преподающій, все это будетъ воспринято слушателями почти исключительно на вѣру, какъ, впрочемъ, воспринимается оно на вѣру и учениками среднихъ учебныхъ заведеній, какъ воспринято оно на вѣру и большинствомъ образованныхъ людей. Но тогда какъ при занятіяхъ съ дѣтьми образованныхъ родителей всегда можно отложить разясненіе трудныхъ вопросовъ, всегда можно надѣяться, что свѣдѣнія эти будутъ даны имъ при дальнѣйшемъ обученіи, и пробѣловъ въ умственномъ развитіи не останется, въ воскресной школѣ должно дорожить временемъ и давать необходимыя свѣдѣнія, не откладывая ихъ на будущіе годы. Этою необходимостью удовлетворить любознательность учащихся объясняется и отдѣльный 6-й урокъ: луна, фазы луны, солнечныя и лунныя затменія, планеты и кометы. Несмотря на то, что урокъ этотъ не находится въ тѣсной связи съ остальной программой, онъ

все-таки необходимъ въ воскресной школѣ. Уроки 14, 15 и 16-й знакомятъ учащихся съ человекомъ, съ его образомъ жизни въ различныхъ странахъ и при различныхъ обстоятельствахъ, съ различными степенями цивилизаціи, и, такимъ образомъ, представляютъ переходъ къ слѣдующей половинѣ курса — географіи Россіи.

Первая бесѣда по географіи Россіи даетъ общій очеркъ всей страны, знакомитъ въ самыхъ общихъ чертахъ съ характеромъ поверхности, орошеніемъ, климатомъ и населеніемъ страны. Всѣ подробности и частности должны быть указаны уже при дальнѣйшихъ бесѣдахъ по отдѣльнымъ пространствамъ Россіи. При прохожденіи курса географіи Россіи есть обыкновеніе начинать съ сѣвернаго края, спускаясь затѣмъ постепенно на югъ. Опытъ показалъ, что въ воскресной школѣ такое расположеніе матеріала имѣетъ свои серьезныя неудобства. Всегда полезнѣе начинать съ болѣе близкаго, знакомаго. При описаніи же Сѣвернаго края, Финляндіи, Прибалтійскихъ губерній, Польши и т. п. приходится рисовать жизнь совершенно чуждую, неизвѣстную учащимся; мало того, при описаніи Финляндіи, Прибалтійскихъ губерній и Польши мы встрѣчаемся съ болѣе высокими ступенями культуры въ то время, когда мы еще ничего не говорили о жизни и бытѣ населенія другихъ, чисто русскихъ губерній; вслѣдствіе этого, нѣтъ критеріума для сравненій, нѣтъ возможности выяснить тѣсную связь и зависимость различныхъ явленій. Вотъ почему мы приняли другой порядокъ въ распредѣленіи матеріала: сначала знакомство съ мѣстнымъ краемъ, въ данномъ случаѣ съ Малороссіей, потомъ съ ближайшими и болѣе сходными по условіямъ жизни частями Россіи — степнымъ краемъ и центральными губерніями; далѣе — Поволжье съ его характерными особенностями и затѣмъ уже жизнь окраинъ, начиная съ болѣе глухихъ, болѣе близкихъ къ первобытной жизни, Уральскаго и Сѣвернаго края, и переходя затѣмъ къ болѣе сложной жизни Финляндіи, Прибалтійскаго края, Польши. Затѣмъ, уже послѣ бесѣды о Западномъ краѣ, начинается знакомство съ Востокомъ — Кавказъ, Туркестанъ, Западная и Восточная Сибирь. Каждый урокъ, такимъ образомъ, долженъ дать учащимся болѣе или менѣе ясное представленіе объ отдѣльномъ краѣ Россіи. Недостатокъ времени заставляетъ при этомъ сосредоточивать все вниманіе на главныхъ особенностяхъ края, подчеркивать характерныя черты природы и населенія, не позволяя подробно и обстоятельно вырисовывать всѣ детали и мелочи. Каждый урокъ поневолѣ долженъ представлять картину края, нарисованную нѣсколько грубыми, рѣзкими, крупными штрихами. Подробности, извѣстныя изъ другихъ уроковъ, должны попутно выясняться самими учащимися, непонятное должно вызывать новыя разясненія и указа-

нія. Было бы очень полезно бесѣды по географіи приводить въ связь съ исторіей Россіи, если только историческія данныя уже извѣстны учащимся.

Такой способъ веденія уроковъ требуетъ, конечно, отъ преподающаго серьезной подготовки къ каждой бесѣдѣ: надо выяснитъ характерныя особенности края; надо дать яркія картины природы и жизни населенія; надо подумать, въ какую связь привести вновь сообщаемое со всѣмъ пройденнымъ раньше, какія сравненія, какіе контрасты вызвать въ умѣ учащихся; надо, наконецъ, такъ расположить матеріалъ, чтобы втеченіе курса, по возможности, равномерно познакомить со всѣми главными явленіями природы и жизни, затронуть все необходимое, не давъ перевѣса одній сторонѣ въ ущербъ другимъ. Давать подробный конспектъ каждаго урока невозможно и нежелательно: разработка каждаго вопроса вполне зависитъ отъ знаній, взглядовъ и опыта преподающаго, отъ его серьезнаго и внимательнаго отношенія къ каждому своему уроку, отъ степени развитія и возраста его учениковъ и многихъ другихъ условій. Поэтому мы нашли возможнымъ намѣтить только общую схему уроковъ, предоставляя преподающему поработать надъ матеріаломъ каждаго урока по своему усмотрѣнію. Желательно, конечно, чтобы преподающій, кромѣ знакомства съ лучшими учебниками по географіи, имѣлъ возможность черпать свѣдѣнія изъ другихъ книгъ и статей; самъ былъ бы разносторонне знакомъ съ каждымъ вопросомъ своей бесѣды. Вотъ почему мы нашли нужнымъ намѣтить нѣкоторыя книги и руководства, на которыя преподающему полезно обратить вниманіе.

Удачное выполненіе предлагаемой программы требуетъ такого количества наглядныхъ пособій, которое рѣдко бываетъ въ распоряженіи воскресной школы; поэтому при недостаткѣ пособій можно съ успѣхомъ воспользоваться иллюстрированными журналами, вырѣзывая подходящія картины и наклеивая ихъ на картонъ. Такимъ образомъ, можно составить довольно разнообразныя коллекціи.

Намѣченная программа, конечно, далека отъ образца; всякія замѣчанія, указанія, наблюденія изъ опытовъ, дополненія и возраженія были бы крайне интересны и полезны и дали бы возможность на основаніи коллективнаго опыта во многомъ исправить и дополнить ее.

Программа чтеній-бесѣдъ по географіи.

I. Общая географическія свѣдѣнія.

1-й урокъ. Кажущійся видъ земной поверхности. Горизонтъ. Страны свѣта. Нахожденіе ихъ посредствомъ наблюденія надъ солн-

цемъ и звѣздами (Большая Медвѣдица, Полярная звѣзда). Компасъ. Значеніе его для мореплаванія.

Пособія: а) Картина Животовскаго—горизонтъ. б) Астрономическія таблицы Кислинга. в) Компасъ.

2-й ур. Измѣненіе горизонта съ измѣненіемъ высоты мѣста. Постепенное появленіе, исчезновеніе и освѣщеніе предметовъ на горизонтѣ. Заключение, къ которому приводитъ подобное явленіе. Однородная кривизна земли и естественный выводъ — шарообразность земли. Первое кругосвѣтное путешествіе Магеллана и другія, доказывающія справедливость высказаннаго вывода. Причина того, почему неровности земли не имѣютъ вліянія на общій видъ формы земли. Антиподы. Притяженіе земли, сравненіе съ магнитомъ.

Пос.: а) Картина приближающагося и удаляющагося корабля. б) Мячъ. в) Магнитъ. *Книги для чтенія учащихся:* *Медеръ*. О томъ, какого вида земля.

3-й ур. Кажущійся видъ неба, кажущееся движеніе солнца. Аналогичныя примѣры иллюзій: быстрое движеніе на лодкѣ или по желѣзной дорогѣ. Истинное положеніе дѣла, т.-е. вращеніе земного шара. Явленіе, происходящее отъ этого — перемѣна дня и ночи. Заря, сумерки, какъ прямое слѣдствіе шарообразности земли.

Пос.: Теллурій.

4-й ур. Наилучшее правильное изображеніе земной поверхности — глобусъ. Сѣверное и южное полушарія. Знакомство съ градусной сѣтью. Широта и долгота. Изображеніе земли на плоскости — карты (планы мѣстности, города, деревни).

Пос.: а) Глобусъ. б) Карта полушарій. в) Карта, планы.

5-й ур. Солнце. Сравнительная величина его и разстояніе отъ земли. Движеніе земли вокругъ солнца. Періодъ времени, въ который это движеніе совершается. Високосный годъ. Положеніе земной оси при движеніи земли вокругъ солнца. Явленія, происходящія отъ этого: 1) неравенство дня и ночи, 2) равноденствіе осеннее и весеннее, 3) перемѣна временъ года. Поясы земли, какъ слѣдствіе того же наклона оси.

Пос.: а) Астрономическія таблицы Кислинга. б) Теллурій. *Кн. для чт. уч.:* *Медеръ*. Отчего бываетъ день и ночь, весна, лѣто, осень и зима.

6-й ур. Луна какъ спутникъ земли. Движеніе ея вокругъ земли. Освѣщеніе солнцемъ; фазы луны. Солнечныя и лунныя затменія. Общее понятіе о звѣздахъ, планетахъ и кометахъ.

Пос.: а) Теллурій. б) Планетарій. в) Астрономическія таблицы Кислинга. *Кн. для чт. уч.:* *Воронецкій*. О неподвижныхъ звѣздахъ и планетахъ. — *Воронецкій*. О кометахъ и падающихъ звѣздахъ. —

Клейберъ. О томъ, что видно на небѣ.—*Е. Чижевъ.* Тайны и чудеса Божьяго міра. Разказы о странахъ свѣта, о землѣ, солнцѣ, лунѣ, звѣздахъ и планетахъ.

7-й ур. Составныя части земной поверхности. Количественное отношеніе воды и суши. Раздѣленіе суши на материкъ (Старый и Новый Свѣтъ) и острова. Сравненіе материковъ по величинѣ. Раздѣленіе суши на государства, провинціи или губерніи, уѣзды, волости. Раздѣленіе водной поверхности на океаны и сравненіе ихъ по величинѣ. Распредѣленіе суши и воды.

Пос.: а) Глобусъ. б) Карты всѣхъ частей свѣта. в) Карта Европейской Россіи. д) Карта распредѣленія воды и суши на земномъ шарѣ. е) Карта полушарій. ф) Видъ острова. *Кн. для чт. уч. Е. Чижевъ.* О томъ, какъ Колумбъ побывалъ на другой сторонѣ земли.

8-й ур. Поверхность суши. Возвышенности и низменности: равнины, плоскогорія, долины, горы. Различныя виды равнины: тундры, солончаки, пустыни, степи и непроходимые лѣса (тайга Сибири и сѣльва). Горныя вершины и горныя цѣпи. Вулканы, вулканическія изверженія и землетрясенія.

Пос.: Картины изъ атласа Животовскаго: горы и горныя цѣпи. Тундра. Солончаки. Пустыня. Степь. Лѣса. Вулканъ и вулканическое изверженіе. *Кн. для чт. уч.:* Луговая и песчаная степи, изд. журн. „Досугъ и Дѣло“. — *Дитловъ.* Вулканы и землетрясенія. — *Рубакинъ.* О великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы. — *Данченко.* О землетрясеніи и горахъ огнедышащихъ.

9-й ур. Атмосфера. Толщина слоя воздуха. Воздухъ на высокихъ горахъ. Воздухоплаватели и ихъ изслѣдованія. Нагрѣваніе и охлажденіе воздуха. Вѣтеръ. Береговые вѣтры, ураганъ, смерчъ, самумъ. Значеніе вѣтровъ: а) вліяніе на температуру; б) передвиженіе песковъ, наносныя почвы; в) распространеніе сѣмянъ; г) сила вѣтра, приводящая въ движеніе суда и мельницы.

Пос.: а) Картины изъ атласа Животовскаго: Ураганъ. Смерчъ. Самумъ. б) Картина воздушнаго шара. в) Парусное судно. *Кн. для чт. уч.:* Вѣтеръ и что онъ дѣлаетъ, изд. „Досугъ и Дѣло“. — *Рубакинъ.* О великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы.

10-й ур. Водяныя пары въ атмосферѣ. Сгущеніе паровъ: туманъ, облака, тучи. Атмосферныя осадки. Неодинаковое количество выпадающей дождевой воды въ разныхъ странахъ земнаго шара. Полосы бездождія. Вліяніе океановъ и горныхъ хребтовъ на распредѣленіе дождей. Свѣтъ; снѣговая линія, ледники. Вѣчныя снѣга около полюсовъ и ледяныя горы.

Пос.: а) Картины изъ атласа Животовскаго: облака, тучи, радуга. Кристаллы снѣга. Снѣговыя вершины, ледники, снѣжный обвалъ.

Ледяныя горы. б) Картины для стереоскопа—ледяныя горы. *Кн. для чт. уч.:* *Животовскій.* Отчего происходитъ дождь и снѣгъ.—Вода въ трехъ видахъ, изд. „Досугъ и Дѣло“.—Вода въ воздухѣ, изд. „Досугъ и Дѣло“.—Свѣтъ Божій.—*Рубакинъ.* О великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы.

11-й ур. Просачиваніе дождевой воды сквозь почву. Подземная вода. Ключи и источники. Подземныя пещеры. Минеральныя ключи. Гейзеръ. Вода на поверхности земли: болота, озера и рѣки. Значеніе горъ, какъ родины рѣкъ и водораздѣла. Значеніе рѣкъ для человѣка: а) поселенія по берегамъ рѣкъ; б) плодородныя иль, способствующій процвѣтанію земледѣлія; в) развитіе торговли по рѣкамъ; г) промышленное производство по берегамъ рѣкъ (вода, какъ двигатель на фабрикахъ и заводахъ).

Пос.: а) Картины изъ атласа Животовскаго: ключи, подземныя каналы. Подземныя пещеры, сталактиты и сталагмиты. Болото, озеро, рѣка, водопадъ. Гейзеры. б) Картина береговъ рѣкъ. в) Водяная мельница. *Кн. для чт. уч.:* Источники и рѣки, изд. „Досугъ и Дѣло“. — *Рубакинъ.* О великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы. — *Рубакинъ.* Вода на землѣ, подъ землею и надъ землею.

12-й ур. Море; глубина его. Изслѣдованія морского дна. Движеніе моря. Приливы и отливы. Значеніе ихъ для мореплаванія. Морскія теченія теплыя и холодныя. Береговая линія: высокіе и низкіе морскіе берега. Значеніе извилистой береговой линіи для жителей страны. Море, какъ посредникъ въ сношеніяхъ и культурѣ. Свойства морской воды. Выпариванія соли. Рыбный промыселъ. Вліяніе моря на характеръ и занятія приморскихъ жителей.

Пос.: а) Карта морскихъ теченій. б) Морской берегъ высокій и низкій. в) Модели или картины парохода и корабля. г) Картина выпариванія соли. е) Рыбный промыселъ на морѣ. ф) Животныя и растенія моря. г) „Жизнь моря“. Келлера. *Кн. для чт. уч.:* Моря и океаны, изд. „Досугъ и Дѣло“.

13-й ур. Понятіе о климатѣ. Зависимость климата отъ географической широты мѣста и различіе въ температурѣ поясовъ. Вліяніе моря на климатъ, зависимость климата отъ воздушныхъ и океанскихъ теченій. Вліяніе на климатъ высоты мѣста и покатости страны. Горы, какъ климатическія раздѣльныя линіи. Вліяніе климата на растенія, животныя и человѣка. Расы.

Пос.: а) Географическій атласъ Симашка. б) Иллюстрированный атласъ Ледера и Шаде. в) Представители разныхъ расъ. *Кн. для чт. уч.:* Горы и горная природа, изд. „Досугъ и Дѣло“. — *Мечъ.* Альпы.

14-й ур. Жизнь человека въ холодномъ поясѣ. Растенія и животныя полярныхъ странъ. Эскимосы и ихъ главныя занятія—рыболовство и охота. Самоѣды и оленеводство. Различіе между бродячимъ и кочевымъ образомъ жизни человека.

Пос.: а) Карта полушарій. б) Ледяныя горы на морѣ. в) Бѣлый медвѣдь, китъ, тюлень, моржъ и другія животныя холодныхъ странъ. г) Растенія холодныхъ странъ. е) Эскимосы и ихъ постройки. г) Картина морскихъ промысловъ и ѣзды на собакахъ. г) Самоѣды и его жизнь. Сѣверный олень. *Кн. для чт. уч.: Воронежскій.* Полярныя страны, ихъ природа и человекъ. *Мечъ.* Гренландія. — *Максимовъ.* Край крещенаго свѣта. О дикихъ народахъ. — *Сыткова.* Архангельскіе китоловы.

15-й ур. Жизнь человека въ жаркомъ поясѣ. Растенія и животныя тропическихъ странъ. Жизнь дикарей (Центральной Африки, Новой Гвиней или лѣсовъ Бразиліи — безразлично). Образъ жизни, нравы и обычаи, религія этихъ народовъ.

Пос.: а) Карта полушарій. б) Животныя и растенія жаркихъ странъ. в) Дикари и ихъ жизнь. *Кн. для чт. уч.:* Въ родной землѣ и въ чужихъ краяхъ, изд. „Общ. распр. пол. кн.“. — Дикіе люди жаркой страны, изд. „Досугъ и Дѣло“. (Путешествіе Беккера и его жены въ странахъ Нила). — *Корончевскій.* Разказы про дикаго человека. — *Корончевскій.* Микронезійцы. Меланезійцы. Полинезійцы. — *Мечъ.* Сахара и Нилъ. — *Мечъ.* Австралія. — Путешествіе Беккера и его жены. — *Острогорскій.* Первобытные лѣса. — *Ватеръ.* Разказы о разныхъ замѣчательныхъ растеніяхъ. 1897 г.

16-й ур. Жизнь человека въ умѣренномъ поясѣ. Развитіе скотоводства и земледѣлія и кочевой или осѣдлый образъ жизни въ связи съ этимъ. Монголы, какъ примѣръ кочевниковъ. Религія. Различіе людей по умственному развитію. Государство.

Пос.: а) Домашнія животныя кочевниковъ и осѣдлыхъ жителей. б) Картины изъ жизни кочевниковъ. в) Земледѣльческія орудія. *Кн. для чт. уч.:* *Мечъ.* Центральная Азія. — *Красновъ.* Какъ живутъ китайцы. — *Острогорскій.* По бѣлу свѣту. — *Максимовъ.* Край крещенаго свѣта. Степи или разказы о народахъ, кочующихъ по степи.

Пособія для преподающаго: Учебники *Герда*, *Воронцовскаго*, *Семенова*. — Свѣтъ Вожій. — *Рубакинъ.* О великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы. — *Реклю.* Земля. — *Пешель.* Народовѣдѣніе. — *Келлеръ.* Жизнь моря. — *Гартманъ.* Природа и человекъ на крайнемъ сѣверѣ. — *Бремъ.* Жизнь на сѣверѣ и югѣ. — *Голузинъ.* На землѣ и подъ землей. — *Бремъ.* Путешествіе по сѣверо-востоку Африки. — *Корончевскій.* Этнографическіе очерки. — *Корончевскій.* Разказы про дикаго человека и др.

II. Географія Россіи.

1-й ур. Географическое положеніе, пространство и главныя части Россійской Имперіи. Границы сухопутныя и морскія. Границы Россіи въ торговомъ отношеніи и въ смыслѣ безопасности. Европейская Россія. Общій характеръ поверхности. Расположеніе горъ и горныхъ цѣпей. Водораздѣлъ. Главныя рѣки. Народонаселеніе Европейской Россіи, количество его и плотность. Составъ народонаселенія въ общихъ чертахъ.

Пос.: а) Карта Россіи. б) Карта Европейской Россіи (на рукахъ у каждой ученицы).

2-й ур. Губерніи малорусскія. Природа. Жители: ихъ внѣшній видъ, языкъ, жизнь, характеръ и занятія. Промыслы. Фабричная и заводская промышленность края. Наиболѣе значительные города. Ярмарки.

Пос.: а) Виды Малороссіи. б) Типы малороссовъ. в) Чумаки. г) Ярмарки въ Малороссіи. е) Свеклосахарный заводъ и свекловичныя плантаціи. ф) Виды Днѣпра, Кіева и т. д. (Виды хорошо показывать въ стереоскопѣ). *Кн. для чт. уч.:* *Мечъ.* Россія. Географическій сборникъ. — *А. Сахаровъ.* По русской землѣ. Малороссія, изд. журн. „Мірской Вѣстникъ“ 1876 г. Народы Россіи. Малороссы, изд. „Досугъ и Дѣло“. — *Поповъ.* О Малороссіи и малороссахъ. 1877 г.

3-й ур. Губерніи степныя. Степь и ея характеръ. Скотоводство и овцеводство. Минеральныя богатства края и ихъ разработка. Крымъ; его природа и жители. Главные города и порты.

Пос.: а) Видъ степи. б) Каменноугольная шахта и рудникъ. в) Казачья станица, г) Виды южныхъ городовъ и типы жителей. Виды Одессы. Виды моря, Севастополя. Виды южнаго берега Крыма. Типы крымскихъ татаръ; ихъ жилища. е) Растенія южнаго берега Крыма. *Кн. для чт. уч.:* Крымскіе татары, изд. журн. „Природа и Люди“. — *Д. Корончевскій,* Крымъ и крымскіе татары. Широкая степь. Очеркъ степныхъ пространствъ. — *С. Мечъ.* Россія. Географическій сборникъ. — *А. Сахаровъ.* По русской землѣ.

4-й ур. Губерніи центральныя. Природа. Великоруссы и ихъ жизнь. Развитіе фабричной и заводской промышленности. Кустарная промышленность. Торговые и фабричныя центры.

Пос.: а) Великорусъ; великорусская деревня. б) Виды центральныхъ губерній. в) Виды Москвы. г) Фабрики и заводы; образцы производствъ. *Кн. для чт. уч.:* Великоруссы, изд. „Природа и Люди“. — *А. Сахаровъ.* По русской землѣ.

5-й ур. Поволжье. Волга и ея значеніе. Природа и жители; ихъ занятія. Иногородцы и ихъ жизнь. Главные города края. Торговля.

Пос.: а) Виды Волги, приволжскихъ городовъ. б) Типы приволжскихъ жителей. в) Рыбный промыселъ. д) Типы инородцевъ; картины ихъ жизни. *Кн. для чт. уч.: Овсянниковъ.* Очерки и картины Поволжья. — *Семеновъ.* Волга и Поволжье. — Волга и Поволжье, изд. „Досугъ и Дѣло“. — Татарское племя, изд. „Природа и Люди“. — Кочующіе народы. Калмыки, изд. „Природа и Люди“. — Черемисы, изд. „Природа и Люди“. — *Шиле.* Волга и ея значеніе для Россіи. — *С. Мечъ.* Россія. Географическій сборникъ. — *А. Сахаровъ.* По русской землѣ.

6-й ур. Уральскій край. Природа и жители. Горнозаводская промышленность. Главные центры края.

Пос.: а) Виды Уральского края. б) Ирискъ, рудникъ. в) Виды городовъ. д) Типы кочевниковъ и ихъ жизнь. *Кн. для чт. уч.: Овсянниковъ.* Уралъ, его природа, обитатели и промышленность. — Вотяки, изд. „Природа и Люди“. — Народы Россіи. Башкиры, изд. „Природа и Люди“. — Уральцы-рыболовы и о нашемъ рыболовномъ хозяйствѣ, изд. Калмыковой. — *С. Мечъ.* Россія. Географическій сборникъ. — *А. Сахаровъ.* По русской землѣ.

7-й ур. Сѣверный край. Тундра и ея обитатели. Лѣсная полоса; жители лѣсной полосы и ихъ промыслы. Поморы и ихъ жизнь. Главные города.

Пос.: а) Видъ тундры, Сѣвернаго Ледовитаго океана; лѣсъ. б) Самоѣдъ и его жилище. в) Животныя и растенія края. д) Типы народностей. е) Виды Архангельска, Соловецкаго монастыря, Бѣлаго моря и т. п. *Кн. для чт. уч.: Максимовъ.* Голодовка на Новой Землѣ. — *Сыткова.* Архангельскіе китоловы. Лопари. Архангельскій край. — *Александровъ.* Гдѣ на Руси какой народъ живетъ и чѣмъ занимается. Чт. I и II. — *С. Мечъ.* Россія. Географическій сборникъ. — *А. Сахаровъ.* По русской землѣ.

8-й ур. Финляндія. Особенности природы и населенія. Жизнь финновъ; ихъ занятія, нравы, бытъ и обычаи. Главные города.

Пос.: а) Карта Финляндіи. б) Типы финновъ и шведовъ. в) Видъ Иматры и др. д) Виды городовъ и деревень. *Кн. для чт. уч.: Мечъ.* Финляндія. — Финское племя, изд. „Природа и Люди“. — *А. Сахаровъ.* По русской землѣ. — Разказы о Финляндіи и ея жителяхъ, изд. Сытина. № 214.

9-й ур. Губерніи озерныя и Прибалтійскій край. Жизнь великорусовъ озерныхъ губерній и жизнь населенія Балтійскаго побережья. Петербургъ; его основаніе и значеніе.

Пос.: а) Виды озернаго края. б) Виды старинныхъ городовъ — Новгорода и Пскова. в) Карта Балтійскаго побережья. д) Типы жителей. е) Виды Петербурга. *Кн. для чт. уч.: С. Мечъ.*

Россія. Географическій сборникъ. — *А. Сахаровъ.* По русской землѣ.

10-й ур. Западный край. Литва и Бѣлоруссія. Жизнь и характеръ литовцевъ и бѣлоруссовъ. Полѣсье и его вліяніе на жителей. Главные города.

Пос.: а) Виды Литвы и Бѣлоруссіи. б) Бѣловѣжская пуща; зубры. в) Типы народностей. д) Виды городовъ. *Кн. для чт. уч.: Поповъ.* Бѣлоруссія и бѣлоруссы. — *Г. Р.* Разказы о Литвѣ и литовцахъ. 1896 г. — *С. Мечъ.* Россія. Географическій сборникъ. — *А. Сахаровъ.* По русской землѣ. — Полѣсье и полѣшуки, Изд. Макаруева, 1879 г.

11-й ур. Польша. Природа и населеніе края. Занятія. Главные города.

Пос.: а) Виды польскаго края. б) Типы поляковъ. в) Виды Варшавы. *Кн. для чт. уч.: Поляки,* изд. „Природа и Люди“.

12-й ур. Кавказскій край. Горы и ихъ вліяніе на человека. Населеніе и его жизнь. Особенности края. Города.

Пос.: а) Виды Кавказа. б) Типы народностей и ихъ жизнь. *Кн. для чт. уч.: С. Мечъ.* Кавказъ. — *Максимовъ.* Край крещенаго свѣта. Русскія горы и кавказскіе горцы. — Кавказскіе жители. Чеченцы, изд. „Природа и Люди“. — Имеретинцы, мингрельцы и гурійцы, изд. „Природа и Люди“. — *Л. Ставровскій.* Кавказъ. 1895 г. — *С. Мечъ.* Россія. Географическій сборникъ. — *А. Сахаровъ.* По русской землѣ.

13-й ур. Туркестанъ. Природа и населеніе. Особенности края. Остатки прежней культуры. Торговля. Главные центры.

Пос.: а) Виды Туркестана. б) Животныя и растенія края. в) Типы народностей. д) Виды городовъ. *Кн. для чт. уч.: Семеновъ.* Туркестанъ. — *Максимовъ.* Край крещенаго свѣта. Степи. — Народы Россіи. Киргизы. — *С. Мечъ.* Россія. Географическій сборникъ. — *А. Сахаровъ.* По русской землѣ.

14-й ур. Западная Сибирь. Природа края. Населеніе. Колонизація. Занятія и промыслы жителей. Главные центры.

Пос.: а) Виды Западной Сибири. б) Типы инородцевъ. *Кн. для чт. уч.: Разказы о Западной Сибири или о губерніяхъ Тобольской и Томской и какъ тамъ живутъ люди. Съ рис. и карт., изд. Сытина. № 200. 1895 г. — С. Мечъ.* Россія. Географическій сборникъ. — *А. Сахаровъ.* По русской землѣ.

15-й ур. Восточная Сибирь. Природа края. Тунгусы и якуты; ихъ жизнь. Камчатка. Приморская область. Сахалинъ. Приамурскій и Уссурийскій край. Колонизація края.

Пос.: а) Виды тундры, тайги, Камчатки, береговъ Охотскаго моря, Байкала, Приамурскаго и Уссурийскаго края. б) Типы народ-

ностей. с) Животныя и растенія края. d) Русскіе поселенія и поселенцы. *Кн. для чт. уч.: Девель.* Разказы о Восточной Сибири. Съ рис. и карт. Сибири, изд. Сытина. № 233. 1896 г. — *Максимовъ.* Край крещенаго свѣта. Мерзлая пустыня. — *Максимовъ.* Дремучіе лѣса. — *Истомина,* Сибирь и переселенцы, изд. Харьк. Общ. грам. — *Александровъ.* Амуръ и Уссурийскій край. — Амуръ и Уссурийскій край, изд. Спб. Ком. грам. — *А. Новицкая.* Южно-Уссурийскій край и переселенцы, изд. Харьк. Общ. грам. — *С. Мечъ.* Россія. Географическій сборникъ. — *А. Сахаровъ.* По русской землѣ.

16-й ур. Государственное и общественное устройство Россіи.

Пособіи для преподающаго: С. Мечъ. Россія. Учебникъ отечественной географіи. — *С. Мечъ.* Россія. Географическій сборникъ. — *Семеновъ.* Отечествовъдѣніе. — *Барановъ и Гортловъ.* Географія Россійской имперіи. — *А. Сахаровъ.* По русской землѣ. — *Сочиненія Максимова, Михайлова, Маркова, Рагозина, Воронцова* и многихъ другихъ. — *Живописная Россія.*

Для поясненія и иллюстрированія вышеприведенной программы, мы даемъ здѣсь одну изъ бесѣдъ (именно 10-й урокъ 1-й части программы) въ разработанномъ видѣ.

Когда вода кипитъ, изъ нея выходитъ паръ, а воды становится меньше. Если оставить долго кипѣть самоваръ, то онъ выкипитъ, т.-е. большая часть воды въ немъ обратится въ паръ. Но паръ отдѣляется не только отъ кипящей воды. Повѣсимъ мокрую тряпку, и она черезъ нѣсколько времени высохнетъ, т.-е. вода изъ нея улетучится въ видѣ пара. Нальемъ на блюдечко немного воды и оставимъ его на открытомъ воздухѣ; черезъ день или два воды на блюдечкѣ или не будетъ совсѣмъ или станетъ гораздо меньше: вода испарилась, т.-е. ушла въ воздухъ невидимымъ паромъ. То же самое дѣлается съ водою и повсюду на землѣ. Вода въ лужахъ, болотахъ, прудахъ, рѣкахъ, озерахъ, моряхъ и океанахъ постоянно испаряется, т.-е. превращается въ невидимый паръ. Поэтому въ воздухѣ всегда есть водяной паръ, только мы его не видимъ. Но если налить въ теплый лѣтній день очень холодную воду въ стаканъ или графинъ, то мы сейчасъ же видимъ, какъ стѣнки стакана запотѣютъ, т.-е. покроются мельчайшими капельками воды. Откуда же взялись эти капельки? Онѣ были въ воздухѣ въ видѣ невидимаго пара, но когда воздухъ прикоснулся къ холоднымъ стѣнкамъ стакана, охладился, часть содержащихся въ немъ паровъ осѣла на стаканъ въ видѣ мельчайшихъ капелекъ воды. Значитъ, когда воздухъ охлаждается, онъ не можетъ уже содержать въ себѣ такъ много невидимыхъ па-

ровъ, какъ прежде, — частички пара сгущаются, обращаются въ капельки воды. Напр., когда на дворѣ становится холодно, окна часто потѣютъ. Почему это происходитъ? Потому, что стекло становится холоднымъ, воздухъ около него охлаждается, не можетъ уже содержать въ себѣ столько невидимыхъ водяныхъ паровъ, какъ прежде, когда онъ былъ теплымъ, и излишекъ паровъ осаждается капельками на стеклѣ. Отчего лѣтомъ, когда мы дышимъ, не видно пара, выдыхаемаго нами, а зимою на морозѣ видно? Отчего зимою, если открыть дверь въ жарко натопленную избу, видны клубы пара? Отчего послѣ жаркаго лѣтняго дня часто вечеромъ или ночью на землю, на траву, на камни, на вѣтки ложится сильная роса? Откуда она берется? Почему она осаждается вечеромъ, ночью? Почему самая сильная роса бываетъ въ ясныя ночи, а въ пасмурную погоду росы вовсе не бываетъ? Что часто осаждается на крышу, на камни, на вѣтки деревьевъ въ ясныя морозныя ночи? Почему паръ осаждается тогда не каплями, не росой, а инеемъ? Лѣтомъ, по заходѣ солнца, надъ болотомъ, надъ рѣкой часто можно видѣть бѣловатый туманъ; изъ чего онъ образовался? Почему? Что остываетъ скорѣе — земля или вода? Куда дѣвается туманъ утромъ? (Отвѣты и разъясненія на всѣ эти вопросы даются, по возможности, самими учащимися). Теплый воздухъ съ водяными парами подымается вверхъ; почему? Что дѣлается съ теплымъ воздухомъ сверху? Почему онъ охлаждается? Что дѣлается тогда съ водяными парами? Они сгущаются въ туманъ, становятся видимыми и образуютъ облако (припомнить о путешествіяхъ на высокихъ горахъ, когда путешественникъ бываетъ окруженъ облакомъ и потомъ можетъ еще подняться, выше облаковъ). Облака рѣдко стоятъ неподвижно. Они переносятся съ мѣста на мѣсто теченіемъ воздуха, вѣтромъ, и чѣмъ сильнѣе вѣтеръ, тѣмъ быстрѣе несутся облака. Но вотъ облако встрѣчаетъ струю болѣе холоднаго воздуха, оно сгущается въ тучу, маленькія частички собираются въ капли воды, которые не могутъ больше держаться въ воздухѣ и падаютъ на землю въ видѣ дождя. Что падаетъ вмѣсто дождя, когда погода бываетъ очень холодная? Изъ чего состоятъ хлопья снѣга? Какой видъ имѣетъ каждая снѣжинка? (показать рисунокъ — видъ отдѣльныхъ снѣжинокъ). Что еще падаетъ иногда на землю, кромѣ дождя и снѣга? Какой величины бываютъ градины? Какой вредъ приноситъ градъ? Всегда ли одинаковое количество дождя и снѣга выпадаетъ у насъ? Почему нѣтъ? Кому приходилось слышать или читать, гдѣ больше дождливыхъ дней бываетъ — у насъ или въ Петербургѣ? Почему это? Значитъ, въ разныхъ странахъ земного шара дождь выпадаетъ не въ одинаковомъ количествѣ; есть страны, въ которыхъ падаетъ очень много дождя, и есть такія, въ

которых даже по цѣлымъ годамъ не падаетъ ни одной капли дождя. Отчего же это зависитъ? Больше всего воды испаряется въ тропическихъ странахъ съ поверхности океановъ; почему? Куда дѣваются затѣмъ эти пары, почему пары сгущаются и проливаются дождями больше надъ сушею, нежели надъ океаномъ? Кто можетъ рассказать о тропическихъ ливняхъ? Кто читалъ объ этомъ? Кто изъ васъ читалъ о такихъ странахъ, гдѣ никогда не бываетъ дождя? Почему въ Сахарѣ и нѣкоторыхъ другихъ пустыняхъ никогда не падаетъ дождь? Какіе вѣтры у насъ обыкновенно приносятъ дождь? Почему? Если бы на пути этихъ теплыхъ влажныхъ вѣтровъ возвышалась цѣпь очень высокихъ горъ, повліяло ли бы это на нашу погоду или нѣтъ? Что было бы тогда? Почему? Значитъ, расположеніе горъ, горныхъ цѣпей въ странѣ имѣетъ огромное вліяніе на распределеніе дождей. Припомнимъ, напр., какъ проходятъ горы въ Америкѣ (показать карту Америки). Какіе дуютъ тамъ вѣтры въ тропическомъ поясѣ? Гдѣ должно падать больше дождей — на востокъ или на западъ отъ горной цѣпи? Почему? (Привести примѣръ Средне-Азиатскаго плоскогорія, окруженнаго со всѣхъ сторонъ горами). Какое вліяніе имѣетъ дождь на землю? Какую пользу приноситъ? Какую пользу приноситъ снѣгъ? Въ какихъ странахъ падаетъ снѣгъ и почему? Почему вершины горъ покрыты снѣгомъ? (Показать картины снѣговыхъ вершинъ). Линія, выше которой снѣгъ лежитъ круглый годъ, называется снѣговой линіею. Въ какихъ странахъ мы скорѣе дойдемъ до снѣговой линіи, поднимаясь на высокія горы, въ жаркихъ или въ холодныхъ? Почему? — Въ полярныхъ странахъ такъ холодно, что постоянный снѣгъ лежитъ почти на уровнѣ моря, а въ тропическихъ странахъ такъ жарко, что надо подняться на 5 верстъ, чтобы достигнуть холодныхъ слоевъ воздуха и дойти до снѣговой линіи, за которой начинается царство вѣчнаго снѣга и льда. Каждый годъ выпадаютъ все новые и новые слои снѣга, и горы должны были бы отъ этого все расти въ вышину, если бы снѣгъ съ горъ не скатывался и не сползалъ внизъ. Случается часто, что огромный комъ снѣга отрывается отъ горы и катится внизъ, разрушая и увлекая все по пути. Такіе снѣжные комья называются лавинами (показать картину снѣжныхъ лавинъ). Кто читалъ о лавинахъ? (Прочестъ или рассказать по Рубакину — Рассказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы, 71-я стр.). Но не весь снѣгъ скатывается съ горъ лавинами. Масса снѣга остается на горахъ по сотнямъ и тысячамъ лѣтъ. Нижніе слои снѣга сдавливаются верхними, дѣлаются плотными и превращаются въ настоящій ледъ. Красивый голубой ледъ тянется иногда на горахъ на нѣсколько десятковъ верстъ, а толщиною бываетъ съ $1\frac{1}{2}$ версты и больше. Такія скопленія льда на горахъ называются

ледниками (показать картину — ледникъ). Ледники медленно сползаютъ съ горныхъ долинъ внизъ (о ледникахъ и ихъ движеніи прочестъ или рассказать по Рубакину — Рассказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы, 74-я стр.). Въ странахъ холодныхъ около полюсовъ накапливаются груды снѣга; почему? Ледники тамъ находятся у самого моря; почему? Нижнимъ концомъ они уходятъ прямо въ воду; отъ этого конца отламываются огромные куски въ нѣсколько десятковъ сажень вышиною и толщиною и плаваютъ по морю. Ихъ называютъ ледяными горами (показать картину — ледяныя горы). Ледяныя горы часто на нѣсколько сотъ футовъ возвышаются надъ волнами, а между тѣмъ, часть льда почти въ 7 разъ больше той, которая возвышается надъ водою, всегда бываетъ погружена въ воду. Ледяныя горы далеко уплываютъ отъ того ледника, отъ котораго оторвались, и носятся въ морѣ, пока не растаютъ. Кто читалъ и можетъ рассказать о путешествіи въ холодныя моря и о встрѣчахъ съ пловучими ледяными горами?

О преподаваніи ариметики въ воскресныхъ школахъ.

Поповоду: 1) «Сборника ариметическихъ задачъ для воскресныхъ школъ» С. И. Лапшина. Москва. 1894 г. и 2) «Сборника ариметическихъ задачъ для воскресныхъ школъ, вечернихъ и повторительныхъ классовъ. Курсъ средній и старшій», составленнаго подъ редакціей Ал. Гатлиха. Москва. 1897 г. Ц. 20 коп.

Часто приходится наблюдать, что преподаваніе ариметики въ воскресной школѣ какъ-то отстываетъ на задній планъ; предметъ этотъ считается чѣмъ-то прибавочнымъ, неважнымъ, ведется вяло, неохотно берется учительницами, неохотно слушается ученицами. Успѣхи по ариметикѣ втеченіе одного учебнаго года часто бываютъ поразительно малы; познанія учащихся одной и той же группы крайне неравномѣрны, что приписывается обыкновенно отчасти природной неспособности многихъ къ математикѣ, отчасти тому обстоятельству, что учащіеся распределяются въ группы по успѣхамъ въ письмѣ и чтеніи, на ариметику же не обращается должнаго вниманія. А между тѣмъ, знаніе ариметики имѣетъ такое большое практическое примѣненіе въ жизни, такъ необходимо для того, чтобы умѣть ориентироваться во многихъ случаяхъ, что дать это знаніе взрослымъ учащимся, воспользоваться, какъ слѣдуетъ, часомъ, удѣляемымъ на преподаваніе ариметики, — прямая задача и обязанность воскресной школы. И что учащіеся воскресной школы чувствуютъ потребность въ этомъ, часто сами сознаютъ это, можно подтвердить многими примѣрами, многими вопросами ихъ. «Мнѣ бы хотѣло на счетахъ научиться считать! — заявляетъ одна пожилая ученица, ведущая дома хозяйство. — А то, что сосчитать понадобится —

бѣда! совсѣмъ не могу...“ — „Большія бы числа научиться читать! — робко замѣчаетъ молоденькая любознательная дѣвушка. — Читаешь книжку по исторіи, а попадется число — и не знаешь сколько!“ — „Что это маленькими ноликами тутъ обозначено? — спрашиваетъ довольно развитая, серьезная дѣвушка, вытаскивая изъ кармана газету и показывая фразу: „смертность отъ этой болѣзни достигаетъ 80%“.

Такимъ образомъ, уроки ариметики въ воскресной школѣ должны удовлетворять многимъ самымъ разнообразнымъ запросамъ учащихся, давать необходимыя знанія и понятія, способствовать расширенію умственного кругозора учащихся и, слѣдовательно, имѣть такое же важное образовательное значеніе, какъ и всѣ другіе предметы преподаванія. Всегда ли такъ ведется преподаваніе ариметики въ воскресной школѣ, отвѣчаетъ ли оно обыкновенно этимъ требованіямъ?

Прежде всего, нерѣдко приходится наблюдать, что взрослыхъ учащихся держать очень долго на изученіи перваго десятка чиселъ. Если это полезно и еще имѣетъ значеніе при обученіи дѣтей, то это излишне, скучно и даже вредно для взрослыхъ, вредно потому, что дѣлаетъ въ ихъ глазахъ уроки ариметики какимъ-то ненужнымъ, безцѣльнымъ, непроизводительнымъ занятіемъ. Большинство взрослыхъ, за рѣдкими исключеніями, болѣе или менѣе хорошо справляется со счетомъ въ предѣлѣ первой сотни и нуждается только въ сообщеніи болѣе удобныхъ и легкихъ приѣмовъ счета, болѣе сознательномъ пониманіи десятичной системы счисленія. При преподаваніи ариметики часто забываютъ большое практическое значеніе умѣнья считать на торговыхъ счетахъ и ихъ или совсѣмъ не употребляютъ, или пользуются ими въ недостаточной степени. Между тѣмъ, вычисленія на счетахъ не только помогаютъ быстро и точно производить расчеты, но и знакомятъ наглядно и основательно съ десятичною системою. Часто приходится также видѣть, что уроки проходятъ въ рѣшеніи запутанныхъ сложныхъ задачъ со многими условіями, въ которыхъ трудно разобраться учащимся, непривычнымъ къ умственному труду; на это, нерѣдко совершенно непроизводительно, затрачивается много труда и много времени. Неправильному преподаванію ариметики немало способствуютъ и тѣ задачки, которыми приходится пользоваться: они приноровлены къ условіямъ ежедневной школы, къ занятіямъ съ дѣтьми и вносятъ съ собою тѣ же приемы обученія ежедневной школы и въ воскресную. Въ этихъ учебникахъ задачи размѣщены такимъ образомъ, что знакомство съ мѣрами, простѣйшими дробями, понятіемъ о пробѣ, процентахъ и т. п. откладывается надолго, до того времени, когда ребенокъ совершенно освоится съ болѣе простыми арифметическими

понятіями. Въ ежедневной школѣ, конечно, незачѣмъ спѣшить съ сообщеніемъ этихъ новыхъ, совершенно чуждыхъ ребенку понятій, — времени впереди еще много. Совсѣмъ не то въ воскресной школѣ. Здѣсь время дорого, и теченіе года надо дать все наиболѣе необходимое, выяснить по возможности все, что приходится встрѣчать ученику въ жизни, что уже ему отчасти знакомо изъ жизненнаго опыта; здѣсь должны быть повторены мѣры, указаны способы вычисленія времени; здѣсь слѣдуетъ познакомить съ простѣйшими дробными величинами, объяснить способъ вычисленія процентовъ, учетъ векселя и т. п. Въ то же время необходимо, чтобы уроки ариметики будили любознательность учащихся, способствовали общему развитію ихъ. Новизна и разнообразіе, расширеніе кругозора учащихся вносить въ уроки оживленіе, придаетъ имъ глубокий интересъ, развиваетъ умственную жизнь учащихся и сообщаетъ урокамъ ариметики широкое образовательное значеніе.

Такимъ образомъ, воскресная школа, отличаясь по своимъ условіямъ отъ ежедневной, требуетъ иныхъ приѣмовъ, иного способа изложенія, иного расположенія учебнаго матеріала, иного подбора и содержанія задачъ. Сознывая это, иные преподаватели воскресныхъ школъ и пошли навстрѣчу этому новому требованію и составили сборники арифметическихъ задачъ, предназначенные къ употребленію въ воскресныхъ школахъ и приноровленные специально къ ихъ условіямъ. Таковы: *Сборникъ С. И. Лапшина*, представляющій курсъ 1-го года обученія, и *Сборникъ, сост. подъ ред. Ал. Гатлиха, курсъ средній и старшій*.

Задачникъ С. И. Лапшина раздѣляется на два отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ помѣщены болѣе простыя задачи, рѣшеніе которыхъ не требуетъ письменныхъ расчетовъ. Содержаніе задачъ взято изъ практической жизни, близко и хорошо знакомо взрослому учащемуся воскресной школы; напр., даются такія задачи: „Портниха взялась шить дѣтское платье изъ своего матеріала за 4 р. 50 к. На платье пошло 4 арш. бумазеи, по 24 к. за аршинъ, 2 арш. коленику по 10 к. арш., 2 дюжины пуговицъ по 20 к. за дюжину и 4 арш. лентъ по 25 к. за аршинъ. Сколько осталось портнихѣ за работу?“ (№ 16) — „Въ три дня сгораетъ 2 четвериковыя свѣчи. Сколько стоитъ освѣщеніе въ мѣсяцъ, если 1 ф. свѣчей стоитъ 28 к.“ (№ 37) и т. п. Такой подборъ задачъ имѣетъ большое значеніе, дѣлая уроки ариметики понятными, близкими для учащихся, необходимыми и полезными въ ихъ глазахъ. Задачи расположены по степени трудности и сложности; послѣ простыхъ задачъ на сложеніе и вычитаніе дѣлается постепенный переходъ къ болѣе сложнымъ, затѣмъ даются задачи на умноженіе; далѣе понемногу вво-

дятся задачи съ наиболѣе употребительными мѣрами, уже извѣстными, конечно, учащимся изъ практической жизни, даются задачи на вычисленіе времени, расчетъ часовъ и минутъ, употребляются простѣйшія дроби, напр.: $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{3}{4}$, $\frac{1}{8}$. Въ задачи, такимъ образомъ, постепенно вводится все то, съ чѣмъ приходится имѣть дѣло учащемуся въ окружающей его жизни; въ школѣ онъ только болѣе сознательно научается производить тѣ вычисленія, которыя не разъ заставляла его дѣлать жизнь, часто наощупь, путемъ навыка. На умноженіе дается цѣлый рядъ различныхъ по содержанію и трудности задачъ, на которыхъ учащіеся могутъ основательно освоиться съ умноженіемъ; попутно вводятся самыя простыя задачи на $\frac{\circ}{\circ}$, на которыхъ легко выяснить учащимся способы вычисленія ихъ. Затѣмъ идутъ задачи на дѣленіе, въ достаточномъ количествѣ на оба случая: вопросъ дѣленія на равныя части и вопросъ содержанія. Послѣднія задачи перваго отдѣла (№№ 87—98) довольно сложны и трудны; содержаніе ихъ взято притомъ изъ крестьянскаго быта, потому онѣ, быть-можетъ, не будутъ пригодны во всякой воскресной школѣ; эти задачи, напр., мало понятны и интересны для ученицъ-ремесленницъ женской воскресной школы, часто совершенно не знающихъ деревенской жизни, но зато имѣютъ большое значеніе для сельскихъ воскресныхъ школъ, вообще мужскихъ школъ, гдѣ среди учениковъ много пришлаго сельскаго люда, занимающагося хозяйствомъ.

Такимъ образомъ, первый отдѣлъ задачника С. И. Лапшина даетъ большой и разнообразный выборъ задачъ различной трудности, которыми преподающій легко можетъ пользоваться по своему усмотрѣнію, выбирая изъ нихъ наиболѣе подходящія къ условіямъ своей группы. При рѣшеніи этихъ задачъ учащіеся, пользуясь постоянно торговыми счетами, привыкаютъ легко и быстро производить довольно сложные расчеты съ большими числами, разбивая эти числа на десятки и сотни.

Во второмъ отдѣлѣ даются уже болѣе сложные задачи со многими условіями и цѣлымъ рядомъ чиселъ. При рѣшеніи ихъ ученики приучаются разбираться въ болѣе сложныхъ условіяхъ задачи, располагать и записывать ея рѣшеніе; всѣ расчеты въ задачѣ производятся также устно и на счетахъ, такъ какъ ученики еще не знаютъ 4-хъ дѣйствій надъ большими числами. Способъ такихъ расчетовъ для каждой задачи дается въ концѣ книги, что очень важно для неопытныхъ преподающихъ, помогая имъ правильно располагать матеріалъ при рѣшеніи задачи, пользоваться наиболѣе удобнымъ и простымъ способомъ вычисленія. Въ задачи введены квадратныя и кубическія мѣры, проценты, процентныя бумаги и т. п.; все это, впрочемъ, въ наиболѣе простыхъ формахъ, въ предѣлахъ, требуе-

мыхъ повседневной жизнью. Нѣкоторыя изъ задачъ все же настолько трудны и сложны, что, быть-можетъ, будутъ примѣняться пока только въ мужскихъ школахъ, такъ какъ мужчинамъ, вообще, больше приходится имѣть дѣло въ жизни съ точными расчетами и учетами; таковы во II отдѣлѣ задачи №№ 20, 55, 62. Во всякомъ случаѣ, II отдѣлъ даетъ очень много разнообразныхъ и различныхъ по трудности задачъ, изъ которыхъ можно сдѣлать уже подходящій выборъ, сообразуясь съ развитіемъ и способностями учениковъ. Недостаткомъ задачника С. И. Лапшина все же приходится назвать нѣкоторую несистематичность въ распредѣленіи матеріала: вслѣдъ за сложной и трудной задачей можно встрѣтить очень простую, легкую, и обратно; напр., въ II отдѣлѣ послѣ №№ 30 и 31 рядъ очень легкихъ задачъ №№ 32—41; или послѣ № 45—№ 46. Нѣкоторыя, немногія впрочемъ, задачи слишкомъ сложны и трудны, какъ напр., во II отдѣлѣ №№ 7, 30, 57.

Между тѣмъ какъ сборникъ задачъ С. И. Лапшина предназначенъ для 1-го года обученія и ставитъ своей цѣлью научить учениковъ пользоваться при рѣшеніи задачъ торговыми счетами, устнымъ счисленіемъ и только отчасти письменнымъ, сборникъ задачъ подъ редакціей Ал. Гатлиха знакомитъ уже учениковъ съ приемами письменнаго счисления. Задачи этого сборника составлены такимъ образомъ, чтобы какъ можно производительнѣе утилизировать то короткое время, которое можетъ удѣлять взрослый человѣкъ на ученіе. На ряду съ арифметическими вычисленіями, задачникъ даетъ полезныя свѣдѣнія, касающіяся различныхъ явленій природы и жизни; задачи знакомятъ, напр., съ разстояніемъ отъ земли до солнца и до луны, высотой многихъ горъ, составомъ атмосфернаго воздуха, морской воды, даютъ удѣльный вѣсъ многихъ металловъ, сравнительную скорость звука и свѣта и много другихъ. Всѣ задачи расположены въ строгой системѣ по своей трудности и сложности, что чрезвычайно облегчаетъ пользованіе имъ. Сначала даны задачи на сложеніе цѣлыхъ чиселъ, затѣмъ рядъ задачъ на вычитаніе, наконецъ, на умноженіе и дѣленіе, послѣ чего уже слѣдуетъ цѣлый отдѣлъ задачъ на различные дѣйствія съ цѣлыми числами. При этомъ именованныя числа не выдѣляются въ особый отдѣлъ, но приурочены къ задачамъ на 4 дѣйствія съ цѣлыми числами, что, конечно, вполне уместно и даже необходимо въ воскресной школѣ, гдѣ нѣтъ надобности знакомить учащихся съ такими терминами, какъ раздробленіе, превращеніе и т. п. Въ задачникъ введено много полезныхъ задачъ на вычисленіе времени, знакомство съ квадратными и кубическими мѣрами, съ пробою, процентами, акціями, даются задачи на смѣшеніе. Всѣ новые термины объяснены въ примѣчаніяхъ къ тѣмъ задачамъ,

въ которыхъ они встрѣчаются въ первый разъ, и, кромѣ того, списокъ терминовъ помѣщенъ въ концѣ книги.

Послѣ многихъ и разнообразныхъ задачъ на всѣ 4 дѣйствія надъ цѣлыми числами слѣдуютъ задачи на основныя понятія о простыхъ дробяхъ, составленные такимъ образомъ, чтобы учащіеся могли пройти весь этотъ отдѣлъ прямо на задачахъ, не нуждаясь въ особыхъ теоретическихъ объясненіяхъ. На этихъ задачахъ чрезвычайно удачно выясняется понятіе о дробѣ на фунтъ чая, частяхъ яблока и т. п. конкретных примѣрахъ. Задачи постепенно усложняются, при чемъ послѣдовательно выясняются всѣ основныя понятія о простыхъ дробяхъ. Вычисленія ограничиваются простѣйшими дробями, такъ какъ на практикѣ почти никогда не приходится производить дѣйствія надъ дробями съ очень большими и сложными знаменателями. Затѣмъ идетъ отдѣлъ десятичныхъ дробей, выясняющій такимъ же образомъ на задачахъ необходимыя основныя понятія.

Въ задачахъ на дробѣ отведено значительное мѣсто метрическимъ мѣрамъ; въ концѣ книги дана таблица мѣръ, въ которой при всѣхъ важнѣйшихъ нашихъ мѣрахъ указаны соотвѣтствующія метрическія, и наоборотъ. Это, конечно, весьма полезно въ виду важнаго значенія метрической системы мѣръ какъ въ практической жизни, гдѣ она все болѣе входитъ въ употребленіе, такъ и въ книгѣ научнаго и технического содержанія.

Богатое, интересное и разнообразное содержаніе задачъ, расположеніе ихъ въ строго систематическомъ порядкѣ по степени трудности и сложности, наконецъ, предисловіе, дающее возможность учащему выяснитъ себѣ взглядъ составителей и способъ пользованія задачкой, — все это значительно облегчитъ трудъ каждаго преподавателя ариметики въ воскресной школѣ, заставитъ многихъ взглянуть шире на задачу преподаванія ариметики. Благодаря этому, мы должны назвать новый сборникъ задачъ, составленный подъ редакціею Ал. Гатлиха, цѣннымъ вкладомъ въ нашу небогатую еще учебную литературу для взрослыхъ.

Что касается вышеразобраннаго задачника С. И. Лапшина, то намъ казалось бы чрезвычайно полезнымъ внимательно пересмотрѣть его, расположивъ задачи въ строгой системѣ по степени трудности и сложности и предпославъ подробное предисловіе, которое выясняло бы взглядъ составителя на преподаваніе ариметики въ воскресной школѣ и давало бы указанія относительно пользованія задачкой. Тогда оба разсмотрѣнные сборника задачъ, употребляемые послѣдовательно, дали бы вполне удовлетворительный, полный и систематическій курсъ ариметики для воскресныхъ школъ.

Н. Власенко.

Разказы изъ русской исторіи. Для сильнограмотныхъ и повторительныхъ отдѣленій воскресныхъ школъ.

Спб. 1894 г. Ц. 15 коп. 75 стр. *).

Въ своемъ предисловіи авторъ говоритъ, что книга эта предназначена для взрослыхъ учащихся воскресныхъ школъ, уже ознакомленныхъ по книгамъ Баранова, Бунакова и др. съ главными фактами русской исторіи и важнѣйшими историческими дѣятелями, почему многого авторъ касается слегка, какъ бы лишь напоминая. Этой оговоркой авторъ устраняетъ единственный упрекъ, который можно было бы сдѣлать книгѣ, именно, упрекъ въ неполнотѣ и краткости нѣкоторыхъ статей.

Не останавливаясь долго надъ каждымъ отдѣльнымъ историческимъ лицомъ, не описывая подробно его доблестей, авторъ разказовъ все вниманіе читателя сосредоточиваетъ на бытѣ, характерѣ народа и, главное, на ростѣ и формированіи русскаго государства, на внутреннемъ его устройствѣ и умственной жизни русскаго народа, особенно отмѣчая тѣ событія и факты, которые имѣли сильное вліяніе на эту жизнь, какъ напр., сношеніе съ Византіей (статья „Первые князья“) и цивилизующее вліяніе ея на славянъ (статьи „Крещеніе“, „Основаніе монастырей“, „Грамота и просвѣщеніе на Руси“, „Русская Правда“). Въ небольшихъ статьяхъ авторъ даетъ яркія характеристики цѣлыхъ эпохъ, каковы „Удѣльное время“, „Татары“. Въ послѣдней статьѣ авторъ удачно отмѣчаетъ вліяніе на русскіе нравы и обычаи низшихъ по культурѣ народовъ, грубость которыхъ отразилась въ дальнѣйшемъ на судебникѣ Ивана III. Явное предпочтеніе, которое авторъ оказываетъ ознакомленію съ внутреннимъ государственнымъ строемъ, управленіемъ передъ батальными картинами, переполняющими большинство историческихъ учебниковъ и разказовъ, составляетъ, по нашему мнѣнію, главное достоинство названной книги.

Слѣдуетъ отмѣтить также, что „Разказы изъ русской исторіи“ совершенно лишены легендарнаго характера, и только о началѣ русскаго государства изложено по преданію, что и оговорено авторомъ. Нельзя не пожалѣть только, что „Разказы“ заканчиваются статьёю „Николай I“ и, такимъ образомъ, не касаются царствованія

*) Настоящій краткій разборъ книжки, вышедшей въ свѣтъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ, вызванъ удачнымъ ея примѣненіемъ въ одной изъ группъ Харьковской частной женской воскресной школы. Остановитъ вниманіе нашихъ читателей на этой книжкѣ мы считаемъ тѣмъ болѣе уместнымъ, что она, насколько мы осведомлены, весьма мало примѣняется въ воскресныхъ школахъ.

Александра II, лишь въ нѣсколькихъ словахъ упоминая объ освобожденіи крестьянъ.

Благодаря простотѣ и ясности изложенія, задушевности тона, картинности описаній, книга эта вполне достигаетъ своей цѣли, т.-е. можетъ служить взрослымъ ученикамъ и ученицамъ воскресныхъ школъ прекраснымъ домашнимъ пособіемъ для повторенія ведущихся въ школѣ бесѣдъ по исторіи или книгой для школьной библиотеки, гдѣ она будетъ полезна, какъ обобщающая и приводящая въ связь тѣ обрывочныя свѣдѣнія по исторіи, которыя учащіеся выносятъ изъ классныхъ книгъ для чтенія или хрестоматій.

Кромѣ того, „Разказы“ могутъ служить классной книгой для объяснительнаго чтенія по исторіи въ воскресныхъ школахъ, что и практиковалось въ Харьковской женской школѣ въ группѣ взрослыхъ грамотныхъ ученицъ, еще совершенно незнакомыхъ съ русской исторіей. Конечно, при такомъ примѣненіи учительницѣ приходилось дѣлать большія добавленія къ „Разказамъ“ для болѣе полной характеристики тѣхъ эпохъ, которыя въ нихъ недостаточно выяснены или совсѣмъ опущены, какъ напр., эпоха казней въ царствованіе Ивана IV.

Чтеніе „Разказовъ“ въ группѣ взрослыхъ ученицъ воскресной школы показало еще разъ, какъ и чѣмъ въ исторіи Россіи особенно интересуются читатели изъ народа: никакія другія статьи не читались съ такимъ интересомъ, бесѣды не проходили такъ оживленно, никакія темы не вызывали столько вопросовъ и разговоровъ со стороны ученицъ, какъ статьи: „Грамота и просвѣщеніе на Руси“, „Какъ правилъ Иванъ IV“ (Земскій соборъ), „Военная служба“, „Крестьянство“, „Казачи“, и мы должны еще разъ поставить въ заслугу разбираемой книгѣ то, что она удѣляетъ много вниманія именно этимъ вопросамъ.

Е. Ващенко.

О лѣтней выдачѣ книгъ.

Докладъ Х. Д. Алчевской, читанный въ собраніи учительницъ Харьковской частной женской воскресной школы *).

Много, много лѣтъ сряду существуетъ наша школа, и каждую весну завѣдующіе библиотекой тщательно отбирали книги у всѣхъ ученицъ съ тѣмъ, чтобы осенью снова начать выдавать ихъ. Это

*) Въ воскресныхъ школахъ занятія на лѣто прекращаются, но инныя школы продолжаютъ и лѣтомъ выдавать книги изъ школьной библиотеки. Такой лѣтней выдачѣ книгъ мы придаемъ немалое значеніе какъ потому, что, благодаря ей, учащіеся не лишаются возможности читать и лѣтомъ, такъ, главнымъ обра-

было нѣчто стихійное, противъ чего никто не возставаъ, съ тою только разницею, что въ природѣ въ маѣ мѣсяцѣ все цвѣло и просило жизни, а библиотека умирала, чтобы воскреснуть осенью. Правда, время отъ времени слышны были робкіе протесты со стороны ученицъ: „Какъ же такъ, что я буду читать лѣтомъ?“ — „Лѣтомъ бы только и почитать, свободнѣе отъ работы!“ — „А я думала, намъ и лѣтомъ будутъ выдавать книги!“ — „Какъ бы мнѣ не позабыть читать за лѣто!..“ Но никто не прислушивался къ этимъ робкимъ протестамъ, и каждый эгоистически думалъ въ это время о деревнѣ, о дачѣ, объ отдыхѣ. Школьный годовой отчетъ за 1891—1892 г. въ первый разъ выдвинулъ этотъ вопросъ, но и тутъ появились протесты иныхъ учительницъ. Тѣмъ не менѣе, многія откликнулись сочувствіемъ, и вопросъ прошелъ большинствомъ голосовъ. Но собраніе, баллотировка — не самая еще жизнь, и неизвѣстно было, какъ осуществится на практикѣ то, что было рѣшено въ теоріи. Настоящій докладъ долженъ явиться отвѣтомъ на этотъ вопросъ и разъяснить кружку учительницъ, какъ велось дѣло лѣтней выдачи книгъ. Казалось, оно должно было стоять слабѣе, чѣмъ зимою, при огромномъ количествѣ учащихся силъ, при совмѣстной дружной работѣ, при общемъ строѣ школьной жизни; но въ сущности оказалось иначе.

Въ лѣтней выдачѣ книгъ согласились принять участіе 13 учительницъ. Однѣ изъ нихъ оставались все лѣто въ Харьковѣ, другія — до конца іюня, іюля, августа; третьи не могли работать въ школѣ зимою, вслѣдствіе постороннихъ обязательныхъ занятій, и освободились только теперь, лѣтомъ; четвертыя находили возможнымъ прѣзжать разъ въ недѣлю изъ подгородныхъ дачъ; и, такимъ образомъ, у насъ составилъ довольно многочисленный и дружный союзъ. Приходили мы всѣ въ школу бодрья, со свѣжими силами, не то, что зимою, послѣ 4-часовыхъ занятій, и отдавались дѣлу всей душой. Прежде всего, мы завели подробныя записи, что невозможно было осуществить въ зимнее время за недосугомъ, когда передъ 6—7 усталыми учительницами стоитъ 150—200 ученицъ. Записи эти велись не однимъ лицомъ, не двумя, а всѣми участницами дѣла.

Мнѣ кажется, нѣтъ почвы на свѣтѣ болѣе удобной для нравственнаго сближенія, какъ бесѣда по поводу прочитанной книги, и

зоумъ потому, что такимъ путемъ поддерживается связь школы съ учащимися и во время лѣтняго перерыва занятій, а это весьма важно: какъ извѣстно, составъ учащихся воскресныхъ школъ очень подвиженъ, и обыкновенно многіе и многіе учащіеся послѣ каникулъ не возвращаются въ школу; весьма возможно, что нѣкоторое общеніе съ учащимися и лѣтомъ поведетъ за собой меньшій уходъ ихъ изъ школы, сдѣлаетъ составъ учащихся постояннѣе. Вслѣдствіе такихъ соображеній, мы считаемъ вопросъ о лѣтней выдачѣ книгъ въ воскресныхъ школахъ немаловажнымъ, а потому и даемъ по этому вопросу отдѣльную статью.

это какъ-то особенно рельефно выяснилось при лѣтней выдачѣ. Сколько трогательныхъ фактовъ пришлось наблюдать намъ; сколько было оригинальныхъ запросовъ, отвѣтовъ, впечатлѣній; какую работу мысли возбуждало все это въ головѣ воспитательницы; сколько было разнообразія въ приемахъ и ученицъ, и учительницъ, — всего этого не передать въ двухъ, трехъ словахъ, а потому обратимся къ записямъ и почерпнемъ изъ нихъ соответствующій матеріалъ.

Вотъ что читаемъ мы, напр., въ замѣткахъ одной изъ учительницъ: „Зимою у насъ строго запрещено приходить въ школу съ маленькими сестрами, такъ какъ и безъ того негдѣ сѣсть. Лѣтомъ же намъ удалось выпросить въ училищѣ отдѣльную просторную комнату, и никто не запрещаетъ являться съ маленькими сестрами, которыхъ не на кого покинуть дома или которыя смотрятъ на посещение школы, какъ на своего рода *partie de plaisir*. Какъ жаль, что этого нельзя устроить зимою! Маленькая дѣвочка входитъ обыкновенно съ любопытными глазами въ этотъ невѣдомый ей міръ, и малѣйшая ласка со стороны учительницъ къ ней или даже къ ея сестрѣ, навѣрно, должна производить благоприятное впечатлѣніе на ребенка и обеспечивать его симпатіи къ школѣ. Насколько я замѣтила, эти любопытные дѣтскіе глаза смотрятъ обыкновенно вокругъ съ большимъ довѣріемъ: очевидно, старшая сестра сумѣла освѣтить школу такимъ свѣтомъ, что ребенку не страшно войти въ нее. До сихъ поръ по воскресеньямъ ученицы приводили обыкновенно своихъ маленькихъ сестреночекъ; сегодня же одна изъ нихъ явилась съ маленькимъ братишкой, Степой, двухъ лѣтъ, какъ двѣ капли воды похожимъ на нее: тѣ же умные каріе глаза, то же серьезное личико. Мальчикъ вошелъ, оглядываясь кругомъ исподлобья и крѣпко держась за руку сестры. Черезъ нѣсколько минутъ, однако, онъ нѣсколько ободрился и, потянувшись къ сестрѣ, сказалъ шепотомъ: „Дай мнѣ книжку!“ Она улыбнулась въ отвѣтъ и вопросительно взглянула на меня, не осмѣливаясь исполнить желанія ребенка. Я подошла и дала ему книжку съ картинками. Мальчикъ еще болѣе освоился и, насмотрѣвшись на картинки, самъ подаль мнѣ книжку. Мнѣ ужасно хотѣлось дать ему какую-нибудь игрушку, но игрушки никакой не было, а потому я дала ему мѣдный стаканчикъ отъ перьевъ и мѣдную крышку отъ чернилницы, при чемъ показала, какъ въ это можно звонить. Сначала мальчикъ звонилъ потихоньку, а затѣмъ все громче и громче, лукаво поглядывая на меня. Еще нѣсколько минутъ, и онъ окончательно освоился, и маленькіе сапожки весело стучали по классной комнатѣ. Онъ даже мѣшалъ немножко при переспросѣ ученицъ; но эта дѣтская радость вносила вмѣстѣ съ тѣмъ столько свѣта и тепла, столько чего-то семейнаго въ нашу школьную обстановку...”

Далѣе мы читаемъ:

„Есть ученицы, которыхъ легко уговорить взять ту или иную книгу; довольно учительницъ рекомендовать какой-нибудь рассказъ или сказку, чтобы дѣвочка безпрекословно и довѣрчиво взяла ее. Есть другія, которыя относятся къ выбору книгъ въ высшей степени серьезно. Прихотливость выбора вовсе не является съ ихъ стороны капризомъ, и торопить ихъ — значитъ тормазить серьезное отношеніе къ дѣлу. Къ такой именно группѣ ученицъ принадлежитъ Таисія П., и мы пересмотрѣли съ нею множество книгъ, прежде чѣмъ она остановилась на „Дѣтскомъ альманахѣ“ Острогорскаго. Правда, на первомъ планѣ стояла *толстая* книга, но и это не подкупало дѣвочку. Перелистываетъ она, напр., „Осаду Севастополя“ Погѣскаго со множествомъ иллюстрацій и говоритъ задумчиво: „Нѣтъ, я не люблю про войну“; беретъ въ руки „Царство сказокъ“ Карменъ-Сильвы и замѣчаетъ серьезно: „Прежде я любила сказки, а теперь не беру“. По такое отношеніе ученицъ къ книгамъ и терпѣливое выслушиваніе ихъ учительницами возможно только лѣтомъ, при малочисленности ученицъ и полной готовности учительницъ выслушать запросы ихъ духовной жизни. Зимою же у насъ обыкновенно спѣшать и въ какой-нибудь часъ удовлетворяютъ требованіямъ сотни ученицъ. Мнѣ кажется, слѣдовало бы обязательно продлить выдачу книгъ зимою: это отразилось бы благоприятно и на переспросѣ ученицъ и на порядкѣ въ записяхъ, которыя въ настоящее время далеко неудовлетворительны. Вотъ почему я намѣреваюсь внести осенью предложеніе продлить время выдачи книгъ и привести это дѣло въ болѣе порядокъ и съ внутренней и съ внѣшней стороны“.

Далѣе одна изъ учительницъ передаетъ слѣдующій трогательный фактъ:

„Я пришла сегодня въ школу очень рано, тотчасъ послѣ 9 часовъ, а выдача книгъ начинается съ 10-ти; между тѣмъ, у калитки торчала уже маленькая фигурка дѣвочки. Личико ея было страшно загорѣлое и соперничало съ красненькимъ платкомъ, надѣтымъ на головѣ. „Гдѣ ты живешь?“ — спросила я невольно, глядя на это загорѣлое дѣтское личико. — „На дачѣ Рашке“ (это версты четыре отъ города). — „И каждое воскресенье приходишь перемѣнять книги?“ — „Какже... каждое... А кромѣ меня никого тутъ нѣтъ?“ — добавила она печально. — „Ну, вотъ теперь мы будемъ вдвоемъ!“ — ободрила ее, и мы поднялись по лѣстницѣ въ верхній этажъ. Сказку „О спящей царевнѣ“ дѣвочка передала превосходно и попросила выдать ей опять такую же хорошенькую сказочку. Желаніе ея было удовлетворено, и она получила разрѣшеніе уходить домой. Мало-по-малу ученицы наполнили комнату. Какъ вдругъ передъ самымъ концомъ

выдачи, я замѣтила между другими маленькую фигурку Домочки. — „Чего ты ждешь?“ — спросила я ее ласково. — „Ничего, — отвѣчала она, — мнѣ только тутъ весело“. „Счастлива школа, — подумала я, — изъ которой не хочется уходить ребенку“. И я невольно благословила нововведеніе выдавать книги лѣтомъ*.

На страницѣ 58-й говорится.

„Дѣвочка заявила, что не будетъ больше брать книгъ, такъ какъ мать ся прачка, и ей приходится разносить бѣлье по воскресеньямъ. Я спросила, есть ли у нея дома какія-нибудь книги. Она назвала три подаренныя въ школѣ и сказала, что перечитываетъ ихъ въ каждую свободную минуту. Я очень пожалѣла, что въ запасѣ у меня нѣтъ книгъ, которыя я могла бы подарить ей, и дала себѣ слово имѣть всегда при себѣ запасъ книгъ для подобныхъ случаевъ“.

Далѣе мы читаемъ.

„Александра К., 16 лѣтъ, беретъ книгу въ первый разъ. Она только-что кончила азбуку и, очевидно, не предполагала брать книгъ; ей просто не пришло это въ голову; но хозяйка, съ которой вмѣстѣ она торгуетъ въ маленькой лавочкѣ, послала ее взять книгу въ школѣ, чтобы не позабыть за лѣто грамоты. Я просила поклониться хозяйкѣ и поблагодарить за хорошій совѣтъ“.

На стр. 44-й говорится:

„Евфросинья О., 16 лѣтъ, одна только грамотная въ швейной, а потому вечерами по воскресеньямъ исполняетъ роль чтицы, хотя и читаетъ довольно медленно. Товарки просили ее взять что-нибудь страшное и какіе-нибудь стихи. Вотъ почему ей и выданъ „Вій“ Гоголя и стихотворенія Лермонтова. Мнѣ не хотѣлось оборвать ее нравоученіемъ, что страшныя книги совсѣмъ не для чего читать, и я постараюсь намекнуть на это осторожно въ слѣдующій разъ“.

Возлѣ записи „Лукерья О., 12 лѣтъ; выдана „Оборона Севастополя“ Погоскаго“ мы читаемъ слѣдующее:

„Взяла такую воинственную книгу, потому что читаетъ вмѣстѣ съ отцомъ-солдатомъ. Такое пренебреженіе къ собственнымъ интересамъ мнѣ кажется чрезвычайно трогательнымъ“.

Эта выдача книгъ для родныхъ также имѣетъ свою хорошую сторону и устанавливаетъ нравственную связь между семьею ученицы и школою. Тѣмъ не менѣе, вопросъ этотъ не разъ рѣшался у насъ отрицательно на томъ основаніи, что подъ предлогомъ родныхъ ученица беретъ книгу несоответствующаго содержанія, и, такимъ образомъ, школа безсильна контролировать ея чтеніе*).

* Въ настоящее время каждая ученица Харьковской женской воскресной школы имѣетъ право, кромѣ книгъ для себя, получать изъ бібліотеки одну книгу для домашнихъ.

Но въ лѣтнихъ записяхъ, несмотря на то, что онѣ велись тщательно и обдуманно, мы ни разу не встрѣчаемъ подобныхъ фактовъ обмана; напротивъ, ребенку не приходится даже въ голову такого рода обманъ, а главное, онъ часто не подозреваетъ, что есть на свѣтѣ книги, которыя ему нельзя читать. Вообще, излишняя подозрительность не должна входить въ кодексъ школьныхъ правилъ, а между тѣмъ, нѣкоторыя изъ учительницъ страдаютъ ею. Вотъ что читаемъ мы, напр., въ лѣтнихъ записяхъ:

„Старуха Татьяна М., 60 лѣтъ, любознательна по-своему и желаетъ читать исключительно книги религіознаго содержанія; но читаетъ она ихъ не тенденціозно, если можно такъ выразиться, не для спасенія души, а съ увлеченіемъ, съ огнемъ, приходя въ восторгъ отъ приобретенныхъ знаній. Вотъ что говоритъ она, напр., восторженно: „Сколько въ книгахъ я новаго узнала! Не прочти я ихъ, никогда бы этого всего не узнала. Вотъ, напр., сколько разъ въ церкви слышала „На рѣкахъ Вавилонскихъ“ и не знала, что это значитъ, а тутъ вѣдь какъ хорошо объяснено!“ Сегодня Татьяна М. возвратила чтенія III, IV и V Пѣвцова; взяла VI, VII и VIII. Мнѣ послышалась въ прошлый разъ неискренняя нотка въ похвалахъ нашей старой ученицы чтеніямъ Пѣвцова, поэтому я спросила, не желаетъ ли она, вмѣсто слѣдующихъ чтеній, взять какую-либо другую книгу. „Нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ эти до конца дочитать. Въ-гору, не только что я одна, а кто въ домѣ былъ—всѣ читали!“—говорите, не только что я одна, а кто въ домѣ былъ—всѣ читали!“—говорила она и, помолчавъ, со вздохомъ прибавила:—„Боже мой, скоро двѣ тысячи лѣтъ, и все еще сохраняется нѣкоторая память!“ Въ искренности ея похвалъ я на этотъ разъ не сомнѣвалась и съ удовольствіемъ выдала ей три слѣдующія чтенія“.

Далѣе наблюденіе это еще болѣе подтверждается: „М. попрежнему съ большою похвалою отзывается о чтеніяхъ Пѣвцова,—читаемъ мы.—Описанія святыхъ мѣстъ и связанныя съ ними воспоминанія, повидимому, глубоко трогаютъ ея простую душу. Теперь она просила дать ей 4 послѣднія чтенія сразу, что и было исполнено“.

Какое же право имѣла учительница заподозрить эту почтенную ученицу въ неискренности, какъ должно было быть обидно старухѣ, если она подмѣтила это?!

Ту же откровенность и правдивость мы наблюдаемъ и въ признаніяхъ малолѣтнихъ ученицъ, и ихъ совместное чтеніе съ родителями ни мало не портитъ дѣла.

Заглянемъ въ лѣтнія записи:

„Родители Натальи Н. неграмотны, но она читала имъ громко „Къ животворящему гробу Господню“, и они были въ высшей степени умилены этимъ чтеніемъ, даже плакали. Она у нихъ единствен-

наш дочь, и, по словам дѣвочки, родители считают себя счастливыми, что она научилась читать“.

„Старикъ Никита и его три дочери“ былъ прочитанъ въ семьѣ, при чемъ и ученица, и мама ея плакали.

„Меньшикова“ читалъ отецъ, а ученица слушала.

Весною въ Харьковѣ прѣзжала учредительница Тифлисской воскресной школы, О. В. Кайданова. Пересматривая лѣтнія замѣтки, она сдѣлала нѣсколько замѣчаній на поляхъ, между которыми мы читаемъ слѣдующее: „Почему бы родителямъ, взрослымъ и пожилымъ людямъ, не брать книгъ самостоятельно въ народной читальнѣ?“ И тутъ же, какъ бы въ отвѣтъ, находимъ слѣдующее свѣдѣніе: „Отецъ Маріи Т. бралъ книги въ читальнѣ, но поступилъ на заводъ. Ходить оттуда далеко и нѣтъ времени, а потому просилъ дочь взять книжку для него въ школѣ“. И мало ли подобнаго рода препятствій можетъ встрѣтиться у взрослого труженика, заваленнаго работой!

Необычайно трогательно бываетъ иногда видѣть крошку, которая тащить цѣлый ворохъ книгъ. „Зачѣмъ это у тебя столько книгъ?“ — „Фабіолу“ для сестры взяла, „Жизнь Джемса Гарфильда“ барышня для отца дала, сказочки для себя выбрала, а эти три возвращаю“.

Но не всегда, впрочемъ, приходится радоваться при видѣ ученицы съ ворохомъ книгъ въ рукахъ; иногда является необходимымъ воевать противъ этого. Возьмемъ факты:

„Юлія Б. читаетъ книги необычайно быстро: едва возьметъ, какъ за день, за два уже прочтетъ; поэтому беретъ книги въ разныхъ мѣстахъ, между прочимъ—въ народной читальнѣ. Нельзя сказать, однако, чтобы чтеніе ея отличалось особенной толковостью и послѣдовательностью. Отъ „Басурмана“ она перескакиваетъ къ „Туркестанскому краю“, отъ „Туркестанскаго края“—къ „Ледяному дому“. „Туркестанскій край“ оказывается не по силамъ ей: ее затрудняютъ ссылки на предыдущіе тома, которыхъ она не читала и т. д.“.

Далѣе читаемъ:

„Ольга П. подала мнѣ толстый знакомый томъ „Читальни народной школы“, выданный мною въ прошлое воскресенье. Изъ множества большихъ и маленькихъ рассказовъ научнаго и беллетристическаго содержанія она выбрала сначала „Родное гнѣздо“ Бажиной, но рассказала очень плохо. Съ терпѣніемъ переходили мы отъ рассказа къ рассказу, но получался все тотъ же печальный результатъ. „Все прочла да позабыла!“—созналась, наконецъ, П., и это вполне естественно, такъ какъ удержать въ головѣ около 50 рассказовъ разнообразнаго содержанія, прочитанныхъ втеченіе недѣли, — дѣло нелегкое. Я указала ей на бесполезность и даже вредъ такого чте-

нія и посоветовала ограничиться однимъ рассказомъ. Но она при выборѣ книги все-таки руководствовалась болѣе всего ея толщиною и остановилась на „Дѣдушкѣ и внучкѣ“ Диккенса, довольно объемистой книжкѣ, приглянувшейся ей, очевидно, своей вѣшностью“.

Далѣе, въ одно изъ послѣдующихъ воскресеній мы читаемъ:

„Выбрать книгу для Ольги П. было нелегко: она уже много читала, и всѣ рекомендуемыя книги ей казались почему-то неподходящими. Попрежнему она настойчиво требовала толстаго сборника. „Она надоѣсть мнѣ, одна-то!“ сказала она мнѣ, когда я предложила ей „Катакомбы“. Я напомнила ей, какъ неудачны были ея пересказы статей изъ тома „Читальни народной школы“ вслѣдствіе того, что многочисленные рассказы перепутались у нея въ головѣ, и она не вынесла изъ прочитаннаго ничего цѣльнаго. Когда къ моей рекомендаціи присоединились голоса другихъ выдающихся, она рѣшила, наконецъ, взять „Катакомбы“.

Все это говорить за то, что не всегда обильное чтеніе полезно для ученицъ, и что весьма важно и ребенка, и взрослого человѣка приучить относиться къ книгѣ серьезно, а не искать въ ней только забавы, препровожденія времени.

Припоминается мнѣ здѣсь одинъ удачный пріемъ выдачи ученицамъ, слишкомъ нерѣшительнымъ или требовательнымъ въ выборѣ книгъ. Однажды я никакъ не могла удовлетворить одной ученицы и передала ее другой учительницѣ, объяснивъ, въ чемъ дѣло. Не прошло 2—3 минутъ, какъ ученица и учительница, обѣ вполне удовлетворенныя, подошли къ столу записей. Оказалось, что учительница поступила слѣдующимъ образомъ: не мелькая передъ глазами ученицы десятками книгъ, она рассказала вкратцѣ содержаніе „Благовѣщенія“ Толычевой. Этотъ коротенькій рассказъ очень понравился ученицѣ, и она охотно взяла его.

Существуетъ жестокое по отношенію къ женщинѣ мнѣніе, будто любознательность есть достояніе только мужчины, почему и заниматься въ мужской воскресной школѣ несравненно интереснѣе, чѣмъ въ женской. Но удивительнѣе всего то, что предразсудокъ этотъ, царящій отъ избы до университета, поддерживаютъ иногда сами же женщины-учительницы, какъ приходилось наблюдать намъ. Пусть же наши лѣтнія записки скажутъ хоть нѣсколько правдивыхъ словъ въ защиту праваго дѣла и еще больше утвердятъ насъ въ убѣжденіи, что не однихъ только мужчинъ природа надѣлила любознательностью.

„Анна Ф., 23 лѣтъ, возвратила „Наша родина и чужія страны“ и „О злыхъ временахъ татарщины“ и взяла „Родную Старину“ и „Петра Великаго“ Шалфеева. Обѣ книги были прочитаны ученицей съ огромнымъ интересомъ. Ученица потребовала объясненія всего

непонятнаго. Особенно затруднительнымъ оказался вопросъ о меридианахъ и параллельныхъ кругахъ, широтѣ и долготѣ, поясахъ и климатахъ. Объяснить все это безъ глобуса и карты было довольно затруднительно, однако, ученица, въ концѣ-концовъ, усвоила себѣ эти свѣдѣнія: „Я обратилась, — рассказала мнѣ ученица, — съ вопросомъ, что такое меридианы къ одному чиновнику, да и сама не рада была: онъ такъ надо мной посмѣялся, говорить: „Для чего же вы тамъ учитесь, коли даже этого понять не можете?.. да и учать же васъ тамъ!“ Мнѣ такъ стыдно сдѣлалось за себя, да и обидно еще за школу, что я просто не знала, куда дѣваться!“ Объяснила я ученицѣ, что такое масштабъ, что ей выяснило значеніе картъ, какъ точныхъ изображеній поверхности земного шара и ея частей. По поводу второй книги („О злыхъ временахъ татарщины“) пришлось повторить съ ученицей всю исторію татарскаго ига (въ группѣ, въ которой учится она, велись весь годъ бесѣды по исторіи). Изъ нашего разговора выяснилось, что ученица обладаетъ свѣдѣніями изъ отдѣльныхъ эпохъ русской исторіи, но не имѣетъ никакого представленія о послѣдовательномъ ходѣ жизни народа. Такъ, напр., ее очень интересуетъ Петръ Великій; она читала о немъ въ какой-то книжкѣ, но совершенно не знаетъ ни времени, въ которое онъ жилъ, ни того значенія, которое онъ имѣетъ. Мы рѣшили съ ученицей, что она будетъ внимательно читать „Родную Старину“ Сиповскаго. Чтеніе это ей по ея развитію и подготовкѣ вполне доступно. Особенно радуется меня въ ней стремленіе къ серьезному чтенію. „Я такъ мало читала серьезныхъ, настоящихъ книгъ, такъ мало знаю!“—говорила она мнѣ съ сокрушеніемъ. И этотъ взглядъ на беллетристическія книги, какъ на „не настоящія“, вызванный сожалѣніемъ о потерянномъ времени на чтеніе ихъ, не можетъ не радовать, такъ какъ въ толпѣ проходящихъ черезъ школу ученицъ лишь очень немногія берутъ книги изъ научнаго отдѣла нашей библиотеки“.

Да, это правда, книги научнаго содержанія берутъ немногія; но гдѣ же та школа, которая подготавливаетъ ихъ къ такого рода чтенію? И если, несмотря на это, природная любознательность прорывается наружу въ такомъ видѣ, какъ у Анны Ф., то, конечно, этому слѣдуетъ только удивляться и радоваться.

Въ воскресенье, о которомъ идетъ рѣчь, пришло немного ученицъ. Июльское солнце пекло невыносимо, на дворѣ стояла страшная жара. Но эта самая малочисленность ученицъ давала возможность учительницамъ тщательно остановиться на переспросахъ; у меня лично вышелъ антрактъ и въ ожиданіи прибытія новыхъ ученицъ я получила возможность оглядѣться вокругъ. Поодаль отъ другихъ,

на послѣдней скамьѣ сидѣла ученица Анна Ф. и съ нею молодая учительница. Онѣ говорили вполголоса, чтобы не мѣшать другимъ, но, видимо, сильно увлекались бесѣдой. Ученица вся была вниманіе; лицо учительницы, ея движенія, жесты выражали страстное желаніе разъяснить ученицѣ все непонятное, затруднительное для нея. Именно я оторвалась отъ нихъ взглядомъ, такъ какъ ко мнѣ подошло нѣсколько вновь прибывшихъ дѣвочекъ. Въ этихъ переспросахъ прошло полчаса, часъ. Взглянула, а онѣ сидятъ попрежнему въ углу, и бесѣда ихъ стала еще, кажется, оживленнѣе и интереснѣе. Результатомъ этой бесѣды и явилась вышеприведенная записка.

„Въ слѣдующее воскресенье Анна Ф. просила дать ей непременно 2-й томъ „Родной Старины“, въ виду того, что 1-й ей очень понравился. Читается „Родная Старина“, по ея словамъ, очень легко; содержаніе понятно и въ высшей степени интересно, по описанію такихъ событій, какъ, напр., битва съ татарами, производитъ на нее слишкомъ тяжелое впечатлѣніе. Ей давно хотѣлось подробнѣе прочитать объ основаніи русскаго государства, и Сиповскій въ этомъ отношеніи ее вполне удовлетворяетъ. Выразила большое желаніе прочесть о распространеніи христіанства въ Россіи до крещенія Руси. Мы указывали ей на описаніе дѣятельности первоучителей славянъ, Кирилла и Мееодія, но она заявила, что это уже читала, и все-таки это не то, чего ей хочется. Такъ какъ въ распоряженіи учительницы не было подъ рукой книжки, которая бы ее удовлетворила, то общались къ слѣдующему воскресенью подыскать для нея“.

Но не одна Анна Ф. отличается любознательностью и любовью къ серьезному чтенію, и намъ пришлось бы цитировать слишкомъ много, если бы мы захотѣли сдѣлать подробный подборъ фактовъ. Остановимся же хоть на нѣкоторыхъ:

„Кавказъ“ читала сестра Елены К., взрослая дѣвушка. Книга ее очень заинтересовала. Другія двѣ книги читала сама К. и рассказала содержаніе обѣихъ очень порядочно. „Саардамскаго плотника“ она рассказала подробно, при чемъ выяснилось, что ее затрудняли нѣкоторыя мѣста разсказа, такъ какъ условія описаннаго времени и быта ей совершенно незнакомы. Цѣлая глава „Голландецъ и французъ“ прошла непонятой. Но уже изъ того, какъ разспрашивала она о непонятныхъ ею подробностяхъ, было видно, что читаетъ она вдумчиво, и ей доступны книги и болѣе серьезнаго содержанія“.

Относительно Маріи Я. учительница даетъ такой отзывъ: „Любитъ исключительно книги по естествознанію. „Первое знакомство съ тѣмъ, что мы видимъ каждый день“ Соковнина произвело на нее чарующее впечатлѣніе, и она непременно просила дать ей что-нибудь того же автора“.

Далѣ мы читаемъ:

„Анастасія Б., 13 лѣтъ, возвратила „Юношескіе годы Пушкина“ Авенаріуса и „Первая ферма на рѣкѣ Клейдѣ“ Архангельской; взяла „Изъ міра великихъ преданій“ Острогорскаго и „Мірскіе захребетники“ Богданова. Обѣ возвращенныя книги прекрасно поняты; особенно понравились „Юношескіе годы Пушкина“. „Какъ читала конецъ о томъ, какъ Пушкина на дуэли убили, такъ плакала“, — говорила ученица. Она объяснила прекрасно, кто былъ Пушкинъ, что онъ писалъ (романы, повѣсти, сказки, стихи); назвала нѣкоторые его произведенія; рассказала о другихъ дѣйствующихъ лицахъ повѣсти (Карамзинъ, Державинъ); поняла разницу Державина и Пушкина, какъ поэтовъ. Другая книга („Первая ферма на рѣкѣ Клейдѣ“) хорошо понята, благодаря свѣдѣніямъ ученицы по географіи; понято и значеніе переселенія изъ родины въ чужія страны.“

Въ разношерстной толпѣ ученицъ воскресной школы встрѣчаются дѣвушки и дѣти съ такимъ живымъ воображеніемъ, которое не довольствуется тѣмъ, что написано въ книгѣ, а нерѣдко забѣгаетъ впередъ и подсказываетъ невыясненный авторомъ конецъ. Возьмемъ для примѣра слѣдующую записъ:

„Рассказъ Григоровича „Мать и дочь“ показался Танси П. страннымъ, недоконченнымъ. Ее не удовлетворило описаніе мимолетной встрѣчи автора съ двумя несчастными женщинами; ей захотѣлось знать, что случилось съ ними дальше, и, не находя отвѣта въ рассказѣ, она сама сдѣлала предположеніе о трагическомъ концѣ. „Снѣгомъ ихъ занесло“, — закончила она свой пересказъ, основываясь на томъ, что снѣжная метель скрыла женщинъ изъ глазъ рассказчика.“

Вообще, воскресная школа изобилуетъ самыми разнообразными типами. Возьмемъ, напр., Р., еврейку, 13 лѣтъ. Семья ея очень бѣдна. Прежде, вѣроятно, имъ жилось лучше, такъ какъ старшая сестра Ревы побывала даже въ гимназій, а теперь всѣ младшія дѣти дома, и Рева нигдѣ не училась. Пришла, однако, она въ школу грамотною, развитою не по лѣтамъ и съ свойственной ея національности любознательностью. Высокая, стройная, худенькая, съ благообразнымъ личикомъ и прекрасными, выразительными карими глазами, она смотритъ необычайно симпатичной. Вотъ какіе отзывы даютъ о ней учительницы:

„Р. прекрасно рассказала содержаніе „Капитанской дочки“, которая понравилась ей болѣе другихъ прочитанныхъ ею произведеній Пушкина. Самое сильное впечатлѣніе произвела на нее та глава „Капитанской дочки“, гдѣ описывается встрѣча Маріи Ивановны съ императрицей Екатериной. Р. читаетъ систематически, придерживаясь

намѣченной ей старшей сестрою программы. Ознакомясь съ произведеніями Гоголя, она начала читать Пушкина и очень озабочена тѣмъ, что не прочла еще 1-го тома, котораго не оказалось и сегодня. Р. очень развитая для своихъ лѣтъ дѣвочка и много читаетъ, но въ ея чтеніи, кажется мнѣ, нѣтъ увлеченія книгою: она сознательно ищетъ въ ней пользы, развитія и терпѣливо прочитываетъ подчасъ неинтересныя ей статьи, какъ бы по заказу. Можетъ-быть, такимъ положительнымъ запросамъ извѣстнаго запаса знаній и развитія скорѣе удовлетворитъ воскресная школа, чѣмъ неопредѣленнымъ порывамъ широкой, увлекающейся натуры, ищущей отвѣта на вѣчные вопросы жизни.“

Далѣ мы читаемъ:

„Такъ какъ Р. начала рассказывать одна изъ первыхъ при полной тишинѣ въ библиотекѣ, то на нее невольно обратилось вниманіе другихъ выдающихъ. Это очень смущало ее, и обыкновенно гладкій рассказъ на этотъ разъ былъ немного сбивчивъ. Она рассказывала „Бориса Годунова“, не опуская историческихъ подробностей и прекрасно сказала наизусть монологъ Бориса „Достигъ я высшей власти“. Очевидно, самолюбивая дѣвочка усердно готовилась къ этому разсказу, выбравъ для него самое выдающееся произведеніе Пушкина, по совѣту своей сестры. Кромѣ слѣдующаго тома Пушкина, я предложила ей взять ту часть „Родной Старины“ Сиповскаго, въ которую входитъ царствованіе Бориса Годунова.“

Еще далѣ учительница пишетъ:

„Изъ сочиненій Пушкина Р. вызвалась рассказать „Евгенія Онѣгина“ и передала содержаніе романа довольно подробно, но характеристика дѣйствующихъ лицъ въ ея рассказѣ вышла очень блѣдная, едва ли она могла разобраться въ душевныхъ движеніяхъ, совершенно ей незнакомыхъ; частыя же лирическія отступленія автора могли затруднить чтеніе и показаться скучными. Взяла она, вѣрная своей методѣ прочитывать всѣ произведенія автора, 1-й томъ Пушкина. „Родной Старины“ еще не дочитала, почему и не взяла книги научнаго отдѣла.“

„Съ типами Гоголя Р. справилась гораздо удачнѣе, и когда она передавала содержаніе „Носа“ и „Коляски“, ее окружила толпа ученицъ, и всѣ онѣ хохотали до слезъ: такъ живо, образно, картинно, съ такимъ удивительнымъ юморомъ пересказывала Р. комическія сцены.“

Изъ записей видно, съ какимъ толкомъ и умѣніемъ относились многія изъ учительницъ къ выдачѣ книгъ; но не всегда это было такъ, встрѣчались ошибки и недосмотры. Такъ, напр., мы читаемъ:

„Пѣсня про купца Калашникова“ совсѣмъ не понравилась Маріи Д., 13 лѣтъ“, и тутъ же въ выноскѣ находимъ примѣчаніе О. В. Кайдановой: „Въ 13 лѣтъ мудрено понять супружескую драму“. Иногда, впрочемъ, подобное несоотвѣтствіе выдачи происходитъ не по недосмотру или неопытности учительницы-библіотекаря, а вполне сознательно. Такъ, напр., мы читаемъ: „Между мною и N опять возникъ споръ (рѣчь шла о рассказѣ Гоголи „Почъ передъ Рождествомъ“). Рисовать передъ 13-лѣтней дѣвочкой любовь старика къ молоденькой дѣвушкѣ и соперничество его съ сыномъ, по-моему, совсѣмъ нежелательно. Она же доказывала, что рассказъ этотъ заключаетъ въ себѣ столько наивнаго юмора, что можетъ вызвать только невинный смѣхъ, и что въ немъ нѣтъ рѣшительно ничего циничнаго. Книга выдана по настоянію учительницы, тѣмъ не менѣе, я чувствую себя виновной передъ подросткомъ-ученицей“.

Да, эта выдача книгъ дѣтямъ требуетъ особенной заботливости. Зимой, при спѣшной работѣ, подобныя ошибки происходятъ еще чаще; и, Боже мой, какъ больно и стыдно бываетъ намъ, учительницамъ, когда, возвращая подобную книжку, маленькая дѣвочка говоритъ: „Папаша сказали, что мнѣ не надо такихъ книжекъ читать“.

Нѣкоторые ученицы мѣняли книги не только для себя, но и для своихъ сосѣдокъ-ученицъ школы. По поводу этого встрѣчаемъ такую запись:

„Марія С. принесла сегодня отъ сосѣдки своей, Акилины Ф., которой представилась надобность итти на базаръ, записочку о томъ, какое впечатлѣніе получилось отъ прочитанныхъ книгъ и подъ какимъ номеромъ стоитъ она въ записяхъ. Я усматриваю въ этомъ вліяніе переспросовъ и внимательнаго отношенія къ дѣлу, за которымъ невольно слѣдятъ ученицы. Она выставила даже свой номеръ, видя, какъ часто это доставляетъ затрудненіе. Записочка на клочкѣ бумаги была слѣдующаго содержанія: „Шарикъ“ съ большимъ интересомъ прочитала, а „О св. землѣ“ такъ себѣ. Номеръ 62“.

При выдачѣ изъ бібліотеки нерѣдко наблюдалось, что ученицы прекращаютъ брать книги по той или иной причинѣ. Вотъ эти причины:

„Анастасія Б., 14 лѣтъ, книгъ брать не будетъ, такъ какъ уѣзжаетъ съ барыней на дачу. Предлагала я дать ей свои книги, но оказалось, что у барыни много книгъ, и она обѣщала давать ей читать“.

„Наталя Б., 14 лѣтъ, поступила къ модисткѣ и увѣрена, что она не позволитъ приходить мѣнять книги. Я просила ее попытаться отпроситься у хозяйки и просить ее отъ моего имени“.

„Анисья П., 14 лѣтъ, явилась съ непрочитанной книгой для того только, чтобы мы не обижались и „не ругали ее“, какъ выразилась она. Не прочла книги потому, что была занята спѣшной работой“.

„Усиленные занятія на табачной фабрикѣ помѣшали Прасковѣ Л. прочитать взятыхъ книгъ“.

„Марья О. не ходила два мѣсяца, вслѣдствіе усиленныхъ работъ на конфектной фабрикѣ; теперь явилась возможность, и она предполагаетъ мѣнять книги каждое воскресенье“.

„Акилина Ф., вслѣдствіе усиленной работы на конфектной фабрикѣ, долго не брала книгъ; теперь же работы стало меньше, и она вновь взяла книгу“.

Какъ видите, причины довольно однообразны, но вполне уважительны: это все та же подневольная работа труженика изъ-за куска хлѣба, недающая ему минуты отдыха для любимаго препровожденія времени.

Часто при выдачѣ книгъ обнаруживаются невзначай весьма трогательные факты. Вотъ одинъ изъ нихъ:

„Анна С., 11 лѣтъ, непринятая въ школу за отсутствіемъ мѣстъ, ходила на домъ къ учительницѣ Е. В. З. и тамъ подучилась грамотѣ. На видъ ей 7—8 лѣтъ, и, вѣроятно, отвѣтъ „одиннадцать“ явился результатомъ желанія быть принятой въ школу. Разсказала сказку „О мертвой царевнѣ“ прекрасно“.

Вообще, пересказы прочитаннаго, передаваемые дѣтьми народа, бывають часто такъ прекрасны, что ихъ положительно можно заслушаться, и намъ не разъ приходилось наблюдать слѣдующее: стоитъ ученица передъ учительницей и съ увлеченіемъ передаетъ интересный рассказъ; возлѣ нея образуется кружокъ слушателей, который постоянно растетъ подъ обаяніемъ художественнаго разсказа, и затѣмъ всѣ эти слушатели требуютъ выдать имъ на домъ ту же книгу.

Выше было приведено одно изъ замѣчаній О. В. Кайдановой, но она не ограничилась только этимъ, и далѣе мы читаемъ:

„О. В. Кайданова возбудила вопросъ, почему бы не ввести еще одну интересную рубрику, а именно: беретъ ли ученица книгу по собственному желанію, по рекомендаціи ли подруги или по выбору самой учительницы. „Рубрики эти, — пишетъ она, — ведутся у насъ: онѣ выясняютъ, какимъ образомъ прививается, благодаря вліянію учительницы, тотъ или другой родъ чтенія. Бывало, напр., такъ, что на книги по естествознанію, которыя, вообще, неохотно берутся, предъявлялись по временамъ самостоятельныя требованія ученицъ, послѣ того какъ нѣкоторые изъ нихъ были удачно рекомендованы и пришлись имъ по вкусу. Интересно также, подводя итоги, считать число книгъ, выданныхъ по рекомендаціи и выданныхъ по

просьбъ ученицъ. Веденіе этихъ рубрикъ важно для учащихся въ томъ отношеніи, что уясняетъ трудную задачу вести дѣло выдачи такимъ образомъ, чтобы, не производя насилія надъ запросами учащихся, ихъ индивидуальностью, давать въ то же время желательное направленіе ихъ умственному и нравственному развитію. Насколько я наблюдала, задача эта, особенно для начинающихъ, представляетъ затрудненіе. Часто при выдачѣ книгъ выдающіе впадаютъ въ одну изъ двухъ крайностей: или выдаютъ безпрекословно то, что проситъ ученица, или навязываютъ ей все только необходимое съ своей точки зрѣнія. Примиренію этихъ крайностей способствуетъ, между прочимъ, внимательное веденіе указанныхъ рубрикъ.

Переспросъ прочитаннаго полезенъ не только для учащихся, но и для преподающихъ: въ немъ много поучительнаго. Такъ, напр., интересуясь вопросомъ, какія именно стихотворенія слѣдуетъ помѣстить въ книгу взрослыхъ, надъ которой работаемъ мы, я не разъ черпала отвѣты на него изъ записей учительницъ. „В. любить стихи, — пишетъ одна изъ нихъ, — по преимуществу грустные. Изъ всѣхъ стихотвореній Некрасова на нее самое большее впечатлѣніе произвела „Несжатая полоса“, которое она прекрасно сказала наизусть. Изъ произведеній Жуковского особенно понравилась „Орлеанская дѣва“ и т. д.

Подтвержденіе высказанной мысли мы встрѣчаемъ въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ дневника, которымъ и закончу свой докладъ:

„Сегодня я послѣднее воскресенье въ школѣ, — пишетъ одна изъ учительницъ, — такъ какъ уѣзжаю въ деревню, и мнѣ ужасно грустно отъ этого сознанія. Правда, я ѣду въ деревню съ цѣлью устроить тамъ народный школьный праздникъ, но все-таки мнѣ жаль этихъ любознательныхъ ученицъ, приходящихъ издалика по страшной жарѣ и пыли перевернуть книгу. Кромѣ того, въ этой выдачѣ книгъ, въ этомъ переспросѣ, въ этихъ наблюденіяхъ и положительно находила нравственное удовлетвореніе. Работа эта казалась мнѣ въ высшей степени осмысленной и способствующей развитію самосознанія не только ученицы, но и учительницы. Дать себѣ отчетъ въ томъ, что дѣлаешь, какъ дѣлаешь и для чего, весьма важно“.

Театръ въ Харьковской мужской воскресной школѣ 20 апрѣля, 1894 года.

(Изъ школьнаго дневника Х. Д. Алчевской).

Только два мѣсяца тому назадъ я лежала на смертномъ одрѣ, и режимъ, предписанный докторами, не утратилъ еще для меня своей свѣжести. Вотъ почему на просьбу распорядителя мужской воскресной

школы посѣтить ученической спектакль я отвѣчала благоразумно, что это совершенно невозможно для меня. Мы сидѣли съ нимъ въ нашей гостиной, оба разодѣтые по праздничному; визитъ смѣнялся визитомъ, и я такъ далека была въ эту минуту отъ школьных интересовъ; но когда затѣмъ, во время молебна въ нашей женской воскресной школѣ, я начала раздавать ученицамъ и учительницамъ врученные мнѣ Н. О. билеты; когда и тѣ, и другія просили ихъ у меня нарасхватъ; когда я увидѣла и почувствовала, что всѣ онѣ пойдутъ туда вмѣстѣ дружной семьей, и только меня не будетъ тамъ между ними, мнѣ сдѣлалось такъ грустно, больно, обидно, что я оставила себѣ билетъ и рѣшила итти.

На другой день мы собрались на школьномъ дворѣ и двинулись парами длинной вереницей, по направленію къ мужской воскресной школѣ; на мѣстѣ остались только двѣ учительницы, въ ожиданіи запоздавшихъ ученицъ, и одна изъ нихъ сказала мнѣ: „Я охотно остаюсь, такъ какъ не люблю участвовать въ этихъ торжественныхъ шествіяхъ“. „Правда ли она?“ — думала я, выступая впереди длинной вереницы и держа за руку маленькую дѣвочку, чтобы регулировать шествіе и быть въ силахъ итти вмѣстѣ съ ними, задерживая быструю шагу. „Почему же мнѣ такъ весело? Почему я испытываю чувство гордости, идя во главѣ этой процессіи? Почему мнѣ кажется, что во всемъ этомъ есть нѣчто прекрасное, воспитывающее, благотворно вліяющее на душу?“

Въ эту минуту съ нами поравнялся экипажъ, запряженный паромъ барскихъ коней, и въ немъ я увидѣла знакомую мнѣ барышню-блондинку съ горделивымъ выраженіемъ лица и рядомъ съ нею маленькаго Сашу, одѣтаго уже въ какую-то форму съ краснымъ околышкомъ и кокардой. Онъ такъ и впился глазами въ нашу процессію, а затѣмъ, бросившись къ сестрѣ, быстро спросилъ ее о чемъ-то. Горделивое лицо дѣвушки смягчилось и, наклонившись къ ребенку, она по-матерински что-то объясняла ему. Разсказъ, касавшійся, она по-матерински что-то объясняла ему. Разсказъ, касавшійся, очевидно, школы, былъ настолько интересъ, что, опередивъ насъ, Саша всѣмъ корпусомъ повернулся назадъ и оставался въ такомъ положеніи, пока экипажъ не исчезъ вдаль. „Что говорила ему надменная, но умная дѣвушка, способная понять значеніе народнаго образованія, не прикасаясь къ нему своими аристократическими руками... Что перерабатывалось въ эту минуту въ головѣ подъ краснымъ околышкомъ, глубоко ли запечатлѣлась въ ней уличная картина, — думала я, — и вырастетъ ли изъ этого мальчика юноша, достойный сестры, ищущій свѣтскаго общества и свѣтскихъ развлеченій, или онъ пойдетъ по стопамъ идейнаго брата, съ загадочнымъ самоубійствомъ въ 20 лѣтъ?!“

Наконецъ, ровно въ 5 часовъ мы достигли школы и поднялись по лѣстницѣ вверхъ. Отъ насъ не ждали такой аккуратности, и потому не все было готово еще: сторожъ тащилъ скамейку; учительницы волновались, что не прибылъ одинъ изъ актеровъ; но все-таки приходъ нашъ не произвелъ ни малѣйшаго замѣшательства, — все это было такъ близко и знакомо намъ. Я начала хлопотать, чтобы скамейка была переставлена на другое мѣсто, чтобы въ уголъ было принесено ведро воды и кружка; учительницы усаживали ученицъ по мѣстамъ, кто-то отворялъ окно; однимъ словомъ, все было по-домашнему, по-семейному. Но класса я все-таки не узнала, такъ какъ онъ совершенно преобразился и казался вдвое обширнѣе. Въмѣсто громоздкихъ учебныхъ скамеекъ стояли узенькія бѣлыя скамьи; позади было устроено возвышеніе съ рядами стульевъ, въ глубинѣ — сцена съ бѣлымъ коленкоровымъ занавѣсомъ и разноцвѣтными ситцевыми кулисами. Все это было необычайно просто, скромно и дешево, но на что бы ни взглянули вы — на эту ли суфлерскую будку, обклеенную эффектно розовой папиросной бумагой, на эти ли ситцы, подобранные со вкусомъ, на эту ли бѣлую бахрому, пришитую внизу занавѣса; — на всемъ этомъ лежала печать увлеченія, единодушія, заботы, энтузіазма. Меня лично обстановка эта трогала чуть не до слезъ и казалась мнѣ милѣе роскошной обстановки Grand Opéra въ Парижѣ, а, главное, я въ первый разъ въ жизни была въ народномъ театрѣ, созданномъ самимъ народомъ по собственной инициативѣ. Тѣмъ не менѣе, мнѣ было страшно немножко, поймутъ ли эти дѣти народа типы, которые задумали изобразить они, или это будетъ нѣчто заученное, монотонное, бездарное; предстанутъ ли предъ нами всѣ эти Скотинины, Простаковы, Кутейкины, Цыфиркины живыми людьми прошлаго или каррикатурами, неумѣло созданными малоразвитыми людьми.

Во время моего раздумья какая-то худая, нѣсколько сутуловатая фигура приблизилась ко мнѣ неожиданно съ букетомъ. Это былъ одинъ изъ учениковъ школы. Онъ спокойно, отчетливо и съ достоинствомъ произнесъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ отъ товарищей и подаль букетъ. На вѣку своемъ я видѣла немало подобныхъ букетовъ и слышала немало привѣтственныхъ рѣчей, но эти цвѣты и слова мнѣ показались особенно свѣжими, благоуханными, прекрасными. Я такъ была счастлива въ эту минуту, мнѣ такъ хотѣлось подѣлиться со всѣми моей радостью; букетъ мой путешествовалъ изъ рукъ въ руки, и каждая изъ ученицъ наклонялась къ нему, чтобы ближе рассмотреть и дохнуть его ароматомъ, а мнѣ казалось, что это святыня, къ которой всѣ прикладываются съ любовью, вѣрою и надеждою, которыми полно было мое собственное сердце.

Наконецъ, поднялся коленкоровый занавѣсъ, и мы увидѣли семью Скотининыхъ. Вопросъ объ исполненіи и пониманіи типовъ настолько волновалъ меня, что я не могла, такъ сказать, отдаться вполне игрѣ. Всѣ они играли, по-моему, какъ играютъ обыкновенные актеры, не обладающіе выдающимися талантами; всѣ они, я увѣрена, много разъ видѣли театръ, сцену; но пониманіе того, что говорятъ и изображаютъ они, было полнѣйшее, начиная отъ старинныхъ костюмовъ съ напудренными париками и кончая тѣми оттѣнками и удареніями, которые придавали они своимъ рѣчамъ. Пусть здѣсь была частица интеллигентнаго вліянія режиссера, что за бѣда! Народъ можетъ и долженъ идти рука объ руку съ интеллигенціей, — это нисколько не умаляетъ его ума и даровитости. Лицо, манеры, рѣчи Скотинина были весьма типичны; грубый голосъ и угловатая манера его стриптиза какъ нельзя больше шли къ роли; безхарактерный супругъ съ отличался каррикатурностью, какъ это и должно быть; тупое выраженіе лица Митрофанушки и его точно жалующійся постоянно на что-то голосъ были также весьма типичны; Правдинъ и его пріятель были чрезвычайно эффектны и красивы, и первый произносилъ свои тенденціозныя рѣчи съ большимъ толкомъ и достоинствомъ; но особенно мила была Софьюшка съ длинной свѣтлой косой и нѣжнымъ, поэтическимъ личикомъ. Роль эту исполнялъ реалистъ, бывшій ученикъ школы, котораго мундиръ не превратилъ въ маленькаго чиновника, чуждающагося своихъ бывшихъ товарищей. Все шло гладко, живо, прекрасно. Но въ то время, какъ анализъ мѣшалъ мнѣ всецѣло отдаваться во власть впечатлѣній отъ игры, вокругъ меня было столько жизни, смѣха, веселья, что я сама себя казалась вдвое моложе и бодрѣе. Боже мой, какъ всецѣло, какъ непосредственно отдались наши ученицы впечатлѣніямъ! Если бы игра была бездарна, этого не могло бы быть. Простой человѣкъ какъ-то особенно чутокъ къ правдѣ и фальши; я наблюдала это при своихъ чтеніяхъ. Да, они играютъ правдиво, даже, можетъ-быть, талантливо, такъ какъ иначе не было бы этого восторга, этихъ взрывовъ смѣха, такихъ искреннихъ, такихъ заразныхъ. „Христина Даниловна! чѣмъ мы поблагодаримъ ихъ, чѣмъ мы ихъ уважимъ?“ шептало мнѣ на ухо нѣсколько голосовъ въ антрактѣ. — „Еще будетъ, еще будетъ?“ — вопрошали съ волненіемъ другія, очевидно страшась, что вотъ-вотъ настанетъ конецъ этому небывалому для нихъ удовольствію. — „На ѣлкѣ у насъ было хорошо, а тутъ еще лучше!“ восклицалъ кто-то восторженно. Я и сама думала въ эту минуту: „чѣмъ мы уважимъ ихъ?“, такъ какъ настоящий спектакль, по инициативѣ учениковъ, былъ повторенъ исключительно для насъ, для женской воскресной школы, и рѣшила, что завтра же я пошлю въ

ихъ библиотеку полное собраніе сочиненій Островскаго. „Пусть они играютъ и читаютъ его“, — думала я съ удовольствіемъ. Въ антрактѣ появились апельсины, конфеты, пряники, заготовленные для нашего угощенія, и ученицы, оживленныя, веселыя, счастливыя, повалили толпою въ школьный дворъ.

Возвратясь оттуда, одна изъ учительницъ мужской воскресной школы сказала мнѣ: „Однако, ученицы-дѣвушки гораздо воспримчивѣе, впечатлительнѣе и восторженнѣе, чѣмъ наша мужская молодежь“. — „Да, но въ нихъ нѣтъ той смѣлости, той инициативы, которая создала самостоятельно этотъ театръ и всю эту обстановку“, подумала я и тотчасъ же оправдала ихъ условіями жизни женщины, вѣчно закованной въ цѣпи разнаго рода предрассудковъ, стѣпеній, несправедливости, и, какъ всегда, почувствовала нравственное удовлетвореніе при сознаніи, что я работаю въ женской воскресной школѣ. Мнѣ припомнилась при этомъ почему-то русская пѣсня:

„Закована, заброшена,
Рано выдана“.

Въ антрактѣ между двумя пьесами одинъ изъ взрослыхъ учениковъ прочелъ стихотвореніе громко, отчетливо, съ подобающимъ выраженіемъ. Если бы мнѣ сказали, что это опытный актеръ, я нисколько не удивилась бы: столько въ немъ было увѣренности и смѣлости. Затѣмъ какой-то молодой человѣкъ сыгралъ очень недурно на скрипкѣ, скрипку смѣнила флейта, послѣ флейты слѣдовала арія: „О, поле, поле! кто тебя усѣялъ“, исполненная прекраснымъ баритономъ незнакомымъ мнѣ студентомъ. Все это приводило въ восторгъ нашихъ воспримчивыхъ ученицъ, и меня чрезвычайно трогало, что всѣ ученицы, находившіяся въ моемъ сосѣдствѣ справа, слѣва, за спиною, бросались ко мнѣ послѣ каждого нумера и дѣлились своими впечатлѣніями. Но вотъ вышелъ на сцену молодой человѣкъ — ученикъ, съ худощавымъ интеллигентнымъ лицомъ, исполнявшій роль Правдина, и началъ декламировать. Декламация — весьма рѣдкій даръ въ нашемъ обществѣ; никто почти у насъ не умѣетъ произносить стихи, начиная отъ гимназін, гдѣ декламировать съ выраженіемъ считается стыдно — засмѣютъ товарищи, и кончая патентованными чтецами съ вычурною манерою и неестественными повышеніями и пониженіями голоса. Вотъ почему декламация молодого наборщика совершенно поразила меня: здѣсь, очевидно, была продумана и прочувствована каждая строка и заучена съ любовью, увлеченіемъ. Онъ произносилъ одно стихотвореніе за другимъ такъ просто, естественно, съ такою душевною теплотою, которая трогала васъ до слезъ. Казалось, онъ былъ одинъ на этой сценѣ, совершенно

позабывъ о присутствіи публики и отдаваясь всецѣло во власть того чувства, которое владѣло поэтомъ въ минуты творчества. Онъ выбралъ стихотворенія мало извѣстныхъ поэтовъ, но выборъ этотъ былъ чрезвычайно удаченъ. У каждаго даже мало извѣстнаго писателя прорываются минуты чистаго творчества, дающія поистинѣ художественныя произведенія, и этотъ наборщикъ сумѣлъ выбрать ихъ, подслушать чуткимъ сердцемъ, отбросивъ все то, что было въ нихъ зауряднаго, блѣднаго. По окончаніи представленія я подошла къ нему, поблагодарила за доставленное удовольствіе и спросила: „кто именно изъ писателей является его любимымъ поэтомъ?“ Онъ отвѣчалъ мнѣ: „я не скажу, чтобы у меня былъ исключительно любимый поэтъ, но у каждаго изъ нихъ я имѣю нѣсколько стихотвореній, которыя особенно нравятся мнѣ“. Отвѣтъ этотъ еще разъ показалъ мнѣ, что я не ошиблась въ развитіи и чуткости молодого наборщика. На другой день, желая чѣмъ-либо выразить признательность за вынесенное удовольствіе, я послала ему черезъ распорядителя школы полное собраніе стихотвореній моего любимаго поэта — Лермонтова. „А не возбудитъ ли это зависть и неудовольствіе въ его товарищахъ?“ спросила меня одна изъ нашихъ учительницъ. „Вѣдь это не дѣти, — отвѣчала я ей, — а взрослый человѣкъ долженъ понимать, что не всѣ люди одарены въ равной мѣрѣ талантами и долженъ чтить ихъ наравнѣ съ другими“.

Вторую пьесу шелъ „Школьный учитель“. Участники мужской воскресной школы предупредили насъ, что эта пьеска идетъ лучше первой, но я не скажу этого. Галиматѣясъ — учитель былъ преувеличенно карикатуренъ, Шарлотта отличалась грубостью и безобразіемъ, которыя вполне соответствовали роли г-жи Простаковой и совсѣмъ не шли къ молодой дѣвушкѣ, въ которую былъ влюбленъ Дезире-Корбо. Всѣ эти иностранныя имена „Жиофъ“, „Фришо“, „Шамуляръ“ звучали какою-то фальшью въ устахъ нашихъ Москаленковъ и Садовничихъ. Но ученики были прелестны, начиная съ Дезире-Корбо, превратившагося изъ распущеннаго баловня. Митрофанушки — въ типичнаго школьника лѣтня, переросшаго школьный возрастъ, и кончая маленькимъ плутишкой шалуномъ съ карманами, набитыми ворованными яблоками. Вотъ почему восторгъ ученицъ попрежнему былъ полный, и онѣ хохотали во все горло тѣмъ же заразительнымъ смѣхомъ юности и веселья. „Христина Даниловна, Христина Даниловна, — шептала мнѣ одна изъ нихъ на ухо, — Митрофанушку отдали въ школу, и тутъ онъ ничего не знаетъ!“ Связь, которую установила эта дѣвочка между балованнымъ маменькинымъ сыномъ и лѣтяемъ Дезире-Корбо показала мнѣ весьма остроумно.

Уходя из доморощенного театра я задавала себѣ вопросъ: гдѣ и какъ провела бы время эта школьная молодежь, если бы не было устроено этого вечера? Въ отвѣтъ мнѣ представились кабаки, дешевые рестораны и проч. увеселительныя заведенія, особенно привѣтливо раскрывающія свои двери по праздникамъ; представилась пьяная оргія молодыхъ людей, циничные разговоры, непристойныя пѣсни; представилась городская улица, темная, страшная, полная соблазновъ и ловушекъ для дѣвушки въ 16—17 лѣтъ, и я невольно благословила тѣхъ просвѣщенныхъ людей, которые встрѣтили радушно мысль объ этомъ доморощенномъ театрѣ и не пожалѣли силъ и времени на устройство его.

О посѣщеніи моими ученицами театра.

(Читано въ собраніи учительницъ Х. Ч. Ж. В. школы 12 октября 1898 года).

Прошедшее воскресенье, 11-го октября, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ воскресную школу были присланы дирекціей драматическаго театра бесплатныя билеты. Давали „Лѣсъ“ Островскаго. При выборѣ ученицъ возникло затрудненіе. Съ одной стороны, въ виду серьезности пьесы, желательно было дать предпочтеніе болѣе развитымъ ученицамъ, съ другой — моя группа наиболѣе развитыхъ ученицъ слишкомъ малочисленна и должна непременно соединиться съ другой. Предлагалось передать очередь какой-либо другой, менѣ развитой группѣ, но, наконецъ, намъ удалось устроить такимъ образомъ: къ 10 ученицамъ моей группы присоединились 9 ученицъ слѣдующей низшей по подготовкѣ группы и 2 ученицы Х. Д.

Мое горячее желаніе показать своимъ ученицамъ именно эту пьесу было вполне удовлетворено тѣмъ пониманіемъ, съ которымъ онѣ отнеслись ко всему происходившему на сценѣ. Прекрасныя мѣста 1-го и 2-го ряда балкона давали возможность каждой ученицѣ вполне слѣдить за дѣйствіемъ, не теряя ни одного движенія, ни одного слова. Мы пришли еще настолько рано, что успѣли не спѣша размѣститься, посмотреть афишу и нѣсколько ознакомиться, такимъ образомъ, съ дѣйствующими лицами. Были между ученицами и такія, которыхъ интересовало, какой артистъ исполняетъ ту или другую роль; очевидно, было нѣкоторое понятіе о степени ихъ талантливости и искусствѣ выполненія. Первое дѣйствіе прошло въ глубокомъ молчаніи; зато въ антрактѣ всѣ оживились, и у насъ начался горячій разговоръ по поводу видѣннаго. Благодаря тому, что, кромѣ двухъ ученицъ Х. Д., нѣсколько стѣснявшихся, всѣ остальные ученицы хорошо знаютъ меня, нашъ разговоръ шелъ живо и совершенно непринужденно. Спрашивали меня, еще больше вопросовъ предлагала

я сама; отвѣчали наперерывъ, возражали другъ другу; всѣ старались протиснуться поближе ко мнѣ, просили перейти въ средину группы, если я случайно стояла ближе къ одному краю. Антракта намъ положительно было мало для того, чтобы поговорить обо всемъ, отвѣтить на всѣ поднятые вопросы, — занавѣсъ нерѣдко прерывалъ насъ на полусловѣ; но въ слѣдующій антрактъ меня непременно заставляли докончить начатыя слова, отвѣтить на то, что спрошено было раньше.

Мы говорили о дѣйствующихъ лицахъ, объ ихъ характерѣ и взаимныхъ отношеніяхъ, о томъ, что желалъ выставить авторъ, о вліяніи среды, о различіи характеровъ, о воспитаніи, объ общественныхъ взглядахъ и идеалахъ, о положеніи артистовъ въ обществѣ, и многое, многое другое цѣплялось и затрогивалось попутно. Въ большинствѣ случаевъ замѣчанія высказывались тонкія и вѣрныя, понимались наиболѣе сложныя душевныя движенія, и если одна-другая выражала не совсѣмъ вѣрный взглядъ, остальные сейчасъ опровергали, доказывали ей несостоятельность ея сужденія. Напр., одна ученица замѣтила, что Петръ очень любитъ Аксюшу, — пожалуй, жизни рѣшится изъ-за нея, но сейчасъ же нашлись возраженія: „Какъ же! погорюетъ, потужитъ — да и забудетъ, не таковскій! Онъ у тятеньки въ повиновеніи выросъ, прикажетъ — женится на другой, а Аксюша, можетъ, всю жизнь изъ-за него мучиться будетъ!“ — „Я нищій, жалкій бродяга, а на сценѣ я принцъ! Живу его жизнью, мучусь его думами, плачу его слезами надъ бѣдной Офеліей и люблю ее, какъ сорокъ тысячъ братьевъ любить не могутъ!“ декламируетъ Несчастливцевъ. — „Это онъ изъ Гамлета“, доносится до меня шопотъ среди ученицъ. — „Какъ онъ вѣрно эту барыню описалъ — это замѣчательно! — говоритъ пожилая ученица. — Мнѣ самой доводилось какъ разъ въ такомъ родѣ видѣть: говорить-говорить о добрѣ, о хорошей жизни, а ужъ сама-то!..“ Къ моему большому удовлетворенію, нѣкоторыя комическія выходки Счастливцева, быть-можетъ, слишкомъ къ тому же переигрываемыя актеромъ, желавшимъ поддѣлаться подъ уровень публики утренняго спектакля, не смѣшили нашихъ ученицъ: онѣ продолжали со всею серьезностью взрослого развитого человѣка слѣдить за дѣйствіемъ, глубоко сочувствуя положенію Несчастливцева и Аксюши.

Мнѣ пришлось обмѣняться еще нѣсколькими словами по поводу пьесы со своими ученицами въ слѣдующее воскресенье. Двѣ изъ нихъ видѣли уже „Лѣсъ“ — одна два года тому назадъ, другая — въ прошломъ году.

„Странно, что я тогда совсѣмъ не такъ смотрѣла, не такъ понимала, какъ въ этомъ году, — начала первая, которой, надо со-

знаться, мнѣ даже не пришло въ голову поставить этотъ вопросъ — о разницѣ впечатлѣній тогда и теперь. — Тогда я только такъ смотрѣла, что съ кѣмъ дѣлается на сценѣ, а теперь точно все заново вижу и понимаю по иному, точно совсѣмъ другой человѣкъ во мнѣ сидитъ". Меня эта фраза поразила и заинтересовала не столько по отношенію къ самому театру и его вліянію на ученицъ, сколько по отношенію вліянія воскресной школы вообще на умственное развитіе. Въ 2—3 года въ воскресной школѣ, при благоприятныхъ условіяхъ, ученица настолько развивается и вырастаетъ умственно, что сама нерѣдко можетъ отмѣтить это, оглядываясь назадъ и сравнивая свое прежнее міровоззрѣніе съ настоящимъ. Несомнѣнно, что въ этомъ отрадномъ явленіи нѣкоторую, а можетъ-быть, даже болѣе значительную роль, чѣмъ это кажется при первомъ бѣгломъ взглядѣ, играетъ театръ, посѣщеніе картинныхъ выставокъ, чтенія съ картинами.

До сихъ поръ мнѣ не приходилось ни разу бывать съ ученицами въ театрѣ, и мои соображенія о пользѣ театра были чисто теоретическаго характера. Теперь я болѣе чѣмъ когда-либо убѣдилась, что такіа посѣщенія театра съ учительницами могутъ имѣть огромное значеніе для ученицъ, и что поэтому чрезвычайно важно слѣдить за подборомъ пьесъ для каждой группы и, кромѣ того, очень желательно, чтобы съ ученицами шла, по возможности, знакомая имъ учительница, къ которой онѣ уже привыкли, къ которой онѣ смѣло станутъ обращаться со своими вопросами.

Было у меня намѣреніе задать ученицамъ письменныя домашнія работы по поводу видѣнной пьесы. Нѣкоторыя обѣщали написать, когда будетъ свободное время на праздникахъ. Несомнѣнно, это можетъ служить однимъ изъ интересныхъ видовъ самостоятельныхъ письменныхъ работъ. Кромѣ того, ученицы просили меня въ слѣдующій разъ рассказать имъ біографію Островскаго и указать лучшія его пьесы.

Н. Власенко.

Воскресныя школы на Нижегородской выставкѣ.

Участіе воскресныхъ школъ на Всероссийской Нижегородской выставкѣ несомнѣнно наиболѣе выдающееся явленіе въ жизни воскресныхъ школъ за послѣднее время — оно имѣло немалое значеніе для дѣла воскресныхъ школъ. Инициатива этого участія принадлежала Х. Д. Алчевской, задавшей себѣ цѣлью представить на Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ современное положеніе дѣла воскресныхъ школъ и обратившейся съ соответствующимъ ходатайствомъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія. Ходатайство это было удовлетворено, и Министромъ Народнаго Просвѣщенія было раз-

рѣшено организовать при научно-учебномъ отдѣлѣ выставки подъ отдѣлъ воскресныхъ школъ; завѣдующей ею была назначена Х. Д. Алчевская, которой было разрѣшено устроить особый павильонъ. Въ отдѣлѣ воскресныхъ школъ участвовало 115 городскихъ воскресныхъ школъ; кромѣ того, имѣлись болѣе или менѣе полныя свѣдѣнія о 140 станичныхъ и сельскихъ воскресныхъ школахъ, а также представлены были 3 тюремныя воскресныя школы. Конечно, не всѣ школы въ одинаковой полнотѣ доставили на выставку свои матеріалы, но это нисколько не мѣшало составленію общей картины настоящаго положенія воскресныхъ школъ, представить которую и являлось цѣлью при организаціи отдѣла.

На выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ впервые были собраны и открыты для ознакомленія общества матеріалы по воскреснымъ школамъ, впервые возникъ какъ бы образъ этого дѣла во всѣхъ его сторонахъ и деталяхъ, и образъ этотъ оказался настолько интересенъ и могучъ, что привлекъ къ себѣ вниманіе очень широкаго круга лицъ. Между многочисленными посѣтителями отдѣла были и люди, уже близко знакомые съ дѣломъ воскресныхъ школъ, и лица, по самой своей дѣятельности имѣющія къ нимъ нѣкоторое отношеніе (мы разумѣемъ людей педагогической профессіи), и неспеціалисты по учебному дѣлу, изъ всѣхъ сферъ и отраслей человѣческой дѣятельности, и учащіеся и, наконецъ, представители той среды, для которой открываются воскресныя школы.

Беремъ изъ записокъ Х. Д. Алчевской о выставкѣ нѣсколько характеристикъ посѣтителей:

„Вотъ въ павильонъ входитъ барышня-красавица и называетъ себя громкимъ именемъ. Все въ ней прекрасно и граціозно, начиная отъ кружевной шляпы съ кокетливо падающими внизъ блондами, подъ которыми какъ бы прячется прелестное личико, и кончая изящной перчаткой, стягивающей узкую ручку. Она говоритъ, что ея покойный отецъ беззавѣтно былъ преданъ дѣлу народнаго образованія и что, вѣроятно, ей передалъ это въ крови, такъ какъ мама, сестры, братья, знакомые — всѣ противъ этого. Особенно убивало маму то обстоятельство, что она исчезаетъ на цѣлое воскресное утро въ школу, — въ то утро, когда къ нимъ пріѣзжаютъ съ визитами; это просто неприлично, и мама не рѣшается сказать, гдѣ она. Протестъ и грызня мамы настолько обострились, наконецъ, что дѣвушка вынуждена была покинуть занятія въ воскресной школѣ. „Но я все-таки не уступила имъ, — продолжала дѣвушка, вспыхнувъ и сдвинувъ свои брови, отчего стала еще вдвое красивѣе, — и, вмѣсто посѣщенія женской школы, устроила три раза въ недѣлю вечерніе классы со взрослыми рабочими. Имъ кажется это еще ужаснѣе, но,

что дѣлать, пусть пеняютъ на себя; на этотъ разъ я не уступлю, и когда ихъ вечера и журфиксы совпадаютъ съ моими, я самымъ рѣшительнымъ образомъ отправляюсь въ школу“.

„Лицо дѣвушки было такъ прекрасно въ эту минуту, выражало столько мысли, настойчивости, силы воли, что я просто не могла оторвать отъ нея глазъ. „Знаете ли, — сказала я ей, глядя на нее любовно и ласково, — иѣтъ для меня большого удовольствія, какъ видѣть свѣтскую барышню-красавицу, отдавшуюся общественной дѣятельности. Какая сила въ ея рукахъ, сколько вліянія можетъ имѣть она на свою среду! Какимъ воспитывающимъ долженъ явиться ея примѣръ!..“ И я подарила дѣвушкѣ своей дневникъ и хотѣла подарить „Что читать народу“, но она сказала, улыбаясь: „Нѣтъ, я не возьму отъ васъ этого: я давнымъ-давно приобрѣла себѣ „Что читать народу“ — это моя настольная книга!..“

„А рядомъ съ этой барышней-красавицей, за нашимъ круглымъ столомъ, сидѣла, уткнувшись въ дневникъ, маленькая некрасивая блондинка — сельская учительница, которую при первомъ свиданіи я приняла за дѣвочку, и никто не зналъ, какая нравственная сила заключается въ этомъ миниатюрномъ существѣ. Придя въ первый разъ, она поинтересовалась узнать, что такое воскресная школа. Я долго и подробно объясняла ей. „Такъ вотъ оно что! — сказала задумчиво дѣвушка. — А ко мнѣ по воскресеньямъ также приходятъ учиться взрослые...“ И когда я разспросила ее, чему же и какъ она учитъ ихъ, то оказалось, что дѣло поставлено у нея идеально, но, живо интересуясь вопросомъ, что такое воскресная школа, она не подозрѣвала даже по своей скромности, что создала ее на прочномъ фундаментѣ, по всѣмъ правиламъ искусства. Несмотря на свою молодость, несмотря на глушь, въ которую забросила ее судьба, дѣвушка нѣсколько лѣтъ ведетъ уже воскресные и вечерніе повторительные классы, на которые собирается все, что есть грамотнаго въ деревнѣ.

„Она пользуется громадными симпатіями и довѣріемъ сельскаго люда, и бывшіе ученики школы пишутъ дневники, въ которыхъ выкладываютъ всю свою душу. Насъ очень интересовали эти ученическія работы, и мы уговаривали дѣвушку показать ихъ намъ, но она страшно стѣснялась, говоря, что въ дневникахъ этихъ есть поля, на которыхъ она пишетъ свои личныя замѣчанія и разсужденія по тому или другому вопросу. „Кромѣ того, — говорила она, краснѣя, — я боюсь компрометировать въ вашихъ глазахъ моихъ учениковъ; такъ, напр., одинъ изъ нихъ описывалъ, какъ онъ побилъ брата!..“ Она привела еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ, которые доказали намъ только, съ какой безграничной откровен-

ностью относятся къ своей учительницѣ взрослые ученики; недаромъ одинъ изъ нихъ пишетъ: „Тетради эти — наши друзья!“ Въ концѣ-концовъ намъ удалось-таки выпросить у нея нѣсколько рукописей, которыя оказались въ высшей степени интересными; но скромная дѣвушка много зачеркнула въ нихъ, особенно на поляхъ, гдѣ были изложены ея собственныя міровоззрѣнія.

„Такъ вотъ какъ работаютъ люди въ медвѣжьихъ углахъ, невѣдомые міру! И людей этихъ совсѣмъ не такъ мало, какъ предполагаютъ иные. Помню мой споръ съ N. N. Онъ доказывалъ, что въ дѣлѣ народнаго образованія принимаютъ участіе одни и тѣ же лица, а я говорила со свойственнымъ мнѣ оптимизмомъ, что ими имѣютъ легіонъ. Нижегородская выставка показала мнѣ, что я въ значительной степени права.

„Какъ-то, занятая засѣданіями по экспертизѣ и другими дѣлами, я почти не заходила въ павильонъ 2—3 дня. Послѣ такого промежутка я чувствовала себя обыкновенно бодрой и какъ-то особенно наэлектризованной. Въ одну изъ такихъ минутъ господинъ приличнаго вида зашелъ въ павильонъ и отрекомендовался учителемъ русскаго языка въ N-ской женской гимназіи. „Я командированъ къ вамъ съ просьбою отъ начальницы, не позволите ли вы нашимъ дѣвицамъ явиться цѣлой партіей въ вашъ павильонъ и не будете ли такъ добры, не дадите ли имъ лично разъясненія?“ „Боже мой, до чего дожили мы, — думала я съ трепетной радостью, говоря слова привѣта учителю русскаго языка, — меня просятъ бесѣдовать съ женской учащейся молодежью о значеніи воскресныхъ школъ!.. Можетъ ли быть для меня большая радость, большее счастье?!“ И не прошло получаса, какъ павильонъ нашъ наполнился взрослыми барышнями въ форменныхъ платьяхъ и нѣсколькими классными дамами, въ сопровожденіи учителя русскаго языка. Я размѣстила ихъ такимъ образомъ, чтобы всѣ онѣ могли слышать меня, а сама зашла за прилавокъ и начала держать имъ экспромтомъ такую рѣчь: „Задумывались ли вы, господа, надъ тѣмъ, какъ проводить свое дѣтство и юность простая бѣдная дѣвушка? Вы родились въ счастливыхъ условіяхъ, ваши первые годы были окружены заботой и лаской; когда вы сдѣлались старше, васъ начали учить и воспитывать; когда вы окончите курсъ въ гимназіи, васъ назовутъ образованной дѣвушкой. Не то бываетъ тамъ, въ народѣ. Послѣ невеселаго дѣтства гдѣ-нибудь въ кухнѣ, при матери-кухаркѣ или прачкѣ, кипящей въ работѣ, какъ въ огнѣ, съ утра до вечера, дѣвочку бросаютъ къ швей или модисткѣ, — женщинѣ, тоже мало образованной и смотрящей на нее только какъ на рабочую силу. Никто не задумается даже, есть ли у дѣвочки способности, не слѣдуетъ ли учить ее грамотѣ и сдѣлать

человѣкомъ. И такъ проходитъ день за днемъ, годъ за годомъ въ этой рабочей сутолокѣ, и даже когда она подымется на ноги и завоеуетъ себѣ воскресенье и праздникъ, ей некуда дѣвать его. Остается нарядиться въ наряды, купленные дорогой цѣной здоровья и жизни, и идти на улицу, которая ничего не дастъ ей для души, ума и сердца... И вотъ, нашлись люди, нашлись такіе же молодые и образованные дѣвушки, какъ вы, которыя сказали себѣ: „Отдадимъ нашъ воскресный досугъ этимъ бѣднымъ, заброшеннымъ дѣтямъ, этимъ неграмотнымъ взрослымъ дѣвушкамъ; привлечемъ ихъ въ школу, отогрѣемъ ихъ своей лаской и любовью, вызовемъ ихъ откровенность, возбудимъ ихъ привязанность къ намъ и подѣлимся съ ними всѣмъ тѣмъ добрымъ и честнымъ, чему учили насъ наши матери, учителя и книги!..“ И эти бѣдныя дѣвушки и дѣти откликнулись на ихъ призывъ и наполнили школы. Онѣ приходятъ въ нихъ издали — за 5, за 6 верстъ, онѣ отдаютъ имъ часто весь свой воскресный досугъ и считаютъ себя счастливыми. Есть у насъ въ школѣ, напр., ученицы, которыя ходятъ изъ деревень и возвращаются домой изъ школы только къ вечеру. Сколько страстного желанія учиться должно быть въ этихъ дѣвушкахъ и какъ должна гордиться школа, сумѣвшая привлечь къ себѣ ихъ симпатіи!.. Дѣвушки эти не приходятъ въ школу только въ тѣ дни, когда бываютъ сильные заносы и запаздываютъ даже желѣзнодорожные поѣзда. Для этихъ дѣвушекъ и дѣтей мы устраиваемъ праздники, устраиваемъ ѣлку на Рождество, и я увѣрена, что эта скромная ѣлка приноситъ несравненно больше радости и веселья, чѣмъ самыя пышныя елки.

„Надо вамъ сказать, что и сама я была когда-то бѣдной дѣвочкой, хотя и родилась въ интеллигентной семьѣ; но по тогдашнимъ временамъ учить дѣвочку грамотѣ считалось излишнимъ. „Зачѣмъ... чтобы писать записочки?!“ говорилъ мой отецъ. И я выучилась грамотѣ, крадучись, тайкомъ, подслушивая подъ дверью, какъ учитъ этой премудрости братьевъ учитель-семинаристъ. Но когда я выросла и сознала весь смыслъ этой грамоты, я поклялась себѣ отдать всю мою жизнь на то, чтобы научить какъ можно больше женщинъ грамотѣ. Выйдя замужъ и приѣхавъ въ Харьковъ въ 60-хъ годахъ, я всецѣло отдалась воскресной школѣ. Это было время огромнаго подъема духа въ нашемъ обществѣ. Однако, скоро воскресныя школы были закрыты, но я бережно сохранила свою маленькую школу, какъ драгоценное зерно, и оно выросло, окрѣпло и дало плодъ. Осторожно, шагъ-за-шагомъ завоевывала я довѣріе общества. И вотъ, 35 лѣтъ спустя, мы видимъ сотни школъ, распространившихся въ Россіи. У васъ въ городѣ также есть воскресная школа. Берегите ее, любите и, когда вырастете и окончите курсъ, примите въ ней

участіе! О, какъ я буду счастлива тогда, счастлива — сознаніемъ, что отъ меня первой вы услышали о значеніи воскресныхъ школъ!“

„Я оглянулась на дѣвушекъ: глаза ихъ сіяли, щеки горѣли, имъ, видимо, не хотѣлось уходить, имъ хотѣлось слушать еще и еще, и я рассказала имъ трогательную исторію одной изъ учредительницъ воскресной школы. На этотъ разъ воспоминанія эти захватили меня съ особенной силой, и когда я кончила рассказъ, въ голосѣ моемъ дрожали слезы... Я поспѣшила раздать свой дневникъ направо и налево милымъ улыбающимся дѣвушкамъ, и онѣ ушли, видимо, подъ сильными впечатлѣніями всего видѣннаго и слышаннаго.

„Помню, другой разъ я пришла какъ-то рано на выставку. Рабочіе поливали еще газоны, а нашъ артельщикъ усердно подметалъ полъ, поднимая цѣлый столбъ пыли. Въ эту минуту, Богъ вѣсть откуда, въ павильонъ привалила цѣлая группа деревенскихъ людей. Здѣсь были старыя бабы, закутанныя и заматанныя, несмотря на лѣтнюю пору, и молодайки съ красными платочками на головѣ, спущенными до бровей, и краснощекія толстолицыя дѣвушки. Всѣ онѣ ахали и охали, разсматривая мудреные предметы, и выражали удивленіе то по одному, то по другому поводу. „Ахъ, матушки!..“ „Ахъ, батюшки!..“ „Отцы родные!..“ слышалось то съ одной, то съ другой стороны. И я спѣшила разъяснить имъ ихъ недоумѣніе. Я говорила имъ о моихъ чтеніяхъ съ крестьянами, показывала фотографическую группу этихъ чтеній, рассказывала о Харьковской воскресной и другихъ школахъ. Я говорила просто, горячо, и эти безхитростные люди слушали меня, очевидно, съ большимъ интересомъ“.

Выставка наглядно показала, какъ мало еще популярны у насъ воскресныя школы: въ павильонѣ воскресныхъ школъ ежедневно встрѣчались лица не только другихъ специальностей, но даже учителя и учительницы, которые или даже не слыхали о существованіи воскресныхъ школъ, или не останавливались мыслью на томъ, что же такое эта воскресная школа, имя которой безслѣдно проскользало мимо нихъ, встрѣченное или въ печати, или въ разговорѣ съ кѣмъ-либо. Для ознакомленія всѣхъ этихъ лицъ съ дѣломъ воскресныхъ школъ едва ли можно было бы придумать болѣе удачный путь, чѣмъ выставка. И надо отдать справедливость обществу: оно съ готовностью пошло по этому пути, оцѣнило его, и въ павильонѣ воскресныхъ школъ не разъ раздавалась горячая благодарность за устройство этого отдѣла, не разъ благодарность эта заносилась и въ книгу записей посѣтителей. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести изъ этой книги выдержки, характеризующія ту массу симпатіи, которую общество выразило павильону воскресныхъ школъ. „Прихожу снова отдыхать въ павильонъ воскресныхъ школъ,—

пишетъ одна учительница. — Большое спасибо его участникамъ за то, что они захотѣли притти на помощь всѣмъ желающимъ поучиться у нихъ“. — „Я бы отказалъ себѣ въ необходимомъ душевномъ удовлетвореніи, — читаемъ мы дальше, — если бы не сказалъ самое теплое спасибо тѣмъ людямъ, которые своей душой, своимъ дѣломъ создали эту атмосферу добра и добрыхъ стремлений. Такую свѣтлую, бодрящую атмосферу не встрѣтишь на каждомъ шагу; она поднимаетъ и тянетъ впередъ, къ жизни и доброму дѣлу“. И далѣе: „Великое спасибо всѣмъ бойцамъ на полѣ народнообразовательнаго дѣла отъ человека, уходящаго отсюда съ облегченнымъ сердцемъ, съ радостной мыслью о томъ, что есть у насъ люди, которые самоотверженно предаются дѣлу народнаго просвѣщенія“. Симпатіи общества къ воскреснымъ школамъ сказались и въ томъ успѣхѣ, который имѣла лекція о нихъ, прочитанная на основаніи собранныхъ на выставкѣ матеріаловъ редакторомъ-издателемъ журнала „Образованіе“, А. Я. Острогорскимъ. Лекція эта привлекла множество слушателей и, несомнѣнно, сыграла извѣстную роль въ дѣлѣ распространенія воскресныхъ школъ. Не краснорѣчиво ли говорить объ этомъ слѣдующая записка: „Изъ лекціи г. Острогорскаго, — пишетъ начальница частнаго учебнаго заведенія, — я вынесла самое отрадное впечатлѣніе о воскресныхъ школахъ, и эта лекція оставила такое глубокое впечатлѣніе, что я твердо рѣшила открыть въ своемъ городѣ воскресную школу“.

За все это сочувствіе павильонъ воскресныхъ школъ, въ свою очередь, отплатилъ тѣмъ благотворнымъ вліяніемъ, которое онъ имѣлъ на многихъ и многихъ, ободряя ихъ, заставляя свѣтлѣе смотрѣть впередъ. „Въ павильонѣ воскресныхъ школъ, — пишетъ одинъ изъ посѣтителей, — я увидѣлъ наглядное доказательство того, какъ власть невѣжества — эта, казалось мнѣ, неодолимая грозная сила — побѣждается усилиями просвѣтителей народа. При этомъ сознаніи я чувствую живѣйшую радость и подъемъ духа отъ души благодарю тѣхъ, кто далъ мнѣ эти отрадные впечатлѣнія“. И далѣе: „Я шелъ въ павильонъ воскресныхъ школъ съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ; я никакъ не могъ ожидать тѣхъ результатовъ, которые увидѣлъ здѣсь и которыхъ могутъ достигнуть лишь соединенныя усилія убѣжденныхъ людей. Искренно и глубоко благодаренъ имъ за ту вѣру въ дѣло воскресныхъ школъ, которую они вдохнули въ меня“.

Павильонъ воскресныхъ школъ интересовалъ посѣтителей этимъ дѣломъ, мало того — многихъ онъ увлекалъ имъ, пробуждалъ желаніе самимъ потрудиться въ этомъ направленіи. „Знакомство съ воскресными школами, — пишетъ одинъ учитель, — вызываетъ энергичное желаніе явиться домой, на родину и поскорѣе, не теряя до-

рогого времени, начать удѣлять праздничный досугъ младшей братіи, такъ много нуждающейся въ просвѣщеніи“. Или: „Посѣщеніе павильона воскресныхъ школъ, — пишетъ также учитель, — возбудило во мнѣ радостное чувство: съ страстнымъ желаніемъ лечу я на свое старое мѣсто заниматься въ школѣ, а воскресный день, единственный свободный въ недѣлѣ, — посвятить воскресной школѣ. Великое спасибо за возбужденное во мнѣ чувство, благодаря которому я могу сказать: „я счастливъ!“

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что появленіе воскресныхъ школъ на выставкѣ прибавило немало работниковъ въ уже существующія воскресныя школы, немало способствовало и возникновенію новыхъ школъ. Послѣдніе случаи далеко не единичны: въ книгу записей посѣтителей занесено 61 предположеніе объ открытіи воскресныхъ школъ въ городахъ, 63 — въ селахъ и 5 — при заводахъ; но далеко не всѣ дѣлали записи, и число незаписанныхъ предположеній выразится, пожалуй, приблизительно въ тѣхъ же цифрахъ. Въ однихъ изъ записей мы видимъ, что намѣреніе устроить воскресную школу возникло въ самомъ павильонѣ подъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго и слышаннаго; у другихъ планъ уже былъ, но недостаточно созрѣвшій и разработанный, и вотъ у такихъ людей намѣреніе ихъ выяснялось, крѣпло; наконецъ, были и такіе, у которыхъ дѣло уже налаживалось; для нихъ павильонъ имѣлъ также немалое значеніе: онъ знакомилъ ихъ съ дѣломъ, выяснялъ всевозможныя стороны его и, такимъ образомъ, облегчалъ дальнѣйшій ходъ работы.

Весьма важно было то обстоятельство, что павильонъ воскресныхъ школъ не являлся мертвымъ собраніемъ разнаго рода матеріаловъ: въ немъ втеченіе всей выставки присутствовала заведующая отдѣломъ Х. Д. Алчевская, а также участники разныхъ воскресныхъ школъ; они давали объясненія экспонатамъ, дѣлали всевозможныя разъясненія и указанія о практическомъ осуществленіи возникавшихъ намѣреній открыть воскресную школу. Кромѣ того, всѣмъ, кто ближе интересовался дѣломъ воскресныхъ школъ, кто собирался или открывать, или участвовать въ воскресныхъ школахъ, раздавался рядъ изданій, касавшихся воскресныхъ школъ; между ними были и разнаго рода брошюры, и отпечатанныя правила объ открытіи воскресныхъ школъ и, наконецъ, всевозможныя статистическія бланки.

Въ настоящее время уже имѣются фактическія доказательства того значенія, которое имѣлъ павильонъ воскресныхъ школъ для развитія этого дѣла. Въ книгѣ записей посѣтителей мы читаемъ, напримѣръ, слѣдующее: „Считаю для себя долгомъ выразить искрен-

ною благодарность за устройство павильона воскресных школ и за сообщенные мнѣ свѣдѣнія объ устройствѣ послѣднихъ. Свѣдѣнія эти дали мнѣ мысль возбудить вопросъ объ устройствѣ воскресныхъ школъ въ земствѣ Ч. губ., что я и сдѣлаю по возвращеніи съ выставки“. И вопросъ этотъ былъ въ самомъ дѣлѣ возбужденъ и встрѣченъ земскимъ собраніемъ съ большимъ сочувствіемъ: единогласно постановлено было открывать воскресныя школы при земскихъ училищахъ и сдѣлана ассигновка на ихъ содержаніе. Одинъ изъ участниковъ только что открытой воскресной школы пишетъ Х. Д. Алчевской: „Наша школа создавалась хотя и безъ вѣдома васъ, но все же благодаря вамъ: не явились воскресныя школы на Нижегородскую выставку, пришла ли бы кому изъ обитателей В. въ голову мысль объ открытіи школы? Инициаторы дѣла всѣ были въ Нижнемъ и изъ вашего выставочнаго павильона вынесли глубокое желаніе открыть воскресную школу въ своемъ городѣ“. — „Поѣздка на Нижегородскую выставку, знакомство съ вами и съ экспонатами воскресныхъ школъ сдѣлали свое дѣло, — пишетъ другой корреспондентъ Х. Д. Алчевской. — У насъ въ М—скомъ уѣздѣ открылось и думаютъ открыть нѣсколько воскресныхъ школъ. Всѣ брошюры, которыя получены у васъ въ павильонѣ, оказываютъ большую услугу. 27 октября открылась женская воскресная школа въ селѣ Б. Учительница этой школы и помощница ея были на выставкѣ. Въ селѣ П. открылась мужская воскресная школа. Въ двухъ верстахъ отъ него управляющій имѣнія хлопочетъ объ открытіи воскресной школы для дворовыхъ рабочихъ. Недалеко отсюда, женой арендатора устроены вечернія занятія съ дѣтьми рабочихъ. Еще многія сельскія учительницы думаютъ открыть воскресныя школы. На М—скомъ очередномъ земскомъ собраніи была прочитана статья Вахтерова о сельскихъ воскресныхъ школахъ и возбужденъ вопросъ, какъ распространить эти школы въ нашемъ уѣздѣ“.

Мы ограничимся этими нѣсколькими фактами: они, на нашъ взглядъ, краснорѣчиво говорятъ о томъ, что сочувствіе воскреснымъ школамъ, сказавшееся на выставкѣ, не осталось на словахъ, а перешло въ дѣло.

Ставя безспорно на первое мѣсто то значеніе, которое имѣло появленіе воскресныхъ школъ на выставкѣ для ознакомленія съ ними общества, возбужденія его симпатій къ этому дѣлу, а въ силу этого и его развитія, мы не можемъ обойти молчаніемъ той роли, которую сыгралъ павильонъ воскресныхъ школъ для самихъ участниковъ этихъ школъ. Нужно ли говорить о томъ, какъ важно для успѣха всякаго дѣла, по возможности, широкое знакомство съ нимъ его работниковъ; а гдѣ бы могли участники воскресныхъ школъ ознако-

миться такъ всесторонне и подробно съ своимъ дѣломъ, какъ не на выставкѣ: тутъ сразу можно было получить представленіе о постановкѣ большинства воскресныхъ школъ, можно было многое позаимствовать, воспользоваться опытомъ другихъ воскресныхъ школъ. Въ концѣ-концовъ не оказалось почти ни одной городской воскресной школы, изъ которой не было на выставкѣ хотя бы по одному участнику; въ книгу записей занесено до 200 подписей преподающихъ въ воскресныхъ школахъ, а между тѣмъ, расписывались далеко не всѣ посѣтители. Кромѣ знакомства съ экспонатами, весьма важно было знакомство представителей воскресныхъ школъ другъ съ другомъ. Почти ежедневно въ павильонѣ сталкивались участники разныхъ воскресныхъ школъ, происходилъ живой обмѣнъ мыслей, который, конечно, имѣлъ немалое значеніе для дѣла. Распорядительница одной воскресной школы пишетъ въ книгѣ записей: „Грустно при мысли, что сегодня я въ послѣдній разъ въ этомъ симпатичномъ для меня павильонѣ воскресныхъ школъ. Здѣсь удалось мнѣ видѣть и слышать много поучительнаго и интереснаго, а также ежедневно наблюдать умственное и нравственное единеніе работающихъ въ различныхъ воскресныхъ школахъ: они обмѣниваются здѣсь впечатлѣніями по поводу экспонатовъ, взглядами на преподаваніе, школьными наблюденіями и проч. Все это сближаетъ, сплачиваетъ участниковъ воскресныхъ школъ, и чувствуешь себя членомъ огромной, милой семьи“. Объединеніе имѣетъ великое значеніе для успѣха дѣла, и нельзя не присоединиться къ краткой, но тѣмъ болѣе выразительной замѣткѣ одного изъ посѣтителей: „Сила въ союзѣ дѣятелей и въ объединеніи дѣятельностей“, занесенной, очевидно, подъ живымъ впечатлѣніемъ происшедшаго въ павильонѣ общенія между участниками воскресныхъ школъ. И неудивительно, что посѣщеніе павильона воскресныхъ школъ вызывало подъемъ духа, желаніе бодрѣе работать, заставляло свѣтлѣе глядѣть на будущее. „Неоднократно посѣщалъ я павильонъ воскресныхъ школъ, — пишетъ одинъ преподающій воскресной школы, — и каждый разъ уходилъ изъ него, унося съ собой отрадное сознаніе, что дѣло, которому мы служимъ, пользуется любовью во всѣхъ концахъ Россіи. Мысль эта вливаетъ въ душу новую энергію, усиленное желаніе и впредь служить просвѣщенію народа“. — „Всматриваясь въ людей, посѣщавшихъ павильонъ, — читаемъ мы слова другого участника, — вслушиваясь въ ихъ рѣчи, изучая матеріалы, собранные здѣсь, я рѣшилъ окончательно мучившій меня вопросъ: да, воскресныя школы—дѣло жизненное; оно разрастется, станетъ крупнымъ общественнымъ явленіемъ. Вотъ съ этой вѣрой и съ самыми свѣтлыми воспоминаніями я и покидаю этотъ скромный, но въ высшей степени замѣчательный

павильонъ". И это бодрящее вліяніе не было мимолетнымъ, оно сказалося и продолжаетъ сказываться на дѣлѣ. Завѣдующая одной воскресной школы пишетъ Х. Д. Алчевской: „Два сотрудника нашей школы, побывавшіе у васъ на выставкѣ, возвратились преобразившіеся и принялись за работу съ большимъ воодушевленіемъ и энтузіазмомъ". Изъ другой воскресной школы пишутъ: „Не можемъ не подѣлиться съ вами тѣмъ радостнымъ чувствомъ, которое вызывается подъемомъ духа въ нашей средѣ; въ нынѣшнемъ году мы начали занятія съ лучшими надеждами, чѣмъ прежде; составъ учительницъ увеличился; подъемъ энергіи, оживленіе, лучшее отношеніе къ дѣлу — все это вліяніе павильона воскресныхъ школъ, который посѣтили всѣ наши учительницы". И во многія воскресныя школы участники, посѣтившіе выставку, принесли запасъ бодрости, энергіи, увлеченія дѣломъ, вѣры въ него; а вѣдь это все элементы, которые прежде всего нужны для успѣха дѣла.

Помимо пропаганды воскресныхъ школъ, участіе ихъ на выставкѣ имѣло немалое значеніе еще и въ томъ отношеніи, что послужило выясненію условій ихъ дѣятельности. Благодаря матеріаламъ, собраннымъ въ павильонѣ, благодаря обмѣну мыслей между посѣщавшими его участниками всевозможныхъ воскресныхъ школъ, условія эти, конечно, и раньше извѣстныя заинтересованнымъ лицамъ, обрисовались особенно ярко; и, какъ это всегда бываетъ, ярче всего выступили тѣ неблагопріятныя условія, которыми обставлено дѣло воскресныхъ школъ, тѣ нужды ихъ, которыя все сильнѣе и сильнѣе даютъ о себѣ знать: это, во-первыхъ, рядъ стѣсненій при открытіи воскресныхъ школъ, затѣмъ узость ихъ программы, неудовлетворительность каталога для ихъ библіотекъ и т. д. Всѣ эти стороны заставили многихъ глубоко задуматься надъ ними и искать изъ нихъ выхода.

Въ заключеніе, еще одна выдержка изъ книги записей, которая, какъ намъ кажется, удачно обобщаетъ все значеніе появленія воскресныхъ школъ на всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ. „Павильонъ воскресныхъ школъ, — пишетъ одинъ изъ посѣтителей, — безспорно сослужилъ большую культурную службу: однихъ онъ наглядно убѣдилъ въ полезности воскресныхъ школъ, у другихъ возбудилъ инициативу къ организаціи этихъ школъ, третьимъ показалъ лучшіе способы постановки дѣла... и у всѣхъ сочувствующихъ дѣлу народнаго образованія вызвалъ горячую симпатію къ этому дѣлу". А симпатія эта имѣетъ огромное значеніе: она является залогомъ дальнѣйшаго успѣха дѣла воскресныхъ школъ; она пророчитъ имъ свѣтлое будущее, такъ какъ воскресныя школы — дѣло общества, и въ общественной поддержкѣ и сочувствіи ихъ сила. И

сочувствіе общества сдѣлало то, что „маленькій павильонъ воскресныхъ школъ, по виду не бросающійся въ глаза, а по мѣсту отдаленный отъ центра выставки" (такъ характеризуетъ его одна изъ записей) не потерялся между роскошными зданіями выставки, а привлекалъ вниманіе и живое участіе посѣтителей; да и могло ли быть иначе?! „Павильонъ воскресныхъ школъ, — говоритъ другая запись, — это тоже школа, школа общественно-полезнаго труда, безкорыстія, любви къ ближнему".

М: Салтыкова.

Выставка воскресныхъ школъ въ зданіи Харьковской частной женской воскресной школы въ декабрѣ—январѣ 1896—97 гг.

Желаніе, по возможности, широко пропагандировать дѣло воскресныхъ школъ и знакомить общество съ достигнутыми уже въ этой области результатами, было главной побудительной причиной устройства названной выставки. Харьковъ являлся въ данномъ случаѣ удобнымъ пунктомъ: во-первыхъ, всѣ матеріалы, фигурировавшіе на Нижегородской выставкѣ въ качествѣ экспонатовъ по дѣлу воскресныхъ школъ, остались въ распоряженіи Х. Д. Алчевской, и потому хранятся въ Харьковской школѣ; во-вторыхъ, въ Харьковѣ находится старѣйшая въ Россіи воскресная школа съ громаднымъ контингентомъ учительницъ (болѣе 80-ти), которыя могли демонстрировать выставленные на выставкѣ экспонаты. Оба эти условія позволяли надѣяться, что дѣло воскресныхъ школъ будетъ полно, правдиво и ярко обрисовано на выставкѣ. И вотъ, въ обширномъ двухъэтажномъ зданіи Харьковской воскресной школы, 27 декабря 1896 года, въ пяти большихъ комнатахъ, открылась выставка воскресныхъ школъ. Сообразно двойной цѣли, поставленной устроителями выставки, демонстрируемый матеріалъ распадался на двѣ группы: въ первой комнатѣ передъ зрителями развѣртывалась картина общаго положенія воскресныхъ школъ; здѣсь были сосредоточены статистическія данныя: распредѣленіе воскресныхъ школъ по городамъ, раздѣленіе учащихся по возрасту, сословію, занятіямъ, познаніямъ, времени обученія, распредѣленіе преподающихъ, таблицы посѣщаемости школы учащимися и учащими и т. д.; — словомъ, затронуты были всѣ тѣ стороны дѣла, которыя могли быть представлены въ цифровыхъ таблицахъ, діаграммахъ и картограммахъ. Далѣе въ обширномъ школьномъ залѣ каждая воскресная школа демонстрировалась уже отдѣльно: всѣ матеріалы, касающіеся жизни каждой школы, были собраны въ отдѣльномъ портфелѣ. Нѣкоторыя школы прислали матеріалы, рисующіе жизнь школы въ малѣйшихъ деталяхъ; тутъ были: отчеты, программы занятій, каталоги, протоколы

педагогическихъ засѣданій, ученическія работы, начиная отъ тетрадки почти безграмотнаго ученика и кончая сочиненіемъ проучившагося много лѣтъ. Остальные три комнаты заключали въ себѣ экспонаты, касающіеся внутренней жизни школы съ чисто педагогической стороны. Здѣсь можно было получить отвѣтъ на вопросъ: что такое воскресная школа съ образовательной точки зрѣнія, чему и какъ въ ней учатъ? Кромѣ школьной библіотеки и употребляющихся въ школѣ учебниковъ, здѣсь демонстрировался музей наглядныхъ пособій, играющихъ столь важную роль при объяснительномъ чтеніи, а также при преподаваніи и другихъ предметовъ обученія въ воскресныхъ школахъ. Таково было содержаніе выставки. Объясненія на выставкѣ давали учительницы воскресной школы, во главѣ съ Х. Д. Алчевской.

Выставка продолжалась всего 12 дней, и за это время ее посетило 1.344 человека, т.-е. приблизительно 112 человекъ въ день (входъ былъ бесплатный); эти лица сдѣлали всего 1.424 посѣщенія. Любопытны нѣкоторые данныя относительно состава посѣтителей: изъ 1.424 посѣщеній, 390 приходятся на долю неинтеллигентныхъ людей (учащихся въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ и просто-народа), а 1.034 — на долю интеллигенціи; изъ послѣднихъ 308 посѣщеній падаютъ на студентовъ, 82 — на учителей и учительницъ. Съ каждымъ днемъ выставка завоевывала все большее и большее вниманіе публики; такъ, въ первый день ее посетило 23 человека, въ третій — 38 человекъ, а въ восьмой уже 251 человекъ. Возрастающая цифра посѣтителей говоритъ о томъ, что выставку узнавали, она дѣлалась популярной. Объяснявшія учительницы, а ихъ было до 25, демонстрировали выставку самыми разнообразными способами; такъ, напримѣръ, неинтеллигентнымъ посѣтителямъ при знакомствѣ съ музеемъ какъ бы давались уроки нагляднаго обученія: коллекціи по зоологіи, ботаникѣ, анатоміи проходили предъ посѣтителемъ изъ народа въ видѣ связныхъ, яркихъ бесѣдъ изъ жизни животнаго и растительнаго міра. Народъ слушалъ всѣ объясненія съ полнымъ вниманіемъ и подолгу застывалъ передъ прекрасными коллекціями Харьковской воскресной школы; для него выставка являлась какъ бы доступной лекціей на самыя разнообразныя темы. Одни и тѣ же посѣтителы возвращались по нѣсколько разъ, приводя съ собой родныхъ и знакомыхъ. Иначе говорили съ интеллигенціей: интеллигентный посѣтитель или былъ уже знакомъ съ дѣломъ воскресныхъ школъ, интересовался имъ, — тогда его знакомили съ деталями, новыми способами обученія или новыми пособиями, съ достигнутыми успѣхами; или былъ человекъ, по какому-либо причинамъ стоявшій вдали отъ воскресныхъ школъ и

вообще, вопросовъ народнаго образованія, — тогда старались его заинтересовать, выяснить ему необходимость обученія взрослыхъ, — словомъ, сдѣлать его сторонникомъ воскресныхъ школъ. При такомъ взглядѣ на дѣло и цѣли выставки, можно предполагать, что она не прошла безслѣдно въ жизни посѣтителя. Опытъ говоритъ, что Московская и Нижегородская выставки внесли свою лепту въ дѣло пропаганды воскресныхъ школъ: большая публика узнала о нихъ. Дѣло это перестаетъ быть достояніемъ небольшого, специально педагогическаго кружка лицъ; оно входитъ въ кругъ интересовъ, вообще, образованной публики; оно привлекаетъ къ себѣ вниманіе людей съ образованіемъ, нѣкоторымъ досугомъ и любовью къ народу; оно проникаетъ въ столицы и деревни, заслуживаетъ поощреніе со стороны официальныхъ лицъ. Опытъ показалъ, что публичное демонстрированіе дѣла воскресныхъ школъ всегда служило импульсомъ для открытія новыхъ школъ, для привлеченія къ работѣ новыхъ лицъ. И потому, когда 10 января 1897 г., Харьковская выставка закрылась, среди устроительницъ ея укрѣпилось убѣжденіе въ томъ, что данная выставка, внося и свою долю пользы въ дѣло пропаганды воскресныхъ школъ, послужила доказательствомъ необходимости повторенія подобныхъ выставокъ и въ будущемъ. Всѣмъ казалось, что выставка закрывается рано, закрывается тогда, когда новая волна людей готова прійти посмотреть, изучить дѣло; отсюда естественно вытекалъ вопросъ о способахъ постояннаго демонстрированія воскресныхъ школъ: вѣдь для поднятія дѣла кустарнаго, техническаго, художественнаго существуютъ постоянные музеи и выставки, отчего и воскресныя школы — такое гуманное, необходимое дѣло, такъ нуждающееся въ самой широкой огласкѣ, самомъ широкомъ распространеніи не могли бы создать своего музея. Постоянно напоминать обществу о прекрасномъ живомъ дѣлѣ, постоянно быть готовымъ развернуть предъ нимъ картину этого дѣла во всѣхъ его подробностяхъ, такова должна быть задача музея воскресныхъ школъ. Да ему уже и положено начало: много матеріала собрано въ Харьковской школѣ; нужно его только постоянно пополнять, привести его въ большую систему, сдѣлать обобщенія и подвести итоги, которые бы облегчали знакомство съ дѣломъ, давали освѣщеніе сырому матеріалу. И въ Харьковской школѣ образована уже коммиссія для разработки статистическихъ данныхъ, наполняющихъ матеріалы воскресныхъ школъ; задачей коммиссіи является путемъ обобщеній и сопоставленій обрисовать положеніе воскресныхъ школъ въ точныхъ цифровыхъ данныхъ. Должны найтись люди, которые обработаютъ и обобщатъ и весь остальной, уже не статистическій матеріалъ и, опираясь на послѣдній, дадутъ полную картину дѣла

воскресныхъ школъ. Необходимо также, чтобы собранный уже матеріалъ постоянно и всесторонне пополнялся, а это будетъ уже, конечно, зависѣть отъ степени сочувствія всѣхъ воскресныхъ школъ идеѣ музея; въ сочувствіи этомъ нѣтъ оснований сомнѣваться, доказательствомъ чего служатъ постоянно получаемыя Харьковской школой свѣдѣнія отъ всевозможныхъ воскресныхъ школъ. Да, много полезныхъ вопросовъ возбудила выставка, много отраднхъ явленій показала она. Все это должно ободрить работниковъ воскресныхъ школъ, которымъ такъ часто приходится выдерживать борьбу съ предрассудками, интригами и всевозможными препятствіями; воскресныя школы встрѣчали и встрѣчаютъ ихъ немало на своемъ пути, но исторія воскресныхъ школъ показываетъ, что интриги и препятствія исчезаютъ при настойчивости и упорной борьбѣ, а дѣло растетъ и растетъ. Выставки воскресныхъ школъ, — а ихъ въ 1896—1897 гг. было четыре: двѣ въ Москвѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ Харьковѣ, — ясно доказали это; нельзя сомнѣваться въ томъ, что дѣло воскресныхъ школъ будетъ продолжать расти: вѣдь настало, наконецъ, время, когда общество все больше и больше сознаетъ всю неотложность дѣла народнаго просвѣщенія, все активнѣе и активнѣе принимаетъ въ немъ участіе. А между народнообразовательными учрежденіями едва ли найдется другое, гдѣ бы общество могло въ такой мѣрѣ приложить свои силы, какъ въ воскресныхъ школахъ, и въ Россіи еще много, много городовъ, селъ и деревень, гдѣ воскресныя школы необходимы, какъ воздухъ; общество должно ихъ открыть — это его прямая обязанность.

А. Х.—овъ.

О статистической отчетности въ воскресныхъ школахъ.

Выше мы упоминали о томъ, что нѣсколько учительницъ Харьковской частной женской воскресной школы составили комиссію для разработки цифровыхъ данныхъ, заключающихся въ матеріалахъ, бывшихъ въ павильонѣ воскресныхъ школъ на Нижегородской выставкѣ и съ тѣхъ поръ еще пополненныхъ. Намъ хочется сдѣлать здѣсь небольшое сообщеніе по поводу работъ этой комиссіи. Комиссія имѣла въ своемъ распоряженіи отчеты и другіе матеріалы 104 воскресныхъ школъ и задалась цѣлью сдѣлать возможно полное обобщеніе заключающихся въ нихъ цифръ, именно, вывести общее число учащихся во всѣхъ этихъ школахъ, число учащихся, бывшихъ и оставшихся до конца года, раздѣленіе учащихся: по возрасту, сословію, занятію, вѣроисповѣданію, семейному положенію, времени обученія въ школѣ, подготовкѣ, аккуратности посѣщенія;

сгруппировать возможно подробныя свѣдѣнія о преподающихъ, о школьныхъ бібліотекахъ, о приходѣ и расходѣ и т. д. Полученныя выводы могли быть полезны для составленія общаго обзора воскресныхъ школъ; предполагалось также построить на основаніи ихъ діаграммы, которыя наглядно нарисовали бы всякому безъ особаго труда съ его стороны положеніе воскресныхъ школъ.

Общая цифра учащихся въ 104 воскресныхъ школахъ оказалась 17.875. Казалось бы, что это количество, разработанное съ указанныхъ сторонъ, могло дать довольно богатый матеріалъ для характеристики состава учащихся въ воскресныхъ школахъ. Но тутъ комиссія пришлось натолкнуться на непреодолимое препятствіе въ видѣ крайняго разнообразія цифровыхъ данныхъ въ отчетахъ, неподдающихся обобщенію, и что, пожалуй, еще важнѣе, на неполноту этихъ данныхъ.

Пояснимъ сказанное примѣрами: какъ извѣстно, составъ учащихся въ воскресныхъ школахъ болѣе или менѣе подвиженъ, и многіе учащіеся не остаются въ школѣ весь учебный годъ. Поэтому совершенно недостаточно знать число учащихся, бывшихъ въ школѣ въ извѣстный учебный годъ; важно еще знать, сколько изъ нихъ пробыло до конца года и сколько вышло втеченіе его. Но эти данныя мы находимъ уже не относительно 17 слишкомъ тысячъ учащихся, а относительно всего 11 тысячъ, такъ какъ они имѣются въ отчетахъ лишь 72 школъ; остальные 32 отчета даютъ только одну цифру учащихся за годъ и притомъ не однородную: въ нѣкоторыхъ школахъ число учащихся, перебивавшихъ втеченіе учебнаго года, въ другихъ — оставшихся къ концу года; слѣдовательно, сопоставленіе здѣсь не будетъ вполнѣ правильно. Затѣмъ всевозможное распредѣленіе учащихся не могло быть сдѣлано относительно всего числа ихъ (17.875). Это количество учащихся не было даже возможности раздѣлить на мужчинъ и женщинъ, что казалось бы такъ просто; дѣло въ томъ, что въ числѣ смѣшанныхъ школъ, т.-е. съ учащимися и мужского, и женскаго пола, оказалось три школы, въ которыхъ указано лишь общее число учащихся безъ раздѣленія ихъ на мужчинъ и женщинъ. Далѣе свѣдѣнія о возрастѣ имѣются относительно 16 тысячъ учащихся, о сословіи уже относительно 14 тысячъ, о занятіи и вѣроисповѣданіи — 12 тысячъ, о времени обученія и подготовки 10 тысячъ, а о семейномъ положеніи уже всего относительно 6 тысячъ. Еще менѣе полны данныя о преподающихъ, такъ, напримѣръ, при 2.122 преподающихъ свѣдѣнія о раздѣленіи ихъ по занятію, что такъ интересно, есть только относительно 789 и т. д. По школьнымъ бібліотекамъ данныхъ еще меньше, и разнообразіе ихъ такъ велико, что почти нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ. Не говоримъ уже о такихъ интересныхъ цифрахъ, какъ:

сколькимъ лицамъ было отказано въ приемъ въ воскресныя школы, сколько неграмотныхъ научилось за годъ грамотѣ и т. д. Первая цифра имѣется только относительно 27 школъ (именно 1.225), вторая относительно 34 школъ (именно 1.474). Наконецъ, изъ отчетовъ двухъ школъ нельзя было даже извлечь числа учащихся за годъ, вслѣдствіе того, что отчеты эти составлены по полугодіямъ, такъ что за годъ нельзя было вывести ни одной цифры.

Мы остановились на этихъ примѣрахъ такъ подробно, чтобы какъ можно болѣе выяснить, до какой степени теперешнее положеніе отчетности въ воскресныхъ школахъ неудовлетворительно. И въ самомъ дѣлѣ, имѣютъ ли значеніе цифровыя данныя, которыхъ нельзя сгруппировать, обобщить, на основаніи которыхъ нельзя нарисовать общее положеніе дѣла? Конечно, нѣтъ! Составители отчетовъ не должны ограничиваться тѣмъ, чтобы дать какія бы то ни было свѣдѣнія о своей школѣ; они должны дать такія свѣдѣнія, которыя могли бы служить общему дѣлу воскресныхъ школъ. А для этого всѣмъ воскреснымъ школамъ необходимо принять одну форму статистической отчетности. Мы предлагаемъ съ этой цѣлью программу статистическихъ свѣдѣній о воскресныхъ школахъ, выработанную Харьковской частной женской воскресной школой, разсмотрѣнную специалистами статистиками и одобренную IX секціей общихъ вопросовъ II съѣзда дѣятелей по техническому и профессиональному образованію. Программа эта заключается въ рефератѣ М. Н. Салтыковой объ отчетности въ воскресныхъ школахъ, читанномъ на этомъ съѣздѣ и въ свое время разосланномъ, по возможности, во всѣ воскресныя школы. Лица, которыя интересовались бы имъ, могутъ получить его изъ Харькова отъ Х. Д. Алчевской.

Правда, за послѣднее время стали появляться отчеты воскресныхъ школъ, составленные по этой программѣ, но ихъ все же еще очень мало. Мы позволяемъ себѣ надѣяться, что замѣтка эта обратитъ вниманіе и остальныхъ воскресныхъ школъ на этотъ вопросъ, съ виду кажущійся, можетъ-быть, и маловажнымъ, но на самомъ дѣлѣ имѣющій большое значеніе въ дѣлѣ ознакомленія съ общимъ положеніемъ воскресныхъ школъ, — дѣлѣ, которое должно быть одинаково близко всѣмъ участникамъ ихъ.

Въ заключеніе, считаемъ нужнымъ подчеркнуть, что все здѣсь сказанное касается лишь статистической части школьной отчетности, которая должна быть однообразна даже въ малѣйшихъ деталяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы являемся самыми ярыми противниками единообразія, вообще, въ отчетахъ; оно превращаетъ ихъ въ сухіе перечни и голые отвѣты на извѣстныя рубрики и тѣмъ самымъ лишаетъ ихъ жизненности, а потому и чуть ли не всякой цѣнности. Поэтому мы

горячо ратуемъ за то, чтобы каждый отчетъ, въ описательной своей части, носилъ вполне индивидуальный характеръ, не подчиняясь никакимъ общимъ требованіямъ или заранѣе намѣченнымъ рамкамъ; тогда только онъ будетъ отраженіемъ жизни школы и будетъ имѣть цѣнность для общей характеристики дѣла. Вообще, намъ хотѣлось бы какъ можно рѣзче разграничить эти двѣ стороны отчета, статистическую, которая должна быть выдѣлена въ особую таблицу, непосредственно составленную по опредѣленной, для всѣхъ одинаковой формѣ, и описательную, которая должна лишь опираться на цифровыя данныя и являться полнымъ отраженіемъ жизни школы во всѣхъ ея моментахъ и колебаніяхъ; эта часть и будетъ столь разнообразна, какъ разнообразны тѣ люди, которые входятъ въ дѣло, столь же живуча и подвижна, какъ они.

М. Салтыкова.

Нъ вопросу объ отчетности въ воскресной школѣ.

Въ Харьковской частной женской воскресной школѣ издавна существуетъ обычай составлять о каждомъ учебномъ воскресеньѣ краткій, такъ называемый, еженедѣльный отчетъ; въ него входятъ различныя цифровыя данныя (число ученицъ, число учительницъ, цифры библиотечной выдачи, выдачи наглядныхъ пособій), а также краткія свѣдѣнія о томъ, какъ были устроены группы отсутствующихъ учительницъ, кто посѣтилъ школу, и нѣкоторыя другія данныя, касающіяся жизни школы въ каждое воскресенье. Въ настоящемъ году первые такіе отчеты были составлены Х. Д. Алчевской; мы позволяемъ себѣ привести ихъ здѣсь, такъ какъ они не отличаются обычной краткой формой перечней, а живо рисуютъ и приемъ ученицъ, и, вообще, первыя учебныя воскресенья въ году, когда школа еще не въ полномъ ходу, а, такъ сказать, только налаживается.

Воскресенье 30-го августа 1898—1899 г.

Принято новыхъ ученицъ 29, отказано въ приемъ 10: 2-мъ — по малолѣтству; 8 незанятыхъ по буднямъ направлены въ маленькую школу *).

Изъ предыдущихъ цифръ видно, что приемъ въ это первое воскресенье былъ совсѣмъ не великъ; изъ взрослыхъ не поступило ни одной ученицы. И если бы даже 15-лѣтнихъ учащихся мы

*) Маленькой школой называются у насъ будничныя занятія, существующія при воскресной школѣ для малолѣтнихъ ученицъ, свободныхъ по буднямъ. Въ истекшемъ учебномъ году занятія эти велись ежедневно отъ 2 до 5 час., при чемъ было 2 смѣны ученицъ; изъ которыхъ каждая пользовалась тремя учебными днями; всѣхъ ученицъ было до 400.

захотѣли считать за взрослый элементъ школы, то на самомъ дѣлѣ мы не могли бы утверждать съ достаточной увѣренностью, были ли приняты и такія, такъ какъ всѣ вновь поступавшія казались моложе тѣхъ лѣтъ, которыя онѣ сообщали намъ, очевидно, прибавляя ихъ изъ боязни быть непринятыми.

Учительницъ на приемъ собралось также немного: всего 8. И тѣмъ не менѣе, школа производила самое пріятное впечатлѣніе: солнце ярко свѣтило въ открытыя окна; деревья школьнаго сада выросли и возмужали до невѣроятности; только что побѣденныя стѣны поражали своей бѣлизной, и вновь покрашенный полъ блестялъ, какъ зеркало. На лицахъ всѣхъ учительницъ былъ замѣтенъ отпечатокъ лѣтняго отдыха и энергичнаго желанія вновь приняться за любимую работу.

Пріемъ ученицъ окончился быстро, несмотря на то, что производился съ большимъ вниманіемъ и самыми детальными разспросами. Пріемъ былъ невеликъ, но хотѣлось думать, что многія придутъ еще въ сентябрѣ, тѣмъ болѣе, что въ нашихъ печатныхъ объявленіяхъ обозначенъ именно этотъ мѣсяцъ. Учительницъ было мало, несмотря на разосланныя всѣмъ печатнымъ приглашенія, но вѣрилось, что въ будущее воскресенье соберутся всѣ.

Пріемъ окончился; но мнѣ ужасно не хотѣлось уходить изъ школы; не хотѣлось, очевидно, того же и другимъ, и на предложеніе мое, обсудить вопросы предстоящаго собранія, всѣ согласились весьма охотно.

Намѣчены были слѣдующіе вопросы:

1) О распредѣленіи группъ. 2) О звуковыхъ группахъ и распредѣленіи въ нихъ ученицъ по способностямъ. 3) О размѣщеніи параллельныхъ группъ въ одномъ классѣ. 4) О докторѣ. 5) О завѣдующей хозяйствомъ. 6) О музеѣ. 7) О письменныхъ работахъ по картинамъ. 8) О бесѣдахъ.

Рѣшили, по примѣру прошлаго года, напечатать и расклеить объявленія, призывающія новыхъ ученицъ въ школу.

Заявлено было о поступленіи въ школу нѣсколькихъ новыхъ учительницъ.

Этотъ притокъ новыхъ силъ всегда производитъ на меня самое отрадное впечатлѣніе: чувствуешь, что школа живетъ, и что эта жизненная волна захватываетъ все большее и большее число людей.

Школу посѣтилъ преподаватель II—ской сельско-хозяйственной школы П. Ф. Б., въ высшей степени интересующійся дѣломъ воскресныхъ школъ. Въ селѣ, гдѣ онъ состоитъ учителемъ, кромѣ его школы, имѣется еще земская, учительница которой страстно мечтаетъ объ открытіи воскресныхъ классовъ, но никакъ не можетъ добиться разрѣшенія ихъ, такъ какъ мѣстный инспекторъ увѣряетъ ее, будто

воскресная школа можетъ быть разрѣшена только при церковно-приходской. Между тѣмъ, открытіе этой школы особенно желательно въ виду того, что П. Ф. Б. думаетъ открыть при своей школѣ женское отдѣленіе, въ которомъ дѣвушки учились бы веденію сельскаго хозяйства, при чемъ необходимо, чтобы онѣ поступали въ школу уже грамотными. Снабдивъ П. Ф. необходимыми матеріалами, я просила писать мнѣ о дальнѣйшей судьбѣ этого интереснаго дѣла.

Воскресенье 6 го сентября.

Принято новыхъ ученицъ 71. Отказано въ приемъ 15 по малолѣтству. Всѣхъ ученицъ въ школѣ было 230; учительницъ — 33.

Книги изъ библіотеки брали всего 68 прежнихъ ученицъ, такъ какъ новыя, по существующимъ въ школѣ правиламъ, получаютъ книги изъ библіотеки только на 3-е воскресенье. Выдано книгъ 98.

Незадолго до воскресенья, 6 сентября я получила изъ Москвы телеграмму, въ которой учительница М. И. З. спрашивала меня, можно ли судить о школѣ по предстоящему воскресенью, на что я отвѣчала ей утвердительно; но когда она пришла въ школу, я вдругъ ясно почувствовала, что отвѣтъ мой былъ неправильнымъ, и школа представляла собою нѣчто хаотическое, въ чемъ трудно было разобраться не только постороннему лицу, но даже человѣку, близко знающему школу. Толпа новыхъ ученицъ съ недоумѣвающими лицами была такъ густа, что сквозь нее невозможно было пробраться. Старыя ученицы толкались и напряженно разыскивали *своихъ* учительницъ, приходя въ неподдѣльное отчаяніе, если ихъ не было. Учительницы, заявившія, что онѣ возьмутъ новыя звуковыя группы, приходили въ недоумѣніе, что дѣлать имъ со своими прежними ученицами и къ кому именно присоединить ихъ.

Но въ хаосѣ этомъ рѣшительно нѣкого невозможно было обвинять: О. Ф. Д. выбивалась изъ силъ, исполняя съ большой энергіей свою обязанность завѣдующей приемомъ ученицъ; ей энергично помогали еще двѣ учительницы. И все-таки только къ 11 часамъ счастливыя ученицы, къ которымъ пришли учительницы, самодовольно усадились за учебные столы, остальные были соединены въ большія группы; въ однихъ изъ нихъ велось импровизованное чтеніе, другія, составленные изъ новыхъ ученицъ, экзаменовались; экзаменовали, впрочемъ, и нѣкоторыхъ старыхъ ученицъ для уравниенія группъ.

На бесѣду по закону Божію, согласно постановленію собранія, приглашены были въ залъ всѣ взрослые ученицы, а въ 2 часа началась выдача книгъ и спѣвка, на которой учитель выбиралъ новые голоса.

Школу посетили: учительница М. И. Л., занимающаяся в Киевской женской воскресной школе; участница Кишиневской воскресной школы М. И. З. и И. К., учитель второклассной школы в с. Голодаевкѣ, Области Войска Донского. Последний предполагает открыть при своей школе воскресную, и я снабдила его всеми необходимыми материалами.

Воскресенье 13-го сентября.

Принято новыхъ ученицъ 63, отказано въ приемъ 14 малолѣтнимъ, свободнымъ по буднямъ. Всѣхъ ученицъ было 320. Учительницъ было 43, отсутствовало 9.

Книги въ библиотекѣ мѣняла 81 ученица. Выдано книгъ 134: по belletristikъ 122, по духовному отдѣлу 6, по исторіи 4, по общественной исторіи 2.

Школу посетили 2 сельскія учительницы, собирающіяся устроить при своихъ школахъ воскресныя занятія.

Взпорядокъ въ школѣ продолжался. Происходилъ онъ, главнымъ образомъ, оттого, что учительницы, покинувшія свои прежнія группы и ожидающія новыхъ группъ, сочли себя въ правѣ не позаботиться о томъ, что случилось съ ихъ прежней группой, куда присоединена она и присоединена ли и т. д. Къ числу такихъ учительницъ причислялась и я сама, а потому могу говорить не стѣсняясь, что изъ этого вышло. Несчастныя покинутыя ученицы никакъ не могли взять въ толкъ, за что покинула ихъ прежняя учительница, которую такъ любили онѣ и которая, казалось, такъ любила ихъ. Особенно жалки были взрослые дѣвушки: взволнованныя, со слезами на глазахъ, онѣ не знали, куда идти имъ, кому жаловаться, гдѣ искать суда и правды. Впечатлѣнія эти были такъ тяжелы, что, несмотря на неимоверную усталость, которую чувствую я, я общалась своимъ бывшимъ ученицамъ возобновить съ ними занятія съ будущаго воскресенья. Надъ было видѣть при этомъ ихъ лица, ихъ блаженные улыбки, ихъ сияющіе радостью глаза. Онѣ обѣщали мнѣ побывать у всѣхъ своихъ сотоварокъ по школѣ и привлечь ихъ опять къ ученью.

На основаніи вышесказаннаго, я предлагаю собранію сдѣлать такое постановленіе: „Учительница, желающая взять новую группу, въ правѣ принять ее тогда только, когда прежняя ея группа вполне обезпечена“.

Не знаю, получитъ ли мое предложеніе силу, но знаю, что и до этого постановленія нашлись учительницы, которыя дѣйствовали согласно ему. Такъ, напримѣръ, М. И. Г., явившись въ школу передъ своимъ отъѣздомъ, собрала своихъ прошлогоднихъ ученицъ, приняла нѣсколько новыхъ, соответствующихъ имъ по знаніямъ,

объяснила новой учительницѣ, какъ и чѣмъ занималась она, и передала ей группу въ томъ идеальномъ порядкѣ, который, казалось, долженъ былъ бы быть обязательнымъ для каждой изъ насъ.

Позволяю себѣ внести въ этотъ отчетъ и тѣ впечатлѣнія, которыя произвелъ на меня вчерашній пріемъ въ маленькую школу: передо мною стояла толпа оборванныхъ матерей съ грудными дѣтьми на рукахъ, а за платья этихъ матерей цѣплялись маленькія дѣвочки, пылливо глядящія на незнакомыхъ имъ учительницъ, безъ всякой, однако, боязни, такъ какъ эти бѣдныя матери сказали имъ, что ведутъ ихъ въ какое-то хорошее мѣсто, къ какимъ-то хорошимъ людямъ, — и Боже сохрани, если ихъ не примутъ туда по той или иной причинѣ...

Но кто же объяснилъ этимъ бѣднымъ матерямъ, что надо идти въ школу, что надо искать свѣта? Родились ли онѣ съ этимъ инстинктомъ, или всеильный духъ времени задѣлъ и ихъ своимъ крыломъ въ ихъ жалкихъ трущобахъ, въ ихъ тьмѣ и невѣжествѣ?..

— Почему вы не отдали вашу дѣвочку въ городскую школу? — спрашиваетъ учительница, ласково глядя на крошку.

— У меня ихъ пятеро осталось послѣ мужа, — говоритъ въ отвѣтъ женщина съ груднымъ ребенкомъ и ничего не добавляетъ къ этому, такъ какъ все ясно...

— Это ваша впускъ? — спрашиваетъ учительница старуху, лицо которой изрыто морщинами, а худыя жилистыя руки дрожатъ.

— Впускъ, — отвѣчаетъ она какъ-то сурово.

— А вы сами чѣмъ занимаетесь?

— Въ кухаркахъ живу у мѣщанъ.

— Почему жъ бы вамъ не отдать ее учиться въ ежедневную школу? — говоритъ учительница.

Горькая улыбка искривляетъ старческое лицо.

— Два рубля въ мѣсяцъ получаю, — говоритъ она лаконически, — на обувь не хватаетъ, а она сирота, — покойная дочь мнѣ ее оставила, а отецъ, Богъ его знаетъ гдѣ...

— Платить сколько-нибудь надо? — спрашиваетъ оборванный отецъ.

— Нѣтъ, только 10 копѣекъ дадите ей на тетрадь, — отвѣчаетъ учительница.

Лицо бѣдняка озаряетъ довольная улыбка.

— Это ничего не значитъ, — говоритъ онъ тономъ чловѣка, который въ силахъ еще заработать гривенникъ и отдать его на просвѣщеніе дочери...

Дѣвочка, лѣтъ 13—14, ученица напей воскресной школы, умоляетъ со слезами на глазахъ принять ее маленькую сестренку, которой на видъ 6—7 лѣтъ.

— Я выучила ее азбучкѣ, — убѣждаетъ она учительницу, — и дальше бы учила, дадохнуть самой некогда. Вы лучше меня исключите изъ воскресной школы, а ее примите...

Толпа такъ густа, что, несмотря на отворенныя окна, воздухъ становится все душнѣе и душнѣе, и я чувствую, что сейчасъ мнѣ сдѣлается дурно. Я пробираюсь сквозь эту толпу и слышу моленія матерей о томъ, чтобы дѣти ихъ не были отвергнуты. Онѣ низко кланяются мнѣ, онѣ протягиваютъ ко мнѣ свои исхудалыя рабочія руки... И на улицѣ я слышу еще слезы, дрожащія въ ихъ голосахъ, и вижу ихъ лица, полныя мольбы и робкой надежды...

Х. Алчевская.

Изъ дневника Х. Д. Алчевской.

Посвящается памяти Н. А. Варгунина.

Жизнь приучаетъ насъ къ утратамъ и потерямъ; но есть утраты настолько тяжелыя, что помириться съ ними, привыкнуть къ нимъ почти невозможно. Такою именно утратою является для насъ смерть выдающагося общественнаго дѣятеля, Николая Александровича Варгунина, скончавшагося 8-го сентября 1897 г., 45 лѣтъ отъ роду. Человѣкъ этотъ былъ полонъ еще жизни, силъ и энергіи и сошелъ съ поля общественной дѣятельности въ день закладки того грандіознаго учрежденія, которое являлось для него излюбленнымъ дѣтищемъ, осуществившейся мечтою многихъ лѣтъ. Впрочемъ, одинъ ли народный театръ обязанъ ему своею жизнью?! Мы видимъ рядъ просвѣтительныхъ учреждений, въ которыхъ глубоко чтимый Николай Александровичъ былъ инициаторомъ и душою.

Скорбно переживая эту тяжелую утрату, я прежде всего останавливаюсь мыслями на дѣлѣ, особенно близкомъ мнѣ, — на воскресной школѣ. Помню, я встрѣтилась въ первый разъ съ Николаемъ Александровичемъ, много лѣтъ тому назадъ, въ Петербургѣ. И тогда уже (это было въ 1881 году) за нимъ прочно установилась репутація выдающагося общественнаго дѣятеля. Онъ привѣтливо выдалъ мнѣ входной билетъ на посѣщеніе такъ-называемыхъ участковыхъ воскресныхъ школъ. Школы эти не удовлетворили меня, о чемъ я и говорила подробно Н. А. Помню, съ какимъ вниманіемъ слушалъ онъ меня; съ какимъ интересомъ разспрашивалъ о нашей воскресной школѣ; какъ говорилъ, что пріѣдетъ къ намъ поучиться. Скромность, мягкость и гуманность были отличительными чертами этой глубоко-благородной натуры. И дѣйствительно, онъ привелъ въ исполненіе свое намѣреніе побывать въ Харьковѣ. Безъ красивыхъ фразъ, безъ апломба столичнаго дѣятеля, онъ серьезно и внимательно изучилъ

малѣйшія детали интересовавшаго его дѣла. Онъ не только присутствовалъ на урокахъ, не только посѣщалъ наши педагогическія собранія, но каждая отчетная тетрадка, каждый статистическій бланкъ привлекали его вниманіе. Собственно говоря, Харьковъ не могъ дать ему ничего новаго, — это былъ человѣкъ вполне сложившійся, съ установившимися убѣжденіями, съ педагогическимъ опытомъ, со свѣтлыми планами, постоянно созрѣвавшими въ его свѣтлой головѣ; но его посѣщеніе провинціального города Харькова какъ-то согрѣло всѣхъ насъ и ободрило.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ открылъ тамъ воскресную школу на Шлиссельбургскомъ трактѣ. Впрочемъ, говоря „школу“, я выражаюсь неправильно: Николай Александровичъ организовалъ у себя цѣлый рядъ воскресныхъ школъ, мужскихъ и женскихъ, для подростковъ и взрослыхъ, съ цѣлымъ сонмомъ учителей и учительницъ. Получивъ самъ университетское образованіе, Н. А. свято чтить науку и придавалъ огромное значеніе образованности. Вотъ почему, всматриваясь въ составъ преподавателей всѣхъ воскресныхъ школъ въ Россіи, мы видимъ только въ воскресныхъ школахъ Фарфоровскаго попечительства людей исключительно съ высшимъ образованіемъ. А какъ подобные люди нужны народу, какъ сознательно идутъ они служить ему, какъ умѣло и толково отвѣчаютъ на его духовныя запросы!.. Н. А. какъ нельзя лучше сознавалъ это и глубоко цѣнилъ своихъ друзей, товарищей по дѣлу. Вся душа его была отдана этому дѣлу; но, входя въ школу, вы не видѣли ни инициатора, ни распорядителя: какой-то симпатичный человѣкъ, съ умными и добрыми глазами и широкой добродушной улыбкой, суетился и бѣгалъ по школѣ съ какими-то дневниками, бумагами, отчетами. Онъ силился, такъ сказать, обнять весь строй школьной жизни и вдохнуть въ него душу живу.

Находясь подъ впечатлѣніями тяжелой утраты и пересматривая свои школьные дневники, я встрѣтила нѣсколько страницъ, посвященныхъ школѣ Н. А. Варгунина въ первый годъ ея существованія (1882 г.). Вотъ что писала я тогда:

„Побывавъ въ школѣ Варгунина, я узнала, что въ 1-й день записалось 150 учениковъ отъ 15-ти до 40-лѣтняго возраста; второе и третье воскресенье посѣщались довольно аккуратно и охотно; четвертое же воскресенье заставляло задуматься, соберутся ли на этотъ разъ ученики, такъ какъ со дня открытія школы рабочіе на фабрикахъ въ первый разъ получали жалованье (событіе, сопровождаемое обыкновенно чуть не поголовнымъ пьянствомъ). Я не могла не замѣтить, что Н. А. Варгунина немало волновало это обстоятельство. Онъ уговаривалъ меня остаться до слѣдующаго воскресенья, но мы

должны были выехать не поздно суббота, и я решила быть в школе хотя бы и при неблагоприятных обстоятельствах.

„Когда мы вошли в школу в 12 ч., в ней не было еще ни одного ученика (в Петербурге воскресные занятия начинаются в 1 часу и оканчиваются в 4 часа), но там суетилась уже распорядительница-учительница, очиня карандаши, своя счеты за покупку перочинных вещей и проч. В другой комнате расхаживал учитель, человек не первой молодости, заложив руки за спину и, видимо, погруженный в какие-то соображения. В третьей комнате два молодых девушки с розовыми от мороза щеками (они только что приехали по конке за 10 верст) оживленно спорили с молодым человеком-учителем. — „Конечно, к вам придут, — говорил он горячо, продолжая начатый спор, — ведь, у вас есть старшие 16 лет! В эти годы редко бывают нянницами!“

„В 4-й комнате мы увидели П. А. Варгушина и двух священников-законоучителей школы. Здесь тоже продолжался начатый разговор. Не желая мешать им, мы быстро прошли в другую комнату. Наконец, появился первый ученик, в розовой рубашке, с красным шерстяным шарфом на шее, с бледным одутловатым лицом и сонливым видом, лет 15—16-ти. Мальчик, тот же оказался учеником именно той учительницы, которой учитель завистливо предрекал удачу. Вслед за ним появился другой, третий, и в половине первого, раньше, чем нужно, образовалась группа в полном своем составе. Учительница ходила счастливая и улыбающаяся; учитель с видимым нетерпением поглядывал на входную дверь. Наконец, потинулись и взрослые, бородатые ученики; они входили чинно, точно в церковь, широко крестились и тихо садились на места. В 1 час в школе оказалось около 10 преподающих, 70 учащихся и несколько человек, заинтересованных делом и близко стоящих к нему.

„Меня пригласили на урок учителя не первой молодости. Пред нами предстала аудитория, где находилось от 25 до 30 взрослых людей; все они поступили неграмотными. Рядом со смуглым человеком со впалыми щеками, но богатырскими плечами и грудью, сидел худощавый малый, так прилежно выводивший буквы на доске, что соседка его видимо разбирала зависть; и когда я взглянула в их работу, он не выдержал и замечтил как бы в свое оправдание: „Ему хорошо — он у станка стоит, а у нас работа кузнечная, тяжелая; через это никак с пальцами не совладаешь!“ За ним сидел мужик с бородой, похожий на кучера, да еще — толстый, приземистый человек лет сорока. Крупные капли пота выступили у него не то от напряжения, не то оттого, что он

был одет в какое-то теплое пальто и подпоясан, как это делают мелкие торгаша на мороз. Рядом с ним сидел молодцоватый пареня в красной рубашке и блестящих лакированных сапогах. Все они напряженно сосредоточились на одной точке — на классной доске и были, очевидно, одушевлены одной целью — научиться грамоте. „А отчего твоего товарища нет?“ — спрашивал учитель пожилого человека, очень приличного вида, когда мы входили в класс. Тот минуту помолчал, собираясь, видимо, с духом, а затем сказал не без запинки: „Признаться, выпивши... жена не пустила, говорит: что ты пойдешь школу срамить!“ — „А почему нет такого-то?“ — спросил учитель, называя ученика по фамилии и, видимо, довольный, что у него не достает сегодня всего 2—3 учеников. — „В рекруты взяли, гуляет“, — отозвался кто-то печально.

„Учитель подошел к классной доске и начертил букву. — Что это такое? — „М“ — пробормотала аудитория. Он написал другую. — А это? — „а“. — Вместе? — „Ма“. Учитель поставил черточку. — Это? — „п“. — Это? — „а“. — Вместе? — „ша“. — Прочитайте все слово. — „Ма-ша“, читали раздельно, но сознательно ученики. — Теперь напишем другое слово. — „Напишем“, — отозвался кто-то, весь погруженный, очевидно, в работу. — Это? — „ш“. — Это? — „п“. — Вместе? — „ши“. — Это? — „л“. — Это? — „а“. — Вместе? — „ла“. — Прочитаем все вместе. — „Ма-ша ши-ла“. — Что вышло? — „Маша шила“, — произносят ученики вполне сознательно и довольные результатами работы. То же было написано у них и в тетрадях. Учитель придерживается „Новой азбуки“ Толстого и, очевидно, слѣдует буквослагательному способу. На каллиграфию он не обращает внимания, и потому ученики пишут некрасиво. Но кто был у него в классе, кто видел оживление, которое не покидает его ни на минуту, кто слѣдил, как умел он ободрить, облагать взрослого человека, тот простит ему это отсутствие новшеств, тем более, что его многочисленная аудитория на пятое воскресенье вполне сознательно читает и пишет фразы в два и три слова, составленные, разумеется, из знакомых ей букв. Что же мешает этот учитель с пропустившими или отставшими учениками, чтобы они не тормозили класса? О, на это у него много средств: во-первых, каждое воскресенье один час он посвящает исключительно повторению пройденного; во-вторых, предлагает более слабым ученикам оставаться после четырех часов и, наконец, советует забывать к кому-либо из преподающих на часок-другой вечером в продолжение недели. И вот, так или иначе, вы видите перед собою совершенно ровный класс. — „Слушайте, ребята. —

говорить учитель на второмъ часѣ, обращаясь вполне дружески къ своей аудиторіи, — подождемъ, что ли, товарищей, которые нынче не пришли, или нѣтъ? — „Зачѣмъ ждать, не нужно“, — замѣчаетъ одинъ изъ учениковъ. „Они будутъ баловаться, а ты жди!“ — добавляетъ другой. „Нѣтъ, ужъ вы дальше покажите, сдѣлайте милость!“ — говоритъ третій. „Какъ еще двѣ буквы узнаемъ, веселѣе дѣло пойдетъ!“ — добавляетъ четвертый. „Я и самъ, братцы, признаться сказать, такъ думаю, — замѣчаетъ учитель и идетъ приотворить дверь въ другую комнату, откуда доносится громкій голосъ учителя. — Слышите, тамъ „молодецъ“ кому-то говорятъ; значить, хорошо идетъ!“ — говоритъ онъ весело. „Нѣтъ, я такъ замѣчаю, что у насъ *тверже* идетъ“, — отвѣчаетъ одинъ изъ пожилыхъ учениковъ съ чувствомъ гордости за свой классъ. „Выходите, господа, поочередно къ доскѣ“, — говоритъ дружески учитель. Первымъ выходитъ старательный кузнецъ съ одеревенѣлыми пальцами. Онъ беретъ мѣлъ, нервно улыбается и не рѣшается поднять руку для проведенія первой черты. „Ничего, ничего, смѣлѣе, — ободряетъ его учитель, — похлопывая пріятельски по плечу, — ну, не такъ выведешь, что за бѣда! Разъ не такъ, другой не такъ, а послѣ и такъ. Сразу ничему нельзя научиться“. Кузнецъ рѣшается и выводитъ пребезобразную букву, но никто не смѣется, каждый погруженъ въ собственные каракули на тетрадяхъ.

„Арифметикѣ учитель тоже учить по-своему: каждый ученикъ вооруженъ счетами, а учитель — кускомъ мѣла. Онъ пишетъ на классной доскѣ то, что ученики кладутъ на счетахъ, объясняетъ значеніе мѣста въ нумераціи, значеніе нуля, и, такимъ образомъ, ученики дошли теперь, въ пятосъ воскресенье, до 1.000 и, къ своему величайшему удовольствію, умѣютъ писать ее.

„Ознакомясь въ достаточной степени съ приемами преподаванія талантливаго учителя, я перешла въ смежный классъ. Тутъ занималась одна изъ опытныхъ учительницъ городскихъ школъ, не первой молодости. Группа ея состояла изъ подростковъ и взрослыхъ. Она толково и увѣренно вела классъ. Въ эту минуту дверь приотворилась; какая-то полупьяная фізіономія заглянула въ нее и, сдѣлавъ учительницѣ вызывающій знакъ рукой, притворила дверь. Учительница быстро подошла и спросила; „Что вамъ нужно?“ — „Простите, матушка, — говорилъ почтительно сильный голосъ, — нездоровъ я сегодня, хмеленъ; только вы меня, Бога ради, не вычеркивайте: будь я проклятъ, приду въ будущее воскресенье!“ Онъ тихонько притворилъ дверь и скрылся. Урокъ кончился. Мнѣ захотѣлось еще разъ взглянуть, что дѣлается у учителя, и я вошла въ его классъ. Онъ предлагалъ своимъ ученикамъ оставаться для занятій на 4-й часъ.

Оказалось, что желаютъ остаться не только отстающіе, а и весь классъ, за исключеніемъ одного, который, вытянувшись во весь свой огромный ростъ, сказалъ почтительно, какъ маленькій ребенокъ: „Позвольте мнѣ домой уйти: я въ 4 часа гостей къ себѣ позвалъ?“ — „Ступайте, — сказалъ весело учитель, — мы будемъ повторять только старое“.

Беру еще одну выдержку изъ своего дневника уже за 1889 г., когда я вторично посѣтила воскресную школу Н. А. Варгунина.

„За длиннымъ столомъ, окаймленнымъ скамьями, сидѣло 18 взрослыхъ учениковъ, возрастомъ отъ 20 до 40 лѣтъ. Здѣсь были и безбородые еще парни, и мужчины съ бородами, и даже съ просѣдою, и цегольскія синія поддевки, и высокіе сапоги, и потертые пиджаки, и пальто. Однообразіе замѣчалось только въ поворотѣ головы и въ пристально сосредоточенномъ взглядѣ, обращенномъ къ учительницѣ. Передъ классомъ стояла женщина лѣтъ подъ 30, брюнетка, съ выразительнымъ, умнымъ лицомъ. На столѣ были разложены какіе-то камешки, куски гранита и угля. Она держала въ рукахъ одинъ изъ этихъ кусковъ и объясняла классу его происхожденіе и значеніе. Если хотите, ея оживленный и вдохновенный урокъ носилъ характеръ лекціи, но это не былъ лекторъ-педаантъ, недоступный своей аудиторіи; слушатели безпрестанно останавливали ее дѣловыми вопросами и разъясненіями, да и сама учительница, чуткая къ педагогическимъ диссонансамъ, тотчасъ останавливала себя и придавала болѣе популярную форму тому, что прозвучало ей непонятнымъ въ ея собственной литературной рѣчи или научномъ объясненіи. „Попробуй, какая изъ двухъ солей солонѣе“, — говоритъ одинъ взрослый ученикъ другому, подвигая къ нему два куска. „Эхъ, господа, не нашла я для васъ образца гранита, какого искала!“ — замѣчаетъ учительница, рассматривая принесенную коллекцію камней. „Благодаримъ и за это, Евгенія Александровна“, — отвѣчаетъ ей чуйка съ бородой. „Нешто мы не видали колоннъ въ Исаакиевскомъ соборѣ!“ — поясняетъ его сосѣдъ.

„Въ это время, пошатываясь и опираясь на себѣ истрепанный штуртъ, входитъ еще одинъ ученикъ, лѣтъ за 40, съ большой лысиной на головѣ и нѣсколькими уцѣлѣвшими ключьями рѣдкихъ волосъ. Онъ, очевидно, сильно пьянъ, и его умное сморщенное лицо улыбается какъ-то робко и сконфуженно. „Эхъ, Бережковъ, Бережковъ!“ — говоритъ матерински-укоризненно учительница, покачивая головой. Бережковъ плетется дальше и садится поодаль отъ другихъ, опустивъ голову. Урокъ продолжается. Учительница снова овладѣла вниманіемъ класса и образно и съ увлеченіемъ говоритъ о доменныхъ печахъ. „Хорошо ли допускать въ классъ пьянаго чело-

вѣка? — резонирую я въ это время мысленно, сравнивая школу съ церковью и требуя къ ней тѣхъ же почтительныхъ отношеній. А Бережковъ, между тѣмъ, оправившись отъ перваго конфуза и увлеченный разсказомъ учительницы, поднялъ уже самоувѣренно голову и силится вмѣшаться съ собственнымъ объясненіемъ знакомаго ему, очевидно, дѣла. „Помолчите, Бережковъ, ужъ вамъ почего нынче много разговаривать“, — останавливаетъ его дружески учительница. Но ученикъ не унимается; глаза его горятъ лихорадочнымъ огнемъ, щеки покрываются чахоточнымъ румянцемъ, и онъ безцеремонно перебиваетъ рѣчь своими блестящими отвѣтами и разъясненіями. „И чего учишь!“ — огрызается, наконецъ, парень съ туповатымъ, одутловатымъ лицомъ. — Тебя, что ли, пришли слушать сюда!.. Мы пришли слушать Евгению Александровну, а не тебя“. — „Перестаньте лучше, Бережковъ, — говоритъ кротко учительница, — въ другой разъ будемъ разговаривать“. Ученикъ умолкаетъ и только лукаво улыбается каждый разъ, когда другіе молчатъ или даютъ неудачные отвѣты. „Вотъ видите, Евгения Александровна, — отзывается онъ, наконецъ, въ одну изъ такихъ паузъ, — я бѣ вамъ отвѣтилъ, а вы приказали молчать, вотъ я и молчу“. Его впадые глаза опять загораются лихорадочнымъ блескомъ и, глядя на это умное сморщенное лицо, подернутое саркастической улыбкой, мнѣ кажется, что передо мной гениальный человѣкъ, и я безконечно понимаю учительницу, допустившую его на этотъ урокъ. Въ эту минуту Бережковъ судорожно схватывается за грудь, и приступъ кашля, зловѣщаго, чахоточнаго кашля, потрясаетъ всю его худую, сгорбленную фигуру. „Не дать ли вамъ воды, Бережковъ?“ — говоритъ ему участливо учительница. И, глядя на нее, мнѣ невольно вспоминается война и сестры милосердія. „А жизнь не та же ли война? — скорбно думается мнѣ. — Не та же ли это борьба съ нищетой, порокомъ и страданіемъ; и не нужны ли въ ней также сестры милосердія?..“

„Измученный до послѣдней крайности приступомъ кашля, Бережковъ припадаетъ головой къ столу, и трудно рѣшить, спитъ онъ или нѣтъ, между тѣмъ, какъ сестра милосердія, вѣрная своему призванію, продолжаетъ вести урокъ и говорить о золотѣ. „Золото, золото... — бормочетъ невнятно Бережковъ. — Много горя на свѣтѣ отъ этого золота... добываютъ его съ горемъ въ землѣ, добываютъ его съ горемъ на землѣ; должно-быть, самъ дьяволъ придумалъ его...“ И онъ опять безсильно опускаетъ голову и какъ будто спитъ. „Не серебро, а серебро“, — поправляетъ онъ опять кого-то. Между тѣмъ, учительница, предпославъ чтенію свою прекрасную бесѣду, раздаетъ ученикамъ книгу Баранова и указываетъ страницу, на которой написано: „Кремень и другіе камни“. „Глина“.

„Почва“. „Соль“. „Металлы“. Ученики начинаютъ читать медленно-премедленно, сбиваясь и коверкая слова. „Неужели это малограмотные люди? — съ удивленіемъ думается мнѣ. — Неужели и Бережковъ, произнесшій чуть не лекцію о доменныхъ печахъ, тоже малограмотенъ? Откуда же эти блестящіе отвѣты, доказывающіе умъ и развитіе, эта наблюдательность къ явленіямъ природы и всему, насъ окружающему, это уваженіе къ наукѣ и словамъ наставницы? Неужели все это почерпнуто изъ книги жизни и вызвано умѣлымъ преподаваніемъ учительницы, и кто она, наконецъ, эта учительница; откуда въ ней самой столько энергіи и жизни, соединенныхъ съ достоинствомъ, простотой и увѣренностью? Въ ней нѣтъ ни нервности, ни обычныхъ слѣдовъ педагогическаго переутомленія, ни малѣйшей рутинности въ приемахъ, ни подражательности въ методѣ преподаванія. Откуда все это?.. Нѣтъ, это не просто хорошая учительница, это человѣкъ, увлеченный излюбленнымъ дѣломъ, человѣкъ, не надломленный жизнью, человѣкъ — учитель по призванію.

„Совершенно очарованная, я вышла изъ класса и подѣлалась громко, при всѣхъ, своимъ впечатлѣніемъ съ Н. А. Варгунинымъ.

„Занятія кончились. Я вошла въ общую комнату и застала такую картину: всѣ учителя и учительницы громко разговаривали о пьесахъ Островскаго и о томъ, какую изъ нихъ легче поставить на домашнемъ спектаклѣ въ пользу школы. Николай Александровичъ говорилъ кому-то о значеніи народнаго театра и доказывалъ, что народу нужна не только школа, но и разумныя праздничныя развлеченія“.

Мечта его осуществилась. Но въ тотъ день, какъ происходила реальная закладка того, что было его мечтой, не стало радѣтеля народной нужды, не стало дорогого для всѣхъ насъ и глубоко чтимаго Николая Александровича. Онъ умеръ одинокимъ человѣкомъ, но какъ велика семья его друзей, почитателей, послѣдователей; какъ искренни, горячи и сознательны слезы, пролитыя надъ его могилой!..

Новыя воскресныя школы.

Первыя воскресныя школы возникли, какъ извѣстно, въ 1859 году и стали быстро распространяться по всей Россіи. Это было цѣлое движеніе, быстро разросшееся вслѣдствіе благоприятныхъ условій времени; но уже въ 1862 г. движеніе это прекратилось — правительство закрыло всѣ воскресныя школы. Удержалась только Харьковская частная женская воскресная школа, существовавшая частнымъ образомъ до 1870 г., когда она была официально разрѣшена. Въ

этомъ же году открылась въ Петербургѣ Владимирская воскресная школа С. С. Старынкевичъ. Затѣмъ втеченіе 12 слѣдующихъ лѣтъ открыто было всего 43 школы, такъ что сравнительно быстрое развитіе дѣла воскресныхъ школъ пошло собственно съ 1892 г.; втеченіе слѣдующихъ 7 лѣтъ, сколько намъ извѣстно, открыто 195 школъ, т.-е., среднимъ числомъ, по 28 школъ на годъ *). Ниже мы остановимся на подробностяхъ открытія воскресныхъ школъ за три послѣдніе года.

Изъ 93 губернскихъ городовъ Европейской и Азіатской Россіи по 1898 г. 59 имѣли воскресныя школы. Изъ нихъ въ 1896 и 1897 гг. открылись слѣдующія воскресныя школы:

Женская воскресная школа въ *Казани*, руководителемъ которой является профессоръ духовной академіи Н. И. Ивановскій, повидимому, создавалась и будетъ итти по типу существующихъ воскресныхъ школъ; нѣчто же оригинальное представляетъ мужская воскресная школа въ Казани. Во главѣ ея стоитъ профессоръ университета А. И. Александровъ; преподавателями являются студенты духовной академіи въ числѣ 42 человекъ. Уже на третій день занятій учащихся было больше 150 человекъ; изъ нихъ только около 30-ти малолѣтнихъ, остальные въ возрастѣ отъ 15 до 48 лѣтъ. Учащіеся по обыкновенію оказались самыхъ разнообразныхъ познаній; но интересно то, что 16 человекъ изъ нихъ явились готовиться на званіе учителя церковно-приходской школы, они и составили старшую группу. Едва открывшись, школа создала уже и свое филиальное отдѣленіе, именно: открыла занятія въ самомъ зданіи академіи для служащихъ въ ней; желающихъ учиться оказалось больше 30 человекъ. Занятія происходятъ въ служительскихъ комнатахъ, въ послѣобѣденное время, ежедневно, кромѣ субботы, если только какія-либо служебныя дѣла не отвлекаютъ учениковъ на сторону. Юные преподаватели съ большою энергіей взялись за дѣло; они внимательно всматриваются въ него, заботливо обсуждаютъ всѣ возникающіе вопросы, трепетно относятся ко всѣмъ сторонамъ дѣла, стараются охранить молодую школу отъ всѣхъ опасностей, укрѣпить и развить ее.

Они же приняли на себя въ количествѣ 10 человекъ веденіе воскресной школы въ Адмиралтейской слободѣ, отстоящей отъ Казани въ 6 верстахъ. Школа эта смѣшанная, т.-е. имѣетъ учащихся и мужского, и женскаго пола; открыта она 9-го февраля и насчитываетъ

*) Приведенныя цифры касаются городскихъ воскресныхъ школъ, существующихъ по настоящее время; за указанный же промежутокъ времени были, конечно, школы, которыя, просуществовавъ нѣкоторое время, по тѣмъ или инымъ причинамъ закрывались.

васть до 80 учащихся. На помощь студентамъ въ преподаваніи пришли мѣстные учителя и учительницы.

Женская воскресная школа въ *Вяткѣ*, несмотря на опасенія организаторовъ ея, къ первому же дню занятій привлекла 75 человекъ; преподавать вызвалось 21 лицо. Школа встрѣтила сочувствіе у учебнаго начальства, а также у губернатора и преосвященнаго. Вотъ, что читаемъ мы объ открытіи школы въ мѣстной газетѣ „Вятскій Край“:

„Въ воскресенье, 17-го ноября 1896 г., въ зданіи перваго приходского училища, въ присутствіи г. начальника губерніи, преосвященнаго Алексія и другихъ приглашенныхъ, состоялось открытіе еще первой въ Вяткѣ воскресной женской школы. Къ назначенному часу въ помѣщеніе, предназначенное для школы, собрались почетные гости, будущія ученицы, учителя и учительницы. Начался молебенъ. Немного необычное, но глубоко отрадное впечатлѣніе производила собравшаяся пестрая разновозрастная толпа женщинъ. Въ первыхъ рядахъ пестрятъ яркія платица дѣвочекъ, мелькаютъ взъерошенные головки, и блестятъ дѣтскіе глазки. Дальше чинно и серьезно стоитъ группа взрослой молодежи, а въ самый уголокъ скромно забились тѣ, въ которыхъ ни годы, ни заботы не успѣли загасить сознанія правдивости народнаго афоризма—„вѣкъ живи, вѣкъ учись“.

Послѣ водосвятія преосвященный Алексій обратился къ учащимъ съ простымъ, теплымъ и задушевнымъ словомъ, указавъ на высоту и нравственную прелесть принятыхъ ими на себя обязанностей. „Сплошь и рядомъ у насъ воскресный день отмѣчается обѣдами, развлеченіями и т. п. Вы избрали его для того, чтобы подѣлиться своимъ достоинствомъ съ бѣдняками. И достоинствомъ не матеріальнымъ, а высшимъ человѣческимъ благомъ—знаніемъ... Богъ благословитъ васъ за это!..“ Затѣмъ, благословляя учащихся, владыка высказалъ увѣренность въ успѣхѣ дѣла и при этомъ сослался на собственный примѣръ, съ удовольствіемъ вспоминая то время, когда онъ, будучи еще студентомъ, занимался въ одной изъ такихъ же воскресныхъ школъ въ Петербургѣ и по этому своему опыту хорошо можетъ оцѣнить значеніе воскресной школы и для учащихся въ ней, и для народа. Г. директоръ народныхъ училищъ рекомендовалъ учащимся, въ интересахъ успѣшности обученія, дорожить учебнымъ временемъ и не пропускать занятій.

Торжество открытія кончилось, и началась бодрая, энергичная работа пріема желающихъ учиться и провѣрка ихъ знаній для распредѣленія на группы.

Одна женщина пришла вмѣстѣ со своимъ шестилѣтнимъ сынишкой.

- Мнѣ его дома не на кого оставлять. Примите ужъ и его!
- Что жъ онъ здѣсь дѣлать будетъ?
- Да вы его не записывайте, а пускай учится; еще, коли я чего не пойму, такъ онъ дома растолкуетъ.
- Въ дверяхъ несмѣло переминаются нѣсколько взрослыхъ парней.
- А насъ сюда принимать не будутъ?
- Нѣтъ, это школа только для женщинъ.
- А для насъ этакой пользы?..
- Для мужчинъ открывается школа на заводахъ.
- Да, вѣдь, и въ городу много бы народу учиться стало...
- Ну, потерпите; дастъ Богъ, найдется кому и объ васъ подумать...

— Спасибо! Извините! — И парни, улыбувшись полуразочарованно, уходятъ вслѣдъ за своимъ настойчивымъ дологомъ.

Съ 1897 года въ *Вяткѣ* дѣйствуютъ уже три воскресныхъ школы. 12-го января открыта мужская воскресная школа, насчитывающая около 70 учениковъ, а 9-го марта — вторая женская; послѣдняя устроена на одной изъ наиболѣе отдаленныхъ окраинъ города для того, чтобы ее имѣли возможность посѣщать жительницы подгородныхъ селеній. Желających учиться явилось 63; изъ нихъ 22 подростка и 41 взрослая; изъ послѣднихъ одна 52 лѣтъ; большинство поступившихъ неграмотны. Преподающими двухъ вновь открытыхъ воскресныхъ школъ являются только пока учащіе учебныхъ заведеній; допущеніе же къ преподаванію лицъ педагогической профессіи чрезвычайно затягивается, о чемъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ въ преподающихъ ощущается большой недостатокъ. Всѣ три вятскія воскресныя школы открыты по ходатайству мѣстной земской управы при ежедневныхъ училищахъ и потому находятся въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія.

12-го января 1897 года въ *Батумѣ*, гдѣ есть уже мужская воскресная школа, открыта женская.

19-го января въ *Астрахани*, открыта учительницами мѣстной гимназіи женская воскресная школа; попечительницей школы согласилась быть супруга губернатора. Уже ко дню открытія въ школу было принято 87 ученицъ; пришли и ученицы, учившіяся въ раньше существовавшей въ Астрахани воскресной школѣ. „Ии до видѣть, — пишетъ одна изъ учительницъ, — ихъ довольныя лица, когда онѣ встрѣчаютъ здѣсь своихъ знакомыхъ учительницъ!“ На третье воскресенье наплывъ ученицъ былъ уже такъ великъ, что многимъ приходилось отказывать за неимѣніемъ мѣстъ; открылся въ Астрахани еще вторая воскресная школа, и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что и она немедленно заполнилась бы желающими учиться. Школа прию-

тилась въ помѣщеніи литературно-драматическаго общества, вслѣдствіе чего ей пришлось пріобрѣтать всю школьную обстановку. Устроители школы не располагали никакими средствами, но общество отзывчиво отнеслось къ нуждамъ нарождающагося дѣла, и пожертвованій собралось до 600 руб., что, при субсидіи города въ 100 руб., оказалось достаточнымъ на первое время.

Въ *Екатеринодарѣ*, гдѣ уже существуютъ женская и мужская воскресныя школы, 2-го февраля открыта еще женская школа на окраинѣ города. Ученицъ черезъ мѣсяцъ по открытіи школы было 60, учительницъ — 8.

2-го марта открыта женская воскресная школа въ *Монкаевѣ*. Мысль объ открытіи школы уже давно бродила среди мѣстной интеллигенціи, нѣсколько лицъ усиленно подумывало объ этомъ и собирало предварительныя справки; поэтому, когда члены комиссіи по устройству народныхъ чтеній съ представителемъ городской управы, собравъ засѣданіе, рѣшили хлопотать объ открытіи школы, къ нимъ сейчасъ же примкнули и другія лица, и составилъ преподавательскій кружокъ въ 17 человекъ. Въ первомъ же засѣданіи почетной попечительницей школы была избрана жена начальника губерніи, М. И. Зиновьева, которая съ готовностью откликнулась на доброе дѣло, собирая у себя предварительныя засѣданія, и не перестаетъ и по открытіи школы принимать въ ней самое дѣятельное и живое участіе. Въ первомъ же учредительскомъ собраніи однимъ изъ членовъ кружка былъ сдѣланъ обстоятельный докладъ о дѣлѣ воскресныхъ школъ. Разрѣшеніе на открытіе школы получено было безъ всякихъ затрудненій отъ мѣстнаго архіерея. Средства школы состояются изъ субсидій города (100 р.), благотворительнаго общества (50 р.) и частныхъ пожертвованій. Желавшихъ поступить въ школу оказалось болѣе 300 человекъ, но такъ какъ помѣщеніе рассчитано всего на 200 учащихся, то многимъ пришлось отказать; рѣшено было принимать ученицъ только съ 13 лѣтъ. Отказы, какъ всегда, вызвали много слезъ, упрековъ и сожалѣній.

16-го марта открыта смѣшанная воскресная школа въ *Ярославѣ*. Школа возникла по инициативѣ одного изъ учителей мѣстной мужской гимназіи; къ нему примкнули преподающіе мужской и женской гимназій и городского училища, а также нѣсколько частныхъ лицъ, незанятыхъ педагогіей по профессіи. Ярославская воскресная школа имѣетъ два отдѣленія: мужское, куда было принято 28 человекъ, и женское — 27 человекъ; каждое отдѣленіе распадается на три группы: неграмотныхъ, полуграмотныхъ и малограмотныхъ; въ каждой группѣ преподаютъ два лица: одно — русскій языкъ, другое — ариметику. Занятія продолжаются отъ 10 до 2 ч. 20 м.;

последній урокъ въ обоихъ отдѣленіяхъ Закона Божія; начинаются же занятія объясненіемъ Евангелія всѣмъ учащимся, продолжающемся полчаса. Инициаторы сначала хотѣли открыть школу при одномъ изъ городскихъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы она была въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, но почему-то подумали, что въ такомъ случаѣ необходимо устраивать ежедневныя вечернія занятія, а это имъ, какъ людямъ очень занятымъ, оказалось невозможно, и они обратились со своимъ прошеніемъ въ епархіальный училищный совѣтъ. Интересно было бы знать, какимъ образомъ участники школы пришли къ такому невѣрному заключенію, отъ кого они могли получить подобную справку въ то время, какъ общеизвѣстно, что при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія могутъ быть открываемы, помимо вечернихъ, именно воскресныя школы, каковыя постоянно и возникаютъ, какъ, напр., три вятскія воскресныя школы, о которыхъ мы писали выше, да и мн. др.

31-го августа 1897 г. при одномъ изъ начальныхъ училищъ *и Одессы* открылась на средства города воскресная мужская школа, въ которую записалось свыше 100 человѣкъ.

Въ *Саратовѣ*, гдѣ существуютъ двѣ смѣшанныя воскресныя школы, 14-го сентября открыта при одномъ изъ городскихъ училищъ мужская воскресная школа. Учениковъ записалось 162, все взрослыхъ (отъ 17 до 48 л.); большинство изъ нихъ желѣзнодорожные рабочіе. Въ виду этого, при школѣ проектируются техническіе классы. Большинство преподающихъ служащіе на желѣзной дорогѣ. Средствъ собрано до 600 рублей. На открытіи школы рабочіе въ теплыхъ словахъ благодарили участниковъ школы за то, что послѣдніе „о нихъ вспомнили“. „Теперь будемъ стараться, — пишетъ одна изъ участницъ новой школы, — чтобы рабочіе сказали намъ спасибо, когда будутъ уходить изъ школы, получивъ въ ней нужныя для нихъ свѣдѣнія“.

Въ Покровской слободѣ, лежащей за Волгой противъ Саратова, открыты двѣ воскресныхъ школы по инициативѣ инспектора народныхъ училищъ.

Въ *Клугѣ*, гдѣ была уже мужская воскресная школа, 26-го октября открыта женская.

7-го декабря 1897 года въ *Вологдѣ* открыта женой директора народныхъ училищъ женская воскресная школа. Вотъ что пишетъ Х. Д. Алчевской учредительница школы: „Всегда сочувствуя народному образованію и наслышавшись отъ лицъ, посѣтившихъ Нижегородскую выставку, о вашемъ павильонѣ, а затѣмъ прочитавъ брошюру г. Абрамова, изъ которой я узнала, что воскресная школа не требуетъ много средствъ и можетъ быть учреждена при какомъ-

либо училищѣ, я задумала непременно открыть воскресную школу женскую, такъ какъ въ Вологдѣ женскихъ училищъ мало. Потомъ, узнавъ о готовности мѣстныхъ учителей и учительницъ преподавать въ воскресной школѣ безцѣльно и понадеясь на будущія пожертвованія и сборы съ благотворительныхъ спектаклей и концертовъ, и рѣшила этого дѣла не откладывать и въ ноябрѣ 1897 года подала прошеніе объ открытіи женской воскресной школы г. инспектору народныхъ училищъ, отнесшемуся къ моей просьбѣ весьма сочувственно. Послѣ полученія разрѣшенія 7-го декабря того же 1897 года совершилось уже открытіе нашей первой въ губерніи воскресной школы. Молебствіе совершалъ преосвященный вмѣстѣ съ будущими законоучителями воскресной школы, которыхъ шесть человѣкъ. Присутствовали на открытіи предводитель, губернаторъ, городской голова, директоръ и инспекторъ народныхъ училищъ и другіе представители и любители просвѣщенія. Зная, что воскресная школа не имѣетъ никакихъ средствъ, г. губернаторъ, благодаривъ меня за открытіе первой въ его губерніи воскресной школы, предложилъ тутъ же подписку въ ея пользу, давшую болѣе 60 рублей, изъ которыхъ мы и уплатили за взятыя къ этому дню въ кредитъ учебныя пособія и классныя принадлежности на 50 ученицъ, ибо ихъ было на открытіи уже 45 человѣкъ. Въ настоящее же время въ школѣ 114 ученицъ разныхъ возрастовъ, старше 13 лѣтъ, такъ какъ школа наша предназначена для взрослыхъ. Ученицы аккуратно посѣщаютъ уроки, и многія приходятъ даже изъ окрестныхъ деревень. Учатъ въ женской воскресной школѣ бесплатно преимущественно учителя и учительницы начальныхъ училищъ (первыхъ большее число), но есть и трое постороннихъ; всѣхъ же преподающихъ вмѣстѣ со священниками 25 человѣкъ. Уроки продолжаются отъ 12 ч. до 3 ч. дня, и, на мой взглядъ, успѣхи ихъ замѣчательны: совсѣмъ безграмотныя 30—40-лѣтнія женщины за 13 воскресній, при чемъ первый урокъ бываетъ Законъ Божій, выучились читать, пройдя весь букварь Некрасова-Ермина, писать по двумъ линейкамъ и считать устно, письменно и на счетахъ до 100 (сложеніе). Какъ видите, моя инициатива и труды скромныхъ участниковъ, дѣятелей на попринцѣ народнаго образованія, принесли пока очень хорошіе результаты. Надежды мои на пожертвованія и сборы также оправдались уже: еще 2-го февраля былъ данъ любителями спектакль въ пользу женской воскресной школы, принесшій чистаго сбора 50 рублей; да еще, по моему ходатайству, губернское земство ассигновало пособія школѣ тоже 50 рублей. Такимъ образомъ, женская воскресная школа въ Вологдѣ на первое время обеспечена“.

16-го февраля 1897 года въ *Владивостоки* была открыта мужская воскресная школа, явившаяся первой воскресной школой на этой далекой окраинѣ. Толчкомъ къ открытію школы послужила лекція о харьковской воскресной школѣ, прочитанная однимъ изъ преподавателей гимназій, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшимъ изъ Европейской Россіи, гдѣ онъ принималъ участіе въ одной изъ воскресныхъ школъ. Инициативу открытія школы и содержаніе ея взяло на себя мѣстное общество народныхъ чтеній, за короткое время своего существованія успѣвшее энергично развить свою дѣятельность. Къ сожалѣнію, и во Владивостокѣ не обошлось безъ тѣхъ осложнений, миновать которыхъ удастся рѣдкой воскресной школѣ. Казалось бы, дѣло должно было пойти гладко и хорошо: нашлось удобное помѣщеніе и средства, явились ученики, не было недостатка въ желающихъ преподавать въ школѣ. Но вотъ изъ состава преподающихъ воскресной школы должны были выйти всѣ учительницы женской гимназій, такъ какъ начальница ея запретила имъ участвовать въ воскресной школѣ; начальница полагала, что учительницамъ не подобаетъ учить „мужиковъ“, портовыхъ рабочихъ, народъ испорченный; они, молъ, могутъ задать такіе вопросы, на которые учительницы не найдутся отвѣтить. Директоръ мужской гимназій пришелъ къ заключенію, что преподавателямъ гимназій слѣдуетъ по воскресеньямъ заниматься не въ воскресной школѣ, а съ неуспѣвающими гимназистами. Особенно характерно то, что именно этому директору, за отсутствіемъ въ Приморской области инспекцій народныхъ училищъ, было поручено генералъ-губернаторомъ, разрѣшившимъ воскресную школу, руководство ею. Вскорѣ, однако, директоръ отказался отъ руководства школой на томъ основаніи, что „встрѣтилъ своимъ благимъ мѣрамъ препятствіе“. И такъ, соединенными усиліями начальницы и директора гимназій воскресная школа была лишена значительной части своихъ преподавателей, но оставшіеся нашли въ себѣ достаточно силъ и энергіи, чтобы вести дѣло и даже расширить его съ наступленіемъ новаго учебнаго года.

Въ противовѣсъ только что рассказанному, безынтересно извѣстіе о томъ, что въ г. *Опочкѣ*, Псковской губ., съ разрѣшенія попечителя петербургскаго учебнаго округа, открыта 5 октября 1897 г. женская воскресная школа *при мѣстной прогимназій*; преподаваніе въ воскресной школѣ ведетъ весь наличный педагогическій персоналъ прогимназій вмѣстѣ со многими другими лицами.

Въ *Суджѣ*, Курской губ., при мѣстномъ благотворительномъ обществѣ въ сентябрѣ 1896 г. открыты сразу двѣ воскресныя школы въ одномъ помѣщеніи, при одной распорядительницѣ, такъ что занятія въ женской школѣ происходятъ отъ 12 до 4 ч. дня, а въ

мужской — отъ 5 до 9 ч. вечера. Несмотря на отсутствіе печатныхъ объявленій, учащихся ко второму дню занятій было уже до 60 человекъ. Распорядительница школы рассказываетъ слѣдующій трогательный фактъ: „Пріемъ учащихся происходилъ 1-го сентября, отъ 12 до 4 ч. дня, въ отведенномъ для воскресной школы уѣздномъ училищѣ. Въ 9 ч. вечера въ мою квартиру позвонили; выйдя, я увидѣла шесть дѣвушекъ, желавшихъ записаться въ школу. Я спросила, почему онѣ не пришли днемъ. „Мы не знали о школѣ до самой этой минуты, — отвѣчали онѣ. — Пожалуйста, запишите насъ: мы не хотимъ, чтобы кто-нибудь думалъ, будто мы не хотимъ записаться и учиться сразу“. Въ этомъ отвѣтѣ для меня было такъ много радостнаго, что дѣвушки были, конечно, тотчасъ же записаны“.

Въ *Примухахъ*, Полтавской губ., воскресная школа открылась 1-го сентября 1896 г., а 29 сентября ученицъ было уже 134; десять изъ нихъ, несмотря на желаніе учиться, должны были отстать отъ школы; изъ нихъ, напр., одна женщина пришла въ школу только одинъ разъ съ двухлѣтней дочерью, которую не на кого было оставить дома; увидѣвъ, что ребенокъ мѣшаетъ и ей, и другимъ, она больше въ школу не явилась. Прилукская школа возникла по инициативѣ нѣсколькихъ учительницъ женской гимназій и при содѣйствіи городского головы, который возбудилъ въ думѣ вопросъ о воскресной школѣ и по уполномочію думы исходатайствовалъ открытіе ея. Когда помѣщеніе городского училища стало, вслѣдствіе наплыва ученицъ, недостаточнымъ, подѣ занятія былъ уступленъ находящійся въ томъ же зданіи залъ городской управы, что дало возможность продолжать пріемъ ученицъ. Фактъ тѣмъ болѣе отрадный, что воскреснымъ школамъ слишкомъ часто приходится страдать отъ нежеланія того или другого вѣдомства дать помѣщеніе подѣ воскресныя занятія.

Изъ *Ефремова*, Тульской губ., пишутъ: „Наша женская воскресная школа открылась при 154 ученицахъ; не знаемъ, чему и приписать такой наплывъ. Мы думали, что придется начинать не больше, какъ съ 5 ученицами, особенно въ виду того, что общество недоброжелательно отнеслось къ школѣ: многимъ школа казалась совсѣмъ ненужной; намъ предсказывали, что въ нашу школу никто не пойдетъ. Для пріобрѣтенія большаго сочувствія общества, пришлось сдѣлать уступку — открыть при школѣ руководѣльные классы“. „Прошеніе объ открытіи школы было подано въ училищный совѣтъ 2-го сентября 1896 г., а разрѣшеніе получено только 27-го сентября“, — прибавляетъ нашъ корреспондентъ. Инициаторамъ дѣла, горячо взявшимся за него, такой срокъ и можетъ казаться продолжительнымъ, но

тому, кто знаетъ лицъ, хлопотавшихъ цѣлыми годами объ открытіи воскресной школы и не всегда достигавшихъ цѣли, тому условія открытія названной школы, конечно, покажутся чрезвычайно благоприятными, и можно только всѣмъ сердцемъ пожелать, чтобы вездѣ они были таковы.

Открытая въ *Бузурусланѣ*, Самарской губ., 17-го ноября 1896 г., женская воскресная школа черезъ мѣсяцъ имѣла уже 89 ученицъ и 15 преподающихъ.

7-го января 1897 г. въ г. *Нѣжинѣ*, Черниговской губ., открыты женскіе вечерніе классы по образцу мужскихъ воскресныхъ классовъ, существующихъ тамъ съ 1893 г. Исторія возникновенія женскихъ вечернихъ классовъ слѣдующая. Среди нѣкоторыхъ учительницъ мужской воскресной школы давно уже говорилось о томъ, что хорошо было бы открыть и женскую школу, но, въ виду небольшого персонала учащихся въ мужской школѣ, осуществить это желаніе было невозможно до тѣхъ поръ, пока въ сентябрѣ настоящаго учебнаго года въ мужскую школу не поступило нѣсколько новыхъ учительницъ, и явилась возможность разсчитывать на нихъ, какъ на сотрудницъ и женской школы, если бы таковая открылась. Тогда стали думать о томъ, какой путь избрать для осуществленія заветной мечты. Рѣшено было обратиться къ инспектору народныхъ училищъ. Онъ посоветовалъ найти лицо, которое согласилось бы быть учредительницей и отвѣтственнымъ лицомъ предполагаемой школы, а также подыскать помѣщеніе въ одной изъ городскихъ школъ. И такъ, путь былъ найденъ, оставалось дѣйствовать. Учредительницей согласилась быть одна изъ учительницъ мужской воскресной школы, О. А. Гржимайло, которая и подала въ ноябрѣ мѣсяцѣ инспектору народныхъ училищъ прошеніе о разрѣшеніи ей открыть въ Нѣжинѣ при 2-мъ приходскомъ училищѣ женскіе вечерніе классы для взрослыхъ, съ обученіемъ рукодѣлію. Разрѣшеніе было получено въ декабрѣ, и 7-го января классы были открыты. Вечернюю, а не воскресную школу пришлось открыть потому, что ни учредительница, ни другія учительницы не соглашались оставить своихъ учениковъ въ мужской воскресной школѣ; устроить же занятія по воскресеньямъ вечеромъ также нельзя было въ виду того, что тотъ же персоналъ учащихся принимаетъ участіе въ веденіи народныхъ чтеній въ это именно время. Занятія въ женскихъ вечернихъ классахъ происходятъ три раза въ недѣлю, отъ 5 до 8 часовъ вечера. Распределеніе занятій таково: по понедѣльникамъ 1-й урокъ, какой-нибудь изъ предметовъ, 2-й и 3-й рукодѣлье; по средамъ: 1-й и 2-й уроки—предметы, 3-й урокъ Законъ Божій; по четвергамъ: 1-й урокъ общее чтеніе, для котораго школа разбивается на три большія

группы; тутъ же производится пересказъ и бесѣда по поводу прочитаннаго, 2-й и 3-й уроки — рукодѣлье. Рукодѣльемъ занимаются только грамотныя ученицы; безграмотныя же, которыхъ почти половина, все время занимаются русскимъ языкомъ; къ концу февраля онѣ уже научились читать и писать. Ученицы принимаются не моложе 14 лѣтъ. Устроители боялись, что ученицъ будетъ мало вслѣдствіе того, что занятія назначены на будничные дни; но успѣхъ оказался неожиданный: на третій день занятій было уже 60 ученицъ и приходилось отказывать въ приѣмѣ, такъ какъ школа располагаетъ всего одной классной комнатою; да и при 60 ученицахъ одной изъ группъ въ 16 человекъ приходится заниматься въ передней, гдѣ раздѣваются ученицы. Отказывать въ приѣмѣ приходится многимъ, такъ какъ всѣ поступившія пришли изъ одного только участка города; всѣ же остальные первое время совсѣмъ не знали о школѣ. Участники школы надѣются, что, по крайней мѣрѣ, на будущій годъ, они будутъ располагать большимъ помѣщеніемъ. Не взирая на то, что занятія происходятъ по буднямъ, ученицы посѣщаютъ школу аккуратно: мѣстные мѣщанки свободны зимой; да и, вообще, въ большинствѣ случаевъ, онѣ занимаются только домашнимъ хозяйствомъ; есть нѣсколько горничныхъ, ихъ даже охотнѣе отпускаютъ по буднямъ, чѣмъ отпускали бы въ праздники. Классы не располагаютъ никакими опредѣленными средствами, но они встрѣтили большое сочувствіе въ обществѣ и пользуются его поддержкой.

2-го февраля въ *Сызрани* открыта мужская воскресная школа; женская существуетъ тамъ уже пятый годъ. Въ первое же воскресенье число учениковъ дошло до 100; преподающихъ также много; денегъ на школу, благодаря энергіи ея участниковъ, собрано до 1.000 рублей; такимъ образомъ, школа сразу можетъ стать прочно.

9-го февраля открыта женская воскресная школа въ *Стародубѣ*, Черниговской губерніи; завѣдующимъ ею является городской голова. Мысль объ открытіи школы въ Стародубѣ возникла еще два года тому назадъ; тогда же лицо, задумавшее это дѣло, отправилось въ Харьковъ для ознакомленія тамъ съ организаціей воскресныхъ школъ. Но открытіе школы сильно затянулось: трудно было сплотить кружокъ участниковъ; приходилось бороться съ недоброжелательствомъ, сплетнями и даже опасеніями, которыми захолустный городокъ встрѣтилъ хлопоты объ устройствѣ воскресной школы; инициаторамъ дѣла хотѣлось видѣть задуманную школу не частнымъ учрежденіемъ, а городскимъ, для того, чтобы положеніе ея было прочнѣе; это также потребовало немало времени и усилій; въ высшей степени затянули дѣло также хлопоты о разрѣшеніи школы, за которымъ

приходилось обращаться послѣдовательно въ цѣлый рядъ инстанцій. И вотъ, наконецъ, въ началѣ февраля этого года въ городѣ появились объявленія слѣдующаго содержания: „Стародубская городская управа симъ объявляетъ, что съ разрѣшенія ея превосходительства, господина попечителя Кіевскаго учебнаго округа, на основаніи пункта 4, ст. 2 положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, Высочайше утвержденнаго 25 мая 1874 года, при Александровскомъ женскомъ бесплатномъ училищѣ и по программѣ этого училища открывается женская воскресная школа для лицъ не моложе 12-лѣтняго возраста, которыя по своему возрасту или занятіямъ не могутъ ежедневно посѣщать школу. Обученіе бесплатное. Учащіяся въ школу получаютъ бесплатно книги и учебныя принадлежности. Занятія въ школѣ и пріемъ ученицъ по воскресеньямъ отъ 12 до 3 часовъ дня. Открытіе школы состоится 9 сего февраля. Лицъ, сочувствующихъ дѣлу народнаго образованія, просятъ почтить своимъ присутствіемъ открытіе школы“.

Въ первое же воскресенье въ школу записалось больше 50 ученицъ. Первоначальный кружокъ участниковъ за время хлопотъ объ открытіи школы почти уничтожился вслѣдствіе отъѣзда, смерти и другихъ причинъ; пришлось собирать новыхъ лицъ, и на первое время учительницъ явилось немного. Стародубская воскресная школа не располагала никакими денежными средствами, а потому, вначалѣ, кромѣ небольшого количества учебниковъ, не имѣла ни библіотеки, ни пособій. Надо надѣяться, что и въ этомъ городкѣ найдутся люди, которые придутъ на помощь доброму дѣлу.

Объ открытіи женской воскресной школы въ г. *Елабугу*, Вятской губ., намъ доставлена слѣдующая записка:

16-го марта школа наша открыта. Инициатива открытія школы принадлежитъ жепѣ инженера, О. С. Юрьевой, предпринявшей хлопоты по открытію школы совмѣстно съ одной изъ учительницъ мѣстной земской школы и бібліотекаремъ городской бібліотеки. Къ сожалѣнію, въ силу нѣкоторыхъ неблагоприятныхъ условій, которыми еще такъ богата наша глушь, г-жѣ Юрьевой вмѣстѣ съ однимъ изъ товарищей по дѣлу пришлось отказаться отъ мысли организовать школу и передать все дѣло въ руки мѣстнаго земства. Эта неудача не могла, конечно, не повліять на дальнѣйшій ходъ дѣла; при всемъ сочувствіи къ мѣстному земству, потратившему немало труда и энергіи на созданіе и развитіе народной школы въ уѣздѣ, лучшія интеллигентныя силы города медлили отозваться на доброе начинаніе, такъ какъ послѣднее оказалось въ атмосферѣ чего-то казеннаго, чиновничьяго: для веденія дѣла приглашены были только три учительницы земскихъ школъ, согласіе которыхъ едва ли даже и можно

признать вполне свободнымъ, такъ какъ приглашеніе исходило отъ инспектора народныхъ училищъ, ихъ непосредственнаго начальства. Дѣло грозило паденіемъ при самомъ своемъ зарожденіи. Но оно грозило и не только этимъ: мы, жители глухихъ угловъ, знаемъ, сколько злорадства всякое такое крушеніе вызываетъ у людей, неспособныхъ сочувствовать доброму дѣлу и торжествующихъ надъ его неудачей, между тѣмъ какъ все порядочное конфузливо прячется по своимъ угламъ. Къ счастью, оказалась группа энергичныхъ лицъ, не задумавшихся для торжества дѣла подвергнуть испытанію свое самолюбіе; составъ учителей быстро пополнился людьми, безкорыстно преданными дѣлу, и во главѣ ихъ сталъ одинъ изъ учителей мѣстнаго реальнаго училища, всѣми здѣсь уважаемый П. Н. Рябининъ. Школа теперь совершенно обезпечена: притокъ новыхъ силъ все продолжается; матеріальныхъ недостатковъ она не испытываетъ, благодаря земству, принявшему на себя ея содержаніе. Занятія начались всего при 26 ученицахъ, узнавшихъ объ открытіи воскресной школы случайно, такъ какъ населеніе могло узнать о новой школѣ только изъ десятка гектографированныхъ объявленій, которыхъ черезъ нѣсколько дней уже нельзя было прочесть на столбахъ: они или смылись отъ снѣга и дождя, или совершенно выпѣзли отъ весенняго солнца. Теперь число ученицъ увеличилось, но все же незначительно; записалось до 40 человекъ, что объясняется, конечно, приближеніемъ Пасхи, временемъ, когда женскія руки особенно заняты“.

27 апрѣля въ г. *Елабугу* открыта мужская воскресная школа.

Мысль объ открытіи воскресной школы въ г. *Данковѣ*, Рязанской губ., принадлежитъ завѣдующему мѣстнымъ городскимъ двухкласснымъ училищемъ А. В. Павлову, обратившему вниманіе на сильный недостатокъ въ городѣ народныхъ школъ. Новый человекъ въ Данковѣ, А. В. Павловъ, для знакомства съ мѣстнымъ обществомъ, устроилъ литературный вечеръ съ туманными картинами въ пользу бѣдныхъ учениковъ городского училища, привлечшій немало публики. Вечеръ этотъ, въ самомъ дѣлѣ, сблизилъ А. В. Павлова съ нѣсколькими лицами, горячо откликнувшимися на его мысль устроить воскресную школу; наиболѣе горячее участіе въ новомъ дѣлѣ принялъ городской судья С. И. Бобровъ, привлечшій 12 человекъ въ учредители школы, а также собравшій кружокъ преподающихъ; онъ же подалъ прошеніе инспектору народныхъ училищъ объ открытіи въ Данковѣ смѣшанной воскресной школы; въ довольно скоромъ времени было получено разрѣшеніе на открытіе школы, но только мужской, и 20-го апрѣля происходило открытіе школы. Послѣ молебна были сказаны рѣчи С. И. Бобровымъ на тему о внѣшнемъ ходѣ

дѣла по открытію школы и А. В. Павловымъ, выбраннымъ завѣдующимъ воскресной школой; въ своей рѣчи онъ сообщилъ краткія свѣдѣнія о возникновеніи воскресныхъ школъ и развитіи ихъ въ послѣднее время. Затѣмъ происходило засѣданіе участниковъ школы, въ которомъ былъ выбранъ почетный попечитель воскресной школы и установленъ для учредителей ежегодный взносъ въ 5 рублей. А. В. Павловъ, указавъ, что школа разрѣшена частному лицу, предложилъ, чтобы упрочить и поддерживать ее въ будущемъ, создать общество. Всѣ согласились съ этимъ предложеніемъ и поручили С. И. Боброву выработать уставъ будущаго общества. Затѣмъ происходили занятія съ принятыми учениками школы.

Изъ г. *Шуи*, Владимірской губ., учредительница воскресной школы пишетъ:

„Давно уже у насъ въ разговорахъ затрогивался вопросъ о воскресной школѣ; послѣ Нижегородской выставки разговоры эти усилились, но никто не рѣшался начать хлопотать объ открытіи школы. Такъ какъ у меня нѣтъ обязательныхъ занятій, которые отнимали бы много времени, то я и рѣшилась взять эти хлопоты на себя. За отказомъ всѣхъ завѣдующихъ начальными школами открыть воскресную школу при какой-нибудь городской или земской школѣ, пришлось обратиться съ прошеніемъ объ открытіи женской воскресной школы въ духовное вѣдомство. Разрѣшеніе было скорѣе получено, и школа открыта 24-го августа. Желающихъ преподавать собралось сначала 12 человекъ, затѣмъ записывались все новыя и новыя лица, и теперь (въ ноябрѣ) преподающихъ уже 26 человекъ; изъ нихъ 4 учителя гимназій, 4 учительницы городскихъ школъ, 3 учителя городского училища, 1 жена учителя, 4 священника, 2 помощницы въ земской школѣ и 8 дѣвушекъ, кончившихъ въ гимназій и не состоящихъ нигдѣ на службѣ. Средства школы (178 р.) составились изъ пожертвованій; на нихъ школа пока и существуетъ; съ новаго года городъ будетъ выдавать по 100 р. въ годъ, а земство обѣщало снабжать школу учебными пособиями; помѣщеніе также дало земство въ одной изъ земскихъ школъ. Число ученицъ возрастало быстро, такъ что къ 1-му октября пришлось прекратить пріемъ за недостаткомъ мѣста, но скоро ученицы стали убывать: за три мѣсяца изъ 167 человекъ вышло 30: однѣ за недосугомъ, многихъ не пускаютъ домашніе, говоря, что въ воскресенье грѣхъ учиться; была одна ученица, которая заявила, что приходила только изъ любопытства; много причинъ осталось неизвѣстными. Ученицы, большей частью, отъ 11 до 25 лѣтъ; есть человекъ 20 отъ 25 до 40 лѣтъ и одна 56 лѣтъ. Ученицамъ выдаются бесплатно всѣ письменныя принадлежности, буквари, книги для

чтенія и учебники исторіи. Всѣ ученицы раздѣлены на 6 группъ: 1) неграмотныя до 15 лѣтъ, 2) неграмотныя отъ 15 лѣтъ, 3) знающія только буквы, но не умѣющія читать, 4) умѣющія читать, но совсѣмъ не умѣющія писать, 5) читающія и пишущія плохо и 6) прошедшія курсъ начальной школы. Эти большія группы дѣлятся на подгруппы; съ каждой подгруппой занимается отдѣльная учительница; такимъ образомъ, преподаваніе групповое, за исключеніемъ 5 и 6 группъ, гдѣ преподаваніе предметное. Въ нихъ, кромѣ Закона Божія, русскаго языка и ариометики, введены уроки исторіи и географіи по программѣ двухклассныхъ церковно-приходскихъ школъ. Занятія посѣщаются очень охотно, особенно въ группахъ неграмотныхъ; ученицы жалуются, когда приходится пропускать, и просятъ заниматься на подѣлѣ, если встрѣчается какой-нибудь праздникъ.

Передъ началомъ занятій бываетъ получасовой урокъ пѣнія для желающихъ. Сначала въ числѣ желающихъ были только дѣти и подростки; взрослые находили, что „это ни къ чему“, но мало-помалу и онѣ стали принимать участіе, и теперь поютъ почти всѣ. Черезъ воскресенье въ школѣ бываетъ врачъ; лѣкарства выдаются изъ школьной аптеки, которую пожертвовалъ одинъ изъ мѣстныхъ обывателей, обѣщавъ постоянно пополнять ее. Библиотеки при школѣ пока еще нѣтъ, но школа вошла въ соглашеніе съ народной читальней, откуда и беретъ книги для раздачи ихъ ученицамъ.

31-го августа открыта въ *Борисоглѣбскѣ*, Тамбовской губ., первая женская воскресная школа въ зданіи городского приходского училища. Дѣло народнаго образованія въ Борисоглѣбскѣ находится въ слѣдующемъ положеніи: на четыре городскія мужскія начальныя школы приходится лишь двѣ женскихъ: одна городская и одна церковно-приходская. Если мы скажемъ, что и мужскихъ школъ слишкомъ недостаточно для борисоглѣбскаго населенія, то тѣмъ самымъ мы констатируемъ совершенную недостаточность существующихъ женскихъ школъ для доставленія образованія населенію Борисоглѣбска. Поэтому неудивительно, что наплывъ желающихъ учиться въ воскресной школѣ былъ огромный: въ первыя же два воскресенья записалось болѣе 300 человекъ; записалось бы и болѣе, но, въ виду недостатка помѣщенія, пришлось прекратить пріемъ. Изъ числа записавшихся оказалось 240 подростковъ и 65 взрослыхъ. Въ настоящее время состоитъ налицо 215 ученицъ; 90 выбыли по разнымъ причинамъ. Учительскій персоналъ составляютъ восемь учительницъ (изъ частныхъ лицъ) и два учителя (по профессіи). Всѣ учащіяся были раздѣлены на 10 группъ — по числу преподающихъ, по возрасту и по степени грамотности. Кромѣ грамоты, желающія

обучаются рукодѣлю и кройкѣ; послѣдняя явилась одною изъ заманчивыхъ сторонъ школы, такъ что многія приходили специально обучаться кройкѣ. За недостаткомъ мѣста и преподающихъ, пришлось отказать имъ. Средства школы составились изъ субсидій земства (на 100 руб. учебныхъ пособій), города (100 р.) и частныхъ пожертвованій.

28-го октября 1897 г. Х. Д. Алчевской была получена изъ *Кременца*, Волынской губернии, отъ учителя городского училища просьба указаній относительно устройства воскресной школы. Потребность въ такой школѣ давно чувствовалась: городское училище каждый годъ отказываетъ въ приемѣ 30—40 мальчикамъ и почти столькимъ же дѣвочкамъ; кромѣ того, училище принимаетъ лишь (?) грамотныхъ, а неграмотные должны учиться въ частныхъ пансіонахъ, которые доступны только дѣтямъ состоятельныхъ родителей. Инициаторъ воскресной школы жаловался, что онъ пока одинъ и ни отъ кого не встрѣчаетъ ни помощи, ни сочувствія. 2-го марта тотъ же корреспондентъ пишетъ: „Порадуйтесь съ нами: со вчерашняго дня воскресная школа существуетъ. Со страхомъ и трепетомъ шелъ я 1-го марта въ училище: я боялся, что желающихъ учиться будетъ мало. Объ открытій школы было объявлено лишь наканунѣ въ церк-вахъ, да и то не во всѣхъ. Несмотря на это, мужчинъ явилось 51 (больше въ возрастѣ отъ 16 до 21 года), женщинъ—23 (отъ 18 до 26 лѣтъ). Преподающими состоятъ всѣ учителя нашего училища и еще одна учительница. Занятія будутъ вестись въ воскресные дни отъ 4 до 8 ч. вечера, по желанію самихъ учащихся; по праздникамъ будутъ общія бесѣды и чтенія съ волшебнымъ фонаремъ. Городъ отпустилъ на школу 115 руб., уѣздный комитетъ общества трезвости — 50 руб.“. Черезъ двѣ недѣли тотъ же корреспондентъ пишетъ: „Народа въ школѣ тѣмъ: учениковъ 117, ученицъ болѣе 80. Учатъ (3 священника, 2 учительницы и 3 учителя) занимаются съ жаромъ. Подъемъ духа необыкновенный. Выходитъ въ прошлое воскресенье батюшка изъ класса въ умиленіи, чуть не слезы на глазахъ. „Это не то, что съ дѣтьми заниматься,—говоритъ,—плачутъ: я имъ о страданіяхъ Христа рассказываю, а у нихъ слезы на глазахъ...“ Интеллигентная публика сильно заинтересована нашей школой. Инспекторъ духовнаго училища и руководитель образцовой при семинаріи школы просятъ позволить имъ присутствовать на нашихъ урокахъ. Конечно, это наши будущіе сотрудники“.

9-го ноября 1897 года обществомъ попеченія о начальномъ образованіи въ г. *Барнауль*, Томской губ., открыты двѣ воскресныя школы, мужская и женская. „Такимъ образомъ,—пишутъ намъ оттуда,—несмотря на различные тормазы, пятилѣтняя упорная на-

стойчивость общества дала въ результатѣ положительный итогъ—воскресныя школы въ *Барнауль* уже существующій фактъ. Онъ сразу дали значительный контингентъ учащихся и учащихся. Къ 7-му декабря учащихся было 132; изъ нихъ мужчинъ 58, женщинъ 74. По возрасту учащиеся раздѣляются такъ: школьнаго возраста (отъ 8 до 12 лѣтъ включительно) 56 человекъ, отъ 12 до 20—59 человекъ и свыше 20 лѣтъ—17 человекъ, предѣльный возрастъ 56 лѣтъ; по подготовкѣ учащиеся дѣлятся на 86 неграмотныхъ и 46 грамотныхъ, да изъ нихъ только 25 человекъ умѣютъ и читать, и писать, остальные же только читаютъ. Преподающихъ 16 человекъ“. Присланный намъ подробный отчетъ о преподаваніи за первый мѣсяцъ существованія школы говоритъ о весьма заботливомъ отношеніи преподающихъ къ дѣлу и, повидимому, правильной постановкѣ его.

9-го ноября открыта мужская воскресная школа въ *Кимрахъ*, Тверской губ.; учениковъ въ ней 50, въ возрастѣ отъ 14 до 50 лѣтъ; учащихся 7; въ школу принимаются только совершенно безграмотные (интересно было бы знать, на чемъ основано такое ограниченіе); къ 15 января съ ними былъ пройденъ алфавитъ по азбукѣ Ермина и Некрасова.

Въ *Старой Русѣ*, Новгородской губ., 16-го ноября открыта мужская воскресная школа. Учащихся явилось 27 человекъ отъ 8 до 40 лѣтъ. Преподающихъ 15, изъ нихъ 9 мужчинъ. Тамъ же разрѣшена и женская воскресная школа.

Открыта женская воскресная школа въ *Бьлозерскѣ*, Новгородской губ. Въ первое воскресенье записалось 28 человекъ.

11-го января 1898 года открыта воскресная школа въ *Торжскѣ*, Тверской губернии. Школа утверждена по инициативѣ новоторжскаго земства; разрѣшеніе на открытіе получено отъ инспектора народныхъ училищъ, такъ что школа находится въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія. Школа имѣетъ два отдѣленія: мужское и женское, помѣщающіяся въ разныхъ этажахъ. Зданіе, занимаемое воскресной школой, прекрасное, недавно отстроенное и предназначенное для городской начальной школы. Въ учрежденіи воскресной школы большое участіе приняла и городская управа; она и даетъ помѣщеніе, расходы же несутся на половину земствомъ, на половину городомъ. Учащиеся разныхъ возрастовъ: записаны 2 женщины по 60 лѣтъ, затѣмъ—молодыя дѣвушки 15—17 лѣтъ; заявили желаніе учиться и крестьяне изъ ближнихъ деревень. Преподающихъ 10 человекъ: 2 учителя и 8 учительницъ. Всѣ преподающіе люди опытные: занимаются въ народныхъ училищахъ 10, 12, 16 и даже 20 и 24 года; только двое изъ нихъ—3 и 5 лѣтъ. Всѣ преподающіе

заявили, что будутъ заниматься бесплатно, хотя объ управы, земская и городская, и предлагали вознагражденіе.

18-го января открыта женская воскресная школа въ *Гадячѣ*, Полтавской губ.; наканунѣ было сдѣлано объявленіе объ открытіи школы на вечернѣ, и на другой же день явилось 25 ученицъ.хлопоты объ устройствѣ школы велись почти годъ.

15-го октября 1896 года учительница слободы *Бутурлиновки*, Бобровскаго уѣзда, Воронежской губ., писала Х. Д. Алчевской: „Нынѣшнимъ лѣтомъ на Нижегородской выставкѣ мы, сельскія учительницы Воронежской губ., просили васъ помочь намъ совѣтомъ въ дѣлѣ устройства воскресной школы. И вотъ теперь, кажется, дѣло это у насъ уже совсѣмъ наладилось, близится къ концу, и мы не можемъ не подѣлиться съ вами нашей радостью. Скоро, думаемъ, въ нашей Бутурлиновкѣ откроется, наконецъ, воскресная школа; давно уже пора: вѣдь у насъ 32 тыс. населенія. Противъ всякихъ ожиданій, устройство школы дается намъ легко — такъ счастливо сложились обстоятельства. Развѣ въ будущемъ что стряется, а пока все хорошо, задержки не предвидятся. Вотъ какъ мы поступили: мы обратились въ земство съ просьбой учредить при одной изъ нашихъ школъ воскресные классы для женщинъ; при этомъ мы просили объ устройствѣ школы низшаго типа, т.-е. рѣшили ограничиться обученіемъ только безграмотныхъ и малограмотныхъ. Ограниченіе это явилось изъ слѣдующихъ мотивовъ: хотя силъ казалось бы достаточно, — 16 преподающихъ — все учительницы и 2 учителя Бутурлиновскихъ школъ, — но солидно и прочно стоящихъ у дѣла все же только 6 человекъ; для всѣхъ воскресная школа — дѣло новое, незнакомое, никто не увѣренъ въ своихъ силахъ, и вѣдь всѣ люди заняты, утомляющіеся своей трудовой недѣлей. Конечно, пойдетъ дѣло, будетъ и группа окончившихъ курсъ въ ежедневныхъ школахъ, но все это со временемъ. Обстоятельства такъ хорошо сложились, что наша просьба явилась въ управу одновременно съ бумагой изъ московскаго общества грамотности, въ которой оно говоритъ о необходимости устраивать сельскія воскресныя школы и предлагаетъ съ своей стороны пособіе на первоначальное обзаведеніе школъ. На очередномъ земскомъ собраніи рѣшено было ассигновать 250 руб. на 10 школъ въ Бобровскомъ земствѣ. Предполагающіяся остальные 9 школъ еще все-таки въ далекомъ будущемъ; о нашей же Бутурлиновской черезъ недѣлю будетъ послана бумага инспектору народныхъ училищъ для утвержденія. Кажется, задержки не можетъ быть. Конечно, ежегодно 25 руб. отъ земства — сумма очень незначительная, но мы готовы были открыть школу, если бы намъ и совсѣмъ ничего не дали. Мы оповѣстили населеніе объ устраиваемой

школѣ, и вотъ у насъ теперь записано уже 130 женщинъ и дѣвушекъ отъ 13 до 46 лѣтъ включительно. Больше принимать нельзя — помѣщеніе не позволяетъ“. Казалось, дѣло обстоитъ превосходно; вотъ, вотъ школа откроется!.. Но тутъ, совершенно неожиданно для устроителей, послѣдовалъ цѣлый длинный рядъ столь обычныхъ у насъ по школьному дѣлу мытарствъ, унесшій и много времени, и много силъ, и только отъ 25-го января 1898 года Х. Д. Алчевской получено слѣдующее извѣщеніе: „Въ день открытія женской воскресной школы въ слободѣ Бутурлиновкѣ, Воронежской губ., позвольте намъ, преподающимъ въ школѣ, подѣлиться съ вами этой радостью. Учащихся 120 человекъ, преподавателей пока только 5. Дѣло трудное, малозвѣстное намъ, но въ самомъ началѣ уже дѣйствуетъ на всѣхъ увлекающе, и хочется вѣрить въ его успѣхъ“.

25-го января открыты двѣ воскресныя школы, мужская и женская, въ селѣ *Балаковѣ*, Самарской губ., по инициативѣ священника Владыкина. Онъ давно мечталъ объ устройствѣ воскресной школы, а въ этомъ году энергично принялся за дѣло, благодаря горячему сочувствію, которое встрѣтилъ въ лицѣ мѣстнаго полицейскаго надзирателя и его жены. Когда школа была разрѣшена, послѣдніе стали заниматься въ школѣ, но вскорѣ приказомъ исправника полицейскому надзирателю было запрещено заниматься въ воскресной школѣ на томъ основаніи, что „у полицейскаго чиновника не можетъ быть свободнаго времени“. Число учащихся въ школѣ до 200 человекъ; преобладающій возрастъ ихъ отъ 18 до 30 лѣтъ, но есть и 40 и даже 50-лѣтніе ученики. Преподающихъ до 20 человекъ; всѣ изъ среды мѣстныхъ педагоговъ. Сочувствіе общества сказалось въ пожертвованіяхъ на школу; собрано было свыше 200 р. Къ сожалѣнію, въ средѣ мѣстной интеллигенціи нашелся человекъ, который занялся высмѣиваніемъ воскресной школы въ печати, посылая корреспонденціи, весьма далекія отъ правды; надо надѣяться, что онъ не повредитъ добруму дѣлу, а общество достойно заклеить ихъ автора.

1-го марта открыта мужская воскресная школа въ *Ливнахъ*, Орловской губерніи. Мысль о школѣ давно существовала въ городѣ въ кружкѣ учителей и учительницъ; намѣчена была даже завѣдующей одна изъ учительницъ приходской школы, но ея начальство такъ дурно отнеслось къ вопросу о воскресной школѣ, что учительница эта, изъ боязни потерять мѣсто, отказалась отъ задуманной школы, а затѣмъ отстали и другіе учителя и учительницы. Черезъ нѣкоторое время дѣло возродилось, благодаря инициативѣ учителя женской гимназіи, г. Терновскаго; преподающихъ опять собралось до 20 человекъ, почти все учительствующихъ въ разныхъ школахъ. Прошеніе

о школѣ было подано инспектору народныхъ училищъ еще въ маѣ прошлаго года, а онъ только въ январѣ прислалъ указанія обратиться по дѣлу воскресной школы въ духовное вѣдомство; черезъ мѣсяцъ и было получено разрѣшеніе школы отъ архіерея. Учениковъ записалось сразу больше 100, преимущественно малолѣтнихъ; многія матери изъ слободъ явились безъ дѣтей, чтобы разузнать о школѣ, и умоляли записать ихъ мальчиковъ за глаза, боясь, что въ слѣдующее воскресенье уже не будетъ свободныхъ мѣстъ.

Въ *Ливчахъ* же открыта воскресная школа въ тюрьмѣ однимъ изъ учителей городского училища.

1-го марта въ *Прилукахъ*, Полтавской губерніи, гдѣ существовала уже женская воскресная школа, открыта мужская. Въ первое же воскресенье записалось 60 учениковъ, а черезъ недѣлю пріемъ былъ прекращенъ за неимѣніемъ мѣстъ.

1-го марта открыта женская воскресная школа въ *Несвижѣ*, Минской губерніи.

23-го апрѣля открыта въ *Володѣ* вторая воскресная школа при домѣ трудолюбія. Число учащихся втеченіе мѣсяца достигло 64. Преподающихъ 20.

Въ сентябрѣ открыта смѣшанная воскресная школа въ с. *Сычевкѣ*, Смоленской губерніи; школа содержится мѣстнымъ благотворительнымъ обществомъ.

18-го октября открыты въ *Одессѣ* 3 воскресныя школы, устроенныя городомъ при городскихъ училищахъ.

25-го октября открыта смѣшанная воскресная школа въ *Зеньковѣ*, Полтавской губерніи. Школа сразу привлекла 3 женщины и 18 мужчинъ. Въ первое воскресенье для учащихся было устроено чтеніе съ туманными картинами.

Въ октябрѣ же открыта женская воскресная школа въ *Ананьевѣ*, Херсонской губерніи.

1-го ноября открыта женская воскресная школа въ *Тирасполѣ*, Херсонской губерніи. Вотъ что пишетъ одна изъ участницъ школы: „Въ Тирасполѣ, гдѣ я состою начальницей шестиклассной женской прогимназіи, собрался кружокъ лицъ, пожелавшихъ поработать для народнаго образованія; на этомъ основаніи я сообщила инспектору народныхъ училищъ о томъ, что въ настоящее время можно приступить къ открытію воскресной школы, такъ какъ въ прошломъ году онъ просилъ меня заняться устройствомъ этого дѣла, но, по недостатку преподавателей, я въ это время отклонила его предложеніе. Теперь у насъ въ городѣ прибавилось много свѣжихъ, молодыхъ, жаждущихъ дѣятельности силъ, вопросъ самъ собою возобновился и вотъ рѣшенъ въ удовлетворительномъ смыслѣ. Желających

учиться явилось множество. Однѣ неумѣющія читать и писать составляютъ группу около 60 ученицъ. Всѣхъ ученицъ около 130. Есть между ними и двѣ раскольницы, или такъ называемыя часовенныя. Это для Тирасполя, гдѣ произошла мрачная картина замуравшихся въ Тырновкѣ раскольниковъ, весьма важное явленіе. Я настаивала въ общемъ собраніи, чтобы занятія начинались не раньше 12 часовъ именно потому, что мѣстность наша полна раскольниковъ, и ихъ богослуженіе оканчивается поздно.

Кромѣ того, у насъ есть свѣдѣнія объ открытіи мужской воскресной школы на *Кальміусь-Богодуховской* угольной копи, въ Екатеринославской губ. Названная школа открылась, по инициативѣ инженера и его жены, 8-го октября 1896 г., при ежедневной рудничной школѣ и привлекла 32 рабочихъ въ возрастѣ отъ 15 до 35 лѣтъ; большинство изъ нихъ грамотныя; по наблюденію участниковъ школы, неграмотныя стѣсняются приходить, ничего не зная. Нѣкоторые изъ учениковъ ходятъ съ сосѣднихъ рудниковъ, иногда верстъ за 5. Были случаи усиленнаго стремленія рабочихъ въ школу; такъ, напр., рассказываютъ такой фактъ: учительница спросила рабочаго, своего ученика, какъ онъ узналъ о школѣ, и тотъ рассказалъ слѣдующее: „Товарищъ уже 3 воскресенья подрядъ просилъ меня постоять за него при лебедкѣ и на мои разспросы отвѣчалъ, что ему надо пойти по сосѣдству; наконецъ, это показалось мнѣ страннымъ, я сталъ слѣдить за нимъ и узналъ, что онъ ходитъ въ воскресную школу. Въ слѣдующее же воскресенье, когда товарищъ сталъ просить меня поработать за него, я объявилъ: „Нѣтъ, братъ любезный, ты не по сосѣдству ходишь, а въ школу; я самъ туда сегодня пойду!“ Дѣйствительно, съ этихъ поръ товарищъ этого ученика больше не появлялся въ школѣ“. Были желающіе ходить въ школу изъ женщинъ, но имъ пришлось отказать, такъ какъ преподающихъ всего 5, и ихъ хватаетъ только на мужскую школу. Занятія происходятъ отъ 11 до 3 часовъ, — время, изъ разспросовъ учениковъ, оказавшееся для нихъ самымъ удобнымъ. Начаты были также вечернія занятія 2 раза въ недѣлю, отъ 7 до 9 часовъ. „Намъ казалось, — пишетъ одна изъ учительницъ, — что вслѣдствіе тяжелой работы (смѣна на работу происходитъ въ 6 часовъ вечера) и дальности разстоянія, занятія эти не будутъ имѣть успѣха; но опасенія наши не оправдались, и въ первый же разъ, несмотря на отвратительную погоду, явилось 12 рабочихъ. Занятія прошли оживленно, и 2 часа пролетѣли незамѣтно. Мы удивились, когда учитель, посмотрѣвъ на часы, объявилъ, что уже десятый часъ“. При воскресной школѣ начаты чтенія съ волшебнымъ фонаремъ; первый разъ читали „Ночь передъ Рождествомъ“ Гоголя; было около 50 слушателей; чтеніе произвело на

всѣхъ хорошее впечатлѣніе, за исключеніемъ одного рабочаго, заявившаго, что не любитъ сказокъ, да еще „хохлацкихъ“. При школѣ устроена и библіотека.

Вотъ, что пишетъ намъ учредительница мужской воскресной школы въ селѣ *Лозовая Павловка*, Екатеринославской губ. (районъ каменноугольныхъ рудниковъ):

„Настало 8-е ноября: пріѣхали всѣ преподаватели, оба священника. Учениковъ собралось 24 человѣка, начиная отъ 15-ти до 42-лѣтняго возраста, все больше шахтеры съ Павловскаго рудника; въ общемъ, нашихъ рудничныхъ явилось 18 человѣкъ; остальные — съ другихъ рудниковъ. Учениковъ для перваго раза довольно. У нихъ оказались такіа разнообразныя познанія, что они сразу размѣстились по всѣмъ намѣченнымъ нами группамъ, которыхъ 9. Три ученика, окончившихъ курсъ въ сельской школѣ. Пріемъ кончился; отслужили молебенъ и начали заниматься. Всѣ принялись учиться съ большимъ рвеніемъ и усердіемъ; занимались цѣлый часъ и въ первый же урокъ сдѣлали успѣхи: группа совершенно безграмотныхъ ушла домой, уже выучивъ 6 буквъ; группа слабограмотныхъ (оказалось, не знала, какія буквы гласныя и согласныя, — раздѣленія на слоги) кое-что запомнила и, взявъ домой грамматику Некрасова 1 ч., которую я имъ раздала въ полную собственность, обѣщала къ слѣдующему воскресенью все это знать. Это моя группа; въ ней, большей частью, самоучки, которые толкомъ не умѣютъ ни читать, ни писать. Когда позвонили, я сказала имъ, что урокъ конченъ, и объяснила, для чего перемѣна; одинъ изъ моихъ учениковъ и говоритъ: „Эхъ, напрасно, я бы согласенъ цѣлыя сутки сидѣть на одномъ мѣстѣ, только бы учили“. Этому ученику 28 лѣтъ; онъ десятникъ на нашей шахтѣ. Послѣ русскаго языка былъ произведенъ общій экзаменъ по грамматикѣ. Сдѣлано это потому, что группа съ одинаковыми познаніями по русскому языку — разныхъ познаній по ариметикѣ; раздѣлили мы ихъ на 4 группы по познаніямъ, такъ что на ариметику они будутъ переходить. Ариметика начнется съ будущаго воскресенья, — въ прошлое мы не успѣли. Послѣ этого урока прочли молитву и отпустили домой. И такъ, воскресная школа открыта“.

Изъ *Воткинскаго завода*, Вятской губ., намъ пишутъ: „21-го ноября состоялось у насъ открытіе воскресной женской школы. Число ученицъ 125; по недостатку мѣста приходится остальнымъ отказывать. Большая часть ученицъ старше 12 лѣтъ, самой старшей 46 лѣтъ. Наплывъ ученицъ былъ очень большой, желаніе учиться — страстное. Я была вмѣстѣ съ двумя преподавателями назначена принимать ученицъ, и намъ нерѣдко приходилось видѣть слезы на глазахъ у тѣхъ маленькихъ, которымъ мы отказывали въ пріемѣ за

малолѣтствомъ. Преподавателей у насъ 22 человѣка, изъ нихъ большинство учителя и учительницы, которые теперь присоединились къ намъ почти всѣ. При школѣ вводится обученіе шитью и кройкѣ въ видѣ отдѣльныхъ вечернихъ курсовъ, на которые принимаются только взрослые ученицы воскресной школы. Общество отнеслось къ намъ очень сочувственно; въ двѣ недѣли мы собрали 200 руб. на нужды школы; теперь заняты выписываніемъ библіотеки и учебныхъ пособій. Безпокоить насъ только вопросъ, сумѣемъ ли мы поставить школу, сумѣемъ ли заслужить довѣріе ученицъ и научимъ ли ихъ всему тому, о чемъ такъ горячо мечтаемъ“.

Всякіе заводы, фабрики, рудники, несомнѣнно, представляютъ благоприятныя условія для дѣятельности воскресныхъ школъ. Къ сожалѣнію, если такіа школы и существуютъ, то въ самомъ ограниченномъ количествѣ.

к о н е ц ъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
Предисловіе	1
Женская воскресная школа въ Троицкосавскѣ (Забайкальской области)	7
Женская воскресная школа въ г. Повочеркасскѣ.	15
Изъ жизни одной воскресной школы.	34
Воспоминанія о Тифлисской воскресной школѣ. <i>О. Аристархова.</i>	43
Симбирская женская воскресная школа. <i>А. Знаменская.</i>	52
Полугодовой отчетъ о занятіяхъ въ Сувалкской женской воскресной школѣ. <i>Э. Вахтерова.</i>	57
Попелянская воскресная школа. <i>Е. Урсыновичъ.</i>	71
Годовой отчетъ Суджанской воскресной школы. <i>Т. Яценко.</i>	84
Очеркъ воскресно-повторительныхъ занятій при М—ской земской школѣ.	99
Воскресныя занятія въ Б—ской земской школѣ.	105
Женскія воскресныя школы Богородицкаго уѣзда, Тульской губ. <i>А. Шкоде.</i>	121
Отчетъ воскресной школы при Харьковской женской тюрьмѣ за 1896—97 г. <i>Л. Даниевичъ.</i>	127
Годъ въ тюремной школѣ. <i>В. Кирпичева.</i>	132
О групповой отчетности въ воскресныхъ школахъ.	137
Изъ дневника учительницы. <i>Х. Алчевская.</i>	168
Учащіеся воскресныхъ школъ.	192
Изъ записокъ завѣдующей женской воскресной школой <i>С. Старикиевичъ.</i>	199
Изъ записокъ учителя воскресной школы. <i>И. И. С—въ.</i>	206
О преподаваніи русской исторіи въ воскресной школѣ. <i>Е. Эйзенштейнъ.</i>	223
Чтенія-бесѣды по географіи въ воскресной школѣ. <i>Н. Власенко.</i>	225
О преподаваніи ариметики въ воскресныхъ школахъ. <i>Н. Власенко.</i>	241
Разказы изъ русской исторіи. Для сильнограмотныхъ и повторительныхъ отдѣленій воскресныхъ школъ. <i>Е. Ващиненко.</i>	247

О лѣтней выдачѣ книгъ. <i>Х. Алчевская</i>	24
Театръ въ Харьковской мужской воскресной школѣ 20 апрѣля 1894 года. <i>Х. Алчевская</i>	262
О посѣщеніи моими ученицами театра. <i>Н. Власенко</i>	268
Воскресныя школы на Нижегородской выставкѣ. <i>М. Салтыкова</i>	270
Выставка воскресныхъ школъ въ зданіи Харьковской частной женской воскресной школы въ декабрь—январь 1896—97 г. <i>А. Х-ова</i>	281
О статистической отчетности въ воскресныхъ школахъ. <i>М. Сал- тыкова</i>	284
Къ вопросу объ отчетности въ воскресной школѣ. <i>Х. Алчевская</i>	287
Изъ дневника <i>Х. Д. Алчевской</i> . Посвящается памяти Н. А. Варгунина.	292
Новыя воскресныя школы.	299